

Режин Перну, Мари-Вероник Клэн

Жанна д'Арк

Введение

Еще одна книга о Жанне д'Арк!

Такова, вероятно, будет реакция многих читателей, которые увидят эту биографию в книжном магазине. Но ведь Жанна д'Арк – неисчерпаемая личность, о которой всего не будет сказано никогда. Однако именно на это претендует предлагаемая работа: собрать все, что достоверно известно о ней. И поскольку осуществление подобного замысла превосходит силы и компетенцию одного автора, мы работали, чтобы достичь этой цели, вдвоем и даже втроем, так как моя сестра Мадлен Перну помогала Мари-Вероник Клэн и мне.

Это тройное соавторство позволило разрешить первую трудность, встающую перед тем, кто решил описать жизнь Жанны д'Арк: ибо, рассказывая о деяниях и подвигах юной девушки, погибшей в девятнадцать лет, постоянно задаешься вопросами, которые возникают буквально на каждом шагу. Начнем с ее имени. Книга озаглавлена "Жанна д'Арк". Мы бы предпочли назвать ее "Жанна Дева"; только так называли ее современники. Но нам заметили, что для общей биографии необходимо сохранить имя, под которым ее знают в наше время. А необходимые разъяснения по поводу имени не позволили бы нам сразу же приступить к изложению фактов.

Биография Жанны д'Арк часто сводится к рассказу о ее участии в событиях, потрясавших нашу страну с начала XV века; отсюда возникает необходимость начать с общей характеристики ситуации во Франции и даже в Европе в этот грозный период средних веков. В результате приходилось приступать к повествованию о самой Жанне лишь после бесконечных предварительных пояснений. Разве не предпочтительнее отказаться от написания широкого исторического полотна и привести основные сведения, ныне достаточно хорошо известные, в отдельном документальном разделе, к которому читатель может в любой момент обратиться: общая хронология, маршрут Жанны, краткие биографии основных действующих лиц, связанных с историей ее жизни, и т. д.?

Мы по крайней мере пришли к такому заключению, когда вместе обсуждали план этого исследования. Нам хотелось прежде всего в доступной форме рассказать о жизни личности, ставшей нам близкой за годы работы в Центре Жанны д'Арк в Орлеане (Centre Jeanne d'Arc d'Orleans) и о которой я уже рассказывала несколько лет тому назад. Вместе с тем нам

казалось необходимым привести в книге точные названия мест, даты, имена, упомянуть о трудностях, связанных с интерпретацией фактов; представить на суд читателя противоречивые мнения, когда-либо высказанные по поводу изложенных нами событий, но правоту тех или иных точек зрения можно доказать, только если мы обратимся к подлинным документам. В силу этого мы решили разделить книгу на три части: повествование о событиях, и две документальные части: в одну входят биографические справки, необходимые при рассказе о столь удивительной личности, тесно связанной с событиями исключительной важности, в другой рассматриваются некоторые спорные вопросы, касающиеся проблем изучения истории Жанны д'Арк.

Никто не смог бы составить документальный раздел лучше, чем Мари-Вероник Клэн. Уже семь лет, а может быть, и больше она ежедневно отвечает на вопросы, которые задают нам в письмах (число их достигает примерно тысячи в год) или же устно посетители (около 25 тысяч ежегодно) Центра и Дома Жанны д'Арк. Под ее руководством организуются и проводятся экскурсии для школьников и других посетителей. Именно она принимает французских и зарубежных исследователей, стажеров, приезжающих в Центр для научной работы. Множество диссертаций было подготовлено с ее помощью: вспомним о работе Герда Крумейха из Дюссельдорфа; Робина Блейца из Нью-Йорка; Деборы Фрайоли из Сиракуз, штат Нью-Йорк; Энцо Джибеллато из Милана; Марины Варнер из Лондона; не говоря уж о Марселине Брен из Орлеана и о многих, многих других. Все они скрупулезно изучали документы в Центре Жанны д'Арк, что позволило им успешно завершить свои научные труды. Мари-Вероник Клэн также постоянно организует выставки в Доме Жанны д'Арк.

Наряду с этим Мари-Вероник Клэн занимается собственными исследовательскими изысканиями: во-первых, при написании работы в Высшей школе исследований (Ecole des Hautes Etudes), когда она опубликовала "Beauchamp Household Book", а затем при подготовке диссертации "Источники по истории Жанны д'Арк".

Таким образом, главы, где делается попытка ответить на вопросы, которые, вероятно всего, возникнут у читателя, принадлежат Мари-Вероник Клэн.

Мы хотели вместе сформулировать эти вопросы по ходу нашего повествования, последовательно излагающего историю самой поразительной жизни, какую только можно себе вообразить. Жизни, по правде говоря, настолько удивительной, что такие определения, как "миф", "легенда", "фольклор", неоднократно возникали под пером многих, писавших о ней. Но только не у историков, так как, если уж речь идет об Истории, о подлинной научной Истории, то все, что относится к Жанне д'Арк, основывается на документах, строжайшим образом отобранных при помощи самого взыскательного исторического метода. Поскольку она удивляла своих современников (в той же степени, как она удивляет нас самих), не существует хроник или мемуаров той эпохи, где бы не упоминалось о Жанне, не говоря уж о частных и официальных письмах, реестрах Парижского парламента и т. д. И что особенно важно, существует – в трех экземплярах каждый – подлинные манускрипты, заверенные нотариусами, с текстом двух судебных процессов, устроенных над Жанной, сначала при ее жизни, а затем после ее смерти. Иными словами, историк, произнесший по ее поводу слово "легенда", дисквалифицировал бы себя.

Вопросы о жизни Жанны д'Арк возникали и будут возникать у каждого нового поколения, слава о ней распространилась на все континенты. Нет в мире ни одной страны, ни одного народа, который не завидовал бы нам, потому что у нас была Жанна д'Арк.

Мы положили в основу нашей работы неперемное условие: насколько это возможно, излагать события в полном соответствии с историческими документами (сегодня с ними можно ознакомиться в Центре Жанны д'Арк в Орлеане, где они пересняты на микрофильмы). Это позволило нам подкрепить каждый исторический факт самыми достоверными свидетельствами очевидцев, т. е. передать по мере возможности то, что реально происходило. Поэтому мы начали наш рассказ с первых слухов о Жанне Деве, распространявшихся в 1429 году. Затем мы постарались проследить весь ее путь и только в

конец книги вернулись к ее детству и юности. По логике следовало бы сказать об этом в начале, но узнать о ее детстве и юности – согласно историческому ходу событий – стало возможно лишь тогда, когда начался процесс об отмене приговора и назначенные судом духовные лица отправились в Домреми-Грё, где родилась Жанна, чтобы расспросить о ней жителей деревни, в которой она росла. Мы предпочли ход истории требованиям логики.

Возможно, также покажется странным, что мы уделили много внимания пребыванию Жанны в тюрьме и обвинительному процессу. Но ведь ослепительный и краткий путь Жанны состоит из двух этапов: год битв и год тюрьмы. Как раз об этом втором этапе истории не всегда рассказывали достаточно подробно. Будучи прототипом прославленной героини, Жанна была также прототипом политического узника, жертвы захвата заложников и других форм подавления личности – столь обычного явления в нашем XX веке. Вторая часть повествования кажется нам не менее важной, чем первая, посвященная победам. Личность, одиноко противостоящая удушающим идеологиям, убийственному фанатизму, – вот кто такая Жанна д'Арк. И если мы не приводим здесь имен, которые приходят на ум сегодня, то лишь потому, что их список был бы слишком длинным, и потому, что на смену выпавшим на их долю страданиям ежедневно приходят другие, еще более страшные.

* * *

За последние полвека было написано множество работ о Жанне д'Арк и сделано много открытий.

Первое – и одно из самых важных – касалось, без сомнения, идентификации Пьером Шампьоном приблизительно в 1930 году третьего подлинного манускрипта так называемого оправдательного процесса, манускрипта, считавшегося потерянным. Это произвело сенсацию в ученых кругах: речь шла о манускрипте из Хранилища 84 Британского музея, который с тех пор используют все специалисты, занимающиеся Жанной д'Арк. Несколько позднее в содержательных работах отца Донкёра и Ивонны Ланер сообщалось о существовании епископальной записи этого процесса об отмене приговора, предшествовавшей той, которую следует рассматривать как нотариальную копию, как это установил Пьер Дюпарк (См: Duparc P. Proces en nullite do condemnation de Jeanne d'Arc. Paris, 1977-1983, t. I, p. XIII – XVII).. Те же авторы, опубликовавшие различные тексты, остававшиеся неизданными или малоизвестными (мы отсылаем читателя к их перечню в библиографии), дали исследованиям о Жанне д'Арк решающий импульс. Имеется в виду новая публикация текстов, ранее изданных Кишера: "Обвинительный процесс" – издание, подготовленное Пьером Тиссе и Ивонной Ланер; "Процесс об отмене приговора" – издание, подготовленное Пьером Дюпарком; публикация стала возможной благодаря Обществу истории Франции, департаменту Вож и в особенности благодаря замечательному ученому, бывшему директору Школы архивов (Ecole des Charles) Пьеру Маро. Очень надеюсь, что выйдут в свет два последних тома Кишера, о которых Мари-Вероник Клэн упомянула в своей диссертации.

Итак, усилия ученых привели к существенным результатам. Не меньший вклад внесен публикациями, доступными широкой публике. Мы вновь отсылаем читателя к библиографии, выделяя работы, которым во многом обязан настоящий труд; особенно отметим Пьера Рокаля, Жака Прево-Буре, полковника де Лиокура, Анри Батайя из Вокулёра, покойного Яна Грандо – это только самые близкие нам по духу авторы, к ним нужно прибавить всех участников коллоквиума, посвященного Жанне д'Арк, проходившего в Орлеане в 1979 году, его материалы под заголовком "Жанна д'Арк, эпоха, влияние" были опубликованы в 1982 году Национальным центром научных исследований (C. N. R. S.) под редакцией Жана Глениссона, директора Института исследований и истории текстов.

Сожалеем, что не смогли пока использовать работу "Карл VII", обещанную нам Филиппом Контамином.

Весьма впечатляет то внимание, которым пользуется Жанна д'Арк во всем мире: в самых разных странах стремятся знать обо всем, что ее касается. Особенно нас порадовало пожелание фирмы Мицукоши организовать в 1982 году выставку в Токио, хотя нам и было уже известно от профессора Такаямы, который перевел на японский язык "Обвинительный процесс", об интересе к нашей героине в Японии.

Здесь самое время вспомнить о таких крупных специалистах по Жанне д'Арк, какими были в Англии преподобный Скотт, а в США отец Дэниел Ренкин. Дэниел Ренкин воспользовался двумя важными книжными собраниями США, посвященными Жанне д'Арк: фондом, хранящимся в Колумбийском университете, и личной библиотекой кардинала Джона Райта (в наши дни она передана в собственность муниципальной библиотеке Бостона). Клэр Кентоль, помогавшая Ренкину, продолжает его работу; она недавно опубликовала исследование о сестрах ордена Жанны д'Арк. В США, как известно, существовал орден, основывавшийся на религиозности и духовности Жанны д'Арк; орден возник еще до того, как Жанна была причислена к лику святых. Подобным же образом в Бельгии организация "Работницы-миссионеры" относит себя к последователям Жанны.

Весьма ценен тот факт, что на другом конце света, в Советском Союзе, есть два историка, глубоко изучивших историю Жанны д'Арк: Анатолий Левандовский и Владимир Райцес; последний, превосходно знающий французский язык, историю и культуру нашей страны, был консультантом знаменитого режиссера Глеба Панфилова, который в 1970 году посвятил Жанне д'Арк прекрасный фильм "Начало".

Все это означает, что и на дальнем Востоке, и на дальнем Западе Жанна Дева признается всеми прежде всего как персонаж мировой истории, как любимая всеми личность. О ней прекрасно сказал Андре Мальро: она жива "в сердцах живых".

Режин Перну

25 марта 1986 года

Часть I. Деяния

Глава I

"Говорят, что Дева..."

"Говорят, что некая дева¹, направляющаяся к благородному дофину², чтобы снять осаду с Орлеана и сопроводить дофина в Реймс, дабы он был миропомазан, проехала через город Жьен". Это "говорят" и знаменует появление в Истории той, кого мы называем Жанной д'Арк.

Сообщает нам об этом событии один из его участников, тот, кто по своему положению

1 В отечественной историографии принято именовать Жанну д'Арк Девой. В переводе книги Р. Перну и М.-В. Клэн эта традиция сохранена, хотя называть Жанну Девой не вполне точно. Девой (фр. la Vierge, лат. Virgo) именовали Деву Марию. А Жанну при жизни называли не "la Vierge", а "la ruselle", что означает буквально "девственница", а также "девушка из простой семьи". Народная молва приписывала Жанне роль орудия Божественного провидения, она была "la ruselle" – "простая", "чистая" – в противовес "высокородным", "знатным" дамам, которые, по бытовавшим представлениям, "погубили Францию" (см. предисловие). Широкое распространение получила мысль, неоднократно повторяемая хронистами: "Франция, погубленная распутной женщиной, будет спасена девственницей".

2 Дофин (dauphin – фр. букв. "дельфин") первоначально родовое имя графов Оверньских и Вьеннских. С XIII в. – титул владетелей области Вьеннуа (позднее эта область по титулу получила название Дофине). С XIV в. после присоединения Дофине к французской короне – титул старшего сына короля.

Дофином Карла VII называли потому, что он, провозгласив себя королем после смерти отца, не был ни коронован, ни миропомазан в Реймсе, захваченном англичанами. Таким образом, Карл VII не обладал сакральной властью и являлся лишь правителем и наследником (дофином) королевства.

лучше, чем кто-либо иной, был осведомлен о происходящем: Жан Бастард³, больше известный под именем графа де Дюнуа – титул, полученный им позднее. Он продолжает: "Поскольку мне была поручена охрана города (Орлеана), так как я был королевским наместником во время войны, я послал к королю сира де Виллара, сенешаля⁴ Бокэра, а также Жамэ дю Тийе, ставшего впоследствии бальи⁵ Вермандуа, дабы получить подробные сведения о сей деве".

Орлеанский Бастард защищает город своего сводного брата Карла, герцога Орлеанского, находившегося в то время в плену где-то в Англии⁶. У Бастарда плохо заживает рана, полученная во время неудачного нападения на английский обоз с продовольствием. В начале боя его ранило в ногу стрелой из арбалета; два лучника⁷ с большим трудом вытащили стрелу и помогли ему сесть на лошадь; после этого стычка приняла плохой оборот. Несколько храбрых воинов остались на поле боя: Луи де Рошешуар, Гийом д'Альбрэ и Джон Стюарт Дарнлей, отважный шотландец⁸, который, по правде говоря, и был причиной неразберихи, так как вступил в бой вопреки заранее обусловленному плану действий. В конце концов неудачная операция против горстки людей, сопровождавших обоз, обернулась полнейшим поражением. Враги язвительно насмеяются над этим "днем селедок" – был Великий пост, и обоз вез в основном бочки с предназначенной для армии соленой сельдью.

Жителей города все больше охватывает отчаяние. В тот роковой день 12 февраля 1429 года граф де Клермон не спешил вывести войска на поле боя, чем все и погубил. Он покинул

3 Бастард – внебрачный сын влиятельной особы (короля, герцога и т. д.). Жан Бастард, Орлеанский Бастард – внебрачный сын герцога Людовика Орлеанского и сводный брат герцога Карла Орлеанского, племянника короля Карла VI, во владениях которого находился город Орлеан. Поскольку герцог Карл Орлеанский с 1415 г. находился в плену в Англии (см. прим. 6), Жан Бастард возглавил оборону города. Он был одним из тех, кто поверил в миссию Жанны д'Арк, и принимал самое активное участие в сражениях с англичанами в период, когда ее воля направляла действия французских войск. Жан Орлеанский оказался талантливым полководцем, в дальнейшем выдвинулся на службе Карлу VII, получив титул графа Дюнуа.

4 Сенешаль – в средние века во Франции и Англии высшее должностное лицо на службе у феодала. Должность сенешаля получали лица благородного происхождения.

5 Бальи – в северной части средневековой Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа (бальяжа).

6 Герцог Карл Орлеанский (1391-1465) – старший сын Людовика Орлеанского, один из лидеров придворной группировки арманьяков, названной так по имени фактического ее главы графа Бернара д'Арманьяка, тестя Карла Орлеанского. Арманьяки ("орлеанская партия") вели борьбу за регентство при психически больном Карле VI с бургиньонами, т. е. бургундцами, сторонниками дяди короля герцога Бургундского Филиппа Смелого, а после его смерти – его сына Жана Бесстрашного. Бургиньоны после убийства Жана Бесстрашного поддержали претензии английской короны на французский престол. Арманьяки выступили в поддержку прав сына Карла VI, дофина Карла. Карл Орлеанский был взят в плен англичанами в битве при Азенкуре в 1415 г. и провел в плену 25 лет. Англичане долго препятствовали его освобождению; лишить арманьяков их лидера и усилить тем самым своих союзников – бургиньонов отвечало их интересам целиком и полностью.

7 Лучники – пешие и конные воины, вооруженные луками. В XIV-XV вв. лучники в Англии были вооружены длинными луками, стрелы которых пробивали рыцарские латы на расстоянии 150 м. Лучники обеспечили превосходство английских войск над французскими рыцарями в сражениях при Креси, Пуатье и Азенкуре. После этого Франция довела численность своих лучников до половины всего состава армии.

8 Шотландцы находились на службе у Карла VII, так как именно его они признавали преемником французской правящей династии (даже после договора в Труа в 1420 г., см. прим. 26), которая с 1295 г. состояла в официальном военно-политическом союзе с шотландской монархией. Шотландия рассматривала этот союз как наиболее реальное средство, способное подорвать силы Англии в войне и тем самым уменьшить опасность насильственного присоединения к английской короне. На протяжении всей Столетней войны шотландцы не раз разворачивали военные действия против англичан на севере, вблизи англо-шотландской границы, вынуждая Англию вести войну на два фронта.

Орлеан и увел за собой находившиеся в полной растерянности отряды. Многие капитаны⁹ последовали его примеру, и среди них был даже Этьен де Виньоль. обычно всегда готовый вступить в бой.

Судьба Орлеана была предрешена. Бастард, который уже ничего не может изменить, вспоминает о том, как прекрасно складывалась ситуация в дни осады Монтаржи два года назад: с тем же Этьеном де Виньодем по прозвищу Ла Гир они быстро выбили англичан, начавших под командованием капитана Солсбери окружать город; 5 сентября 1427 года Солсбери со своими людьми был вынужден поспешно отступить, и возможно, что он вернулся через год и осадил Орлеан, желая отомстить за свое поражение. Одну за другой возвел он укрепленные бастиды¹⁰ перед каждым из городских ворот, как бы закрыв их на засов.

Недоверие к защитникам Орлеана растет; жители города даже направили к герцогу Бургундскому¹¹ посольство с просьбой пощадить город, господин которого находится в плену. Это их последняя надежда: воззвать к тому, что еще могло остаться от рыцарских чувств, – ведь в рыцарские времена никто бы и не подумал осаждать замок или город, законный хозяин которого в плену! Но для Жана Бастарда, пытавшегося защитить город вместо своего брата, такой поступок жителей Орлеана унижителен. Горожан гложет лишь одна забота – поесть сегодня. Недаром в эти дни в "Дневнике осады Орлеана" упоминается только о прибытии продовольствия: то это "семь лошадей, груженных сельдью и другим провиантом"; то – два дня спустя – девять лошадей, также с продовольствием, въехавшие в город с восточной стороны через Бургундские ворота, единственный подъезд к городу, который захватчики не сумели еще блокировать. Никто не осмеливается об этом упоминать, но все помнят рассказы об осаде Руана десять лет тому назад: дойти до того, чтобы есть лошадей, собак, кошек, крыс и в конце концов открыть ворота города случайному победителю, продержавшемуся там, правда, недолго.

Стратегия осады Орлеана, по сути дела, была той же, что для нормандского города. К ней обычно прибегали во время долгих методичных осад: враг знает, что его самый верный союзник – голод (а вместе с ним и упадок духа у жителей) – находится внутри крепостных стен.

Блокада

Конец февраля 1429 года – критический момент для Орлеана, именно с этой даты

9 Капитаны во Франции назначались королем и возглавляли гарнизоны в городах и крепостях. Они получали жалованье за службу и казенное обеспечение для содержания гарнизонов.

10 Бастидами во Франции называли укрепленные населенные пункты или небольшие фортификационные сооружения. Они возводились с целью защиты границ и усиления стратегически важных военных крепостей и городов на случай войны. Некоторые бастиды со временем превращались в довольно крупные города, становясь также центрами ремесла и торговли.

11 Попытка жителей Орлеана передать город под покровительство герцога Бургундского Филиппа Доброго была в первую очередь продиктована отчаянием, так как их сюзерен находился в английском плену, а у Карла VII не было реальных сил, чтобы защитить город. Герцоги Бургундские с 1416 г. – официальные союзники англичан, но вместе с тем они представляли ветвь французской правящей династии. Основатель Бургундского дома Филипп Смелый был четвертым сыном французского короля Иоанна II. В битве при Пуатье он, четырнадцатилетний юноша, стоял плечом к плечу с королем на поле боя, был ранен и вместе с монархом взят в плен. В конце 60 – 70-х гг. имя Филиппа Смелого тесно связано с правлением Карла V, немало сделавшего для освобождения Франции от англичан. После смерти Карла V Филипп Бургундский и его сын Жан Бесстрашный первоначально близкие советники Карла VI, затем яростные его противники и союзники англичан. Обращение горожан Орлеана за защитой к герцогу Бургундскому Филиппу Доброму (сын Жана Бесстрашного, внук Филиппа Смелого (Филиппа I) Бургундского) может рассматриваться как попытка вернуть его на сторону французского правящего дома. Город был готов покориться бургундской, но не английской власти. Однако против этого возразил английский регент во Франции герцог Бедфорд (см. прим. 19), и герцог Бургундский Филипп Добрый увел свое войско из-под Орлеана.

начинаем мы наш рассказ. Жан Бастард ошеломлен, убит неудачей, к тому же из-за раны он не может двигаться, и у него достаточно времени для того, чтобы проанализировать сложившееся положение. Город окружен, все выходы, за исключением одного, перекрыты.

Капитан Солсбери – опытный вояка. Приняв командование над английскими отрядами, он прежде всего пошел в наступление на Турель, то есть укрепления, преграждавшие доступ к мосту на левом берегу Луары: две башни давали возможность блокировать с юга проход через большой каменный мост – мост с 19 пролетами, центральной опорой которому служил один из островов, которых в этом месте реки множество. Город Орлеан – это прежде всего мост, соединяющий две Франции, северную и южную.

После того как в июле 1428 года небольшие городки района Бос-Анжервиль: Тури, Жанвиль, Артенэ, Пате и некоторые другие – были один за другим взяты англичанами, горожане поняли, что наступление на Орлеан не за горами. Когда же 7 октября один из соратников Солсбери, Джон Поул, которого французы называли Пуль (Курица), занял Оливэ, дальнейшее развитие событий уже ни у кого не вызывало сомнений. Начали поспешно разрушать строения на левом берегу Луары, предместье Портро, а также церковь и монастырь августинцев¹². Скажем прямо, для жителей Орлеана это практически обычное дело, рутинная работа, ибо вот уже двадцать лет (после разгрома при Азенкуре)¹³, как население Орлеана постоянно находится в состоянии боевой готовности. Счета города и крепости тому свидетельство: отправка гонцов, то есть лазутчиков (а чаще лазутчиц), и конных отрядов для наблюдения за передвижением войск и банд наемников к Этампу и Сюлли-сюр-Луар, усиление дозоров на крепостных стенах, покупка стрел для арбалетов, а затем бомбард для защиты города – расходы оборачивались для горожан увеличением тальи¹⁴ – все это стало частью повседневной жизни. Хуже того, старики, сохранившие в памяти впечатления детства или истории, которые передавались из уст в уста, рассказывали, как в 1359 году пришлось разрушить почитаемую всеми церковь Сент-Эньян, около которой произошло одно из первых столкновений французов с англичанами; тщетно каноники пытались спасти свою древнюю, основанную еще во времена христианизации этой области церковь, которую посещал после введения в сан каждый орлеанский епископ, дабы почтить реликвии великого предшественника, защищавшего город от натиска Аттилы¹⁵. Каноникам не удалось уберечь церковь; базилика была заново построена по приказу мудрого короля Карла V¹⁶ лишь после того, как мир вернулся на эту землю, что случилось через двадцать

12 Августинцы – католический нищенствующий монашеский орден, основан в XIII в. Устав этого ордена был написан на основе сочинений видного христианского богослова Августина (354-430).

13 Битва при Азенкуре состоялась 25 октября 1415 г. на побережье Северной Франции, недалеко от Кале, закончившись полным поражением французской армии. (См. об этом сражении в предисловии.)

14 Талья – королевский налог, который был введен во Франции взамен воинской повинности при Людовике IX (1214-1270). До этого тальей называли один из видов податей, которые сеньоры взимали с крепостных крестьян.

15 Атилла – предводитель крупного племенного союза гуннов (434-453). В 451 г. войско Атиллы вторглось в римскую провинцию Галлию – на территорию будущей Франции. В битве на Каталаунских полях Атилла потерпел поражение от войск Западной Римской империи и ее союзников.

16 Карл V Мудрый (1338-1380) – правил Францией с 1364 г. Этот третий по счету представитель династии Валуа на французском престоле стал регентом королевства еще в 1356 г., после поражения Франции в битве при Пуатье и пленения англичанами его отца, короля Иоанна II Доброго. После заключения в 1360 г. перемирия с англичанами в Бретиньи принял ряд мер, направленных на укрепление королевской власти, реорганизовал армию, упорядочил налоговую систему. В конце 60-х и в 70-х гг. при Карле V французам удалось добиться временного успеха в войне против английской монархии и почти полностью освободить территорию Франции. Сам Карл V не принимал участия в сражениях, выдвинув для непосредственного руководства военными действиями талантливого полководца Бертрана Дюгеклена (см. прим. 51). Карл V оказывал покровительство наукам и искусствам. Собрал значительную для своего времени библиотеку, оказывал существенную поддержку развитию Парижского университета.

лет, в 1376 году.

Жители Орлеана помнили о бесчисленных нападениях банд наемников¹⁷, рейдах англичан, расположившихся вокруг города и обрушивавшихся, как стервятники, на Оливэ и аббатство святого Бенедикта¹⁸ на Луаре или угрожавших самому Орлеану; они не забыли тот день "великого страха" в 1418 году, когда англичане одновременно наступали на Руан и Париж и казалось, что осада города неминуема.

Поражение английских войск при Монтаржи ("Первая выпавшая мне удача!" – воскликнул дофин Карл, скрывавшийся в то время в Бурже) вернуло толику надежды населению, но очень скоро наступило разочарование, и пришлось вновь разрушать предместья, давать приют беженцам в городе и принимать другие серьезные меры. Одновременно с наступлением на форт Турель англичане предусмотрительно разобрали все двенадцать водяных мельниц, снабжавших город мукой; пришлось сразу же выстроить одиннадцать мельниц в самом Орлеане; жернова, растиравшие зерно для горожан, приводились в движение лошадьми.

17 октября начались военные действия. Одна из трех бомбард, только что установленных англичанами в Сен-Жан-ле-Блан вблизи от покинутого монастыря августинцев, нанесла небольшой урон городу и около Потерн-Шено убила наповал женщину по имени Бель. Через пять дней колокол сторожевой башни вновь подал сигнал тревоги; чтобы остановить захватчиков, орлеанцы спешно разрушили одну из арок моста и укрепили островок Бель-Круа, служивший ранее мостовой опорой. Это означало, что пожертвовали фортом Турель и больше его защищать не будут. Англичане продолжали методично окружать город, располагая на основных подступах бастиды: по дороге на Блуа – бастида Сен-Лоран; по дороге на Шатоден и Париж – бастиды, прозванные англичанами Лондоном и Парижем; бастида, названная Руаном, служила связующим звеном между ними. Еще одна фортификация блокировала дорогу на Жьен на перекрестке с дорогой на Питивье – бастида Сен-Лу. Но с этой стороны – к востоку от города, – несмотря на все усилия врага, блокада никогда не замкнула в своем кольце город.

Отказ

Таково было положение, когда Бастард приехал 25 октября 1428 года в город своего брата. Он сразу же отдал новые распоряжения, касающиеся стратегии, приказал разрушить еще несколько церквей и домов, находившихся вне городских стен – Сен-Лу, Сен-Эварт, Сен-Жерве, Сен-Марк, – и поместил артиллерийские орудия в удобно, по его мнению, расположенных местах. 30 января подоспело подкрепление: Луи де Кюлан во главе двухсот человек и Карл Бурбон, граф де Клермон, а 8 февраля к ним присоединились шотландцы Джона Стюарта. Но злосчастный "день селедок" 12 февраля положил конец надеждам, и вот уже жители Орлеана шлют посольство к герцогу Бургундскому! Потон де Ксентрай и Пьер д'Орги предложили герцогу взять на себя заботу о городе, гарантируя за это нейтралитет. Поступок горожан оскорбителен для Бастарда, но вполне объясним: жители Орлеана

17 Мародерство, разбой, бандитизм были весьма характерными явлениями в феодальных войнах. Отряды наемников, набравшиеся для конкретной военной кампании, подчас не желали быть расформированными и сохранялись как военная единица, не подчиненная какому-либо командованию и превращавшая военную добычу в источник своего существования. Отряды наемников-мародеров стали особенно многочисленными во Франции после ее первых неудач в Столетней войне в середине – второй половине XIV в. Часто их называли бригадами.

18 Бенедиктинцы – члены самого богатого и влиятельного монашеского ордена в период средневековья. Орден основан святым Бенедиктом Нурсийским в 529 г. в Монтесскассино. Согласно уставу, бенедиктинцам вменялся в обязанность труд, как физический, так и умственный: воспитание послушников, толкование (и изготовление) книг, собирание библиотек. Именно благодаря бенедиктинцам сохранились шедевры древнегреческой, древнеримской и средневековой литературы. В XII-XV вв. насчитывалось свыше 15 тыс. бенедиктинских монастырей.

чувствовали себя покинутыми, и обратились они, помимо всего прочего, к принцу французской крови, кузену своего покровителя герцога Орлеанского.

Тем не менее этот поступок имел отрицательные последствия. Герцог Бургундский охотно бы взял город Орлеан, не оказывающий ему сопротивления, но регент Бедфорд¹⁹ горячо этому воспротивился: "Я был бы сильно разгневан, если бы мне пришлось отдать кому-либо птенцов, после того как сам обшарил все кусты!" Во всяком случае, герцог Бургундский отозвал своих людей, присоединившихся к осаждавшим город англичанам; но трудно сказать, насколько велик мог быть этот бургундский гарнизон и принесло ли облегчение его отступление. Возможно, речь шла лишь о нескольких солдатах, нанявшихся в войска, оплачиваемые англичанами.

Только вмешательство Божье...

Очевидно, что в подобных обстоятельствах жители Орлеана, в том числе и Бастард, насторожились, когда до них дошел настойчиво повторяемый слух о том, что неожиданное спасение придет с Небес и несет его неизвестная девушка, называющая себя "Жанна Дева": только вмешательство Божье...

Судьба Орлеана – всего лишь вопрос дней, а может быть, и часов, ведь решающее наступление может начаться с минуты на минуту.

Но вместе с городом на карту ставится судьба всего королевства: Орлеан – ключ к южной Франции, а значит, и к Буржу, где за крепостными стенами укрывался тот, кто вот уже семь лет считает, что у него есть права на титул короля Франции, а значит, и к Оксеру, откуда близко до бургундских войск, готовых оказать поддержку англичанам, а там недалеко и до Гиени, где англичане чувствуют себя как дома, что вовсе не свидетельствует об их воинственном духе и стремлении к завоеваниям – ведь аквитанский фьеф, принесенный в наследство Аленорой Аквитанской, принадлежит им, и эта феодальная зависимость длится вот уже почти три века²⁰.

Позже жители Орлеана захотят объяснить себе чувства, охватившие их, когда появился этот слух: "Говорили... что она послана Богом, чтобы снять осаду с города. Ведь враг, осаждавший город, поставил жителей в такое положение, что они не знали, к кому обратиться за помощью, кроме как к Богу".

Бастард – человек военный, и он, конечно же, не питает иллюзий по поводу каких-то слухов. "Без сомнения, – говорил он себе, – прибывшего подкрепления – двух отрядов, французского и шотландского, – недостаточно, чтобы спасти положение, а мы были уже на пределе..." Позже он рассказывал, что поверил в действенность помощи, пришедшей с

19 Регент Бедфорд – Джон, герцог Бедфордский (1389-1435), третий сын английского короля Генриха IV, один из братьев Генриха V, возобновившего в 1415 г. войну против Франции и добившийся подчинения англичанам значительной части французского королевства. После смерти в 1422 г. Генриха V, который был признан наследником французского трона (см. прим. 26), Бедфорд стал регентом малолетнего наследника, английского короля Генриха VI, которому приходился родным дядей. Вся реальная власть над захваченной частью Франции оказалась в руках Джона Бедфорда. До самой своей смерти в 1435 г. он направлял английскую политику на оккупированных территориях и руководил продолжением военных действий. Бедфорд был способным правителем и хорошим дипломатом. Он содействовал укреплению англо-бургундского союза, в котором видел залог сохранения английской власти во Франции, добился на время поддержки со стороны независимого герцога Бретани. По мере нарастания сопротивления английскому завоеванию во Франции Бедфорд все больше сталкивался с оппозицией в Англии, где его политические соперники опасались слишком большого влияния этого серьезного политика. Не получая достаточных средств из Англии, Бедфорд сделал ставку на ограбление Нормандии, что еще больше усилило сопротивление английской власти во Франции.

20 Аквитанский фьеф, принесенный в наследство Аленорой (Альенорой) Аквитанской, – владения английской короны на Юго-Западе Франции, оказавшиеся под властью Плантагенетов в 1152 г. в результате брака будущего английского короля Генриха II и разведенной жены французского короля Людовика VII, герцогини Аквитанской. Подробнее история английских владений во Франции и их роль в Столетней войне описаны в предисловии к книге.

Небес, лишь после того, как увидел саму Жанну. Во всяком случае, будучи человеком мудрым, он послал двух гонцов, которым полностью доверял, разузнать, что это за необычный слух. Поскольку король находился в то время в Шиноне, именно туда направились Аршамбо де Виллар и Жамэ де Тийе. (Впрочем, они знают, что в Шинон уже прибыл Рауль де Гокур, назначенный королем губернатором Орлеана; он собирается поведать королю, в каком ужасающем положении оказался его город.)

Оба доверенных лица вернулись в Орлеан с подробным отчетом о том, что они видели и слышали в Шиноне.

"Возвратившись от короля, они в присутствии всех жителей города Орлеана, которые страстно желали знать правду о появлении девы, рассказывали, что сами видели, как дева приехала к королю в город Шинон. По их словам, король не пожелал ее принять; пришлось этой деве ждать два дня, пока ей не было дозволено предстать перед королем, несмотря на то что она беспрестанно повторяла, что пришла снять осаду с Орлеана и сопроводить благородного дофина в Реймс для миропомазания, и настоятельно просила дать людей, лошадей и оружие". Жанна, которую мы называем Жанной д'Арк, вступила на сцену Истории...

Глава II

Эта госпожа Надежда...

"Когда я приехала в город Сент-Катрин-де-Фьербуа, я послала (письмо) моему королю; затем я направились в город Шинон, где находился мой король, и приехала туда к полудню и остановилась на постоялом дворе".

У нас нет текста этого письма, посланного Жанной из Фьербуа – с последней остановки перед Шиноном. Очевидно, как только она очутилась на землях, подчиняющихся королю Франции, у нее появилась заветная цель – провозгласить то, что она назовет своей "миссией"; в Фьербуа Жанна диктует письмо дофину, она знает, что до его местонахождения всего полдня пути. Жанну сопровождает небольшой отряд, в нем – королевский гонец. Он привык быть в пути: его обязанность – незамедлительно передавать послания. Это некто Коле де Вьенн, и он, конечно, мог провести небольшой отряд по дорогам и указать места, где можно перейти реки вброд; ему-то и предназначено скакать впереди на этом последнем этапе.

Сент-Катрин-де-Фьербуа займет значительное место в эпопее Жанны д'Арк. Этот городок небезызвестен в истории: здесь находится часовня, построенная в VIII веке, а может быть, и раньше; по преданию, после своей первой победы над сарацинами Карл Мартелл²¹ торжественно возложил в часовне свой меч в качестве трофея. Позднее эта часовня была перестроена, а затем Эли де Бурдей, архиепископ Турский, возвел на этом месте церковь. Эли де Бурдей (в то время епископу Перигё) будет позже поручено изучить материалы процесса по обвинению Жанны д'Арк. Именно он построил церковь в стиле пламенеющей готики, которая сохранилась до наших дней. Дом капеллана, где, весьма возможно, Жанна нашла приют (в наши дни это дом приходского священника), был построен после 1400 года

21 Карл Мартелл (позднелат. martellus – молот) – майордом (буквально – управитель дворца) Франкского королевства Меровингов в 715 – 741 гг. Его сын Пипин Короткий стал в 751 г. первым правителем франков из новой династии Каролингов. Карл Мартелл своей политикой усиления власти майордомов способствовал этому событию. Авторитет Карла Мартелла укрепился в 732 г., когда под его командованием франкская тяжелая рыцарская конница остановила у города Пуатье наступление войск арабов на территорию Западной Европы. Это была одна из первых побед тяжеловооруженной конницы западноевропейских рыцарей в крупном сражении с серьезным военным противником. Наступление арабов на Европу на этом прекратилось, их власть ограничилась Пиренейским полуостровом, где последние государства арабов пали только в конце XV в.

маршалом де Бусико, героем столь бесславного Никополийского крестового похода²². В то время, находясь в Константинополе, маршал помог защитить византийский город и совершил паломничество к горе Синай, где, по преданию, находилась могила святой Екатерины; он привез оттуда мощи, помещенные в серебряный ковчежец. Это единственные существующие во Франции реликвии святой Екатерины.

На следующий день (традиционно считают, что это 4 марта 1429 года) отряд вошел в городок Шинон. Появление Жанны и ее спутников на перекрестке Гран-Карруа – в то время центре города, на дороге, ведущей в замок, – вероятно, вызвало любопытство. Что это за люди? Откуда они? И какого происхождения может быть эта девушка, подстриженная под горшок, как мальчик, которая, казалось, так удобно чувствовала себя в мужской одежде и не скрывала, что хочет быть принятой королем? И конечно же, возникла масса вопросов, лишь только они спешили на углу площади, ступив на ступень колодца, который всегда показывают туристам.

Действительно, можно было уже поведать о ней целую историю: поговаривали, что Жанна пришла с "лотарингской марки" (границы, как сказали бы мы)²³. Спутники встретились с девушкой не в ее родной деревне Домреми-Грё, а на некотором расстоянии оттуда, в местечке Вокулёр.

Об одной "аномалии"

Задолго до описываемых событий и среди англичан, и среди французов ходило много разговоров об этой крепости Вокулёр, мощном укрепленном пункте на берегах Мёза в районе Туля, на границе Шампани с Барруа, находившемся, как считал король Франции, в самом сердце Бургундии²⁴. Эта "аномалия" не преминула привлечь внимание герцога Бедфорда, регента Франции, который правил вместо своего племянника, юного Генриха²⁵,

22 Никополийский крестовый поход (1396 г.) преследовал цель остановить продвижение турецкой Османской империи на территорию Европы. Используя растущую внутреннюю слабость Византийской империи, турки уже в 60-х гг. XIV в. закрепились на Балканском полуострове. Попытка сербской армии и боснийских отрядов остановить османское продвижение в Южной Сербии закончилась трагическим поражением в битве 1389 г. на Косовом поле, после чего Сербия и одно из двух болгарских царств признали себя вассалами Османской империи. Все это заставило западноевропейские государства предпринять попытку остановить дальнейшее турецкое проникновение в Европу. Инициатором организации крестового похода против турок выступил Сигизмунд I, который объединил германскую и венгерскую короны. В крестовом походе приняли участие рыцари Венгрии, Германии, Чехии, Польши, Франции. Определенное значение для этого предприятия имело затишье в англо-французской (Столетней) войне (мир на 28 лет, заключенный в 1396 г.). 25 октября 1396 г. близ Никополя на Дунае состоялось одно из наиболее крупных сражений европейских народов с турками. Европейские рыцари проявили в битве наиболее свойственные им слабости: недостаточную организованность, неумение строго подчиняться единому командованию и согласовывать действия отдельных отрядов. В сочетании с самонадеянным поведением Сигизмунда, оказавшегося бездарным полководцем, это привело к полному разгрому армии крестоносцев. Около 10 тыс. человек оказались в турецком плену, и лишь 300 наиболее знатных пленников избежали казни и получили право на выкуп. В результате этого поражения Турция закрепила свое господство на Балканском полуострове.

23 Марка – во Франкском государстве и позднее в Германии – пограничный округ. Лотарингская марка, Лотарингия – историческая область на Северо-Востоке Франции, которая в XIII-XV вв. была объектом постоянного соперничества между правителями Франции и Германии. Пограничное положение феодальных владений на территории Лотарингии позволяло их правителям долгое время сохранять фактическую независимость. Несмотря на явное преобладание экономических и культурных связей Лотарингии с Францией, ее реальное включение в состав Франции в качестве особой провинции произошло фактически только в XVIII в.

24 Бургундия в XIV в. – конгломерат крупных феодальных владений, объединенных герцогами Бургундскими. В Бургундию входило герцогство Бургундское, графство Бургундия, или Франш-Конте, а также Пикардия, Эльзас, Лотарингия и другие области на территории современной Франции.

25 Генрих VI (1421 – 1471) – король с 1422 по 1461 г., из династии Ланкастеров, сын Генриха V, победившего при Азенкуре, завоевателя Нормандии, ставшего по договору 1420 г. в Труа наследником короны

короля Англии; и вот в 1428 году заодно со своими военачальниками, капитанами, он решил покончить с этим ничтожным очагом сопротивления, находящимся в местности, где англо-бургундские гарнизоны перемещались беспрепятственно. 22 июня губернатор Шампани Антуан де Вержи получил приказ осадить эту крепость, название которой вызывает великую тень сенешаля Шампани Жана де Жуэнвиля, друга и соратника Людовика Святого. Разве не он двести лет тому назад даровал городу некоторые права и привилегии.

Осуществлять эту операцию Антуан де Вержи будет силами отряда, численность которого нам достоверно известна – 796 человек, а вместе с конюшими и обозниками это примерно 2500 бойцов, к которым следует добавить отряд Пьера де Три, капитана Бове (по прозвищу Патруйар) и Жана, графа де Фрибура и де Нёшателя, пришедшего из так называемого графства Бургундского (Франш-Конте).

Смятение царит по всей округе, начиная с долины извилистого Мёза, где постоянно рыщут вооруженные всадники. Крестьяне из селений Домреми-Грё, Куссе, Бюре, забрав скот, спешно покидают свои жилища и ищут убежища за стенами Нёфшато, единственного укрепленного города, находящегося поблизости; с высоты крепостных стен они увидят, как вдали горит хлеб на полях. Тем временем королевский капитан Робер де Бодрикур, без колебаний поддерживающий короля Франции, собрал в Вокулёре свой гарнизон и усилил оборону мощных крепостных укреплений, включавших, по-видимому, 23 башни, расположенные на крутом откосе между Мёзом и возвышенностью, откуда он берет начало.

Военные действия продолжались весь июль; ждут, что Бодрикур капитулирует, подобно тому как четырьмя годами ранее капитулировал в Витри Ла Гир, знаменитый Ла Гир, что повлекло за собой сдачу небольших городов Шампани – Бланзи, Ларзикура, Эйз-л'Эвена. Капитуляция Витри-ан-Пертуа, которой добился Пьер Кошон, участник переговоров в Труа²⁶, стала настоящим сигналом бедствия для крепостей восточной части

Франции. После внезапной кончины Генриха V в 1422 г. Генрих VI в девятимесячном возрасте стал английским королем. По замыслу творцов договора в Труа, наследник Генриха V должен был в полной мере олицетворять объединение английского и французского королевств под эгидой Ланкастеров. Матерью Генриха VI была дочь Карла VI Безумного Екатерина, полученная Генрихом V в жены согласно условиям того же договора в Труа. Возможно, именно через нее будущий английский король, Генрих VI, и получил наследственное тяжелое психическое заболевание. С годами юный король, как и его дед Карл VI Валуа, был подвержен все более продолжительным приступам безумия. Он стал игрушкой в руках часто сменявшихся регентов и фаворитов. В декабре 1431 г., уже после казни Жанны д'Арк, герцог Бедфорд организовал в Париже торжественную коронацию Генриха VI короной Франции. По единодушному свидетельству источников, это событие не сыграло никакой политической роли и не принизило значения организованной Жанной коронации Карла VII в Реймсе. Судьба Генриха VI сложилась трагично. При нем англичане проиграли в 50-х гг. XV в. войну с Францией, а в самой Англии в 1455 г. разгорелась долгая и кровопролитная междоусобная война феодальных группировок – война Алой и Белой розы (см. прим. 108). В 1461 г. Генрих VI был низложен Эдуардом IV Йорком и бежал в Шотландию. В 1465 г. он был взят в плен и заточен в Тауэр. После недолгой реставрации Генриха VI на троне Англии (октябрь 1470 – апрель 1471 г.) он был вновь низложен и убит в Тауэре.

26 Договор в Труа (21 мая 1420 г.) о фактическом объединении французской и английской корон был подготовлен сторонниками бургиньонов, для которых присоединение герцогства Бургундского к французскому королевству было нежелательной политической перспективой (Бургундия вошла в состав Франции много позже окончания Столетней войны, в 1477 г.). Подлинными творцами договора в Труа были герцог Бургундский Филипп Добрый (1419 – 1467) и его окружение. Идею договора, по-видимому, поддерживала и французская королева, жена Карла VI Изабелла Баварская, которую молва стала после подписания договора считать "погубительницей" французского королевства (см. подробнее в предисловии). Пьер Кошон, будущий глава инквизиционного трибунала, судившего Жанну д'Арк, состоял на службе у герцогов Бургундских. Он входил в состав посольства Жана Бесстрашного на Констанцском соборе (1414 – 1418), где арманьяки пытались добиться осуждения герцога Бургундского, якобы покушавшегося на жизнь германского императора Сигизмунда. Хитроумный с юридической точки зрения договор в Труа был составлен без учета того важнейшего явления, которое так ярко высветила Столетняя война, – рождения и роста национального самосознания. Жанна д'Арк стала воплощением нового для феодального средневекового общества национального духа. Идеологи и сторонники договора об объединении корон Англии и Франции на основе феодального права и традиционных юридических норм были последовательными врагами французской героини.

королевства, на которые английское господство как бы наложило печать, и, как казалось, бесповоротно.

Что бы там ни было, как раз ничего бесповоротного и не произошло на этот раз в Вокулёре. К концу июля удалось достигнуть компромисса. Бодрикур не капитулировал и добился того, что нельзя рассматривать только как отсрочку: нападающие отошли, заручившись обещанием, что он откажется от применения военной силы и не будет нападать на бургундцев. Таким образом, на некоторое время Вокулёр больше не представляет угрозы, но он остался свободным.

Время для нее тянулось медленно, "как для женщины, ожидающей ребенка"

Все эти события непосредственно касаются малочисленного отряда, только что прибывшего на перекресток Гран-Карруа. Они происходили летом предыдущего года. Наверное, кто-то и обратил тогда внимание на крестьянку в красной юбке, которую видели месяцем раньше на Вознесенье (13 мая 1428 года) на высоких стенах Вокулёра. Она еще спрашивала у каждого встречного, где находится сеньор Робер и когда он согласится принять ее. Может быть, ее запомнил Бертран де Пуленжи, один из двух дворян, которым было поручено проводить до Шинона эту самую крестьяночку, но теперь уже одетую в мужское платье, серые штаны и черный капюшон. Бертран рассказывал всем, кто только соглашался его слушать, что он видел, как она разговаривала с Робером де Бодрикуром, капитаном Вокулёра. Она-де говорила, что послана ему волей Господней, для того чтобы он передал дофину: нужно стойко держаться и не вступать в сражение с неприятелем, ведь не пройдет еще и половины поста, как Господь придет на помощь... Нимало не смущаясь раздававшимися со всех сторон насмешками и шутками, Жанна говорила, что королевство принадлежит не дофину, но Господу и что Господь желает, чтобы дофин стал королем и получил королевство из его рук и что, хотя ли того враги или нет, дофин станет королем и она сама поведет его на миропомазание. За этой крестьянкой неотступно следовал немного сконфуженный Дюран Лаксар из Бюре-ле-Пти, которого называли ее дядей. Робер посоветовал ему дать девочке пару шлепков и отвести ее домой – и чтобы об этом больше не вспоминали.

Через два месяца Жанна вместе со своими родителями, младшей сестрой и тремя братьями спешно приезжает в Нёфшато. Некоторое время семья Жанны разделяла судьбу беженцев, заполнивших постоялый двор, который содержала женщина по прозвищу Русс (Рыжая). Жанна делила все радости и горести вместе со своей закадычной подругой Овьеттой, которая была чуть моложе ее и семья которой также бежала от неприятеля. Девушки помогали Русс по хозяйству: мыли посуду и готовили.

И вот зимой, в самом начале поста (который начинался очень рано в этом, 1429 году, так что первое воскресенье поста, называемое монашеским воскресеньем, выпало на 13 февраля), вновь замелькала красная юбка молоденькой крестьянки из Домреми. И во второй раз Робер де Бодрикур выпроводил ее без обиняков. Но Жанна сумела найти пристанище в Вокулёре, она поселилась у каретника Анри Ле Руайе. Он и его жена Катрин стали для Жанны надежной опорой. Жанна твердила всем, что ей необходимо предстать перед дофином до середины поста, и что она несет ему спасение Небес, и что иной помощи у него не будет.

Время для нее тянулось медленно, "как для женщины, ожидающей ребенка", говорила она, да так медленно, что она не выдержала и в одно прекрасное утро в сопровождении своего дяди, преданного Дюрана Лаксара, и жителя Вокулёра по имени Жак Алэн пустилась в путь; ее спутники купили для нее лошадь, которая стоила им двенадцать франков. Но далеко они не уехали: прибыв в Сен-Никола-де-Сен-Фон, находившийся по дороге на Совруа, Жанна заявила: "Не так нам пристало удаляться", и путники вернулись в Вокулёр.

Рано утром эта девочка, казалось вдохновляемая глубокой набожностью, отправилась в часовню при замке, называемую "Богоматерь под сводами".

"Я часто наблюдал, как Жанна Дева с благоговением приходила в эту церковь; она слушала там утреннюю мессу и затем подолгу молилась. Я видел ее под сводами церкви, стоящую на коленях перед Святой Девой, иногда ее голова была опущена, иногда она смотрела прямо перед собой", – расскажет позднее каноник церкви Богоматери под сводами Жан ле Фюме, тогда совсем еще молодой человек; как и все, он с изумлением наблюдал за маленькой крестьянкой из Домреми.

В один прекрасный день прибыл гонец из Нанси от герцога Лотарингского и привез Жанне охранную грамоту. Герцог Карл был наслышан о Деве и пожелал ее видеть. Карл II – в молодости сущий разбойник, теперь старый и больной, – вероятно, думал, что речь идет о какой-то целительнице, которая возьмется вылечить его. Жанна в сопровождении славного Дюрана Лаксара, снабженная охранным свидетельством герцога, не колеблясь пустилась в путь. Ее провели к герцогу:

"Он расспросил меня, можно ли вернуть ему здоровье, и я сказала, что ничего в этом не понимаю. Я мало говорила с герцогом о своем отъезде, но просила его, однако, чтобы он отпустил со мной своего сына и людей, чтобы ехать во Францию²⁷, и обещала молить Бога о восстановлении его здоровья".

Она не побоялась даже отчитать герцога за его поведение. Все знали, что он покинул "свою добрую супругу" Маргариту Баварскую ради девицы по имени Ализон Дюмэ, с которой он и прижил пять незаконнорожденных детей; в добром городе Нёфшато, который в былые времена вызвал своего герцога в Парижский парламент²⁸, подобные истории быстро становились общеизвестными; что же касается его "сына", то в действительности это был его зять Рене д'Анжу, шурин дофина.

Кто-то сопровождал Жанну какую-то часть путешествия, которое она превратила в паломничество, поскольку, без сомнения, именно тогда она направилась в Сен-Никола-дю-Пор; во всяком случае, до Туля с ней ехал Жан де Нуйонпон. Речь идет о конюшем, приближенном Робера де Бодрикура, который рассказывал всем и каждому, как сначала он подшучивал над крестьянкой в красной юбке и как обратился к ней около домика королевского егеря, насмешливо спросив ее: "Милочка моя, что это вы здесь делаете? Разве не нужно изгнать короля из королевства, а нам всем стать англичанами?" На что Дева, как всегда ничуть не смущаясь, ответствовала ему: "Я пришла сюда, в королевскую палату (на территорию королевства), для того, чтобы говорить с Робером де Бодрикуром, дабы он отвел к королю или приказал своим людям отвести меня; но он не обратил внимания ни на меня, ни на мои слова; тем не менее мне необходимо предстать перед королем в первой половине поста, пусть даже для этого я сотру себе ноги до колен; знайте, что никто – ни король, ни герцог, ни дочь шотландского короля, ни кто-либо другой – не сможет восстановить французское королевство; спасение может прийти только от меня, и, хотя я предпочла бы остаться с моей бедной матушкой и прясть, не в этом мое предназначение: я должна идти, и я сделаю это, ибо моему Господину угодно, чтобы я действовала таким образом".

Озадаченный, он спросил у нее: "Но кто же твой Господин?"²⁹ И Дева ответила: "Бог".

"Тогда, – продолжал свой рассказ Жан, – я пообещал Деве, вложив свою руку в ее в знак доверия к ней, что сам с Божьей помощью отведу ее к королю; я спросил у нее, когда

27 Франция в данном контексте – это территория, где законной признается власть дофина Карла VII.

28 Парламенты (фр. parler – говорить) – во Франции XIII-XVII вв. высшие судебные-административные учреждения. Парижский парламент выделился при Людовике IX (1226 – 1270) из Королевского совета как судебная палата. В XIII-XV вв. Парижский парламент состоял из нескольких палат (большой палаты, нескольких следственных и палат прошений, в середине XV в. была создана уголовная палата). Парижский парламент был высшей апелляционной инстанцией в стране, регистрировал королевские указы (без чего они не имели законной силы), а в XV в. присвоил себе право ремонстрации – отказа от регистрации указов, которые не соответствовали праву и обычаям какой-либо провинции или законам страны.

29 Вполне понятно удивление Жана де Нуйонпона. "Seigneur" означает и "господин", и "Господь".

она хочет ехать; она сказала мне: "Лучше сегодня, чем завтра, а завтра лучше, чем позднее".

Будучи человеком практичным, конюший спросил у нее, собирается ли она отправиться в путь в той одежде, которая сейчас на ней; она заявила, что предпочла бы переодеться в мужское платье. Он тотчас же отправился к своим слугам, чтобы взять для нее штаны, куртку, капюшон. Вернувшись к Ле Руайе, Жанна нашла и другую одежду, принесенную добрыми людьми Вокулёра, которые отныне были на ее стороне: мужское платье, штаны и все необходимое, и к тому же лошадь, которая стоила шестнадцать франков или около того.

"Иди, иди, и будь что будет"

Робер де Бодрикур, устав от досаждавшей ему Жанны, потрясенный воодушевлением, вызванным появлением Девы после ее возвращения из Нанси, решил наконец отпустить ее к дофину. Отряд, который она требовала, был уже сформирован; Жан де Нуйонпон (которого называли также Жаном из Меца) предложил сопровождать ее, так же как и Бертран де Пуленжи. Оба они были готовы взять с собой по одному из своих слуг: Бертран – Жюльена, а Жан из Меца – некоего Жана из Онкура, вероятно, уроженца Онкура-сюр-Эско, родного города прославленного Вийара де Онкура, единственного архитектора средневековья, оставившего нам не только свое имя, но и чрезвычайно ценные "Записки", ныне хорошо известные.

Бодрикур послал с ними королевского гонца Коле де Вьенна, он знал дороги, по которым можно проехать, и умел распознавать во встречавшихся на пути вооруженных людях и гарнизонах тех, кто предан королю Франции; некто Ришар Ларше сопровождал его. Шесть мужчин вокруг этой девочки, которая уже сидит на лошади, как настоящий воин. Впрочем, поскольку в те времена лошадь была единственным известным средством передвижения, Жанне наверняка уже много раз приходилось сидеть верхом на рабочих лошадях своего отца и, очевидно, "спортивная" жизнь ее не страшила!

Последняя предосторожность: Робер де Бодрикур отправился к супругам Ле Руайе в сопровождении вокулёрского кюре мессира Жана Фурнье, облаченного в епитрахиль. Священник произнес над Жанной формулу заклинания злых духов. Если Жанна одержима злыми духами – пусть удалится, если же она творение Добра – пусть приблизится. Вероятно, в то время Жанна пряла рядом с Катрин Ле Руайе (она очень хорошо пряла, если верить последней) и сразу же подошла к священнику и пала перед ним на колени. Впоследствии она заявила Катрин, что, размышляя как истинная христианка, она считает, что кюре вел себя неправильно: разве он уже до этого не слышал ее исповеди? Следовательно, он прекрасно знал, что она добрая христианка и из нее не надо изгонять бесов. Жанна считала эту сцену бесполезной и даже смешной, но она заняла свое место в Истории перед ее первым отъездом и свидетельствовала о замешательстве капитана Вокулёра, решившего, что, возможно, речь могла идти о ведьме.

В конце концов однажды вечером, вскоре после монашеского воскресенья, Робер сам проводил маленький отряд до выхода из города со стороны Французских ворот: "Иди, иди, и будь что будет!"

О чем могли говорить путешественники, проделавшие долгий одиннадцатидневный путь через всю Францию? Всю дорогу Жанна постоянно подбадривала своих спутников. Первую ночь они провели в аббатстве Сент-Урбен-ле-Жуэнвиль, хотя затем, насколько это было возможно, старались совершать переходы ночью, дабы избежать неприятных встреч с шайками англичан и бургундцев, от которых всего можно было ожидать. Жанне хотелось присутствовать на мессе – "если бы мы могли прослушать обедню, мы поступили бы хорошо", – но тогда они обратили бы на себя внимание; и действительно, они смогли прослушать мессу лишь дважды: в Оксере и в церкви святой Екатерины в Фьербуа, когда они оказались уже на дружественной территории.

На протяжении всего этого пути, заявили молодые мужчины, ехавшие вместе с Жанной

(Жану из Меца был 31 год, а Бертрану де Пуленжи – 37 лет), она спала рядом с ними на всех остановках, ложилась не раздеваясь, не расстегиваясь, не снимая ни камзола, ни штанов; и никогда у них не было по отношению к ней "движения плоти". "Меня распалили ее речи и воодушевляла любовь к тому божественному началу, которое было в ней, во что я верил" – так говорили люди, окружавшие Жанну Деву.

Однако в Шиноне, как и в Вокулёре, ее появление не прошло незамеченным. Жанна беспрестанно уверяла своих спутников, что король, или, вернее, дофин, примет ее, как она то и говорила; гонцы и сержанты³⁰ суетились вокруг нее; некоторое беспокойство царило и среди ее спутников, достигших цели, к которой они стремились. Они сочли, что Жанна убедительно и с честью вышла из испытаний: за одиннадцать дней совместного пути они не нашли в ней ни малейшего недостатка, не заметили никакого проявления слабости; она выказала удивительную набожность, милосердие и непоколебимую решимость. Впрочем, осталось еще главное испытание: то, что она говорила, то, что предсказывала, – соответствует ли это чему-нибудь?

"Спасение может прийти только от меня"

Несмотря на разрушения, от которых Шинонский замок серьезно пострадал в XVII веке, а затем в эпоху Революции и Империи, его величественные стены, устремленные ввысь, все еще возвышаются над городом и нависают, как скала, над долиной Вьенн и остроконечными крышами городка, примостившегося у его подножия. Нетрудно представить, как по этой довольно-таки круто поднимающейся вверх дороге, которую называют сегодня улицей Жанны д'Арк, сновали люди в те долгие часы – от полудня до вечера следующего дня, – которые отделяли приезд Жанны с ее эскортом от момента, когда она наконец-то была допущена в замок к королю. "Ей задавали очень много вопросов", – заявляет Жан из Меца и перечисляет, так же как и Бертран де Пуленжи, благородных людей, советников короля – настоящее столпотворение, – о недоумении, растерянности и сомнениях которых можно догадаться. Жанна и ее спутники, вероятно, рассказывая, откуда они и зачем пришли, сообщили не более того, что мы могли установить и изложили выше; при этом она без конца повторяла, приводя всех в замешательство: "Спасение может прийти только от меня".

Важное лицо, председатель королевской счетной палаты Симон Шарль, довольно подробно опишет, как развивались последующие события; когда Жанна прибыла в Шинон, самого председателя там не было, он был направлен королем с посольством в Венецию. Вернувшись в город "в течение месяца марта", он попросил Жана из Меца рассказать, что произошло, и, будучи человеком дотошным, точно записал услышанное.

Король приказал своим советникам отправиться на постоянный двор, где остановилась Жанна, и расспросить ее: зачем она приехала и чего просит? Жанна колеблется; она хочет говорить о своей миссии только в присутствии короля, но, так как на ответе настаивают, она в конце концов говорит, что у нее два поручения от Царя Небесного. Во-первых, снять осаду с Орлеана, а затем проводить короля в Реймс, дабы он был там миропомазан и коронован. Установив это, советники вернулись к королю. Их мнения разделились. Одни считали, что эта девица явно сумасшедшая и поэтому ее следует без обиняков выпроводить, другие полагали, что королю следует по крайней мере выслушать Деву. Вполне вероятно, что Карл окончательно принял решение и согласился принять ее в замке лишь после того, как получил послание Робера де Бодрикура, отправленное вскоре после отъезда маленького отряда и подтверждающее сказанное Жанной и ее спутниками. Если бы не заверения капитана, не так давно вновь доказавшего свою преданность королю, недоверчивый и подозрительный Карл не принял бы Жанну.

Подумать только, что пришлось преодолеть этой девочке: долгое трудное путешествие

30 Сержант в средние века – конный воин-недворянин, а также слуга неблагородного происхождения.

по территориям, которые в другие времена называли бы "оккупированной зоной", переправа вброд через вздувшиеся от паводка реки; а сколько раз можно было наскочить на вражеские гарнизоны и военные отряды в пути и на остановках! И все это надлежащим образом подтверждено закаленным в боях капитаном далекой крепости; все говорит в пользу того, что надо хотя бы переговорить с девушкой. Задним числом понимаешь мудрость Жанны, которая сначала отправилась в путь со своими двумя спутниками, затем вернулась в Вокулёр и заявила: "Не так нам пристало удаляться". Настойчивость, с которой она стремилась переговорить с Робером де Бодрикуром, теперь кажется вполне оправданной: ей было необходимо ручательство капитана.

"Поговорив с ней, король выказал радость"

Было уже поздно, темнело. Время наступления ночи в первые дни марта соответствует половине седьмого или около того; следовательно, часов в семь – полвосьмого Жанна со своими спутниками и, вероятно, с посланцем короля начала подниматься по крутой улочке, которую впоследствии назвали именем героини. "Было более 300 рыцарей и 50 факелов", – скажет она позднее, вспоминая об этом дне. Граф Вандомский получил приказ провести ее в большой зал замка. Возможно, что триста рыцарей, о которых говорит Жанна, цифра несколько преувеличенная, но тем не менее можно представить себе, какое впечатление произвело подобное никогда ранее не виданное зрелище, на молоденькую крестьянку, попавшую впервые в жизни в огромный зал, где горело множество факелов и светильников (из воска и соломы), освещавших все эти незнакомые лица знатных сеньоров и благородных дам.

"Я сам находился в замке и в городе Шиноне, когда приехала Дева, и я видел ее, когда она предстала перед Его Королевским Величеством в полной покорности, и смирении, и простоте, бедная маленькая пастушечка".

Рауль де Гокур сумел с поразительной силой показать пропасть между собравшимися – возможно, не без задней мысли запугать – придворными и "пастушечкой"; в ту эпоху, да еще в устах сильных мира сего, все крестьянки в той или иной степени – пастушки. И Гокур продолжает рассказ:

"Я услышал следующие слова, сказанные ею королю: "Благороднейший господин дофин, я пришла, и я послана Богом, чтобы спасти Вас и королевство".

Это свидетельство при всей своей лаконичности прекрасно подчеркивает контраст между личностью простой крестьянки и вестью, которую она пришла сообщить.

В более поздних описаниях не преминут усугубить этот контраст. Хроника Жана Шартье, "историографа" Карла VII, так описывает происходившее:

"Тогда Жанна предстала перед королем, поклонилась и, как подобает в присутствии короля, сделала реверансы, как будто она была воспитана при дворе, а после приветствия сказала, обращая свои слова к королю: "Да продлит вам Бог жизнь, милостивый король", тогда как она его не знала и никогда до этого не видела; а ведь там находилось много дворян, одетых роскошнее и богаче, чем король. И он ответил вышеназванной Жанне: "Да разве я король, Жанна?" – и, указав ей на одного из придворных, добавил: "Вот король". На что она ответствовала: "Во имя Бога, милый принц, это вы, а не другой".

Симон Шарль, который не присутствовал при этом, но, как мы уже знаем, приехал в Шинон позже, пишет:

"Когда король узнал, что она вот-вот появится, он встал поодаль; однако Жанна узнала его, поклонилась ему и говорила с ним долго; побеседовав с ней, король выказал радость".

И вот, наконец, рассказ самой Жанны Жану Паскерелю, ее духовнику; в нем нет подробностей, но он точно передает, как можно полагать, слова Жанны.

"Когда король увидел ее, он спросил у Жанны ее имя, и она ответила: "Милый дофин, зовусь я Жанной Девой, и моими устами обращается к вам Царь Небесный и говорит, что вы примете миропомазание и будете коронованы в Реймсе и сделаетесь наместником Царя

Небесного, истинного короля Франции". После других вопросов, заданных королем, Жанна вновь ему сказала: "Говорю тебе от имени Всевышнего, что ты истинный наследник Франции и сын короля, и Он послал меня к тебе, дабы повести тебя в Реймс для того, чтобы ты был там коронован и миропомазан, если того захочешь". Услышав это, король сообщил присутствовавшим, что Жанна посвятила его в некую тайну, которую никто, кроме Бога, не знал и знать не мог; вот почему он ей полностью доверяет. Все это, – заключает брат Паскерель, – я услышал из уст Жанны, так как сам при этом не присутствовал".

Какие бы детали ни донесла до нас молва об этой встрече, напоминающей сцену из спектакля, никаких сомнений, по-видимому, не порождает тот факт, что Жанну не смутило вызывающее робость зрелище: ни огромный шумный зал, полный народа и освещенный ярко и непривычно, ни то, что она решилась подойти к королю и невозмутимо передать ему весть, ради которой она со своими спутниками пересекла полстраны.

Весть эта, должно быть, произвела сильное впечатление на того, кому она предназначалась. Карл, которого Жанна называет дофином (вопреки водворению англичан в Париже в 1418 году, вопреки Труа), живет в изгнании; вот уже семь лет – с 1422 года, после смерти своего отца. Карла VI Безумного³¹, – он ждет миропомазания, которое сделало бы его королем; даже если было бы преувеличением говорить о том, что его собственная мать высказывала сомнения по поводу законности его рождения, он по крайней мере знает, что отстранен от трона должным образом принятым и скрепленным печатью договором. Тем не менее он никогда по-настоящему не отказывался от хрупкой надежды, хотя, несмотря на свою молодость, в двадцать шесть лет он уже познал и разочарования и поражения. В возрасте двенадцати лет он пережил смерть своего старшего брата, дофина Людовика³², затем двумя годами позже второго дофина – Жана, и при этом нельзя забывать о бедственном для страны дне битвы при Азенкуре (25 октября 1415 года), поражении, которое так повлияло на его судьбу и послужило причиной исчезновения многих людей из его окружения. Став дофином, Карл де Понтьё (таков был его титул) провозгласил себя регентом

31 Карл VI Безумный (1368 – 1422) – король с 1380 г., четвертый правитель Франции из династии Валуа. Психическое заболевание Карла VI способствовало острой борьбе арманьяков и бургиньонов при французском дворе. Подробнее о Карле VI см. предисловие и прим. 26.

32 Убийство Людовика Орлеанского Жаном Бесстрашным произошло в Париже 23 ноября 1407 г. Это один из наиболее знаменитых и драматичных эпизодов из истории борьбы придворных группировок во Франции во время правления Карла VI Безумного. Людовик Орлеанский – брат Карла VI – был одним из лидеров арманьяков. После смерти Филиппа Смелого, основателя правящего Бургундского дома при Карле V, Людовик Орлеанский надеялся занять первое место у трона душевнобольного брата. У него были весьма серьезные основания рассчитывать на неограниченное влияние на короля через королеву Франции, жену Карла VI Изабеллу Баварскую (существует версия, что он был ее любовником). Серьезным противником Людовика Орлеанского в его политических устремлениях оказался сын Филиппа Смелого Жан Бесстрашный (1404 – 1419). Эти два политика во всем занимали противоположные позиции: они поддерживали разных пап (Людовик Орлеанский – Бенедикта XIII, Жан Бесстрашный – Григория XII); Людовик стоял за продолжение и активизацию войны с Англией, герцог Бургундский, в чьи владения входили города Фландрии (союзники англичан), предпочитал добиваться мира, не считаясь с интересами Франции. Людовик Орлеанский заключал союзы с самыми недружественными Бургундскому дому правителями в Нидерландах. Начиная с 1405 г. политический антагонизм стал совершенно очевидным; по существу, речь шла о том, кто будет полновластным правителем Франции при неспособном к управлению страной короле. Сторонников бургундского герцога окрылял пример прошлого, когда отец Жана Бесстрашного герцог Филипп Смелый (1364 – 1404) обладал фактически неограниченной властью во Франции. После неоднократных политических и военных столкновений непосредственно между Людовиком Орлеанским и Жаном Бесстрашным стало ясно, что Людовик – главное препятствие на пути к установлению нового бесконтрольного бургундского влияния при французском дворе. Поэтому не вызывает сомнений политический характер убийства. Рыцарь из Нормандии Рауль д'Анкетонвилль напал на Людовика Орлеанского из засады, отсек ему руку и размозжил голову. Жан Бесстрашный сначала рыдал на похоронах Людовика, а затем под давлением подозрений и улик был вынужден заявить, что дьявол толкнул его на соучастие в страшном преступлении. Герцог Бургундский бежал из Парижа во Фландрию, но уже в 1408 г. вернулся и получил прощение короля. С 1411 по 1419 г. он был фактическим правителем Франции при невменяемом Карле VI. Был убит 10 сентября 1419 г. на мосту Монтеро сторонниками дофина Карла (см. прим. 33).

Франции. Но когда он воспользовался своим титулом и попытался действовать лично, дело сразу же приняло наихудший оборот: известен роковой исход встречи у моста Монтеро, во время которой Жан Бесстрашный, герцог Бургундский, был убит при таинственных обстоятельствах своим эскортом³³. Десять лет прошло после этих событий к моменту встречи в Шиноне, но этот день 10 сентября 1419 года неотвязно довлеет над всеми его решениями. Действительно, Карл не успокоится, пока примирение с бургундским кузеном не сотрет в памяти эти печальные воспоминания.

И когда этот молодой и, по бытовавшему тогда мнению, угрюмый человек принимает девушку, которую ему рекомендует в письме Бодрикур, он помнит горечь этих событий; он учитывает все, а также знает, что новости из Орлеана неутешительны. Поэтому то, что именно к нему обратились как к человеку, который будет "миропомазан и коронован в городе Реймсе", скорее всего, явилось для него некоторым потрясением – и это не укрылось от его приближенных: их поразило "радостное" выражение, появившееся на лице короля после того, как он лично в течение нескольких минут беседовал с вновь прибывшей.

Что она ему сказала? Точно мы этого никогда не узнаем; по всей вероятности, только камин большого зала был тому свидетелем, но можно считать правдоподобным то, что король рассказал своему камергеру Гийому Гуффье и о чем повествует хроника Пьера Сала:

"Однажды утром король... вошел в свою молельню и, находясь там в полном одиночестве, обратился в сердце своем, не произнося ни слова, с нижайшей просьбой и мольбой к Господу Нашему; он с благоговением молил его, что, если так уж случилось, что он оказался истинным наследником, происходящим из благородного Дома Франции, и что королевство по справедливости должно принадлежать ему, да будет угодно Богу, чтобы он смог сохранить и защитить его, или же в крайнем случае пусть Господь окажет ему милость и позволит избежать смерти или тюрьмы, так чтобы он смог укрыться в Испании или же в Шотландии, которые были с незапамятных времен братьями по оружию и союзниками королей Франции..."

Жанна якобы повторила королю его молитву, "некую тайну, которую никто, кроме Бога, не знал и не мог знать", расскажет впоследствии Жан Паскерель. Этот эпизод может показаться крайне незначительным, но во всей истории Жанны, да и в Истории вообще, он займет свое место, которое недооценят лишь те, у кого не хватает опыта в анализе мельчайших фактов, способных изменить всю жизнь.

Во всяком случае, эта беседа подтолкнула Карла принять незамедлительное решение: Жанна останется в замке и он поручит ее заботам супруги Гийома Беллье, бальи Труа, под началом которой находилась дворцовая челядь. Дева не вернется на постоянный двор и

33 Убийство на мосту Монтеро – один из знаменитых эпизодов бурной политической жизни Франции во время борьбы придворных партий бургиньонов и арманьяков. 10 сентября 1419 г. дофин Карл, будущий король Карл VII, встретился на мосту Монтеро, в 45 милях к юго-востоку от Парижа, со своим основным политическим соперником герцогом Бургундским Жаном Бесстрашным. Последний стал одной из ведущих политических фигур во Франции, особенно после убийства в 1407 г. лидера арманьяков Людовика Орлеанского, брата Карла VI. Официальной целью встречи стала попытка договориться о совместной борьбе против англичан, хотя фактически было совершенно ясно, что герцог Бургундский стал их союзником, а для дофина Карла обеда "бургундской партии" в союзе с англичанами будет означать неминуемую потерю короны. Обстоятельства происшедшего на мосту Монтеро убийства всесильного герцога Бургундского известны недостаточно хорошо, так как хронисты сильно противоречат друг другу. Сторонники дофина приложили немало усилий, чтобы доказать непреднамеренность случившегося и непричастность Карла к убийству. Однако многое говорит в пользу того, что будущий французский король Карл VII мог быть по крайней мере вдохновителем этого убийства. У него были давние счеты к бургиньонам, устроившим несколько лет назад (1418 г.) резню в Париже, из которой дофин едва выбрался живым. Кроме того, устранение Жана Бесстрашного могло серьезно укрепить позиции дофина в стране. Известно также, что именно Карл настоял на том, чтобы на этой встрече присутствовала крайне малочисленная свита – не более десяти человек с каждой стороны. В результате убийства дофин Карл не избавился от опасности со стороны бургиньонов: сын убитого герцог Филипп Добрый возглавил борьбу "бургундской партии" за власть. Намечившееся сближение с англичанами завершилось в декабре 1419 г. заключением официального англо-бургундского союза, который сохранял силу до договора в Аррасе в 1435 г.

останется в королевском жилище; ей отводят помещение в башне, в той части замка, которую называют замком Кульдрэ, к западу от "среднего замка", основного здания крепости: великолепный донжон³⁴, построенный двумя веками ранее, нижняя часть которого, кстати, послужила тюрьмой для высших лиц ордена тамплиеров (рыцарей храма), заключенных в нее по приказу Филиппа Красивого в 1308 году³⁵. Даже если Жанне и напомнили историю этой башни, она, без сомнения, предпочитала ходить в часовню, находившуюся неподалеку и посвященную святому Мартину. С этого момента ей в услужение определяют юношу 14-15 лет по имени Луи де Кут, который некоторое время спустя официально станет ее пажем.

"Помещение было отведено в одной из башен замка Кульдрэ, и я оставался в этой башне вместе с Жанной. Все то время, которое она провела здесь, я находился с ней; ночью при ней были женщины, и я прекрасно помню, что, пока она находилась в этой башне Кульдрэ, знатные люди неоднократно приходили беседовать с ней; что они говорили или делали, мне неизвестно, так как каждый раз, когда они появлялись, я удалялся, и я не знаю, кто они были".

Эти воспоминания робкого мальчика, который в описываемый период учился военному искусству в свите Рауля де Гокура, дополняет поразившая его деталь:

"В то время как я был с Жанной в этой башне, я часто видел ее стоящей на коленях; как мне казалось, она молилась; однако я ни разу не смог услышать, что она говорила, хотя несколько раз она плакала".

Но в Кульдрэ она пробудет недолго. Как бы ни был король потрясен знаком, данным ему Жанной, и речи не могло идти о том, чтобы прислушаться к ее словам, пока доподлинно не выяснится, откуда она и что представляет собой в действительности. Для этого он посчитал полезным отправить ее в Пуатье, где собрались прелаты-богословы и университетские профессора, те по крайней мере – а их немного, – кто остался верен королю. Пуатье должен стать интеллектуальной столицей короля Буржуа. Итак, королевский дом двинулся в путь, в то же время в Вокулёр и в родные края Жанны шлют гонцов, чтобы выяснить происхождение этой крестьянки.

Для нее, Жанны Девы, наступило время скитаний; та, которая до этого никогда не покидала родную сторону, отныне ездит по всей Франции; подсчитали, что она покрыла 5000 километров верхом до того, как отправиться – без сомнения, со связанными руками и ногами – в свой последний путь, который приведет ее в Руан. Но об этом она пока ничего не знает, знает лишь то, что ее жизненное поприще будет коротким. Разве не заявила она, приехав в Шинон: "Я проживу еще год, не более..."

34 Донжон – главная, обычно отдельно стоящая башня феодального замка. Донжон, сооруженный в самом недоступном месте – как правило, в наиболее возвышенной точке на территории замка, – служил последним убежищем для его защитников.

35 Филипп IV Красивый (1268 – 1314) – король Франции с 1285 г., из династии Капетингов. Проводил политику всемерного укрепления позиции королевской власти во Франции: расширил подвластные королю земли, присоединив Шампань, Ангумуа и Лионнэ; пытался присоединить Фландрию, но был вынужден отступить перед мощным сопротивлением граждан Фландрии; вступив в конфликт с римским папой Бонифацием VIII, добился многолетней зависимости папства от французского престола ("Авиньонское пленение пап"). Стремясь ограничить влияние католической церкви во Франции и в поисках дополнительных доходов для королевской казны Филипп IV организовал политический процесс против одного из самых влиятельных во Франции духовно-рыцарских орденов – ордена тамплиеров (возник во время первого крестового похода на Ближний Восток около 1118 г. Название получил по резиденции ордена, находившейся в той же местности, где, по преданию, был построен храм (фр. temple) Соломона в Иерусалиме. Помимо обычных монашеских обетов, принял еще обет борьбы с неверными). Тамплиеры были обвинены в ереси, служении сатане, противоестественных пороках и др. В 1307 г. почти все тамплиеры, находившиеся в Париже и имевшие огромное экономическое и политическое влияние, были арестованы и после долгого расследования и жестоких пыток казнены в 1310 г. В 1312 г. авиньонский папа Климент V, находившийся под полным влиянием французского короля, окончательно упразднил орден тамплиеров.

Герцог Алансонский

А пока она явно наслаждается поездкой по милой сердцу стране; вероятно, понадобилось не более дня, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее Шинон от Пуатье, – путь, длина которого составляет чуть менее 50 или чуть более 60 километров, в зависимости от того, как ехать – через Луден или по-другому. Кортеж въехал в город герцогов Аквитанских, излюбленное место пребывания королевы Альеноры какими-нибудь тремя веками ранее, и к тому же – на рубеже VI-VII веков – город королевы Радегунды³⁶. В городе повсюду возвышаются остроконечные колокольни. Этот въезд в ночной город, должно быть, был радостным.

Но между тем произошло событие, которое нельзя обойти молчанием и которое еще будет иметь важное значение в эпопее Жанны: в Шиноне ее посетил герцог Алансонский Жан, тот, кого она будет называть "мой прекрасный герцог" (этот эпитет в то время был очень распространен, и говорили "прекрасный племянник", как мы сказали бы сегодня "дорогой племянник"). Он сам так рассказал об этой встрече:

"Когда Жанна приехала к королю, тот был в городе Шиноне, а я в городке Сен-Флоран (около Сомюра); я охотился на перепелок, когда прибыл гонец и сказал мне, что к королю приехала Дева, утверждающая, что она ниспослана Богом изгнать англичан и снять осаду этих англичан с Орлеана; вот почему на следующий день я отправился к королю, пребывавшему в городе Шиноне, и увидел там Жанну, разговаривающую с королем. В тот момент, когда я подошел, Жанна спросила, кто я, и король ответил, что я герцог Алансонский. Тогда Жанна сказала: "Вам добро пожаловать, чем больше людей королевской крови Франции соберется вместе, тем будет лучше".

Молодой герцог Алансонский, разумеется, заслуживает доверия короля; он близок Карлу не только по крови, но и по возрасту, так как, родившись в 1406 году, он всего на три года младше дофина; но что самое главное – он совсем недавно вернулся из Англии, где был в плену; пять из двадцати трех лет жизни он провел в заключении; к тому же какое-то время его считали погибшим: его нашли в 1424 году в Вернее³⁷ среди трупов, он был заключен в башню Кротуа, где вопреки всем предсказаниям выжил благодаря своему могучему организму. Герцог сумел выплатить лишь часть невероятно большого выкупа, но его отпустили; ему пришлось дать обязательство не участвовать в сражениях против англичан до тех пор, пока не будет выплачена вся сумма. Таким образом, он оказался пленником своего слова. И понятно, что он поспешил преодолеть расстояние, отделяющее Сен-Флоран-ле-Сомюр от Шинона, когда ему сообщили о необычном обещании, данном безвестной девушкой, и что ему не терпелось встретиться с ней. Иногда ответ Жанны трактовали неправильно (единственно из-за ошибки в переводе, ведь она определенно сказала: "Quanto plures erunt", т. е. "чем больше их будет"). Этот ответ, должно быть, поразил герцога Алансонского, и он его, видимо, запомнил. Действительно, кажется, что Жанна чувствует себя теперь раскованно, но ей нужно еще объясниться с тем, кого она называет дофином.

"На следующий день, – продолжает Жан Алансонский, – Жанна пришла к королевской

36 Радегунда – франкская королева (521 – 587). Ушла в монашество от своего мужа Хлотаря I, убившего брата в борьбе за власть в Франкском королевстве. Основала в 567 г. монастырь в Пуатье, много сделала для города. Духовником Радегунды в монастыре был поэт раннего средневековья Фортунат Венанций.

37 17 августа 1424 г. между армией английского наместника во Франции герцога Бедфорда и наемным войском Карла VII около г. Вернёя на юго-западной границе Нормандии произошло самое крупное сражение со времен Азенкура (1415 г.). На стороне французов в битве участвовало около 15 тыс. человек, на стороне англичан – около 9 тыс. Несмотря на численное превосходство, французская армия была разбита. Сражение, протекавшее сначала с переменным успехом, завершилось паническим бегством войск Карла VII. Надеясь укрыться за стенами города, многие французы пытались переплыть ров и в большинстве утонули. Это труднообъяснимое поражение как бы подтвердило в очередной раз, в глазах общественного мнения, что Бог отвернулся от Франции.

обедне и, увидев короля, поклонилась ему; и король провел Жанну в свои покои, и я был с ним, так же как и господин де Ла Тремуй, которого король попросил остаться, приказав всем остальным удалиться. Тогда Жанна обратилась к королю с несколькими просьбами, среди прочего она просила его принести королевство в дар Царю Небесному; получив этот дар, Царь Небесный сделает для короля то, что он сделал для его предшественников, и вернет ему бывшее положение, и еще многое другое было сказано до обеда, чего я не помню; после обеда король отправился на прогулку в луга, и там Жанна бежала с копьем, и, видя, что Жанна ведет себя подобным образом – несет копье и бежит с ним как в наступление, – я подарил ей лошадь".

Покорен, прекрасный герцог! Жанна уже получила необходимую сноровку и явно заслужила эту лошадь. Из этого отрывка становится ясно, что с первого мгновения герцог, как и многие другие, пришел в восхищение от Жанны.

Дополним это воспоминание:

"Король решил, что Жанна должна предстать перед судом церковников; были назначены: епископ Кастра, духовник короля (Жерар Машэ); епископ Санлиса (Симон Боннэ, который в действительности еще не был епископом этого города, но стал им впоследствии); епископы Магелонна и Пуатье (Уго де Камбарель); метр Пьер де Версай, ставший впоследствии епископом Мо; метр Жан Морен и некоторые другие, чьих имен я не помню".

Это очень ценные указания, неразрывно связанные с пребыванием в Пуатье. Таким образом, в Шиноне происходил если и не настоящий процесс, как тот, который будет проходить в главном городе провинции Пуату, то по крайней мере допрос по всем правилам, проведенный представителями церкви.

"Они расспрашивали Жанну в моем присутствии, – уточняет герцог Алансонский, – зачем она приехала и кто послал ее к королю? Она отвечала, что приехала по поручению Царя Небесного и что ей были голоса³⁸ и дали ей совет, что ей нужно делать; говорила она и другие вещи, о которых я не помню. Затем сама Жанна за обедом сказала мне, что ее пристрастно допрашивали, но что она знала и могла не больше, чем она рассказала тем, кто ее расспрашивал".

38 Под "голосами" или "советом" Жанны д'Арк подразумеваются являвшиеся ей, по ее словам, святые Михаил, Екатерина и Маргарита. Все эти святые были достаточно популярны во Франции, и в частности в народной среде. Кроме того, специалисты находят некоторые дополнительные мотивы для объяснения того, почему именно эти святые могли стать главными персонажами откровений Девы. В конце XIV – первой половине XV в. архангел Михаил считался покровителем династии Валуа, а значит, главным французским "национальным" святым, поскольку для человека той эпохи преданность родине и королю были неразделимы. Покровительством святого Михаила во Франции объясняли успешную оборону монастыря Мон-Сен-Мишель (Горы святого Михаила) в Нормандии. Расположенная на скале крепость так и не сдавалась англичанам даже после полной оккупации Нормандии. Ее гарнизон хранил верность французской монархии и считал себя находящимся на службе у короля Франции. На родине Жанны д'Арк культ святого Михаила был особенно распространен, поскольку непосредственно через ее родную деревню Домреми проходила дорога, которая вела к известному центру паломничества – аббатству Сен-Мишель в Лотарингии. Святая Екатерина считалась покровительницей девушек; ее также высоко почитали во Франции. Во многих церквях находились изображения святой Екатерины в виде юной девушки, держащей в руках атрибуты своего мученичества – зубчатое колесо и меч. Знаменитый меч Жанны д'Арк был найден по ее поручению в аббатстве Сент-Катрин-де-Фьербуа, то есть под сенью имени этой святой. Относительно причин присутствия в откровениях Девы святой Маргариты интересную гипотезу высказал В. И. Райцес (см.: Райцес В. И. Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. Л., "Наука", 1982, с. 102 – 105). По этой гипотезе, в восприятии Жанны две истории тесно переплелись: официально признанной святой Маргариты, раннехристианской мученицы, обезглавленной в древности в Антиохии, и апокрифической (не признанной официальной церковью) "святой Маргариты, именуемой Пелагией". Последняя была известна тем, что, отказавшись от мысли об утрате девственности, бежала из дома в день своего бракосочетания. В рассказах и письменных повествованиях о ней сообщалось, что перед побегом она остригла волосы и надела мужской костюм.

Всю свою недолгую, но яркую жизнь, прожитую в Истории, Жанна утверждала, что через этих святых Бог извещал ее о той миссии, которая была на нее возложена: изгнать англичан из Франции, снять осаду Орлеана и короновать в Реймсе законного наследника французского престола Карла VII из династии Валуа.

И герцог заключает:

"Король, как только он услышал отчет тех, кого он назначил для допроса, вновь пожелал, чтобы Жанна отправилась в Пуатье и была там допрошена еще раз; но я не присутствовал на этом допросе, устроенном в Пуатье".

"Процесс в Пуатье"

Того, что нам известно, достаточно, чтобы составить представление об этом "процессе в Пуатье", который не раз комментировали. Полагая, что предосторожности никогда не излишни, король решил увеличить число тех, кому доверено допросить девушку, и выбрать из них самых достойных; а собраться они должны были в Пуатье.

Жанну поселили в доме метра Жана Рабате, адвоката Парижского парламента, присоединившегося к королю двумя годами ранее. Нескольким женщинам было поручено тайно наблюдать за ее поведением, собрали прелатов, составивших суд "экспертов", на которых возлагалась обязанность допросить Жанну. Франсуа Гаривель, советник короля, добавляет несколько имен к названным герцогом Алансонским: Гийом Эмери, монах-доминиканец³⁹, богослов; еще один бакалавр богословия по имени Гийом Ле Марье, каноник Пуатье; некто Пьер Сеген, которого называют специалистом по Священному писанию; монах ордена кармелитов⁴⁰ Жан Ламбер; Матьё Менаж и, главное, Сеген Сеген, монах-доминиканец, который станет позже деканом факультета в Пуатье. Гаривель также уточняет, что Жанну допрашивали неоднократно и следствие заняло примерно три недели; ему самому пришлось в голову задать вопрос: почему она называет короля дофином, а не королем? Она отвечала, что не назовет его королем, пока он не будет коронован и миропомазан в Реймсе, в городе, куда она намеревается его отвести. Гаривеля особенно поразила глубокая набожность этой "простой пастушечки", как ее называли.

Больше всего сведений о следствии в Пуатье можно почерпнуть из показаний Сегена Сегена. Допрос, видимо, доставлял ему огромное удовольствие: Жанна отвечала совершенно свободно – ведь ее допрашивали добросовестные судьи. Брат Сеген вспоминает об этом, будучи уже пожилым человеком – семидесяти лет или около того, – но он прекрасно помнит некоторые ответы, передает нам впечатление, которое Жанна произвела на него. Председателем Королевского совета по этому вопросу он называет метра Реньо де Шартра, архиепископа Реймского. Он упоминает даже метра Жана Ломбара, члена Парижского университета, также укрывающегося в Пуатье. Именно метр Ломбар спросил у Жанны, зачем она приехала. "Она ответила очень достойно", – пишет он. Язык Жанны всегда вызывал восхищение. "Эта девица говорила очень хорошо, – скажет о ней пожилой дворянин из окрестностей Вокулёра Альбер д'Урш и добавит: – Я бы очень хотел иметь столь достойную дочь".

И вот в Пуатье впервые в рассказе появляется то, что должно назвать "призванием Жанны": призыв, на который – как она говорила и никогда не отказалась от этих слов – она ответила.

"Когда она пасла стадо, ей был голос, возвестивший, что Бог сжалился над народом Франции и что ей самой, Жанне, нужно идти во Францию. Услышав это, она расплакалась; тогда голос велел ей отправляться в Вокулёр, ибо там она найдет своего капитана, с которым

39 Доминиканский орден ("псов Господних"), или орден братьев-проповедников, основан святым Домиником (1170 – 1221) в Тулузе как нищенствующий миссионерский орден. С первых дней своего существования вступил в борьбу с альбигойцами, обратившись к мечу. Вскоре доминиканцам были доверены высшая церковная цензура и инквизиция. Позднее доминиканцы были оттеснены от этой деятельности иезуитами.

40 Кармелиты – монашеский орден, называемый так потому, что центром его был основанный во второй половине XII в. монастырь в горном массиве Кармел (Кармил) в Палестине. С 1245 или 1247 г. – нищенствующий орден.

будет в безопасности, и он отведет ее во Францию к королю, и что она не должна колебаться. И вот она сделала, как ей было сказано, и пришла без каких-либо препятствий к королю".

Характер вопросов и атмосфера допроса прекрасно чувствуются в описании брата Сегена. Приведем в качестве примера ответ, данный метру Гийому Эмери:

"Ты сказала, что тебе был голос: "Бог хочет избавить народ Франции от бедствий, которые он переживает", но, если Он хочет избавить его от этого, нет необходимости прибегать к помощи вооруженных людей. И тогда Жанна отвечала: "Во имя Божие солдаты будут сражаться, и Бог пошлет им победу".

"Этим ответом метр Гийом остался доволен", – комментирует брат Сеген. Действительно, нельзя лучше показать грань между действием милости Божьей и мирскими средствами – вечная проблема споров богословов.

Что до самого брата Сегена, то он не постеснялся рассказать, как он оказался жертвой чувства юмора, которое никогда не покидало Жанну:

"Я спросил ее, на каком языке обращался к ней голос. Она отвечала: "На языке, который лучше, чем ваш". Я же говорил по-лимузенски; и вновь я спросил ее, верит ли она в Бога, и она отвечала: "Да, и лучше вас". Тогда я сказал ей, что Богу не угодно, чтобы ей верили, раз Он не дает никакого знамения, которое дало бы возможность понять, что ей нужно верить, и что Он не посоветует королю доверить ей воинов лишь на основании ее утверждений, ибо они окажутся в опасности, а поверят ей, если только она скажет еще что-нибудь; и она ответила: "Во имя Божие, я пришла в Пуатье не за тем, чтобы давать знамения. (И все это, как и ответ, данный выше Гийому Эмери, Сеген, помня о словах Жанны, говорит по-французски.) Препроводите меня в Орлеан, я вам покажу знамение, ради которого я была послана"; и просит дать ей вооруженных людей в том количестве, в каком она посчитает нужным".

Далее излагается миссия Жанны, которая сводится к четырем пунктам:

"Затем она назвала ему самому и другим присутствующим четыре события, которые в скором времени должны были произойти и действительно произошли. Сначала она сказала, что англичане будут изгнаны и осада с Орлеана будет снята и что Орлеан полностью освободится от англичан, но сначала она пошлет им письменное предупреждение; потом она сказала, что король будет миропомазан в Реймсе; затем город Париж снова покорится королю и что герцог Орлеанский возвратится из Англии. Я был свидетелем того, – заключает Сеген, – как все это исполнилось".

Жанна убедила первый суд, назначенный рассмотреть ее дело:

"Мы доложили обо всем в Королевском совете, и мы пришли к единому мнению, что, принимая во внимание настоятельную необходимость безотлагательных действий и опасность, которой подвергается город Орлеан, король может принять ее помощь и послать ее в Орлеан".

Таким образом, решающий этап был преодолен. По приезде в Пуатье Жанна всего лишь молоденькая, всех удивлявшая крестьянка, которая изумила короля, и по поводу которой можно было лишь задаваться вопросом, кто она; в конце своего пребывания она уже получила разрешение действовать.

Некий адвокат парламента по имени Жан Барбэн следующим образом передает впечатление, которое она производила после того, как было вынесено определение прелатов:

"От ученых богословов, с пристрастием изучавших ее и задававших ей множество вопросов, я слышал, что отвечала она весьма осмотрительно, как если бы она была хорошим ученым (слово "ученый" в то время имело смысл: обученный, грамотный), так что их повергли в изумление ее ответы. Они считали, что в самой ее жизни и ее поведении крылось нечто божественное; в конце концов, после всех допросов и расспросов, проведенных учеными, они пришли к заключению, что в ней нет ничего дурного, ничего противоречащего католической вере и что, принимая во внимание бедственное положение короля и королевства – ведь король и верные ему жители королевства пребывали в это время в отчаянии и не знали, на какую помощь еще надеяться, если только не на помощь Бога, –

король может принять ее помощь".

И вот что интересно: Барбэн начинает вспоминать некоторые пророчества, сделанные ранее, и соотносит их с Жанной.

"Некто метр Эро, профессор богословия, сообщил, что некогда он слышал от некоей Мари из Авиньона, которая приходила до этого к королю, что королевству Франции придется перенести много страданий и испытать бесчисленные бедствия, а ей самой, как она говорила, было множество видений о горестях, которые постигнут королевство Франции, и среди прочего она видела много оружия, которое ей протягивали, и испуганная Мари боялась, что ей придется надеть доспехи; ей было сказано, чтобы она ничего не боялась и что не она наденет это боевое снаряжение, но Дева, которая придет после нее, возьмет оружие и освободит королевство Франции от его врагов; и метр Эро твердо верил, что эта Жанна и была той, о ком говорила Мари из Авиньона".

Действительно, хорошо известно, что Мари, прозванной Авиньонской⁴¹, были видения.

Но все это – молва народная, а вот официальная констатация факта, выводы, сделанные учеными-богословами:

"В ней, Жанне, не нашли ничего злого, но только добро, смирение, девственность, благочестие, честность, простоту. Хозяева, у которых она жила, Жан Рабате и его супруга, подтверждают, что каждый день после обеда она долгое время проводила на коленях в молитве, а иногда молилась и ночью и что она часто ходила в домашнюю часовенку, где подолгу молилась".

Было произведено и другое расследование, о котором упоминает Жан Паскерель, духовник Жанны:

"Я слышал, что, когда Жанна пришла к королю, ее подвергли осмотру – и осматривали ее женщины, чтобы выяснить, кто она: мужчина или женщина, испорчена или девственница; и они обнаружили, что она женщина, и девственница, и невинная девушка. Как я сам от нее слышал, осматривали ее высокородная дама де Гокур (Жанна де Прейи) и высокородная госпожа де Трэв (Жанна де Мортеме, супруга Робера Ле Масона)".

И та и другая были приближенными королевы Сицилии, тещи короля Иоланды Арагонской, матери его супруги Марии Анжуйской.

Часто превратно толковали это обследование Жанны на девственность: наша эпоха, придающая, кажется, большее значение историям ведьм, чем это было во времена Жанны д'Арк, увидела в нем испытание, проведенное для того, чтобы выяснить, не ведьма ли она, ведь ведьм всегда подозревали в сношениях с дьяволом! В действительности все значительно проще: Жанна, называвшая себя Жанной Девой (девственницей) – и это было ее единственное известное имя, единственное, которым ее называли при жизни, – была бы немедленно изобличена, если бы обследование показало, что она всех ввела в заблуждение. Ее уличили бы во лжи и незамедлительно отослали бы домой, и на этом ее история закончилась бы, так как поверили бы освидетельствованию. Обследование на девственность было в первую очередь доказательством искренности Жанны. К тому же в то время никто не сомневался в том, что безраздельно посвятить себя служению Богу, оставаясь девственным – то есть совершенно независимым, абсолютно свободным для служения Господу душой и телом, – значит внять зову Господа.

И в первую очередь в этом убеждена сама Жанна, заявившая, что посвятила себя Богу,

⁴¹ Мария Авиньонская – одна из представительниц так называемого женского "пророческого движения" во Франции XIV-XV вв. Еще с глубокой древности германцы, составившие значительный этнический элемент в формировании будущей французской нации, считали, что женщины обладают способностями прорицания и провидения будущего. Отзвуки традиционных представлений жили в массовом сознании зрелого средневекового общества, хотя это расходилось с позицией официальной католической церкви, которая рассматривала прорицателей как колдунов и еретиков. Бедствия, обрушившиеся на французское королевство во время Столетней войны, обострили интерес к колдовству, магии и прорицаниям. Во всяком случае, в народной среде постоянно распространялись рассказы о предсказаниях, знаменьях и т. п. Двор Карла VII еще в те времена, когда его называли "буржским королем", с особым вниманием относился к колдунам и прорицательницам.

как только поняла, что голос, услышанный ею, был голосом ангела. И ни разу, излишне даже говорить об этом, в ее словах не было ни единого намека на какую-либо чертовщину или колдовство. Такого рода подозрения придут на ум интеллектуалам только в XX веке! В ее время совершенно по-другому расценивали девственность посвященного существа.

Когда Жанна Дева покидает Пуатье, она в глазах народа действительно является Девой. Изумленный интерес, проявляемый к ней, превратился в некоего рода благоговение, и это слово не кажется слишком сильным. Конечно, ждали, чтобы она подверглась испытанию – испытанию, которого она просит, и это будут военные действия, освобождение Орлеана. Но ее уже окружает что-то вроде ауры почтения; отныне она олицетворяет надежду – единственную надежду, если верить свидетелям того времени, – которую находящееся в беде королевство может возлагать только на Бога.

За несколько лет до описываемых событий поэт Ален Шартье, всегда остававшийся верным законному королю, создал произведение, где проза соседствовала с поэзией, и назвал его "Надежда". Вспомним, что это был 1420 год – год подписания договора в Труа. Говорить тогда о надежде – значит бросать вызов. "У этой госпожи Надежды, – писал Шартье, – смеющееся радостное лицо, гордый взгляд и приятные речи".

Глава III

Девять дней, десять ночей

"Иисус Мария. Король Англии и вы, герцог Бедфорд, называющий себя регентом Королевства Франции, вы, Гийом де Пуль (Вильям Поул, граф Саффолк), Жан, сир де Талбо, и вы, Тома, сир де Скаль, именующий себя наместником упомянутого герцога Бедфорда, взвешивайте рассудку, прислушайтесь к Царю Небесному. Отдайте Деве, посланной сюда Богом, Царем Небесным, ключи от всех добрых городов, которые вы захватили, разрушили во Франции. Она послана сюда Богом, чтобы провозгласить государя королевской крови. Она готова заключить мир, если вы признаете ее правоту, лишь бы вы вернули Францию и заплатили за то, что она была в вашей власти. И заклинаю вас именем Божьим, всех вас, лучники, солдаты, знатные люди и другие, кто находится пред городом Орлеаном: убирайтесь в вашу страну. А если вы этого не сделаете, ждите известий от Девы, которая скоро придет к вам, к великому для вас сожалению, и нанесет вам большой ущерб. Король Англии, если вы так не сделаете, то я, став во главе армии, где бы я ни настигла ваших людей во Франции, заставлю их уйти, хотя бы они того или нет; а ежели они не захотят повиноваться, я всех их прикажу убить. Я послана Богом, Царем Небесным, и телесно представляю его, чтобы изгнать вас из Франции. Если же они повинуются, я помилую их. И не принимайте другого решения, так как Королевство Франция не будет вам принадлежать по воле Бога, Царя Небесного, сына Святой Девы Марии; но принадлежать оно будет королю Карлу, истинному наследнику; ибо Бог, Царь Небесный, хочет этого, и Дева возвестила ему (Карлу) это, и он войдет в город Париж вместе с достойными людьми. Если же вы не захотите поверить известию, посылаемому вам Богом и Девой, то, где бы вас ни нашли, мы вас покараем и учиним такое сражение, какого уже с тысячу лет не было во Франции, если вы не образумитесь. И будьте твердо уверены, что Царь Небесный ниспошлет Деве и ее добрым солдатам силу большую, чем та, которая заключена во всех ваших войнах, и исход сражений покажет, на чьей стороне, по воле Божьей, правда. Дева обращается к вам, герцог Бедфорд, и требует, чтобы вы прекратили разрушения. И если вы ее послушаетесь, вы сможете прийти вместе с ней туда, где французы совершат прекраснейшее дело, которое когда-либо совершалось для христианского мира. Дайте ответ, хотите ли вы мира в городе Орлеане; а если вы так не сделаете, то подумайте о великих бедах, которые вам придется пережить. Написано во вторник Страстной недели".

Нам известна точная дата написания этого письма, обнаруживающего здравый смысл

Жанны и энергию, с которой она воплощает в жизнь свое отныне признанное предназначение. Письмо датировано вторником Страстной недели, то есть 22 марта 1429 года, но есть также свидетельства очевидца, видевшего Жанну в Пуатье и рассказавшего, при каких обстоятельствах она продиктовала письмо; речь идет о королевском конюшом по имени Гобер Тибо. Он сопровождал Пьера де Версайя и Жана Эро, пришедших к метру Жану Рабате повидаться с Девой.

"Когда мы туда пришли, – пишет он, – Жанна вышла к нам навстречу и похлопала меня по плечу и сказала, что ей хотелось бы иметь побольше людей, подобных мне. Тогда Пьер де Версай объявил Жанне, что они посланы к ней королем. "Я полагаю, что вы присланы порасспросить меня, – отвечала Жанна. – А я не знаю ни А, ни Б". Тогда мы спросили ее, зачем она пришла, а она отвечала: "Я послана Царем Небесным снять осаду с Орлеана и повести короля в Реймс на коронование и миропомазание". Спросив у нас, имеем ли мы при себе бумагу и чернила, она обратилась к метру Жану Эро со словами: "Пишите то, что я вам скажу. Вы, Сюффор, Глассидас и Пуль (Саффолк, Гласдейл, Вильям Поул), я требую от вас именем Царя Небесного, чтобы вы отправились в Англию". И в этот раз Версай и Эро ничего больше не делали, о чем бы я помнил, а Жанна оставалась в Пуатье, пока там пребывал король".

Как и всем, Гоберу Тибо было интересно знать, кто такая Жанна и чего она хочет; он не преминул расспросить о ней Жана из Меца и Бертрана де Пуленжи, которого он по-дружески зовет Поллишоном; они с восторгом рассказали Тибо о том, как вместе с Жанной пересекли всю Бургундию "без каких-либо препятствий". В то время Жанна была всего лишь простой крестьянкой, сила которой крылась только в чудесных обещаниях, но она храбро прошла через испытания повседневной жизни. Как говорили, Гобер Тибо был сильным и статным и, бесспорно, из числа тех людей, которые с достаточной степенью пронизательности могут судить о чистоте и невинности; наверное, именно он наиболее тонко почувствовал отношение солдатни к Жанне в то время, когда любая девица, следовавшая за армией, считалась солдатской девкой:

"В армии она была всегда среди солдат; я слышал от многих близких Жанне людей, что она никогда не вызывала у них вожделения, то есть иногда они чувствовали желание плоти, но никогда не смели поддаться ему, и они считали, что нельзя хотеть ее; часто они разговаривали между собой о плотском грехе и произносили слова, способные возбуждать сладострастие, но, когда они видели ее, и она приближалась к ним, они замолкали, и внезапно прекращалось их плотское возбуждение. Я расспрашивал об этом некоторых из тех, кто иногда проводил ночь рядом с Жанной, и они мне отвечали, как я уже говорил, добавляя, что при виде Жанны они никогда не испытывали плотского желания".

Сходные мысли высказывали спутники Жанны, сопровождавшие ее из Вокулёра в Шинон; все были покорены абсолютной чистотой этой девушки. Иными словами, ни Гоберу Тибо, ни его товарищам совершенно не нужно было ссылаться на колдовство для того, чтобы понять то, что подтвердило обследование на девственность! Для них, да и для всего народа в целом, как и для ученых и прелатов, допрашивавших ее, Жанна олицетворяла собой госпожу Надежду.

Некоторые авторы считали, что написание "Письма англичанам" совпадает с окончанием трехнедельного "процесса в Пуатье", что не соответствует свидетельству Гобера Тибо, по которому Жанна говорит как человек, практически уверенный в своей победе. С другой стороны, она принимает тех, кто пришел допросить ее, как людей мало знакомых; очевидно, их визит является частью допроса, продолжающегося в различных формах. Однажды они пришли к Жанне, надеясь застать ее врасплох; в другой раз ее вызывают в дом некой Ла Массе, где, по всей вероятности, вопросы ей задает значительно большее количество людей. Скорее всего, эту Страстную неделю и Пасху Жанна провела в Пуатье.

Отметим, что на этой неделе произошло событие, знаменательное не только для Франции, но и для всего христианского мира. В 1429 году Страстная пятница приходилась на тот же день, что и праздник Благовещения, – 25 марта. Это совпадение двух в равной

степени важных для христиан праздников по традиции было причиной паломничества к Богоматери Пюи-ан-Велэ, святилищу, почитаемому с незапамятных времен. Итак, туда и направились несколько спутников Жанны, кто именно – точно неизвестно; наверное, королевский гонец Коле де Вьенн или же Жан из Меца, не исключено, что он взял с собой своего слугу Жана из Онкура; это мог быть любой из шести человек, сопровождавших Деву из Вокулёра в Шинон. Сказать достаточно определенно можно только одно: в Пюи-ан-Велэ отправились по крайней мере двое; вполне вероятно, что это были Бертран и его слуга Жюльен. Но, скорее всего, в дорогу пустился привыкший разъезжать королевский гонец, который знал причетника монастыря августинцев в Туре, поэтому естественно, что он оказался среди лотарингских паломников. К ним также присоединилась мать Жанны Изабелла, чье прозвище Роме указывает на то, что она много странствовала. Воображение, конечно, сразу же рисует нам долгий путь вдоль берегов Мёза до Пюи-ан-Велэ. Однако переходы, должно быть, оказались не намного длиннее или сложнее, чем для паломников, пришедших из Пуатье, которым пришлось обогнуть горы Оверни и следовать по долине Аллье, – сегодня мы гораздо лучше осведомлены о возможностях передвижения в феодальную эпоху.

Хотя с тех пор приток паломников заметно уменьшился, особенно в XV веке из-за войны, тем не менее он оставался значительным; в прошлом веке Жюль Кишера отказался верить в это и даже посчитал, что это ошибка переписчика в рукописном названии города Пюи: villa Aniciensi. Во всяком случае, лотарингские паломники, встречавшиеся с Жаном Паскерелем и знавшие, что он монах монастыря в Туре, – в котором часто останавливался король, рассказали ему о Жанне, и действительно, он станет ее духовником. Мать Жанны, видимо, была чрезвычайно набожной: именно она передала дочери свою "правоверность", а также указала ей в какой-то мере на того, кто будет заботиться о ее духовной жизни на протяжении всей ее невероятной эпопеи.

Знамя, хоругвь, меч

Теперь для Жанны настало время активных действий. Она вернулась в Шинон, а затем ее привезли в Тур, где король приказал сделать "доспехи, подходящие для ее тела", то есть вооружение, изготовленное по ее меркам. К тому времени доспехи из полосового металла воины носили чуть менее ста лет. Они появились одновременно с артиллерией и предназначались для того, чтобы защищать от нее. Доспехи должны были быть очень точно подогнаны, чтобы уберечь сражавшегося воина от метательных снарядов, в первую очередь от каменных ядер, и вместе с тем не стеснять движений рук, ног и всех суставов.

В Туре Дева поселилась в доме Жана Дюпюи; и поныне в городе показывают мастерскую оружейного мастера, выковавшего и собравшего доспехи Жанне. В счетной книге королевского казначея Эмона Рагье сохранилась запись суммы, выплаченной за эту работу: 100 турецких ливров, 10 мая 1429 года.

А сама Жанна заказала себе знамя (или штандарт) и флажок, надеваемый на пику, за изготовление которых, как явствует из счетов, некий художник по имени Ов Пулнуар получил 25 турецких ливров. Впоследствии о знамени будут много говорить, в битве при Орлеане оно сыграет, если можно так сказать, активную роль, тем более что Жанна эту роль знамени точно определила: "Она брала знамя в руки, когда шла на штурм, для того чтобы никого не убить". И в самом деле, эта Дева-воин позже станет утверждать, что она никогда никого не убивала. По свидетельству Жана Паскереля, все то, что касалось изготовления знамени, происходило согласно приказу, полученному, как говорила Жанна, от ее "голосов", от ее "совета".

"Она спросила у посланцев своего Господина, то есть Бога, явившихся ей, что она должна делать, и они велели ей взять знамя своего Господина; и поэтому Жанна заказала свое знамя, с образом Спасителя Нашего, сидящего на суде во тьме небесной; на нем был также изображен ангел, держащий в руках своих цветок лилии, который благословлял образ

(Господь)".

Кроме того, Жанна приказала сделать хоругвь с изображением распятого Господа Нашего. Хоругвь должны были нести священники, сопровождавшие в то время армию; подле хоругви предполагалось собирать воинов Жанны для молитвы.

"Два раза в день, утром и вечером, – рассказывает Паскерель, – Жанна просила меня созывать всех священнослужителей, и, как только они приходили, они пели антифоны⁴² и гимны Святой Деве Марии, и Жанна находилась тут же и не хотела, чтобы к священникам присоединялись солдаты, коли они не были на исповеди, и она призывала всех солдат исповедаться и причаститься, чтобы прийти к хоругви; священники даже во время песнопений были готовы выслушать всех тех, кто хотел исповедаться".

Когда речь зашла о мече, необходимом воину для полного снаряжения, Жанна высказала необычное пожелание: она просила, чтобы за мечом отправились в Сент-Катрин-де-Фьербуа, где она останавливалась по дороге в Шинон; когда же у нее спросили, откуда она знает, что там есть меч, она отвечала: "Этот меч зарыт в землю, он проржавел, и на нем выгравировано пять крестов".

"Она знала от своих голосов, что меч находился там, и она никогда не видела человека, который отправился за названным мечом. Она написала священникам церкви этого городка: возрадуйтесь тому, что меч будет у меня, и пришлите его мне. Меч закопан неглубоко и, как ей казалось, за алтарем; впрочем, точно она не знала, за или перед алтарем. Она сказала также, что, как только меч будет найден, священники этой церкви должны почистить его и ржавчина сразу же исчезнет; а поехал за мечом оружейный мастер из Тура".

До этого у Жанны был меч, подаренный Робером де Бодрикуром перед ее отъездом из Шинона – он думал, что по дороге ей и ее спутникам придется защищаться. Впоследствии у нее будет еще один, третий меч – военный трофей, взятый у бургундцев. Жанна оценила этот меч как знаток, заявив, что это "хороший боевой меч, которым можно нанести хороший удар и задать хорошую трепку". Для меча из Сент-Катрин-де-Фьербуа церковники из Тура подарили ей двое ножен, одни из ярко-красного бархата, другие из золототканого полотна; сама же она заказала ножны "из очень крепкой кожи".

Военная свита

Важно отметить, что именно в Туре для Жанны собрали военную свиту, как и полагалось военачальнику; назначили интенданта – Жана д'Олона, который свидетельствует: "Для ее охраны и сопровождения я был передан в ее распоряжение королем, господином нашим"; у нее было также два пажа – Луи де Кут, о котором речь шла выше, и Раймон. В ее подчинении оказались также два герольда – Амблевиль и Гийенн; герольды – это гонцы, одетые в ливреи, позволяющие опознать их. На них официально возлагались обязанности передавать послания важным особам – королям, принцам или военачальникам, и по обычаю того времени герольды были неприкосновенны; иногда они в устной форме передавали вызов врагу, а затем в целостности и сохранности возвращались, как мы сказали бы теперь, к себе на передовую.

Раз Жанне дали двух гонцов, значит, король стал относиться к ней как к любому другому воину высокого ранга, облеченному полномочиями и несущему персональную ответственность за свои действия. Иногда утверждали, что ею воспользовались как талисманом только для того, чтобы придать мужества солдатам, которых она сопровождала, и подбодрить их; назначение двух герольдов делает это утверждение безосновательным. У Жанны было несколько лошадей – пять скакунов, заявит она позже, "не считая рысаков, которых было больше семи". Скакуны – это боевые кони, которых также называли одесными конями (ими управляли десной, правой рукой), а рысаки служили для поездок ее

⁴² Антифон (греч. antiphonos – "звучащий в ответ") – песнопение, исполняемое поочередно двумя хорами или солистом и хором.

приближенных. В число приближенных входили два ее брата – Пьер и Жан, – присоединившиеся к ней, по всей вероятности, в Туре.

Королевские войска должны были собраться в Блуа, расположенном на берегах Луары, примерно на полдороге между Туром и Орлеаном; Тур, как и Блуа, все еще находился на территории, контролируемой французами, в то время как выше по Луаре, на правом берегу путь преграждали англичане.

"В городе Блуа, – сообщает королевский хронист Жан Шартье, – можно было видеть множество повозок и телег, груженных зерном, быками, баранами, коровами, свиньями и прочим продовольствием. И Жанна Дева отправилась в путь, так же как и капитаны, прямо на Орлеан со стороны Солони".

Именно в Блуа, пока там находилась армия, Жанна заказала хоругвь, о которой говорилось выше, и если Жана Шартье больше занимает скот, которого погрузят на плоты и отправят жителям Орлеана и тем, кто пытается их освободить, то духовник Жанны растроган почти религиозным обликом выступающей армии:

"Когда Жанна выступила из Блуа, чтобы идти в Орлеан, она попросила собрать всех священников вокруг этой хоругви, и священники шли впереди армии. Так все вместе они вышли со стороны Солони и пели "Veni Creator Spiritus" и многие другие антифоны, и в эту ночь раскинули лагерь в полях, и так же было на следующий день. А на третий день они подошли к Орлеану, где англичане держали осаду вдоль берега Луары. И солдаты короля достаточно близко подошли к англичанам, так что англичане и французы могли видеть друг друга; и солдаты короля привезли продовольствие".

Орлеан

Как свидетельствуют все очевидцы, Жанна проявляла большую заботу о чисто духовной подготовке воинов: она призывала солдат исповедаться и получить святое причастие; она прогнала "развратниц", девиц легкого поведения, следовавших за солдатами, строго запретила грабить, а также сквернословить и богохульствовать. Вот свидетельство герцога Алансонского: "Жанна сильно гневалась, когда слышала, что солдаты сквернословят, и очень их ругала, и меня также, когда я бранился. При ней я сдерживал себя". Впрочем, "милый герцог" принимал активное участие во всех приготовлениях; по просьбе дофина он отправился к его теще королеве Сицилии, которая, по-видимому, финансировала эту новую попытку наступления на Орлеан. Орлеанский Бастард подробно рассказывает об этом:

"Король направил Жанну в сопровождении господина архиепископа Реймского (Реньо де Шартра, в то время канцлера Франции) и сеньора де Гокура, главного управителя королевского дома, в город Блуа, куда пришли все те, кто сопровождал обозы с продовольствием, а именно: сеньор де Ре (Жиль де Ре) и де Буссак, маршал Франции, при которых находились сеньор де Кюлан (Луи де Гравиль, адмирал Франции), Ла Гир (это прозвище Этьена де Виньоля, гасконского наемника), Амбруаз де Лоре, ставший после этого прево Парижа⁴³, все они вместе с солдатами, эскортируя обоз с продовольствием и Жанну Деву, подошли в боевом порядке со стороны Солони к реке Луаре".

Итак, они продвигались длинными обходными путями, чтобы не наскочить на близко расположенные к Орлеану позиции англичан, но делалось это без ведома Жанны, которой не терпелось встретиться с врагом и начать боевые действия. Когда отряд подошел к Луаре и Жанна узнала, что Орлеан остался позади, она была явно ошеломлена; поэтому-то и произойдет эта бурная встреча Жанны с Бастардом, о которой он сохранил столь яркие воспоминания. Он знает, что девушка, разузнать о которой он послал своих верных людей

⁴³ В средневековой Франции королевский домен – наследственные земельные владения короля – делился на округа, во главе которых стояли прево (лат. praepositus – надзиратель) – чиновники, обычно невысокого происхождения, обладавшие административными, финансовыми, военными и судебно-административными функциями. Главным среди этих лиц был прево Парижа.

два месяца назад, приближается и вскоре появится с авангардом армии на уровне Шеей, куда направляется и он. Будучи тонким стратегом, он сначала посылает – чтобы отвлечь внимание англичан – несколько находящихся в его распоряжении отрядов к одной из бастид, опоясывающих город, к бастиде Сен-Лу.

"Чтобы занять англичан в другом месте, – отмечается в "Дневнике осады", весьма ценном источнике сведений об этих насыщенных событиями днях, – (французы) вышли большими силами, и направились к Сен-Лу у Орлеана, и вели там перестрелку, и так близко подошли к англичанам, что было много убитых, и раненых, и плененных и с той и с другой стороны, при этом французы вернулись в свой город с одним из английских знамен. Пока длилась эта стычка, в город уже вошли обоз с продовольствием и артиллерия, доведенные Девой до Шеей".

Итак, чтобы воссоздать сцену прибытия Жанны в Орлеан, нам следует мысленно перенестись в маленькую деревушку и разместиться у прелестной готической церкви, возвышающейся над ней. Жанна не теряет времени:

" – Вы ли являетесь Орлеанским Бастардом? – спросила она у сеньора, подходившего к ней для приветствия.

– Да, это я, и я радуюсь вашему приезду.

– И это вы посоветовали, чтобы я пришла сюда с этой стороны реки, а не направилась прямо туда, где находятся Талбот и англичане?

Я ответил, что я и другие, более мудрые люди дали этот совет, полагая, что так будет лучше и вернее. Тогда Жанна сказала мне: "Во имя Божие, советы Господа Бога нашего являются более мудрыми и верными, нежели ваши. Вы думали обмануть меня, а обманули сами себя; я несу вам помощь, лучше которой не оказывал ни один воин, ни один город: это помощь Царя Небесного. И эта помощь идет не из любви Бога ко мне, но оттого, что Бог внял просьбам Людовика Святого и святого Карла Великого⁴⁴, и сжалился над городом Орлеаном, и не захотел допустить того, чтобы враги овладели и телом господина Орлеана, и его городом".

Девушка разгневана... Однако то, что случится вслед за этим, обезоружит Бастарда, которого слова Жанны могли вывести из терпения; он обеспокоен судьбой обоза с продовольствием. Он знает, что обоз находится на уровне Блуа и что придется поднять его по Луаре против течения. Бесплезно рассчитывать на ветер, потому что он дует на запад.

"Но сразу же, как бы в тот самый момент, встречный ветер, мешавший кораблям с продовольствием для города Орлеана плыть вверх по течению, изменил направление и стал попутным...С этого момента, – добавляет Дюнуа, – я стал уповать на нее больше, чем прежде".

Он сразу же приказывает поднять паруса на находившихся в его распоряжении судах и умоляет Жанну переправиться через реку и пойти вместе с ним в город Орлеан, "где ее с нетерпением ждут". Дева в нерешительности: по мнению Жанны, ее люди хорошо подготовлены для боя. Она их знает, они исповедовались, они молились вместе с ней, она не решается расстаться с ними. Дюнуа сам отправляется к главным капитанам:

"Я просил, умолял их ради спасения короля дать согласие на то, чтобы Жанна вошла в город Орлеан, и на то, чтобы они сами, эти капитаны со своими отрядами, направились в Блуа. Там бы они переправились через Луару и подошли к Орлеану, потому что невозможно

⁴⁴ Людовик Святой и Святой Карл Великий – правители разного времени. Людовик IX Святой был французским королем с 1226 по 1270 г. Карл Великий – франкский король с 768 г., император с 800 по 814 г. Он правил и жил во времена, когда Франция еще не выделилась из состава империи, которая объединяла территории будущих Франции, Германии, части Италии и некоторых других земель. В данном контексте имена Людовика и Карла стоят рядом; по-видимому, в народном сознании сохранились представления о них как об основателях могущественного французского королевства. Кроме того, они были причислены католической церковью к лику святых, так как Карл Великий, как и вся династия Каролингов, оказал большую поддержку римскому папскому престолу, а Людовик IX прославился тем, что был глубоко предан идее крестовых походов против "неверных". Известно, что он недолго был в плену у султана во время седьмого крестового похода. Умер Людовик IX от чумы во время предпринятого им восьмого крестового похода в Тунис.

найти более близкой переправы. Капитаны вняли этой просьбе и согласились переправиться через реку у Блуа".

Именно тогда, в пятницу 29 апреля 1429 года, к вечеру, и началась орлеанская эпопея Жанны д'Арк.

"Жанна пошла со мной, – рассказывает Дюнуа, – в руке она сжимала свое белое знамя с изображением Господа Нашего, держащего в руке цветок лилии; со мной и Ла Гиром она пересекла реку Луару, и мы вместе вошли в город Орлеан".

Автор "Дневника осады" более восторженно описывает это событие:

"Так она вошла в Орлеан, по левую руку на прекрасной лошади ехал великолепно вооруженный Орлеанский Бастард, ее сопровождали благородные и храбрые сеньоры, конюшие, капитаны и воины и несколько человек из гарнизона, а также горожане Орлеана, вышедшие ей навстречу.

По пути ее приветствовали и другие воины, горожане и горожанки Орлеана с большим количеством факелов в руках, выказывающие такую радость, как если бы они увидели, что Господь снизошел к ним, – и не без основания, ведь они перенесли столько страданий, горя и мук и уже сомневались, что к ним придет помощь, и боялись потерять и жизнь и имущество. Но они чувствовали себя ободренными и как бы "разосаженными" с помощью той божественной добродетели, которой обладала, как им говорили, эта простая девушка. Все смотрели на нее с большой любовью – и мужчины, и женщины, и малые дети. И они толпились и толкали друг друга, чтобы дотронуться до нее или до коня, на котором она сидела".

Эта встреча с толпами народа – наилучшее свидетельство призвания Жанны и того, как на нее уповали жители осажденного с октября прошлого года города. В течение семи долгих месяцев тиски сжимались, и все попытки разжать их оказались бесплодными. И вот появилась Дева, обещавшая помощь Небес; Жанна пришла к ним – и они уже себя чувствуют "разосаженными". Она должна была быть абсолютно уверенной в своих поступках, чтобы в этот момент не испугаться, что она может разочаровать толпу. Она совершенно спокойна и, по всей видимости, владеет собой. Приведем в доказательство следующий факт:

"Один из тех, кто держал факелы, так близко подошел к ее знамени, что загорелся флажок на пике. Поэтому она прищипорила коня и, очень осторожно повернувшись к флажку, загасила огонь, да так ловко, словно участвовала во многих войнах; воины посчитали это чудом, так же как и горожане, сопровождавшие ее на всем пути по городу, и все они ликовали и с большими почестями проводили ее до ворот Ренар к дому Жака Буше – казначея герцога Орлеанского, где ее с большой радостью встретили два ее брата и два дворянина со своими слугами, приехавшие с ними из Барруа".

И сегодня в Орлеане можно пройти по пути следования Жанны д'Арк от Бургундских ворот на востоке города до противоположной окраины старого города к дому Жанны д'Арк на площади – ныне площади Шарля де Голля. Во время войны этот квартал был стерт с лица земли, уцелели только хоры церкви Покрова Богородицы, находящейся неподалеку от ворот Ренар и дома Жака Буше. Дом восстановлен после войны.

Жанна провела первую ночь в доме Жака Буше, в городе, полном слухов. Жизнь в городе не замирала и ночью. На следующий день начался девятидневный молитвенный обет, в течение которого события будут сменять друг друга с невероятной для Истории быстротой, хотя эти девять дней и показались долгими сгорающей от нетерпения Жанне.

Она буквально места себе не находила, как это бывает, когда тебе шестнадцать или семнадцать лет. Все, что происходило до этого, было для нее лишь докучливой подготовкой: нескончаемые допросы и обследования, выбор боевого снаряжения, сбор армии. Ей казалось, что эти недели никогда не кончатся; и вот наконец-то она на месте – и нужно опять ждать! В субботу 30 апреля она отправилась к Орлеанскому Бастарду. Как нам рассказывает Луи де Кут, "по возвращении она была вне себя от гнева, поскольку он решил, что в этот день штурма не будет". Действительно, Бастард, сохранивший мучительные воспоминания о "дне селедок", ничего не намеревается предпринимать, пока подкрепление, собранное королем, не

подойдет к Орлеану. Жанна не может сидеть сложа руки, поэтому отправляется осмотреть позиции англичан – в некоторых местах они в пределах досягаемости голоса. И возможно, находясь на высокой крепостной стене, у ворот Ренар – недалеко от того места, где ее поселили, – она совершает первую враждебную выходку против англичан, о которой нам сообщает ее паж:

"Она заговорила с англичанами, находившимися по другую сторону стены, и просила их уходить во имя Бога, а иначе она их изгонит. И некто по имени Бастард де Грэнвиль (речь идет об "отвергнутом" нормандце – отступнике, перешедшем на сторону врага) наговорил Жанне много грубостей, спрашивая, уж не хочет ли она, чтобы они сдались женщине, и называя французов, сопровождавших Жанну, "нечестивыми сводниками".

Тем не менее вечером Жанна вновь совершает вылазку и по Орлеанскому мосту едет до укреплений, расположенных на Луаре, на островке под названием Бель-Круа, далее два пролета были разрушены, чтобы вражеские войска, прочно укрепившиеся в форте Турель, не сумели проникнуть в город по мосту. И она снова обращается к противнику.

"Оттуда она говорила с Классидасом (Гласдейлом) и другими англичанами, находившимися в крепости Турель, и сказала им, чтобы именем Бога они сдавались – и тогда они уцелеют. Но Гласдейл и люди из его отряда отвечали гадко, и осыпали ее ругательствами, и называли ее коровницей, и громко кричали, что сожгут ее, коли поймают".

И это обещание будет выполнено... Следующий день 1 мая было воскресенье. Жанна считала, что неплохо в этот день соблюдать воскресное перемирие (о чем она еще вспомнит в другой раз), но так как она устала от постоянного стука в дверь, то села на лошадь и поехала по городу. "Дневник осады" упоминает об этом событии:

"В этот день Жанна Дева проезжала по городу в сопровождении нескольких рыцарей и конюших, потому что жители Орлеана так страстно желали ее видеть, что чуть не сломали дверь дома, где она жила. На улицы, по которым она проезжала, вышло столько народу, что она с трудом пробиралась через толпу горожан, которые никак не могли наглядеться на нее. Всем казалось великим чудом, что она так славно сидит на лошади. И в самом деле, она держалась очень величественно и с таким знанием дела, не хуже любого воина, с молодых лет участвующего в сражениях".

Тем временем Орлеанский Бастард выехал навстречу подкреплению, и, поскольку он был командующим и отвечал за оборону города, Жанна ничего не предприняла до его возвращения. Прошло еще два томительных дня – понедельник и вторник, 2 и 3 мая. Во вторник по городу прошла большая религиозная процессия, "и были там Жанна Дева и другие военачальники", записано в городских расходных книгах, "дабы молить Господа Нашего об освобождении города Орлеана". Наконец 4 мая объявили о прибытии Жана Бастарда; Жанна спешит ему навстречу в сопровождении своего интенданта Жана д'Олона; она пообедала со своим интендантом, который и рассказал, что после обеда будущий Дюнуа пришел сообщить: к Орлеану англичанам на подмогу посланы войска, и они уже вблизи Жанвиля. Их вел боевой капитан Джон Фальстолф, прославившийся своими подвигами.

"При сем известии, – рассказывает интендант, – Дева, как мне показалось, возрадовалась и сказала монсеньеру Дюнуа примерно такие слова: "Бастард, Бастард, именем Божьим повелеваю тебе сразу же сообщить мне, как только ты получишь известие о приходе Фальстолфа, и, если он прибудет, а я об этом не буду знать, обещаю тебе, что не сносить тебе головы!" На что сеньор Дюнуа отвечал, чтобы она не сомневалась, он ей, конечно, тут же сообщит".

Жанну выводили из терпения эти проволочки, она опасалась также, что от нее скрывают надвигающиеся события; откуда ей было знать, что действовать придется скорее, чем она думает. На некоторое – недолгое – время они расстались, чтобы немного отдохнуть.

"Внезапно Дева поднялась с постели и, производя много шума, разбудила меня, тогда я спросил у нее, что ей надобно; она отвечала мне: "Во имя Господа! Мой совет сказал мне идти против англичан, а я не знаю, должна ли я идти на бастиды или выступить против Фальстолфа, который везет им продовольствие".

Жанна начала всех будить; растолкав своего интенданта и хозяйку, вместе с которой Жанна отдыхала, она стала тормошить своего паж: "О негодный мальчишка! Только не говорите мне, что уже была пролита французская кровь!" В доме Жака Буше все засуетились; жена казначея и его дочь помогают Жанне быстро надеть доспехи, тем временем Луи де Кут пошел за лошадью. Он привел ее к дверям дома, и здесь Жанна приказала ему сходить за знаменем, которое он передал ей через окно; она спешит, "поскольку ей надо добраться до Бургундских ворот". Да, как раз за этими воротами разворачиваются главные события дня.

"Предприняли вылазку в сторону Сен-Лу, и завязалась перестрелка, – рассказывает Луи де Кут. – Именно во время этой атаки укрепления были заняты; по дороге Жанна встретила многих раненых французов, что огорчило ее. Когда Жанна подъехала к месту, англичане готовились к обороне. Как только французы увидели Деву, они криками приветствовали ее, и бастида и крепость были взяты".

Первый военный успех, не имеющий, конечно, большого значения, но это первая победа. Ведь Жанне прежде всего надо было перебороть уныние, которому поддались защитники Орлеана, так что расположенная к востоку от города бастида Сен-Лу, построенная на старой римской дороге⁴⁵, на которую выходили Бургундские ворота, недалеко от Сен-Лу на Луаре, знаменует уже начало перелома. Но для Жанны это также и первое столкновение с жестокостью войны. Об этом свидетельствует ее духовник Жан Паскерель и повествует ее паж.

"Жанна сильно горевала, – говорит он, – она оплакивала этих людей, умерших, не исповедовавшись". Ее реакция – исповедаться самой, затем "всенародно призвать всех солдат исповедаться в своих грехах и возблагодарить Бога за одержанную победу".

На следующий день, в четверг, был праздник Вознесения. Вернувшись домой, Жанна заявила, что "она не станет воевать и вооружаться из уважения к празднику; в этот день она хотела исповедаться и получить святое причастие (евхаристию), что она и сделала". Во всяком случае, она воспользовалась этой новой вынужденной передышкой, чтобы послать последнее предупредительное письмо англичанам. Вероятно, она отправила три предупреждения подряд, как того требовал обычай, но мы не располагаем текстом второго письма, которое могло просто-напросто повторять текст первого, посланного из Пуатье. Письмо, написанное в четверг на Вознесение, короче и решительнее:

"Вы, англичане, не имеете никакого права на это французское королевство. Царь Небесный повелевает вам и требует моими устами – Жанны Девы – оставить ваши крепости и вернуться в свою страну, ежели вы этого не сделаете, я вам устрою такое сражение, о котором вы будете помнить вечно. Вот что я вам пишу в третий и последний раз, и больше писать не стану. Подписано:

Иисус Мария, Жанна Дева".

Ниже была сделана не лишняя юмора любопытная приписка:

"Я бы послала вам письмо учтиво, но вы схватили моих гонцов, вы задержали моего герольда по имени Гийенн. Соболаговолите вернуть мне его, а я пришлю вам нескольких из ваших людей, захваченных в крепости Сен-Лу, так как погибли там не все".

Возможно, Гийенн и Амблевиль отправились со вторым предупредительным письмом, текста которого у нас нет. В нарушение законов военного времени о неприкосновенности всех герольдов одного из них взяли в плен. Поэтому Жанна воспользовалась необычным

⁴⁵ Упоминание о старой римской дороге связано с тем, что большая часть французского королевства была в свое время римской провинцией Галлией. Завоеванная в середине I в. до н. э. римскими легионами под командованием Гая Юлия Цезаря, Галлия была освоена римлянами и превращена в органичную часть римского цивилизованного общества. Одним из самых замечательных технических достижений римлян было великолепное искусство строительства дорог. Несмотря на то, что со второй половины V в. Римская империя в Западной Европе прекратила свое существование и многое из ее наследия (прежде всего духовного) было уничтожено, построенные римлянами дороги продолжали существовать как в бывшей Галлии, так и в других западноевропейских странах (Англии, Испании, Италии).

способом, чтобы передать это третье предупреждение:

"Она взяла стрелу, ниткой привязала к ее концу письмо и приказала одному лучнику пустить стрелу в сторону англичан, крикнув при этом: "Читайте! Вот вам известия!" Англичане получили стрелу с письмом, прочли его, а прочитав, принялись громко возмущаться: "Это известия от арманьякской потаскухи!" При этих словах, – добавляет Жан Паскерель, рассказавший эту историю, – Жанна начала сокрушаться и горько рыдать, призывая на помощь Царя Небесного. Но затем она утешилась, поскольку сказала, что получила известия от Господа. А вечером после ужина она повелела мне на следующий день встать раньше, чем в день Вознесения, потому что она исповедуется мне на рассвете, что она и сделала".

Эта пятница после Вознесения станет днем неожиданностей. Жанна исповедалась, прослушала обедню; она настроена сражаться, но сталкивается с сопротивлением губернатора Орлеана Рауля де Гокура, охранявшего ворота и запретившего выходить из города. Почему? Капитаны порешили не идти на штурм в этот день; вероятно, они посчитали, что на некоторое время можно удовольствоваться успехом, достигнутым в Сен-Лу. А Жанна думала по-другому.

"Она считала, что солдатам вместе с горожанами следует выйти из города и штурмовать бастиду августинцев. Многие воины и горожане разделяли ее мнение. Тогда между Жанной и сиром де Гокуром начались пререкания: "Хотите вы того или нет, солдаты пойдут и добьются того, чего они уже добились ранее".

Интендант Жанны подробно описал, что произошло в тот день, – ведь победой были обязаны ей, и только ей: она вышла из города со своими людьми "в правильном боевом порядке" и переправилась через Луару ее стороны Бургундских ворот, где, поскольку бастид; Сен-Лу уже взята, она могла не опасаться нападения с тыла. По левому берегу Жанна направилась к кварталу, который до сих пор называют Сен-Жан-ле-Блан (святого Иоанна Белого). Англичане возвели там другую бастиду на одном из островов Луары – острове Туаль. Французы соорудили мост из лодок, перешли через реку и обнаружили, что крепость покинута англичанами – ее защитники отступили вниз по реке к значительно лучше укрепленной бастиде, которую они воздвигли на развалинах бывшего монастыря августинцев около укреплений, расположенных на мосту и называвших; Турель. Простое отступление, предпринятое с целью перегруппировать силы, поставило французов в невыгодное положение. Приказано отступить.

"В то время как французы возвращались от бастиды Сен-Жан-ле-Блан, чтобы перейти на остров (Туаль), – рассказывает д'Олон, – Дева и Ла Гир оба с лошадьми, переправились на лодке с другой стороны острова и, высадившись, вскочили на лошадей; у каждого в руке было копьё. И когда они увидели, что враг выходит из бастиды августинцев и собирается напасть на их людей, тотчас Дева и Ла Гир, которые всегда находились впереди войска чтобы оберегать его, взяли копьё наперевес и ринулись на неприятеля. И тогда все последовали их примеру, начали бить врага и силой заставили его отступить и вернуться в бастиду августинцев... Они сражались, не щадя живота своего, умело окружила бастиду со всех сторон, осадили ее и очень скоро взяли приступом. И там большая часть врагов была убита или взята в плен, а те, кто сумел спастись, укрылись в бастиде Турель у подножья моста. Так в этот день Дева и те, кто был с ней, одержали победу над врагом. И была захвачена мощная крепость, и сеньоры и воины с Девой оставались там всю ночь".

Таким образом, благодаря упорству Жанны была одержана неожиданная победа: прикрывая отступление войск, она спровоцировала штурм, в результате чего мощная бастида, значение которой очевидно, пала. И вновь проявляют себя сторонники бездействия:

"После ужина к ней явился храбрый и видный рыцарь, имени которого я не помню (это сообщает Паскерель, и, возможно, его забывчивость объясняется тем, что он не хочет задеть Рауля де Гокура или же даже самого Бастарда). Он сказал Жанне, что капитаны и солдаты короля все вместе держали совет и сочли, что по сравнению с англичанами их отряды малочисленны и что победу они одержали милостью Божьей, и сказали: "Поскольку мы

считаем, что в городе достаточно продовольствия, мы сможем прекрасно продержаться, пока не подойдет помощь от короля. Совет не считает нужным, чтобы завтра солдаты выходили из города".

Жанна, решившая для себя, что эта новая победа является лишь этапом на пути к окончательной победе, в ярости. Ее мало интересует совет, созданный капитанами. Она не ждет новых вестей и вновь обращается к своему капеллану:

"Встаньте завтра поутру еще раньше, нежели сегодня, и старайтесь изо всех сил, как только вы можете, держитесь все время подле меня, потому что мне многое нужно будет совершить, больше, чем когда-либо; и завтра кровь покажется на теле моем над грудью".

На следующий день, в субботу 7 мая, Жану Паскерелю действительно пришлось многое сделать, хотя он и не участвовал в сражении. Чувствовалось, что победа близка. Всю ночь жители Орлеана переправляли на лодках через Луару воинам, укрепившимся в бастиде августинцев, "хлеб, вино и другое продовольствие". На рассвете Жан Паскерель отслужил мессу. Начался штурм крепости Турель, блокировавшей доступ к мосту с октября прошлого года: "И схватка длилась с утра до захода солнца".

В этот насыщенный событиями день Жанна не щадит себя, во всем многообразии раскрываются все ее замечательные способности; она убеждена, что решающая минута близка. "В тот же день, – заявляет Паскерель, – я слышал, как Дева сказала: "Во имя Бога, ночью в город мы войдем по мосту". Это означало, что между берегами Луары будет восстановлено сообщение, прерванное семь месяцев тому назад.

Победа

Было время обеда или немного позже, когда Жанну, как она и предсказывала, ранило стрелой чуть выше груди. Она расплакалась, ее вынесли с поля боя, вытащили стрелу, которая, должно быть, проникла не очень глубоко; кто-то предложил "прочесть над ней заклинание", от чего она наотрез отказалась: "Я бы скорее предпочла умереть, чем сделать то, что, как я знаю, является грехом или противно воле Божьей". Так что рану обработали по обычаю того времени: оливковым маслом и салом, чтобы края раны зарубцевались. После чего Жанна снова ринулась в бой.

Но оборона у крепости Турель мощная и хорошо организованная; французы пытались отрезать бастиду, для чего разрушили одну из арок моста, служившую ей опорой. Об этом упоминается в городских расходных книгах: в них приведена точная сумма, переданная "некому Жану Пуатвену, чье ремесло – рыбная ловля, он-то и вывел на сушу шаланду, которую поместили под мостом у Турель, чтобы поджечь крепость, когда она будет взята". Эту шаланду, вероятно наполненную вязанками хвороста и смолой, и подожгли под аркой моста.

Но все это произошло лишь после того, как Жанне пришлось вновь решительно вмешаться, так как к вечеру сражающихся охватило уныние. Орлеанский Бастард нашел ее и сообщил, что собирается дать приказ отступить в город. Жанна реагирует как человек здравомыслящий – это здравомыслие женщины, понимающей лучше, чем стратег, в чем нуждаются сражающиеся с самого утра люди. "Отдохните, поешьте и выпейте что-нибудь", – посоветовала она. И она закликает Бастарда подождать еще немного. Видели, как Жанна села на лошадь и поехала в одиночестве "в виноградник, расположенный довольно далеко от лагеря, и там в молитве она провела половину четверти часа", добавляет Дюнуа.

И вот решающий эпизод. Жанна передала свое знамя некоему конюшему по прозвищу Баск, которого Жан д'Олон попросил следовать за ним к крепостному рву. Жанна увидела свое знамя, а поскольку человек, несший его, спустился в ров, она схватила знамя за конец полотна, потянула изо всех сил, "и, как я себе могу вообразить, потрясала знаменем", повествует Жан д'Олон, "заметив это, все подумали, что она подает им сигнал".

"Короче говоря, все люди из армии Девы собрались, и вновь присоединились к ней, и с невероятным воодушевлением пошли на приступ крепостной стены, так что вскоре и стена и

крепость были ими взяты, а враги покинули их; и вошли французы в город Орлеан по мосту".

Итак, Турель взята. Жанна взволнована, потому что командир, которого она называет Классидасом, "вооруженный с ног до головы, упал в реку Луару и утонул, и Жанна из сострадания начала оплакивать душу этого Классидаса и многих других, утонувших здесь в большом количестве, и в этот день все англичане, находившиеся за мостом, были взяты в плен или убиты".

Чтобы перейти через разрушенные пролеты, соорудили из досок импровизированный мост, по которому прошли некоторые защитники, оставшиеся в Орлеане. Отныне сообщение было восстановлено; партия выиграна. Все, как можно себе это представить, "были охвачены великой радостью и восхваляли Господа Нашего за прекрасную победу, которую Он им даровал. И многие должны были так поступить, – добавляет летописец, – потому что, говорят, в этом сражении, длившемся с утра и до захода солнца, столько раз шли в атаку и так защищались, что это был один из самых прекрасных подвигов, каких уже давно не помнили"...Духовенство и жители Орлеана благоговейно пели "Te Deum Laudamus"⁴⁶, звонили все городские колокола, дабы смиреннейше возблагодарить Господа Нашего за это славное утешение, пришедшее с Небес, и радость царила повсюду, и всячески прославляли своих храбрых защитников, и больше всех Жанну Деву. Этой ночью она оставалась – а с ней сеньоры, капитаны и воины – на поле сражения как для того, чтобы охранять Турель, столь доблестно завоеванную, так и для того, чтобы проследить, не будут ли англичане, желающие помочь своим собратьям по оружию или отомстить за них, наступать со стороны Сен-Лорана. Но они не проявили такого желания".

Жанну перевезли в дом, где она жила, чтобы обработать и перевязать рану; там она съела несколько кусков мяса, смоченных в вине, дабы восстановить силы. Она вошла в город по мосту...

Следующий день, воскресенье 8 мая, – дата, занявшая важное место в летописи Орлеана, а значительно позже и в анналах всей страны. Автор "Дневника осады" пишет:

"На следующее утро, в воскресенье и восьмой день мая этого же 1429 года, англичане покинули свои бастиды, сняли осаду и приготовились к сражению...Посему Дева и некоторые другие храбрые воины и горожане вышли из Орлеана хорошо вооруженными, и встали перед ними, и расположились в боевом порядке; так оставались они очень близко друг от друга в течение целого часа, не начиная схватки".

Это один из великих "моментов напряженного ожидания" в Истории – час, когда французы и англичане лицом к лицу стоят у крепостных стен Орлеана. На этот раз французам не терпится начать сражение, тогда как до этого приходилось подбадривать их, поднимать боевой дух у людей, привыкших часто быть битыми и постоянно считающих, что они уже и так достаточно сделали. Воодушевленные удивительными победами, последовавшими одна за другой 6 и 7 мая, французы с трудом сдерживают свой пыл; но на этот раз Жанна вмешивается, чтобы сказать абсолютно противоположное тому, к чему она призывала в предыдущие дни.

"Что французы восприняли очень плохо, – продолжает "Дневник осады", – но подчинились воле Девы, которая приказала им ни в коем случае не начинать боя и не идти в наступление на англичан, ибо она запретила им это с самого начала во имя любви и чести Святого Воскресенья; если же нападут англичане, то пусть французы защищаются храбро и изо всех сил и ничего не боятся, и они победят".

Итак, Жанна придерживается старинных рыцарских правил, которые ограничивают время военных действий, предписывают соблюдать перемирие по воскресным и праздничным дням и ставят меч сильного на службу слабому. Но в условиях, когда война ужесточается, ей становится трудно убеждать в своей правоте.

46 "Te Deum Laudamus" (лат.) – "Тебя, Бога, славим", – начальные слова древнего латинского церковного гимна.

"Через час англичане снялись с мест и ушли, сохраняя боевой порядок, в Мён-сюр-Луар; они полностью сняли осаду, в которой был Орлеан с 12-го дня октября 1428 года по сей день".

Орлеан освобожден

Ликование и изумление! Радость обуяла весь город, радость, во все века сопутствующая освобождению.

"В великой радости вернулись в Орлеан Дева и другие сеньоры и воины при невероятном ликовании духовенства и народа, которые, собравшись все вместе, смиренно возблагодарили Господа Нашего и по достоинству восхваляли Его за огромную помощь и ниспосланную Им победу над англичанами, давними врагами королевства... В тот же день, а также на следующий прошли великолепные торжественные процессии духовенства, сеньоров, капитанов, солдат и горожан, находящихся в то время в Орлеане, и из великого благочестия они посетили все церкви".

И затем автор "Дневника" с воодушевлением начинает описывать всеобщее примирение, происшедшее в тот день. До сих пор буржуа и ремесленники Орлеана с опасением относились к солдатам; слишком хорошо было известно, сколько зла способны причинить вооруженные люди безоружным жителям; эти наемники, набранные капитанами, не всегда умеющими поддерживать необходимую дисциплину, одинаково опасны и в военное и в мирное время. Банды наемников на службе королей и крупных сеньоров – вот причина всех ужасов и несчастий того, что позже в школьных учебниках назовут Столетней войной, не имеющей ничего общего с феодальными войнами XII и XIII веков.

Итак, охваченные всеобщей радостью горожане Орлеана больше не страшатся тех, кто их, в общем-то, защищал, но чье присутствие в городе, как червяка в яблоке, они ощущали; даже война меняет свое лицо, когда ее ведет Дева!

И вот уже один за другим скачут гонцы по дороге, ведущей к Шинонскому замку, где несколько недель тому назад Жанна увещевала дофина, призывая его отбросить сомнения и довериться ей, и говорила, что в Орлеане будет знамение, подтверждающее ее слова: она ниспослана Богом, дабы восстановить Королевство Францию. Тем временем дофин продиктовал циркулярное письмо своим "добрым городам" – письмо, к которому ему дважды пришлось делать приписку, поскольку были получены новые известия.

"Именем короля, дорогие и возлюбленные, мы полагаем, что вам известны постоянные усилия, предпринимаемые нами, дабы оказать в меру наших сил помощь городу Орлеану, уже долгое время осаждаемому англичанами, давними врагами нашего королевства... И поскольку мы знаем, что наибольшей радостью и утешением для вас, преданных подданных, будут хорошие вести, возвещенные мною, сообщаю вам, что милостью Божьей, от которого все зависит, мы вновь, и дважды за одну неделю, сумели снабдить продовольствием, хорошо и обильно, город Орлеан на виду у врага, который ничего не смог сделать, дабы воспрепятствовать нам".

Речь идет о двух обозах с продовольствием, сумевших проникнуть в город по Луаре: первый вела Жанна, а второй – Орлеанский Бастард. Затем Карл повествует, как в прошедшую среду (4 мая) была взята "одна из самых мощных вражеских бастид, бастида Сен-Лу".

Но вот появляется гонец. Король возвращается к письму, которое он посчитал оконченным.

"После того как мы написали это письмо, к нам прибыл герольд, примерно через час после полуночи, жизни своей не пощадивший, дабы сообщить нам, что в прошлую пятницу наши люди переправились через реку на лодках у Орлеана и осадили со стороны Солони бастиду, расположенную на краю моста. И в тот же день укрепились в бастиде августинцев и в субботу также штурмовали еще не занятую ими часть названной бастиды, преграждавшей въезд на мост, а было там 600 английских воинов под двумя стягами и знаменем... И

наконец, проявив геройство и храбрость, милостью Божьей они заняли названную бастиду, а все англичане, кои там находились, были убиты или взяты в плен".

Король призывает адресатов письма "воздать хвалу доблестным деяниям и чудесным вещам, о которых сообщил нам здесь находящийся герой, а также Деве, которая всегда лично присутствовала при исполнении всех этих деяний".

Но это еще не все, королю вновь придется дополнить свое письмо последней новостью:

"И с тех пор, еще до завершения этого письма, прибыли к нам два дворянина, коим было поручено засвидетельствовать и подтвердить все сообщенное герольдом и рассказать более подробно, чем он... После того как наши люди в прошлую субботу взяли бастиду на краю моста и наголову разгромили врага, на следующий день еще остававшиеся англичане отступили и бежали так поспешно, что оставили свои бомбарды, пушки и все военное снаряжение и большую часть продовольствия и вещей".

Едва поспевают за новостями это письмо, написанное в Шиноне в ночь с 9 на 10 мая 1429 года!

В тот же день 10 мая вести из Орлеана дошли до Парижа, и секретарь Парижского парламента Клеман де Фокемберг, у которого вошло в привычку записывать в своем реестре, помимо судебных дел – их описание входило в его обязанности, – события дня, нечто вроде "официального дневника", отмечает:

"Во вторник 10 мая стало известно и было всенародно объявлено в Париже, что в прошлое воскресенье люди дофина после нескольких штурмов при постоянной поддержке артиллерии в большом числе вошли в бастиду, удерживаемую Гийомом Гласдейлом и другими английскими капитанами и солдатами, и именем короля взяли ее, как и башню у выхода с Орлеанского моста (Турель) на другом берегу Луары, и что в этот же день другие капитаны и воины, державшие осаду... покинули бастиды и сняли осаду, и солдаты короля разбили врага, и была с ними Дева, и сражались они под ее стягом, так говорят". Поскольку секретарю суда не возбраняется отвлечься и предаться мечтаниям, он делает на полях набросок – изображение Девы, о которой говорили по ту и по другую сторону Луары, и в Париже, и в Шиноне. Он нарисовал ее в профиль, в платье и с длинными волосами (ведь он ее никогда не видел!) и с большой тщательностью изобразил ее меч и знамя – две детали, поразившие его – простая девушка среди вооруженных людей, которая несет свое знамя, отмеченное двумя именами: Иисус Мария.

Таким образом, мы располагаем двумя свидетельствами, записанными сразу же после случившихся удивительных событий.

Однако Жанна не поддается всеобщему ликованию, она думает лишь о том, чтобы продолжить выполнение миссии, которая, как она заявляла, была ей доверена. Она покинула дом Жака Буше в Орлеане и уже находится в дороге.

Глава IV

"Оно хорошо потрудилось, и справедливо, чтобы оно было в чести"

Для встречи с королем после снятия осады Жанна и Орлеанский Бастард отправились в Лош.

"Она выехала навстречу королю, держа в руке свой стяг, и они встретились, – рассказывает немецкая хроника того времени, донесшая до нас много сведений. – Когда девушка склонила голову перед королем так низко, как только могла, король тотчас велел ей подняться, и подумали, что он чуть было не поцеловал ее от радости, охватившей его. Это случилось в среду, предшествующую Троице, и она оставалась при нем дольше, чем до третьего дня июня".

В хронике указана дата – 11 мая 1429 года; эту же дату называет Бастард, сопровождавший Жанну. Следовательно, она не стала наслаждаться плодами своей

удивительной победы, а у орлеанцев не было времени получше узнать ту, которая не снимала шлема и доспехов по крайней мере половину своего краткого пребывания в городе.

Следует отметить также, что молва о подвиге Жанны облетела всю Европу, проявившую необычайный интерес к случившемуся. Автор процитированной нами хроники – некто Эберхард Виндекен – не кто иной, как казначей императора Сигизмунда⁴⁷; очевидно, император выказал большой интерес к деяниям Жанны и повелел разузнать о ней.

Вероятно, больше всего не терпится сообщить о победе Жанны в Орлеане представителям крупных итальянских негодантов, державшим конторы во Фландрии и в Авиньоне, наиболее крупных торговых центрах того времени. Так, в дневнике Антонио Морозини, живущего в Венеции, мы находим запись всех новостей, почерпнутых из писем иностранных агентов. Их в первую очередь интересовало состояние военных действий во Франции, поскольку они в основном торговали оружием и прочим военным снаряжением. В одном из этих писем, присланном из Брюгге в мае месяце, рассказывается, как Дева, рожденная в Лотарингии,

"явилась к дофину и хотела говорить только с ним и ни с кем другим... Она сказала ему, что он должен сделать еще одно усилие в этой войне, направить в Орлеан продовольствие и дать бой англичанам – французы, несомненно, победят, и с города будет снята осада... Англичанин по имени Лоуренс Трент, человек честный и сдержанный, узнав, что сообщают в своих письмах столько уважаемых и достойных доверия людей, пишет: "Это сводит меня с ума". Он добавляет как очевидец, что многие бароны, а также простые люди относятся к ней с большим почтением... Ее бесспорная победа в дискуссиях с профессорами богословия наводит на мысль о святой Екатерине, спустившейся на землю. Многие рыцари, слыша, какие доводы она приводит и какие великолепные слова произносит каждый день, считают, что это великое чудо".

Немногим позже тот же Морозини упоминает о другом письме, на этот раз полученном от корреспондента из Авиньона:

"Эта девица сказала мессире дофину, что должна идти в Реймс, дабы он стал королем над всей Францией, а мы знаем, что ее слова всегда исполнялись и что события всегда подтверждали ее правоту; воистину она пришла, – заключает он, – чтобы совершить великие деяния в этом мире".

Рождение легенды

В Италии не только негоданты интересуются Жанной: герцогиня Миланская Бонн Висконти написала Деве письмо с просьбой помочь ей вернуть ее герцогство! А советник короля Персеваль де Буленвилье, женившийся на дочери губернатора Астии, послал герцогу Миланскому Филиппу-Марии Висконти восхваляющее Жанну письмо: в тот самый час, когда она родилась в Домреми в ночь на Богоявление (6 января), начали кричать петухи, "как глашатаи новой радости", и разбудили всю деревню. Когда Жанна стерегла в детстве стадо, у нее якобы не пропало ни одной овцы, и в течение шести дней и ночей она якобы могла не снимать боевого вооружения (доспехов), удивляя всех своей стойкостью, и т. д. и т. п. Некий поэт по имени Антуан Астийский сумел переложить на стихи это письмо, написанное на манер античных восхвалений, из которого уже видно, что реальные подвиги Жанны,

47 Сигизмунд I (1368 – 1437) – император Священной Римской империи в 1410 – 1437 гг. Сын императора Карла IV. Последний из династии Люксембургов. В 1378 г. наследовал маркграфство Бранденбург. Вел сложную, полную интриг борьбу за императорскую и чешскую королевскую короны, в результате которой стал императором Священной Римской империи. С 1387 г. после брака с дочерью венгерского короля стал венгерским королем. Священная Римская империя фактически представляла собой конгломерат независимых государств, объединенных лишь эфемерной властью императора, даже политическое верховенство которого признавалось только в Германии (Италия, присоединенная еще в X в., не признавала его никогда), поэтому Сигизмунд I часто называли германским императором. В 1419 г. Сигизмунд I был признан чешским королем, однако жестокая внутренняя политика и борьба против гуситов вызвали волну широких народных возмущений в Чехии. В 1437 г., спасаясь бегством, умер по дороге из Чехии в Венгрию.

приумноженные народной молвой, нашли свое отражение в фольклоре.

Вести о них быстро распространились не только среди сторонников короля Франции, но и среди врагов. Так, в "Дневнике парижского горожанина", ежедневных записях писца Парижского университета, также упоминается о деяниях Жанны, приукрашенных слухами и рассказами: в нежном возрасте она пасла овец, "лесные и полевые птицы прилетали по ее зову и клевали хлеб у нее на коленях, как ручные"; и чувствуется досада этого человека, когда он записывает: "В это время арманьяки⁴⁸ сняли осаду Орлеана, откуда они изгнали англичан" – и добавляет, что Дева предсказала одному капитану, что он погибнет: "Так и случилось, так как он утонул в день сражения". Это означает, что гибель Гласдейла во время нападения на Турель получила широкую огласку. Ходили слухи, что Жанна якобы предсказала, что он погибнет "не от ран".

Все эти отклики, не имеющие большого значения с исторической точки зрения, свидетельствуют об удивительном воодушевлении, вызванном снятием осады с Орлеана. Французы, которых считали окончательно и бесповоротно разбитыми, вдруг поднимаются и отвечают на самый мощный военный удар, предпринятый победителями, – сбрасывают их в Луару. А вдохновила их на это шестнадцати-семнадцатилетняя девушка. В глазах всех она непорочная дева, на которую снизошло Божественное вдохновение, и от нее можно ждать любого чуда. И вот уже капитулы (муниципальные советники) города Тулузы пишут ей, чтобы рассказать о своих финансовых затруднениях! На юге Франции – в Монпелье, – по легенде, бульвар Бонн-Нувель (Добрая Весть) был назван так в честь известий об освобождении Орлеана. Решительно заявляет о своих верноподданнических чувствах юг Франции, именно в архивах Нарбонны находится дошедший до нас экземпляр письма, посланного дофином Карлом всем добрым городам королевства. Нарбонна – единственный город, сохранивший оригинал письма, в то время как другие лишь упомянули о нем в своих реестрах. Известно, что движение, поддерживающее законного короля, называется "арманьяк"; в XX веке хотели найти на французском юге хоть какое-нибудь чувство злопамятства, оставшееся от войн с альбигойцами⁴⁹. Дело весьма непростое, особенно если вспомнить, что в текстах до XIX века не упоминается об этих ужасных событиях! Волнения, пережитые городами Лангедока двумя веками ранее, к тому времени уже забыты, а последовавшее за этим мудрое правление, в котором не было и намека на преследования, даже в отношении языка (письмо капитулов, так же как и все записи, сделаны на языке ок, языке юга Франции), достаточно хорошо объясняет то, что население присоединилось к королю Франции и предоставило ему большую часть субсидий, в которых он так нуждался. Особый случай представляет Гиень, так как эта провинция оставалась в феодальной зависимости от Англии. Существовало два типа владения, противостоящих друг другу. Гиень во главе с Бордо стоит за короля Англии, своего законного владельца, при этом, конечно, нельзя забывать о торговых интересах алчных бордоских виноделов (как

48 Арманьяки – одна из придворных политических группировок, боровшаяся за власть при психически больном короле Франции Карле VI Безумном. См. также прим. 6.

49 Альбигойцы – секта в христианской церкви, ветвь средневековой ереси катаров в Лангедоке (Южная Франция, главным образом Прованс и Тулуза). Одним из главных центров движения был г. Альби, давший ему название. Альбигойцы во многом отклонялись от догматов и обрядов официальной католической церкви. У истоков их учения стоит армянская секта павликиан, исповедовавшая абсолютный дуализм, чтившая наряду с верховным Богом-Отцом, богом добра, и бога зла – Сатанаила. Альбигойцы проповедовали идеалы аскетического подвижничества, нестяжательства и нищеты. Участие в этом еретическом движении стало для многих слоев населения Южной Франции формой проявления недовольства ростом власти и влияния северофранцузских феодалов, укреплением королевской власти, не желавшей считаться с глубокой исторической и культурной самобытностью этой части страны. В 1209 – 1229 гг. по инициативе папства были организованы крестовые походы против альбигойцев, в которых северофранцузские феодалы фактически уничтожили самобытную провансальскую культуру, террором и насилием подавили свойственный Лангедоку дух самостоятельности и независимости. Богатый и цветущий Лангедок был опустошен и задавлен политическими и религиозными преследованиями инквизиции. В 1271 г. Лангедок был окончательно включен в состав Франции.

подсчитали, в ту пору англичане потребляли больше вина на душу населения, чем в наши дни). В это же время северная часть Франции захвачена англичанами, и они распоряжаются там как завоеватели. Такое поведение завоевателей в Нормандии и Иль-де-Франс уже в эпоху Жанны д'Арк не могло не вызвать сопротивления, сравнимого с тем, которое возникло у нас в XX веке, но уже против других оккупантов.

Кажется, никто лучше Жана Паскереля, капеллана Жанны, не подытожил все толки и слухи о ее подвигах: "Никогда до того не видели ничего подобного тому, что вы сделали; ни в одной книге не описаны подобные деяния". Итак, Жанна появляется перед дофином в этой ауре победы; Жанна сознает, что, освободив Орлеан – как она и обещала, – она дала "знамение", которого от нее все требовали. Но Жанна не собирается почивать на лаврах, она знает, что ее миссия еще далеко не завершена. "Я первая поставила наверху лестницу в бастиде, что в конце Орлеанского моста", – заявит она позднее. Она выиграла сражение, потому что рисковала своей жизнью, и ее жизнь будет вновь на чаше весов. Мы не можем не оценить ее личный вклад в освобождение Орлеана и то, как трижды только благодаря ее усилиям была одержана победа. В Лоше все повторилось – именно ее решимость заставила короля действовать.

Как же наилучшим образом использовать победу при Орлеане и освобождение города? Очевидно, что с точки зрения стратегии необходимо наступление на Шартр, Нормандию и даже на Париж. Тем более что с этого момента численный состав французских отрядов растет выше всех ожиданий. Мы располагаем записью о решении герцога Бретонского; он сообщает Жанне, что не может приехать лично – из-за "немогшего состояния здоровья" – и поэтому посылает своего сына с вооруженным подкреплением. Гобер Тибо, один из тех, кто впоследствии оставит нам свои воспоминания, так писал о воинах Жанны: "Их оказалось много, потому что все следовали за ней". Победы Девы буквально гальванизировали страну.

Орлеанский Бастард недвусмысленно высказался о принятом решении:

"Я вспоминаю, что после победы (при Орлеане), о которой я говорил, принцы королевской крови и капитаны хотели, чтобы король направился в Нормандию, а не в Реймс; но Дева всегда считала, что нужно идти в Реймс, дабы миропомазать короля, и приводила доводы, говоря, что, как только король будет коронован и миропомазан, мощь неприятеля станет постоянно убывать и в конце концов враг не сможет вредить ни ему, ни королевству. Все с ней согласились".

Но в присутствии короля Жанне пришлось твердо настаивать на своем. Тот же Бастард описывает Жанну в замке Лош в тот момент, когда король в своих покоях держит совет с приближенными, среди них находятся Кристоф д'Аркур, Жерар Машэ (епископ Кастра), Робер Ле Масон (канцлер Франции):

"Перед тем как войти. Дева постучала в дверь, а войдя, пала на колени, обняла ноги короля и сказала следующие слова или сходные с ними: "Благородный дофин, не собирайте более так часто столь долгих советов, но как можно скорее поезжайте в Реймс, чтобы получить достойную корону".

Именно тогда Кристоф д'Аркур задал вопрос Жанне, которая возбуждала его любопытство: он не сомневается в том, что ею руководит Божественное Провидение, но ему не терпится узнать, как, каким образом, действует этот таинственный "совет", на который она постоянно ссылается. Король также настаивает на ответе, который Жанна, немного смутившись, дала незамедлительно.

"Когда дело не ладилось, потому что не хотели довериться ей в том, что ей было сказано именем Бога, она удалялась и молилась Богу, жалуясь Ему, как ей трудно заставить поверить своим словам тех, с кем она говорит; и после произнесения молитвы, обращенной к Богу, она слышала голос, обращенный к ней: "Дочь (Господа Бога), ступай, иди, я приду тебе на помощь, иди". И слыша этот голос, она испытывала большую радость, и ей хотелось постоянно находиться в этом состоянии... Повторяя таким образом услышанные слова, она необычайно радовалась, поднимая глаза к небу".

Жанна добила того, что с ее мнением согласились, и это ей, по-видимому, удалось

сделать за время пребывания в замке Лош. Долгие переезды, которые она затем совершает, непосредственно связаны с подготовкой к новым военным действиям, которые она собирается предпринять, так как, несомненно, именно после 23 мая она отправляется к герцогу Алансонскому в Сен-Флоран-ле-Сомюр. К тому времени у герцога развязаны руки; выкуп за него выплачен, но, возможно, его супруга страшится дальнейших событий. Она только что заплатила столь крупную сумму, и не ей ли умолять своего супруга более не сражаться. Но Жаннетта успокоила ее: "Госпожа, не бойтесь, я верну его вам в добром здравии и в том же состоянии – или даже в лучшем, чем теперь!"

Получив это ободряющее заверение, герцог и герцогиня Алансонские расстались. Затем мы находим Жанну в Сель-ан-Берри, куда также направился герцог "с очень крупным отрядом"; он даже сыграл партию игры в мяч с юным Ги де Лавалем – речь идет о дворянине, присоединившемся со своим братом Андре к королевской армии. Ги де Лаваль пишет матери – и это письмо сохранилось – об оживлении, царившем на дороге из Сель-ан-Берри в Сент-Эньян, где находился король:

"Здесь говорят, что монсеньор коннетабль ведет 600 вооруженных людей и 400 лучников, и что Жан де Ла Рош тоже идет, и что никогда еще у короля не было такой большой армии, какую ожидают здесь, и никогда люди так охотно не шли на дело, как сейчас".

Юноша с воодушевлением рассказывает, как в Лоше он встретился "в замке с монсеньером дофином. Это очень красивый и любезный господин, прекрасно воспитанный, ловкий и проворный для своего возраста; ему, должно быть, около семи лет" (имеется в виду будущий Людовик XI⁵⁰, которого Жанна тоже, возможно, видела во время своего пребывания в городе). Через всю свою жизнь он пронесет это свое детское воспоминание о встрече с Жанной и станет единственным из наших королей, выказавшим хоть какую-то признательность Жанне; он назовет ее именем двух из своих дочерей, законнорожденную и внебрачную (хотя, по правде говоря, имя Жанна в то время было довольно распространено).

Для Ги де Лавалья встреча с Жанной Девой тоже была событием. Жанна послала его бабке Анне де Лаваль, вышедшей замуж за Дюгеклена⁵¹, "маленькое золотое колечко"; она понимала, что это слишком скромный подарок, но считала его знаком уважения и почтения к прославленной даме и доблестному воину, ее супругу. Ги в восторге от Жанны:

"Дева оказала очень хороший прием моему брату и мне, она была в боевом снаряжении, только голова оставалась непокрытой, в руке она держала копье. После того как мы приехали в Селль, я отправился к ней в дом, чтобы повидаться; она приказала принести вина и сказала, что скоро угостит меня вином в Париже. И кажутся божественными ее поступки, и радостно видеть и слышать ее".

Он описывает ее с восхищением и даже горячностью:

"Я видел, как она, в доспехах и при полном боевом снаряжении, с маленькой секирой в

50 Людовик XI (1423 – 1483) – французский король с 1461 г., сын Карла VII, под руководством которого французы победоносно завершили Столетнюю войну. Людовик при жизни отца участвовал в мятежах, направленных против усиления власти Карла VII. Однако, став королем, Людовик XI проводил последовательную политику дальнейшего укрепления политической централизации во Франции. В 1474 – 1477 гг. добился с помощью швейцарских наемных войск победы в бургундских войнах, в результате чего присоединил к королевскому домену герцогство Бургундское, покончив с опасным политическим сепаратизмом бургундских герцогов. Людовик XI оказывал покровительство развитию городов во Франции, так как они были важнейшими источниками поступления средств в казну. Деятельность Людовика XI во многом создала предпосылки для развития абсолютизма во Франции.

51 Бертран Дюгеклен (1344 – 1380) – французский полководец, главнокомандующий (коннетабль) Франции при Карле V Мудром. Во многом благодаря его неординарной военной тактике и способности использовать поддержку горожан в борьбе против английской власти французы добились в 70-х гг. XIV в. временного успеха в Столетней войне. Бертран Дюгеклен происходил из не слишком высокородного рыцарского семейства в Бретани. Назначение его коннетаблем уже по этой причине вызвало недовольство высшей французской знати. Однако Карл V высоко ценил его военные заслуги и даже приказал похоронить Дюгеклена в усыпальнице французских королей монастыре Сен-Дени.

руке, садилась у выхода из дома на своего огромного черного боевого коня, который пребывал в большом нетерпении и не позволял оседлать себя; тогда она молвила: "Отведите его к кресту", который находился перед церковью на дороге. Затем она вскочила в седло, а он не шелохнулся, как если бы был связан. И тогда она обернулась к церковным воротам, находившимся совсем близко от нее: "А вы, священники и священнослужители, устройте процессию и помолитесь Богу". И тогда она отправилась в путь, приговаривая: "Спешите вперед, спешите вперед". Миловидный паж нес ее развернутое знамя, а она держала в руке секиру. Ее брат (Пьер или Жан?), прибывший неделю тому назад, уехал вместе с ней, он был в доспехах и вооружен..."

Луарская кампания

Письмо было написано в среду 8 июня, незадолго до отъезда. Жанна с братом отправляются в Роморантен, после чего и началось то, что назвали Луарской кампанией. Нужно было выбить противника из еще занимаемых им пунктов на берегах Луары и окрестных равнинных районов, чтобы гарантировать таким образом безопасность тылам армии, когда она вступит на дорогу к Реймсу. Ги и Андре де Лаваль очень хотели испытать себя в этой – первой для них – военной кампании и не скрывали нетерпения. Но их мать, видимо, написала письмо королю – изгнанная из Лавалья, она удалилась в Бретань, в замок Витре, – с просьбой не посылать молодых людей сразу же в бой.

"Вы вручили уж не знаю какое письмо, – продолжает Ги, – моему кузену де Ла Трему, и теперь король пытается удержать меня при себе, пока Дева не подойдет к занятым англичанами пунктам вокруг Орлеана. Они будут осаждены, и туда уже послана артиллерия; но это совсем не волнует Деву, которая говорит, что, когда король направится в Реймс, я поеду с ним".

Но Ги де Лаваль намеревается уехать раньше. "И того же мнения мой брат", – добавляет он. После чего он настоятельно просит у своей матери прислать скорее денег: "У нас на все про все осталось только около трехсот эку французскими монетами".

Развитие событий отмечает та же стремительность, которая характерна для Жанны, когда она получает свободу действий. Вспомним, что она покинула Сель и отправилась в Роморантен, а оттуда к Орлеану. Остатки английской армии, изгнанной из Орлеана, под предводительством Саффолка отошли к Жаржо. Кроме того, герцог Бедфорд поспешил собрать другой крупный военный отряд, который под командованием прославленного Джона Фальстолфа должен был прийти на выручку.

Король поручил командование этой Луарской кампанией герцогу Алансонскому. Сначала герцог направил свою армию, насчитывающую 600 копий – значит, столько же рыцарей, а всего около 2000 человек, – на Жаржо; уже на следующий день количество воинов удвоилось, так как к армии присоединились отряд Орлеанского Бастарда и люди Флорана д'Иллье, капитана Шатодена. Между капитанами разгорелся спор: следует ли идти на штурм города? Считалось, что отряды англичан там многочисленны. И вновь только вмешательство Жанны заставляет их действовать:

"Видя, что они не могут прийти к соглашению, Жанна сказала: не опасайтесь – силы неприятеля не так многочисленны – и без колебаний идите на штурм англичан, вас направляет Бог. Жанна сказала, что, не будь она уверена, что Господь Бог направляет это дело, она бы предпочла скорее пасти овец, чем подвергать себя таким опасностям".

Итак, войска направились к Жаржо с намерением, как твердо заявил герцог Алансонский, остановиться в предместье и провести там ночь.

"Узнав об этом, англичане вышли им навстречу и сначала оттеснили людей короля, – рассказывает герцог Алансонский. – Видя это, Жанна подхватила свое знамя и пошла в наступление, увещевая и приободряя солдат, и солдаты короля сражались так храбро, что эту ночь они провели в предместье Жаржо. Я верю, – добавляет герцог, который как никто иной мог рассказать о событиях, – что Бог руководил этим делом, поскольку этой ночью, в

сущности, не было выставлено охранение и, если бы англичане вышли из города, солдаты короля оказались бы в большой опасности".

И вновь на следующий день Жанна лишила капитанов возможности затянуть совет, на котором всяк высказывал свое мнение, а к согласию никак не могли прийти.

"Жанна сама обратилась ко мне: "Вперед, милый герцог, на штурм!" И так как мне казалось преждевременным так быстро начинать наступление, Жанна сказала: "Не сомневайтесь, час наступает, когда это угодно Богу". И еще она сказала, что следовало действовать, когда того хочет Бог: "Действуйте, и Бог будет действовать!", – а позже она утешила меня: "О милый герцог, неужели ты боишься? Разве ты не знаешь, что я обещала твоей жене привезти тебя обратно целым и невредимым?"

Герцог Алансонский считает, что во время этого наступления Жанна спасла ему жизнь:

"Вдруг Жанна попросила меня перейти на другое место, иначе находящееся в городе орудие, на которое она мне указала, убьет меня. Я отошел в сторону, и чуть позже на том самом месте, с которого я ушел, был убит некто по имени монсеньор дю Люд; это меня чрезвычайно напугало, и после случившегося я не перестаю изумляться словам Жанны".

Затем герцог рассказывает о попытке Саффолка добиться перемирия в разгар сражения, но он не был услышан. Штурм подходил к концу, когда Жанна взобралась со знаменем в руке на лестницу, ее ударило в голову камнем, который разбился об ее каску, "ее шапелин"; она упала наземь, но быстро поднялась и закричала солдатам: "Друзья, друзья, ну же! Вперед! Господь Наш вынес приговор англичанам, и теперь они наши, не сомневайтесь!"

Это случилось 12 июня 1429 года. Саффолк был взят в плен, и без промедления войска направились к Мёну и Божанси. Поскольку англичане укрылись в замке, сам город Божанси очень скоро попал под контроль французов. В это время герцог Алансонский получил неожиданное подкрепление в лице коннетабля Артура де Ришмона, оказавшегося в то время в немилости: еще недавно дофин Карл находился под его сильным влиянием, но его оттеснил Ла Трёмуй, на которого король перенес свою благосклонность. Бывшие союзники – Ришмон и Ла Трёмуй – превратились во врагов. Пострадает ли военная кампания от последствий этой борьбы за влияние? "Я сказал Жанне, что если коннетабль появится здесь, то я уйду". На что она заметила, "что нужно помогать себе". Действительно, только что узнали о "приближении английской армии, а с нею и сеньора Талбота"; это был испытанный и закаленный в боях воин, и само его имя способствовало смягчению разногласий, царивших в лагере французов. Герцог Алансонский вел переговоры о капитуляции замка Божанси и обещал предоставить охранное свидетельство его гарнизону.

"Когда английский гарнизон отступал, – вспоминает герцог Алансонский, – пришел кто-то из отряда Ла Гира и сказал мне по поручению королевского капитана, что приближаются англичане, что вскоре мы окажемся с ними лицом к лицу, что они вооружены и что их около тысячи".

В самом деле, 17 июня обе армии стали друг против друга, и мы можем предоставить слово еще одному очевидцу событий, но сражавшемуся в рядах англичан, бастарду Вейврэнну:

"На огромной и широко раскинувшейся равнине Бос вы бы увидели англичан, надвигающихся со всех сторон в полном боевом порядке; затем, когда они оказались на расстоянии одного лье от Мена и достаточно близко от Божанси, предупрежденные об их приближении французы – а их было примерно 600 воинов, среди которых находились их военачальники: Жанна Дева, герцог Алансонский, Орлеанский Бастард, маршал Лафайетт, Ла Гир, Потон и другие капитаны, – выстроились в боевом порядке на пригорке, чтобы лучше видеть силы англичан".

Англичане остановились и также перестроились в боевой порядок, при этом их лучники образовали, как обычно, первые линии, "выставив острой стороной свои колья"; эти колья, забитые в землю, сдерживали любую кавалерийскую атаку; к французам направили двух герольдов, сказавших, что только от них зависит решение спуститься с пригорка и вступить в сражение. "Ответ им был дан людьми Девы: "Сегодня располагайтесь на ночлег,

так как уже довольно поздно, а завтра по воле Господа и Богородицы мы сойдемся поближе".

Сражение при Пате – повторение Азенкура и реванш за него

Вызов брошен, и в ожидании сражения пройдет ночь с 17 на 18 июня. Все оставались на своих позициях: англичане около Мена, французы в Божанси, правда, их несколько беспокоило дальнейшее развитие событий – они знали, что к англичанам в замке подходит подкрепление. Орлеанский Бастард рассказывает, что герцог Алансонский поделился с Жанной своими сомнениями спросил у нее совета. Она громко ответила ему:

"Пусть у всех будут хорошие шпоры!" Услышав такой ответ, присутствующие спросили Жанну: "Что вы говорите? Неужели мы обратимся в бегство?" Тогда Жанна сказала: "Нет – англичане, кои не будут защищаться и потерпят поражение, и вам нужны будут хорошие шпоры, чтобы преследовать их". И так оно и случилось, ибо они бежали и оставили более 4000 убитых и плененных".

Этот день 18 июня стал днем самой большой победы, одержанной Жанной, и на этот раз не во время штурма, как при снятии осады с Орлеана, но в открытом поле. Именно сражение при Пате является истинным повторением Азенкура; как и 8 мая. 18 июня является самой знаменательной датой военных побед, которыми мы обязаны Деве. Жан Вейврэн описывает удивительный поворот событий, в которых он участвовал лично. За авангардом находились основные силы под предводительством Фальстолфа, Талбота, некоего Томаса Раместона и других.

Цепь случайностей? злосчастных для англичан – нарушила этот прекрасный порядок: авангард, предупрежденный о приближении французов, расположился вместе с повозками с продовольствием и артиллерией "вдоль изгородей, находившихся около Пате"; затем Талбот занял место там, где, как он считал, должны были пройти французы, "полагая, что он сможет охранять этот проход до подхода других отрядов", "но все обернулось по-другому", добавляет Жан Вейврэн.

"Непреклонно и неотвратно шли французы на врага, которого они еще не могли видеть, и не знали, где точно он находился, когда вдруг случайно дозорные, ехавшие впереди, увидели, как из леса выбежал олень и припустил в сторону Пате; он вклинился в английский отряд. Раздались громкие крики, а французы не знали, что враг так близко".

Благодаря оленю, ниспосланному Провидением, французы поняли, где стоит противник. Дозорные помчались предупредить свои отряды, сообщив им, что "наступило время потрудиться". Схватка началась до того, как в полнейшем беспорядке отряды англичан смогли соединиться. Отряды авангарда, видя, что к ним сломя голову мчится капитан Фальстолф, подумали, "что все пропало, а отряды бегут. Поэтому капитан, несший белое знамя авангарда, решив, что так оно и есть, вместе со своими людьми обратился в бегство, и они отступили от изгороди". В это время Фальстолфа и его солдат также охватила паника. "И ему было сказано в моем присутствии, – заявляет Жан Вейврэн, – чтобы он сам о себе позаботился, так как они проиграли битву". Действительно, в другом отряде был только что взят в плен Талбот; все это вызвало смятение и беспорядочное бегство.

"И уже французы, участвовавшие в схватке, могли вволю убивать или брать в плен, как им заблагорассудится; и в конце концов англичане потерпели полное поражение при малых потерях со стороны французов".

Бастард Вейврэн разделит судьбу Фальстолфа, бежавшего к Этампу и Корбею.

Было убито только трое французов, потери же английской стороны бургундский хронист оценивает в 2000 человек, и Вейврэн заключает:

"Так французы добились победы в местечке Пате, где они провели целую ночь, возблагодарив Господа Нашего за такой прекрасный исход дела... По имени этого местечка сражение вечно будет носить имя "день Пате".

Удивительный день, вызвавший переполох даже в Париже. Как только стало известно о победе при Пате, парижане подумали, что "теперь арманьяки нападут на них, усилили

караулы и начали укреплять крепостные стены".

Но не в Париж намеревается Жанна направить королевскую армию, собранную в Жьене, к тому времени она могла насчитывать около 12 000 воинов. После сражения король, отныне уверовавший в правоту Жанны, решил направиться в Реймс. Он начал рассылать приглашения, как тогда полагалось, добрым городам своего королевства, а также вассалам, тем, кого называли пэрами, – светским и церковным, – которые должны были присутствовать на церемонии коронации и участвовать в ней. Среди них был герцог Бургундский. Жанна сама послала ему письмо – к сожалению, теперь утерянное, – в котором призывала его приехать дать клятву верности королю Франции. Другое письмо, продиктованное ею, сохранялось в наших архивах до пожаров второй мировой войны; в этом письме жители Турнэ приглашались в Реймс: "Клянусь моим древком, я в целостности и сохранности доведу милого короля Карла и его приближенных до Реймса, и он будет там миропомазан". Если верить Персевалю де Кани, хронисту герцога Алансонского, состоявшему в то время у него на службе, Жанна была чрезвычайно раздосадована этой новой отсрочкой, испытывающей ее терпение: одиннадцать дней прошло с победы при Пате до выезда из Жьена. И правда, король отправился в путь лишь 29 июня, "и раздосадованная (Дева) уехала и два дня до отъезда короля провела в полях".

По правде говоря, с точки зрения стратегии этот выезд в Реймс бы совершеннейшей бессмыслицей, так как предстояло пересечь районы, где хозяйничали бургундцы.

Дорога в Реймс

На бургундский гарнизон натолкнулись при первом же переходе, 20 июня в Оксере. В течение трех дней шли переговоры между королем и горожанами, которые в конце концов поставили армии продовольствие и, будучи людьми осторожными, заявили, что "окажут королю такое же повиновение, как города Труа, Шалон и Реймс".

Говорить о Труа означало напомнить о городе, где король Англии Генрих V⁵² был провозглашен регентом Франции. После женитьбы на Екатерине Французской он становился шурином несчастного Карла VI и Изабо Баварской, а их потомкам была обещана корона Королевства Франции. Нигде более нельзя было найти подобного нагромождения событий, направленных на то, чтобы отстранить "буржского короля". Доехав до Сен-Фаля – чуть больше пяти лье (22 км) от Труа, – Жанна предусмотрительно направила 4 июля письмо жителям города, и Карл между тем поступил так же. Так же как и Жанна, он им обещает полную амнистию:

"Законопослушные французы! Выходите встречать короля Карла, и да не будет на вас вины, и не опасайтесь ни за свою жизнь, ни за свое добро, если вы так поступите; если же вы так не сделаете, я обещаю вам и заверяю вашей жизнью, что мы войдем с помощью Божьей во все города, которые должны по праву принадлежать святому королевству, и установим там добрый прочный мир, кто бы ни выступал против нас. Поручаю вас Богу, и да хранит Он

⁵² Генрих V (1387 – 1422) – английский король с 1413 г., сын Генриха IV, основателя династии Ланкастеров на английском престоле, пришедшего к власти в результате государственного переворота и свержения последнего короля из династии Плантагенетов, Ричарда II. Генрих V начал принимать участие в управлении государством еще при жизни своего отца. Одной из его главных забот после прихода к власти было стремление умиротворить многочисленных представителей английской аристократии, недовольных ланкастерским правлением. Надежным способом могла бы стать успешная война, которая принесла бы новые земли и добычу. Поэтому Генрих V решительно стремился к возобновлению военных действий во Франции. Удачная кампания в Северной Франции, победа в сражении при Азенкуре и, наконец, договор в Труа (см. прим. 26) сделали его на некоторое время популярным правителем, полководцем и политиком в глазах широких слоев английского общества. Однако последние два года перед своей внезапной кончиной Генрих V провел в состоянии глубокого разочарования и сомнений в успехе избранного пути укрепления положения Ланкастеров в Англии. Возможно, их исток крылся в отчетливом понимании Генрихом V сомнительности его прав на английский престол. Ланкастеры были потомками третьего сына Эдуарда III, в то время как оставались живые представители дома Йорков – потомки второго его сына.

вас, ежели Ему будет угодно. Ответьте кратко".

Получив это решительное письмо, обеспокоенные горожане Труа задались, как и жители Оксера, вопросом: как поведут себя жители Реймса и других городов? Одного за другим посылают гонцов; уполномочили также вести переговоры некоего францисканца, брата Ришара, пользовавшегося репутацией в высшей степени благочестивого человека. Жанна не без иронии упомянет о его приезде: "Когда он пришел ко мне, он стал, приближаясь, все кругом осенять крестным знаменем и окроплять святой водой; и я сказала ему: "Подходите смелее, я не улечу!" Она начала уже привыкать к подобным заклинаниям злых духов!

На самом деле положение армии было критическим. Не хватало продовольствия, в городе стоял сильный бургундский гарнизон, и, как всегда, мнения капитанов о том, что следует предпринять, разделились. Орлеанский Бастард рассказывает, что Жанне снова пришлось вмешаться:

"И тогда пришла Дева, и вошла в Королевский совет, говоря следующие слова или примерно такие: "Благородный дофин, прикажите, чтобы ваши люди пришли и осадили город Труа, и не затягивайте Совет, потому что, во имя Бога, не пройдет и трех дней, как я введу вас в город Труа любовью, или силой, или храбростью и лживая Бургундия будет этим поражена".

Сказав это, Жанна принялась расставлять войска и артиллерию вдоль крепостных рвов, "и она так хорошо потрудились этой ночью, что на следующий день епископ и горожане, дрожащие и трепещущие, выказали повиновение королю".

Другой очевидец событий, Симон Шарль, уточняет, что Жанна развернула свое знамя.

"За ней следовало множество пеших людей, которым она приказала приготовить охапки хвороста, чтобы заполнить рвы. Они сделали много вязанок, и на следующий день, дав сигнал бросать хворост в рвы, Жанна кричала: "На штурм!" Видя все это и опасаясь штурма, жители Труа решили обговорить с королем договор. И король пришел к соглашению с жителями города и с большой торжественностью вошел в Труа; Жанна, несущая свое знамя, ехала рядом с королем".

Этот торжественный въезд в город – въезд, которым обязаны предательству, – произошел в воскресенье 10 июля.

12 июля армия вновь пустилась в путь и через два дня подошла к Шалон-сюр-Марн. Королевский глашатай Монжуа передал письма дофина, обещавшего, как и везде, "отмену" (амнистию); епископ Жан де Монбельяр, подражая епископу Труа Жану Легизе, сразу же выехал навстречу дофину, чтобы передать ему ключи от города. Таким образом, по мере приближения к цели путешествия переговоры становились все короче, ожидание менее гнетущим, а продвижение армии более уверенным.

На этом переходе до Шалона – последнем, когда пришлось вести переговоры, – произошло важное событие, которое следует запомнить, так как оно имеет значение для последующего хода нашего повествования. Послания, отправленные королем для того, чтобы оповестить жителей его королевства о том, что он направляется в Реймс, дабы получить там по многовековой традиции миропомазание, глашатаи должны были повторять повсюду – во всяком случае, в районах, сохранивших преданность королю. В результате простой люд поспешил в Реймс. И это тоже традиция; коронация короля считалась народным праздником, конечно же, очень торжественным, но начисто лишенным той чопорности и закрытости, которые обязательны для церемоний в наше время.

По дороге Жанна встретила некоторых из тех, кто называл ее Жаннеттой, – жителей ее родной деревни, пришедших из Домреми, чтобы присутствовать на церемонии миропомазания, которая для них имела значение большее, чем для кого бы то ни было в королевстве. Здесь же один из ее родственников по имени Жан Моро, который с волнением будет рассказывать, что при встрече Жанна подарила ему "красную куртку, которую она носила". Жан Моро отправился в дорогу вместе с четырьмя другими жителями Домреми. Беседуя с ними, Жанна сделает важное признание. "Она говорила, – рассказывает один из

них, некто Жерарден из Эпиналя, – что не боится ничего, кроме предательства". В тот момент подобное признание могло удивить: Жанна уже на пороге близкой победы, но нам еще не раз представится случай вспомнить об этом ее предчувствии, высказанном в необычных обстоятельствах.

В субботу 16 июля в замке Сэт-Со король принимал депутацию горожан Реймса, которые сообщили о полном повиновении и покорности своему суверену. Впервые столь открыто выражал свою лояльность город, расположенный в "бургундских" краях. Следует добавить, что в тот же день незначительное число тех, кого называли "отрекшимися французами" (мы бы сказали: те, кто сотрудничал с врагом), покинуло город, среди них бывший ректор Парижского университета, уроженец Реймса по имени Пьер Кошон, один из основных участников переговоров, окончившихся подписанием договора в Труа... И в тот же вечер Карл вступил в город Реймс, население встретило его криками: "Ноэль, ноэль!" [Noel (фр.) – радостная весть.]

Миропомазание и коронация короля прошли на следующий день, в воскресенье 17 июля 1429 года, по принятому церемониалу, хотя подготовка к нему и была слишком поспешной. Отныне дофин становится Карлом VII, помазанником Божьим, освященным миром, ибо только обряд миропомазания превращает королей в законных наследников королевства.

У нас мало подробностей о том, как проходила церемония. На протяжении веков обряд миропомазания мало менялся, поэтому можно предположить, что этот обряд, за исключением некоторых деталей, сохранился практически неизменным со времен Людовика Святого, прошедшего через это таинство ребенком почти на двести лет раньше, в 1226 году. Карл, которого Жанна называла до сих пор дофином ("Она говорила, что не назовет его королем, пока он не будет коронован и миропомазан в Реймсе, куда она полна решимости его отвести", – указывает один из королевских советников Франсуа Гаривель), по-видимому, накануне вечером пришел к собору, дабы "помолиться Богу и бодрствовать, молясь, столько, сколько он посчитает нужным и насколько его удержит его набожность". Наутро четыре всадника, которых называли "заложниками святого сосуда", вероятно, направились в аббатство Сен-Реми за драгоценным пузырьком с миром, который, по преданию, был принесен ангелами во время крещения Хлодвига⁵³; по обычаю каплю этого масла следовало смешать со святым елеем; затем совершалось таинство миропомазания. "Заложниками святого сосуда" были: маршал де Буссак, адмирал де Кюлан, сир де Гравиль и Жиль де Ре, человек, который в дальнейшем заставит о себе говорить. В то время его знали лишь как отважного воина; он участвовал в снятии осады с Орлеана и в Луарской кампании; в знак признательности Карл VII дарует ему двумя месяцами позже право поместить цветок лилии на краю герба, о чем повествует документ, сохранившийся в Национальном архиве.

Возвращаясь со святым сосудом, переданным им аббатом Жаном Канаром, четверо "заложников" повстречали длинную процессию каноников, епископов и прелатов, сопровождавших короля, который, по-видимому, провел ночь в архиепископском дворце, а затем вступил в собор под пение псалмов. Обе створки больших врат были открыты, стук лошадиных подков смешался с приветственными возгласами людей, столпившихся как вне собора, так и внутри него, – в этот день четверо всадников, доставивших сосуд, въехали в собор на лошадях.

Церемония начиналась с того, что король давал требуемые клятвы; затем под пение "Te Deum" благословлялись знаки королевской власти: корона, золотые шпоры, скипетр, а также – с начала XIV века – то, что называют "рукой правосудия", нечто вроде второго скипетра из

⁵³ Хлодвиг I (465 или 466 – 511) – король большой группы германских племен (салических франков) с 481 г. В борьбе с бывшим римским наместником в Галлии расширил владения салических франков до Луары, что вместе с несколькими другими успешными завоеваниями заложило основу для создания Франкского государства. В 496 г. Хлодвиг принял христианство в ортодоксальной форме. Это обеспечило ему поддержку духовенства и галло-римского населения бывшей римской провинции Галлии, основы будущего королевства Франция.

резной слоновой кости. И, наконец, само миропомазание – основная часть ритуала – таинство, подобное конфирмации или посвящению в орден. Король пал ниц на ступенях алтаря, в это время запели литанию святых; затем архиепископ, находившийся рядом с королем, мажет ему святым миром голову, грудь, плечи и руки. Король, одетый до этого в штаны и рубаху, рассеченную на груди и спине, облачается в тунику и шелковую мантию; после помазания миром кистей рук он натягивает перчатки, затем ему на палец надевают кольцо как символ союза и единения короля со своим народом. И наконец, на голову королю возлагают лежавшую на алтаре корону, но до этого двенадцать пэров (шесть светских и шесть духовных лиц) держат ее над головой короля, пока его ведут от алтаря к возвышению, где находится трон. И вот он появляется во всем королевском величии – вспомним изображения на печатях того времени.

"В час, когда король был миропомазан и также когда ему на голову возложили корону, все закричали: "Ноэль!" И трубы зазвучали так громко, что казалось, своды церкви рухнут. И во время этого таинства Дева постоянно находилась рядом с королем и держала в руке свое знамя. И было так отрадно видеть короля, державшегося с большим благородством и достоинством, а также Деву. И Богу лишь известно, были ли вы здесь желанны". Так рассказывают три анжуйских дворянина, которым было поручено описать церемонию королеве и ее матери.

После того как архиепископ и пэры дали клятву верности, Жанна, встав на колени и обняв ноги короля, сказала ему, обливаясь горячими слезами:

"Милый Король, отныне исполнено желание Бога, который хотел, чтобы я сняла осаду с Орлеана и привела вас в этот город Реймс принять ваше святое миропомазание, показав тем самым, что вы истинный король и тот, кому должно принадлежать королевство".

Хронист описывает возбуждение, охватившее всех при этих словах: "И она вызывала великую жалость у тех, кто видел ее".

Действительно, Жанна присутствовала на церемонии, там также находились ее отец и мать, Жак д'Арк и Изабель Роме. Тот факт, что Жанна – а в тот момент все признавали, что ее участие сыграло основную роль, – находилась ближе к королю, чем другие капитаны, подтверждают нам и ее враги, которые спросят у нее: "Почему на миропомазании короля ваше знамя занимало в Реймском соборе место лучшее, чем знамена остальных капитанов?" На что Жанна даст здравый ответ: "Оно хорошо потрудились, и справедливо, чтобы оно было в чести".

Жан Жерсон и Кристина Пизанская

Жители Реймса, присутствовавшие на этой торжественной церемонии, ликовали. Следует вспомнить и о впечатлении, подобном удару грома, которое произвело во Франции и за ее пределами это неожиданное для всех миропомазание.

По правде говоря, еще до миропомазания короля появились два опуса, в которых речь шла о Жанне, один из них сочинил некий ученый из Парижского университета, но текст не сохранился до наших дней. Зато в нашем распоряжении имеется ответ на этот выпад богословов из Парижского университета. Это творение человека хорошо известного – Жана Жерсона. Какое-то время ему приписывали авторство "Подражания Иисусу Христу". Бывший хранитель печати Парижского университета знал, как никто иной, царивший там дух – он был вычеркнут из списков и исключен из университетской корпорации за свои взгляды⁵⁴. С 6 июля 1418 года его имя больше не значится в реестрах. Находясь на Соборе в Констанце⁵⁵, он узнал, что Париж оказался в руках англо-бургундцев, и не пожелал

⁵⁴ См. прим. 73.

⁵⁵ Констанцкий собор (1414 – 1418) – Вселенский собор католической церкви, заседавший в городе Констанце (Южная Германия). Задачами Собора были преодоление раскола в католической церкви, борьба с гуситским движением, проведение реформ в церковной организации. Наряду с духовенством в работе Собора приняли участие светские феодалы, в том числе император Сигизмунд. Собор осудил как еретические взгляды

возвращаться туда. Прожив некоторое время в Австрии, он едет в Лион, где встречается с братом, в то время приором ордена целестинцев⁵⁶. Написанное им в июне 1429 года произведение в защиту Жанны, которая только что так блестяще повернула ход событий, – скорее всего, его последнее творение, так как он скончался 12 июля, до миропомазания в Реймсе.

Много лет тому назад Жан Жерсон выступил в защиту другой женщины – Кристины Пизанской. Строки произведений Жана Жерсона и Кристины Пизанской во многом созвучны. Кристина Пизанская, свидетельница удивительных событий, воскликнула:

Год тысяча четыреста двадцать девятый,
Вновь воссияло солнце.

Имя Кристины, поэта и историка, которую герцог Бургундский Филипп Смелый незадолго до смерти попросил написать историю своего брата, "мудрого короля Карла V", было широко известно. Она неустанно призывала своих современников к миру. Когда англичане вошли в Париж, она покинула город и удалилась, по всей вероятности, в монастырь Пуасси, где была монахиней ее дочь:

Я, Кристина, проплакавшая
Одиннадцать лет в монастыре.

И вдруг она видит, что занимается заря, на которую уже было потеряли надежду; в течение одиннадцати лет она хранила молчание, бросила писать, а если и сочиняла, то только стихи, походившие на молитвы, и вот к ней вернулось вдохновение, она вновь берется за перо, чтобы прославлять эту женщину, эту неизвестную девочку, только что одержавшую победы, на которые, как считалось, были не способны даже мужчины:

Вот женщина, отважная пастушка,
Затмившая собой героев Рима.

Ее вновь обретенный поэтический пыл неистошим:

56 строф, 448 стихов – и вот она в общих чертах, история Жанны; она напоминает, как Жанну допрашивали ученые, прелаты, а главное, как она показала себя:

И вот была осада Орлеана,
Когда впервые силу проявила.

Она вспоминает главным образом о миропомазании и короновании, которые

Джона Виклефа и Яна Гуса. 6 июля 1415 г. Ян Гус был сожжен вопреки охранной грамоте Сигизмунда. Констанцкий собор прекратил "Великий раскол" в католической церкви под давлением светских властей, которые желали консолидации церкви перед лицом расширяющихся еретических движений, часто обретавших антифеодальный характер. По решению Собора папа Иоанн XXIII был низложен, Григорий XII отрекся от своего сана, Бенедикт XIII был отлучен от церкви. 11 ноября 1417 г. был избран новый, единственный папа Мартин V (см. прим. 68). Вопрос о церковной реформе остался открытым; принцип верховенства Собора над папской властью провозглашен не был. От папы потребовали периодического созыва соборов, однако и это решение не было проведено в жизнь.

56 Целестинцы – монашеский орден, основанный в 1254 г. отшельником Петром из Мороне, ставшим в 1294 г. папой Целестином V. Орден был очень популярен в XIV-XV вв. из-за сочетания пышности службы и убранных церквей со строжайшим уставом и ввиду определенной оппозиционности по отношению к папским притязаниям на абсолютное верховенство в церкви. Традиция этой оппозиционности объяснялась тем, что основатель ордена отрекся от папского сана как из-за сознания несовместимости папской деятельности с личной святостью (Целестин был впоследствии канонизирован), так и под давлением своего будущего преемника Бонифация VIII.

свершились вопреки всем надеждам:

Торжественно и в полном могуществе
Коронован был Карл в Реймсе.

И наконец, в заключение:

...Никогда не слышали
О чуде столь великом.

Чувствуется, что Кристину Пизанскую буквально переполняет восторг от "потрясающих событий". Это последнее дошедшее до нас произведение Кристины, которая в данном случае выступила, причем великолепно, в двух ипостасях: историка и поэта своего времени.

Она не могла знать произведение другого поэта, своего современника, также прославлявшего Жанну – примерно в то же время, в июле 1429 года, – правда, в прозе, но в прозе, полной поэзии. Речь идет об Алене Шартье, которого можно считать первым автором стихотворений в прозе:

"Вот она, та, что, как кажется, пришла не из земной юдоли, но ниспослана Небом, дабы поддержать голову сраженной Галлии... О дева необычная, достойная похвал и славы, божественных почестей, в тебе величие королевства, ты светоч лилии, ты свет, ты слава не только французов, но и всех христиан".

И при дворе германского императора, и в лавках итальянских купцов, расположившихся в Брюгге или Авиньоне, – словом, повсюду обсуждают события, происшедшие вопреки всем ожиданиям и предсказаниям; в гуле голосов этой удивительной эпохи, не заглушенных бряцанием оружия, слышны голоса поэтов, которые, наверное – если судить из нашего далека, – наиболее правдиво описали подвиги Девы. Позже будет написана не одна страница комментариев, в которых отразятся чрезвычайно разнообразные мнения и суждения о Жанне. История должна признать, основываясь на всех ныне доступных документах, что именно поэты дали справедливую оценку Деве. Вероятно, чтобы судить о Жанне, а тем более понять ее, прежде всего нужно быть поэтом.

Глава V

"Год, не более"

Церемония коронации в Реймсе прошла с подобающей пышностью, хотя и несколько поспешно. Карл покинул город 21 июля – он направился в аббатство Сен-Маркул-де-Корбени, недалеко от Реймса, для совершения еще одного традиционного действия – "Прикосновения к золотушным". Считалось, что после миропомазания король получал целительную силу.

Прежде всего миропомазание короля символизирует объединение подданных вокруг своего суверена. Таким образом, более поучительно назвать имена отсутствовавших на церемонии. Во-первых, королева Мария Анжуйская, она должна была вместе с королем получить миропомазание и корону; впрочем, когда Карл VII находился в Жьене, он вызвал к себе королеву. Но как только армия тронулась в путь, он отослал ее обратно в Бурж, возможно, король посчитал все это путешествие слишком ненадежным и не захотел подвергать королеву опасности. Однако отсутствие королевы само по себе знаменательно: в эту эпоху битв и сражений важны лишь воины, и вскоре присутствие солдата полностью затмит присутствие женщины. И если Марии Анжуйской не было в Реймсе 17 июля, так это потому, что в окружении короля считают: именно король является самой важной и

значительной фигурой. Не случайно с тех пор церемония коронации королевы приобретет второстепенный характер и будет проходить не в Реймсе, а в Париже. Последняя коронованная королева – Мария Медичи (1610 год). Кончились времена Альеноры Аквитанской и Бланки Кастильской⁵⁷. С этого времени роль королевы во Франции постоянно уменьшается.

Еще одному важному лицу не пришлось присутствовать при миропомазании – коннетаблю Артуру де Ришмону. Именно ему должна была быть оказана честь нести меч миропомазания после благословения. Но вместо него держал меч острием вверх в течение всей церемонии сир д'Альбрэ. Из хроники Гийома Грюэля, человека, близкого коннетаблю, мы узнаем, как Ришмон после блестящей победы в сражении при Пате, участником которого он был, упорно добивался дозволения сопровождать короля в Реймс, но король отказал своему коннетаблю, несмотря на настоятельную просьбу Жанны, "которая была этим очень раздосадована". Гийом даже добавляет, что король заявил: "Я предпочел бы никогда не быть коронованным, чем чтобы при этом присутствовал сей сеньор..." И здесь мы не можем не отметить сильнейшего влияния на Карла VII всемогущего де Ла Тремуя, который противостоял Ришмону.

Обращает на себя внимание отсутствие еще двух человек: не было епископа Бове, одного из шести церковных пэров; но это-то как раз прекрасно объяснимо, если вспомнить его жизненный путь – епископ всегда оставался преданным агентом англо-бургундцев.

И наконец, не было Филиппа Доброго, герцога Бургундского, одного из шести светских пэров. Утром в день миропомазания, в воскресенье 17 июля, Жанна писала ему; ее письмо сохранилось в архивах Лилля. Это волнующий документ:

"Иисус Мария. Высокочитимый и внушающий страх принц, герцог Бургундский, Дева просит вас от имени Царя Небесного, моего справедливого и высочайшего Господина, чтобы король Франции и вы заключили добрый прочный мир на долгие лета. Полностью простите друг друга от всего сердца, как то подобает истинным христианам; а ежели вам нравится воевать, идите на сарацин. Принц Бургундский, я молю, умоляю, прошу вас так смиренно, как только можно просить, не воевать более со святым Королевством Франции и отозвать немедленно и быстро своих людей, кои находятся в некоторых местах и крепостях названного святого королевства. Что же до славного короля Франции, он готов заключить мир с вами, сохраняя при этом достоинство, и все зависит от вас. Сообщаю вам от имени Царя Небесного, моего справедливого и высочайшего Господина, ради вашей пользы, вашей чести и вашей жизни, что вы не выиграете ни одного сражения против верных французов и что все те, кто пойдут войной на

⁵⁷ Аленора Аквитанская и Бланка Кастильская – две королевы с разной судьбой, жившие в разных столетиях. Одна – разведенная жена французского короля Людовика VII, вышедшая замуж в 1152 г. за будущего английского короля Генриха II Плантагенета (см. предисловие). Другая – мать Людовика IX Святого. Ее жизнь и деятельность связаны с 20 – 50-ми гг. XIII в. Авторы объединяют эти имена потому, что обе они принимали активное участие в политической жизни Франции. Не очень типичная для средневековья фигура – женщина-политик, государственный деятель на троне. Аленора Аквитанская, будучи женой Людовика VII, приняла участие во втором крестовом походе 1147 – 1149 гг. Когда же судьба привела ее на английский престол, Аленора не раз вступала в противоречия со своим властным супругом Генрихом II, который был известен тем, что убирал со своего пути всякого, кто осмеливался ему в чем-либо перечить. Она поплатилась за свою активность и независимость суждений долгим заточением, однако не изменила себе. Уже после смерти Генриха II, в 1192 – 1194 гг., Аленора приняла самое деятельное участие в борьбе за освобождение из плена своего сына, английского короля Ричарда I Львиное Сердце. Ее письма к римскому папе и королевским дворам Европы с просьбами о содействии свидетельствуют об уме и эрудиции, сильном характере и незаурядной политической прозорливости.

Бланка Кастильская была в 1226 – 1236 гг. после смерти своего мужа Людовика VIII регентшей при несовершеннолетнем сыне Людовике IX, а также управляла Францией в 1248 – 1252 гг., когда король участвовал в седьмом крестовом походе. Ею были подписаны важные для судьбы страны договоры, осуществлены территориальные присоединения. На троне Франции Бланка Кастильская была не временщиком, а единомышленником и помощником своего политически мудрого сына.

святое Королевство Францию, будут сражаться против царя и Иисуса, Царя Небесного и всего мира, моего справедливого и высочайшего Господина. Я прошу и молю вас не затевать сражения и не воевать против нас ни вам, ни вашим людям, ни вашим подданным, и будьте совершенно уверены, что, какое бы количество людей вы ни повели против нас, они не победят и придется очень сожалеть о сражении и пролитой крови тех, кто пойдет против нас. Вот уже три недели, как я написала вам и послала с герольдом доброе письмо, чтобы вы присутствовали на миропомазании короля, кое сегодня, в воскресенье семнадцатого дня нынешнего месяца июля, происходит в городе Реймсе, – я не получила на это письмо никакого ответа и с тех пор не имела никаких известий от названного глашатая. Поручаю вас Господу Богу, да хранит он вас, если ему будет угодно; и молю Бога, чтобы Он установил добрый мир. Написано в вышеназванном городе Реймсе, названного семнадцатого дня июля.

Герцогу Бургундскому".

Реванш людей из Королевского совета

Письмо Жанны тем более трогательно, что она ничего не знает о напряженной дипломатической деятельности, в это же время завязавшейся между Францией, Англией и Бургундией.

Действительно, некто, несмотря на тяжелое положение, в которое его ввергли происходящие события, сохранял хладнокровие и делал все возможное, чтобы предотвратить губительные для него последствия побед Жанны; им был Жан герцог Бедфорд, регент Франции.

Одного из его лучших капитанов, Джона Талбота, Жанна и герцог Алансонский недавно взяли в плен при Пате. Другого – Джона Фальстолфа – обвиняли в том, что он бежал с поля боя во время этого бесславного сражения, в то время как на самом деле его поспешное отступление дало ему возможность спасти свой отряд. К тому же Бедфорд знал, что 350 вооруженных людей, всадников и лучников, высадились в Кале 1 июля; это была армия, набранная Генри Бофором, кардиналом Винчестерским, дядей герцога Бедфорда (внебрачным ребенком его деда Жана Гэнда, герцога Ланкастерского), для борьбы с гуситами в Богемии⁵⁸. Набрать армию удалось с помощью специальной десятины, взимаемой с разрешения папы, оказавшего также финансовую поддержку; по взаимному согласию дядя с племянником договорились, что армия отклонится от первоначальной цели. 15 июля войска двинулись из Кале в Париж, куда и прибыли десять дней спустя. Таким образом, были получены свежие подкрепления для борьбы против того, кого отныне признали королем Франции Карлом VII.

Но, не довольствуясь тем, что он использует в своих целях военные силы, набранные, как думал простой народ, для блага христианского мира, Бедфорд ведет одновременно широкое дипломатическое наступление. Его брат Генрих V – искусный воин и прирожденный администратор. Он взял в жены Анну Бургундскую, сестру герцога Филиппа ("Самую приятную даму тогдашней Франции: красивую, молодую и добрую", – сообщает "Дневник парижского горожанина"), и воспользовался семейными связями, чтобы получить от не очень надежного союзника гарантии, необходимые для того, чтобы отвести угрозу, нависшую над английскими завоеваниями. Действуя очень ловко, он пригласил герцога

⁵⁸ Гуситы – участники широкого национального и религиозного движения в Чехии (Богемии) за независимость и реформу католической церкви, получившего название по имени выдающегося мыслителя и идеолога чешской реформации, магистра Пражского университета Яна Гуса (1371–1415), сожженного за ересь по приговору Констанцкого собора. После его казни в Чехии разгорелась настоящая освободительная война против немецкого засилья, за право иметь собственный язык и культуру, за свободу в политической и религиозной жизни. Гуситские войны (1419 – 1434) – одна из ярких страниц в истории национально-освободительных движений, пролог европейской Реформации.

Бургундского провести несколько дней в Париже. С 10 по 15 июля в Париже прошли пышные празднества, в том числе и общая процессия и месса в соборе Парижской богородицы, в результате чего народ пообещал "быть послушным и верным регенту и герцогу Бургундскому".

О Париж, получивший столь плохой совет!
Сумасшедшие горожане, не заслуживающие доверия!

– воскликнула Кристина Пизанская.

Герцог Бургундский вернулся в свои владения, получив драгоценностей на сумму 20 000 ливров и обещание, что в конце месяца он получит еще один дар. На эти деньги он обязался набрать армию. Через своего герольда Жарретьера Бедфорд поспешил потребовать субсидии от города Лондона, уверяя, что без союза с Бургундией с английским могуществом будет покончено "одним махом".

Другой, более серьезный аспект этой дипломатической игры – переговоры с бургундским двором, которые Ла Тремуай начал еще 30 июня и вел так усердно, что уже 16 июля бургундец Жан де Вимё выехал из Дижона в Аррас, чтобы дать отчет о состоянии переговоров Филиппу Доброму по его возвращении из Парижа. В то время как король был в Реймсе, к нему прибыло посольство во главе с Давидом де Бримё, а в письме королеве Марии Анжуйской и ее матери Иоланде, живописующем церемонию миропомазания, выражалась надежда, что король заключит "добрый договор... до своего отъезда". В том же письме упоминается о Жанне: "Она не сомневается, что Париж ей повинуется". Таким образом, четко указано, что и кого заботит. Жанна помышляет лишь о том, чтобы продолжать оказавшееся столь успешным наступление, в то время как король думает только о переговорах и вместо "добраго договора" вскоре заключит перемирие... на две недели!

Таким образом, после триумфа, пережитого в Реймсе, последовали недоразумения. Предательство – единственное, чего боялась Жанна, – замыслилось уже во время пиршества, устроенного в честь миропомазания, на которое пригласили и ее. Отныне каждый шаг Жанны сопряжен со смертельной угрозой. В тот самый момент, когда ее отец и мать, а также преданный Дюран Лаксар, сопровождавший их, совершенно ошеломленные неожиданной славой "Жаннетты", отправляются в Домреми, у Жанны, обладавшей удивительным даром предвидения, появляется чувство, что для нее наступает время неопределенности, поражений и жестоких нравственных страданий, начинается путь на голгофу. Этим, возможно, и объясняется горестное восклицание, вырвавшееся у нее по дороге в месте, четко указанном в воспоминаниях Орлеанского Бастарда, между Ла-Ферте-Милон и Крепи-ан-Валуа: "Да будет угодно Богу, моему Создателю, чтобы я теперь могла уехать, оставить оружие и отправиться служить моему отцу и моей матери, пася овец вместе с сестрой и братом, которые так будут рады вновь увидеть меня!" Эти слова сожаления, столь непривычные для нее, – свидетельство безоружности Жанны перед тем, с чем отныне ей придется бороться: предательством, неуловимым, но постоянно осязаемым где-то совсем рядом, буквально за спиной. Как тут не вспомнить размышления одного современника: "Мы не из Королевского совета, наше дело – ратные подвиги". Отныне слово за "людьми из Королевского совета".

Резкий контраст в умонастроениях четко виден, если сравнить два похода: первый – дорога к Реймсу, когда королевскую армию ведет Жанна, второй – обратный путь, когда его определяет воля или, скорее, отсутствие воли у короля. У первого – путь прямой как стрела, у второго – столь же извилист, как и сама дипломатия короля. Тридцать шесть дней понадобилось королю, чтобы преодолеть каких-то 150 километров, отделяющих Реймс от Парижа. Можно представить, какие муки испытывала Жанна, думавшая лишь о том, чтобы использовать порыв людей, окружавших ее. "Один француз мог бы одолеть десятерых англичан", – отмечает современник. Она хотела бы отправиться в Париж, но еще не знает, что Карл VII заранее решил отказаться от этого. Возможно, у нее теплилась какая-то надежда на первых этапах пути – Вайи, затем Суассон: "Король направился в Суассон и был

принят там с большой радостью всеми жителями города, и многие любили его и желали его приезда". Действительно, миропомазание "сделало короля", и отныне все города выражают радость и стремление признать его. Ему шлют послания из Лана, Шато-Тьери, Крепи, Провэна, Куломме. Из Крепи-ан-Валуа он отправляет герольдов в Компьень и просит жителей "перейти к нему в повиновение: те отвечали, что сделают это с большой охотой". Даже Бове, где епископом Пьер Кошон, поет "Te Deum" королю Франции.

Во время остановки в Шато-Тьери 31 июля Карл VII выполняет единственную просьбу, высказанную Жанной, – освобождает от налогов жителей Домреми и Грё. Они не платили их вплоть до эпохи правления Людовика XVI.

Тем временем регент Бедфорд воспользовался непредвиденной отсрочкой, чтобы укрепить оборону Парижа; он вышел из города 4 августа во главе мощной армии и стал подниматься по левому берегу Сены. Через три дня из Монтеро он бросает вызов королю Франции: "Вы, искушающий и злоупотребляющий доверием невежественного народа, вы, прибегающий к помощи людей суеверных и проклятых, таких, как бесноватая, потерявшая стыд женщина, одетая в мужскую одежду и распутная..." Регент предлагал королю расположиться в Бри и Иль-де-Франсе, чтобы они могли там лично помериться силами. Английская армия произвела маневр в направлении Санлиса и остановилась 14 августа около деревушки Монтепийуа. Тем временем герцог Бедфорд сделал тонкий ход: назначил герцога Бургундского губернатором Парижа. Таким образом, отныне власть в столице – в руках принца королевской крови.

Казалось, что решающее сражение должно произойти при Монтепийуа. Мирно текущая Ноннетт, маленькая речка, перерезающая местность в районе деревушки, послужила точкой опоры для армии Бедфорда. к которой присоединились семьсот пикардийцев, присланных герцогом Бургундским. Французские войска, прибывшие из Крепи-ан-Валуа, разбиты на "батальи", в первой из которых – а ею командует сир д'Альбрэ – находятся Жанна, Орлеанский Бастард и Ла Гир.

И снова напряженное ожидание между французами и англичанами тянется целый день 15 августа под палящим солнцем, в пыли ("Было столько пыли, – говорит Персеваль де Кани, что нельзя было отличить французов от англичан"). И одна и другая сторона ждет начала схватки, которая может быть решающей. Англичане по своему обыкновению укрепились за рядами острых кольев и повозками, как бы образующими крепостные валы. Карл VII скачет на лошади рядом с герцогом Бурбоном и де Ла Тремуем; Бедфорд, чье письмо было написано в вызывающем тоне, не показывается. После полудня 16 августа разносится весть: англичане возвращаются в Париж.

"Весь день они стояли друг против друга на расстоянии выстрела из кулеврины, и не было между ними ни изгородей, ни кустов, – пишет герольд Берри, очевидец событий того дня, когда оставалось неясно, на чью сторону склонялась судьба, – и не было никакого сражения. А вечером король удалился и повел свою армию в Крепи, а герцог Бедфорд отправился в Санлис".

Филипп Добрый, третейский судья

И еще одно событие произошло 16 августа, в Аррасе. В этот день герцогу Бургундскому Филиппу Доброму пришлось испытать, в какой мере он хозяин положения и третейский судья как в отношении французов, так и в отношении англичан: французское посольство во главе с архиепископом Реймским Реньо де Шартром, которого сопровождали многие видные лица – среди них можно назвать Рауля де Гокура, – прибыло и буквально стало умолять "Великого герцога Запада"⁵⁹ оставаться в стороне, не вмешиваться, предлагая,

⁵⁹ Великим герцогом Запада называли герцога Бургундского Филиппа Доброго не только из-за его богатства и могущества, но и потому, что он властвовал над землями большими, чем любой другой западноевропейский государь, не имевший королевского титула, и даже иной обладатель короны.

как отмечают свидетели, "за принесенный ущерб больше, чем полагалось бы королевскому величеству". Во искупление злодеяний в Монтеро ему обещали все возможные гарантии: "заложников, телесные наказания... обязательства и подчинение церкви и светских – самые прочные, какие только можно предусмотреть". И все это в обмен на простой нейтралитет в конфликте, противопоставившем французов и англичан. Со своей стороны англичане направили в Аррас Уго де Ланнау, бургундского дипломата, входившего, однако, в Совет короля Англии. Герцог Бургундский искусно дал понять, что он согласился бы на мирную конференцию, намеченную на 1430 год, которую предложил посредник, участвующий в большинстве переговоров, Амедей VIII Савойский⁶⁰.

Тем временем жители Реймса обратились к Жанне. Поскольку король Франции удалился, они вновь оказались одни в краю бургундцев и, вполне естественно, были встревожены передвижением войск в этих местах. Жанна ответила им письмом, в котором чувствуется некоторое беспокойство:

"Обещаю и ручаюсь, что не покину вас, пока жива. Это правда, что король заключил на пятнадцать дней перемирие с герцогом Бургундским... Сколько бы ни было перемирий, заключенных подобным образом, я этим очень недовольна и не знаю, буду ли соблюдать их. Но ежели я соблюдаю их, то только потому, что дорожу честью короля".

Она призывает горожан "организовать хорошие дозоры и сохранять добрый город короля". Знаменательны дата и место написания письма: "Писано в пятницу, 5 дня августа, неподалеку от Провэна, в поле по дороге в Париж". Как и письмо, направленное герцогу Бургундскому, оно не подписано, но намерения Жанны в нем явно прослеживаются. А фраза "по дороге в Париж" является просто вызовом.

Но недоразумения продолжаются. Пока Жанна помышляет лишь о том, чтобы на волне энтузиазма продолжить наступление и должным образом применить сильную армию, у короля на уме только переговоры и перемирия. 17 августа в Крепи, куда он отступил, ему передали ключи от Компьеня. На следующий день он вошел в город через ворота Пьерфон. Его встречали именитые горожане, среди которых был Гийом де Флави, с ним мы еще встретимся. Это капитан наемников, от которого фактически зависит оборона города. Через несколько дней, 21 августа, в Компьень также прибудет бургундское посольство во главе с Жаном Люксембургским – еще одно имя, которое всплывет позже. После недели трудных переговоров будет подписано перемирие сроком на четыре месяца, касающееся всех районов, расположенных на правом берегу Сены от Нажен-сюр-Сен до Онфлёра. В течение всего этого времени ни Бургундия, ни Франция не смогут ни захватывать города, находящиеся в указанных границах, ни требовать от них повиновения. Но более определенные гарантии не фигурируют в условиях перемирия, так как Карл VII дал их в устной форме и, кроме всего прочего, обязался передать герцогу Бургундскому самые крупные города по течению Уазы: Компьень, Пон-Сент-Максанс, Крёй и Санлис. Бедфорд мог быть удовлетворен тем, что отвел войска к Парижу, а герцог Бургундский более чем когда-либо оказался хозяином положения.

В это же время англо-бургундским агентом Уго де Ланнау были составлены две памятные записки, где излагался план военных действий, который отныне следует принять во Франции. В этом плане подчеркивалось значение высадки во Франции до окончания перемирия – то есть до Рождества – сильной английской армии, "мощной и многочисленной

⁶⁰ Савойя – с 879 г. – отдельное феодальное государство, входившее в состав королевства Бургундии. В XI в. Савойя – графство, вместе с Бургундией присоединилось к Священной Римской империи. Савойя была фактически независимой частью империи. Пограничное положение герцогства заставляло его правителей балансировать в политических делах между Францией и империей. Поскольку в начале войны император считался союзником англичан, герцоги имели формальное основание занять проанглийскую позицию. Но это привело бы к крайне опасному конфликту с французской короной. Поэтому в течение всей англо-французской войны герцоги Савойские стремились занять по возможности нейтральную позицию, предпочитая выступать в качестве политических посредников.

Амедей VIII Савойский в 1391 – 1416 гг. – граф Савойи, в 1439 – 1449 гг. – антипапа под именем Феликса V.

силы вооруженных людей и вооружения". Теперь, как никогда, необходимо сохранение союза с герцогом Бургундским, поскольку без него "никакое длительное сражение не может произойти". После 1 января 1430 года Англия будет держать для него 2000 солдат, заботу о которых она полностью возьмет на себя при условии, что он обязуется защищать Париж. Но следует также вознаградить его за это, "дав власть большую и значительную", а также передав ему в дар "какую-нибудь сеньорию". Эти два условия в точности выполнит герцог Бедфорд, великолепно умеющий завязывать и поддерживать необходимые связи. 13 октября Бедфорд предоставит Филиппу Доброму "генеральное наместничество" над Королевством Франции, в то время как 12 января 1430 года графства Шампань и Бри будут переданы ему властью англичан.

В этом плане военных действий предусмотрены и другие выгодные союзы: так обеспечили преданность герцога Бретонского, предоставив ему графство Пуату, а коннетабля Артура де Ришмона смогли привлечь на свою сторону, назначив его коннетаблем именем короля Англии и передав ему во владение Турень, Сентонж, район Они и Ла-Рошель. В результате интересы англичан во Франции по-прежнему соблюдены как нельзя лучше. В то же время планировалось наступление на Берри, вновь ставшее пристанищем короля Франции, одновременно предполагалось отправить войска в Гиень для того, чтобы удержать там союзников короля графа Арманьяка и графа де Фуакса. Итак, ни о чем не забыли, все продумали, дабы облегчить "очень большую необходимость, которая есть ныне во Франции", и свести на нет победы, недавно одержанные благодаря Деве. И все это буквально на следующий день после подписания перемирия, послужившего всего лишь ширмой и дававшего возможность расставить войска на свои места. С другой стороны, Уго де Ланнуа посоветовал послать посольства к королям Кастильскому, Арагонскому, Португальскому, герцогу Миланскому, Лотарингскому и главным образом в Шотландию, "союзникам, на которых враг возлагает очень большие надежды и которыми он слишком сильно хвастает".

Поражение под Парижем

В то время как тайно вынашивались подобные планы, Жанну, по свидетельству Персеваля де Кани, охватывает все возрастающее волнение:

"Когда король оказался в названном городе Компьене, Дева была сильно опечалена тем, что он решил там задержаться. Она призвала герцога Алансонского и сказала ему: "Мой прекрасный герцог, подберите ваших людей и солдат других капитанов. Я хочу отправиться и своими собственными глазами посмотреть на Париж ближе, чем я его видела".

Бедфорду же пришлось покинуть Санлис и направиться в Руан, так как из Нормандии приходили тревожные вести. По провинции передвигались отряды "партизан" – так в то время называли людей, организовавших сопротивление. И хронист продолжает:

"В следующую пятницу, 26-го дня этого месяца августа, Дева, герцог Алансонский и их отряд расположились в городе Сен-Дени. И когда король узнал, что они находятся в Сен-Дени, он с большим сожалением отправился в город Санлис. И казалось, что ему советовали поступать против желаний Девы, герцога Алансонского и их отряда".

Лучше и сказать нельзя. Следующие дни проходят в перестрелках, а Жанна осматривает крепостные стены Парижа, жители которого находятся в растерянности и по приказу бургундца Людовика Люксембургского, епископа Теруонна, канцлера Франции, назначенного королем Англии, готовятся к обороне города. Тем временем начинаются поездки герцога Алансонского между Сен-Дени и местом нахождения короля – Санлисом, а затем Компьенем: "И не было ни одного человека, к какому бы сословию он ни принадлежал, который не сказал бы: "Она введет короля в Париж, если это будет зависеть только от нее".

В конце концов штурм начался в четверг 8 сентября; выехав из Ла-Шапель, Жанна, маршал де Ре и сир де Гокур наступают на ворота Сент-Оноре. Накануне в Сен-Дени прибыл король, поддавшийся энтузиазму своего окружения, но решивший, как то покажут

дальнейшие события, ничего не предпринимать.

Клеман де Фокемберг, секретарь Парижского парламента, который четырьмя месяцами ранее сделал запись об освобождении Орлеана, отмечает в этот день в своем реестре:

"Четверг, 8-й день сентября. Праздник Рождества Богородицы. Солдаты мессира Карла де Валуа, собравшиеся в большом числе пред стенами Парижа у ворот Сент-Оноре в надежде захватить город и нанести вред жителям Парижа в большей степени внезапно нападения, чем мощью и силой оружия, около двух часов пополудни начали делать вид, что хотят осадить названный город Париж...И в этот час были в Париже поддавшиеся панике или подкупленные люди, поднявшие голос во всех частях города и с той и с другой стороны мостов, которые кричали, что все потеряно, что враг вошел в Париж и что всем нужно бежать и стараться спастись".

Вполне возможно, что для большей части парижан надежда на приезд короля Франции была искренней и что возникшая паника свидетельствует о глубокой нерешительности жителей города. В это время между воротами Сент-Оноре и воротами Сен-Дени продолжалась активная атака.

"Дева взяла в руки свое знамя и среди первых вошла в ров со стороны Свиного рынка, – пишет Персиваль де Кани. – Штурм шел трудно и долго, и было отрадно слышать весь этот шум и грохот выстрелов пушек и кулеврин, из которых обстреливали нападающих, и летели во множестве стрелы, дротики и копья...Штурм продолжался примерно с часу после полудня до часа наступления сумерок; после захода солнца Дева была ранена стрелой из арбалета в бедро, а после ранения она изо всех сил кричала, чтобы каждый приблизился к стенам и что город будет взят; но, поскольку наступила ночь и она была ранена, а солдаты устали от долгого штурма, который они предприняли, сир де Гокур и другие пришли за Девой и против ее воли вынесли ее из рва, и так закончился штурм".

Жанну перевезли в лагерь Ла-Шапель, где она провела в молитвах часть предыдущей ночи. На следующий день, несмотря на свою рану, она собиралась уже выехать с герцогом Алансонским, но "пришли герцог де Бар и граф де Клермон от имени короля", отдавшего приказ к отступлению. По приказу герцога Алансонского был выстроен мост из лодок для возобновления наступления – ночью король приказал его разрушить.

Затем, оставаясь в Сен-Дени до вторника 13 сентября, он дал приказ "вернуться к реке Луаре к большому огорчению Девы". Более чем когда-либо, как сказал Потон де Ксентрай, люди "из Королевского совета" восторжествовали над людьми "ратных подвигов".

Перед тем как уехать, Жанна повесила в базилике Сен-Дени в знак данного обета "белые ратные доспехи с мечом, полученным пред городом Парижем" (это был меч солдата, взятого ею в плен во время штурма города).

Она "не боялась ничего, кроме предательства", но предательство таилось повсюду со времени возвращения с миропомазания. Герольд Берри рассказывает, что во время пребывания в Компьене. еще до наступления на Париж, король принял Жана Люксембургского, "который дал ему много обещаний заключить мир между королем и грецогом Бургундским, из которых ни одного не выполнил, а только обманул короля". Что же до самого герцога Филиппа Доброго, он направил к Карлу Пьера де Бофремона. сеньора де Шарни, известить его, "что тот получит от него Париж... и что он приедет в Париж говорить с теми, кто поддерживает его; для этого ему нужно охранное свидетельство; и названный герцог получил охранное свидетельство короля, но, когда он прибыл в Париж, герцог Бедфорд и он заключили союз – более сильный, чем ранее, – против короля".

И эта вторая сцена одурачивания произошла, когда Карл VII уже вернулся в Жьен, 21 сентября. В этот момент для Жанны имело значение только то, что эра побед закончилась: она видела, как распадается огромная "армия миропомазания", собравшая стольких людей, объединенных общей надеждой. Это моральное поражение для нее, так точно выполнившей обещания, благодаря которым король и его окружение решились действовать, оказалось самым мучительным. Наивысший момент ее триумфа, когда король был миропомазан в Реймсе и в глазах всего мира, а самое главное, своего народа предстал законным государем,

ознаменовал резкую перемену положения: отныне Карл – король и все зависит только от его воли. Он намеревается проводить свою собственную политику, не имеющую ничего общего с политикой "ратных подвигов"; она нацелена на примирение, и только на примирение, с герцогом Бургундским, возможно, чтобы сгладить неприятнейшее воспоминание о "западне в Монтеро", где погиб Жан Бесстрашный, а возможно, и потому, что, по словам Персеваля де Кани, "казалось, что в это время он доволен милостью, оказанной ему Богом, и не собирается что-либо предпринимать". Однако Карл чувствует, что разочаровал жителей добрых городов и весь свой народ, теперь вставший на его сторону, – это видно из циркулярного письма, вышедшего из королевской канцелярии 13 сентября; до нас дошел только один экземпляр письма, направленного жителям города Реймса, – король явно хочет ободрить своих подданных. Он собирается "проехать с другой стороны реки Сены", поскольку с герцогом Бургундским заключено перемирие, и он готовит мир; а если он и уводит с собой армию, так только потому, что ее длительное пребывание "оказалось бы слишком разорительным для наших районов с этой стороны реки". И пусть все успокоится: ежели герцог Бургундский не сдержит свое обещание, король вернется с "большой армией".

Карл VII: "непостоянство, недоверчивость, а главное, зависть"

Как быть теперь? Одной фразой, прекрасно подводящей итог переговорам и колебаниям, герольд Берри заключает: "Когда король находился в Жьене, герцог Алансонский пожелал увести Деву и солдат короля в Нормандию, но сеньор де Ла Тремуй не захотел этого". Со своей стороны хронист герцога Алансонского добавляет: "А Дева осталась при короле... очень опечаленная отъездом герцога". "Они, – пишет Персеваль де Кани, имея в виду советников, – ни за что не хотели... допустить, чтобы Дева и герцог были вместе, с тех пор он с ней больше не встречался, и эта утрата невозможна".

Такое поведение Карла VII, кажется, отлично показывает, что это за человек. Очень точную характеристику ему дал бургундский хронист Жорж Шателлен, оставивший нам незабываемые портреты главных персонажей своей эпохи, столь же выразительные, как и портреты кисти Жана Фуке. Этому "Карлу Седьмому" он приписывает три порока: "непостоянство, недоверчивость, а главное, зависть". Он пишет:

"Вокруг его персоны происходили частые и разнообразные замены, так как он имел привычку по истечении некоторого времени, когда кто-то из его окружения поднимался на вершину колеса (фортуны), скучать и при первом же удобном случае, который мог дать хоть какую-то возможность соблюсти приличия, с удовольствием переворачивал колесо сверху вниз".

Лучше не скажешь о том, что произошло между Жанной и королем, которого она буквально возвела на трон. Именно так почти одним и тем же классически неизменным образом все будет происходить с любым, кто попадал в ближайшее окружение Карла VII; не мудрено, что такое поведение короля постоянно порождало возмущение. И вот герцог Алансонский, которого король разлучил с Жанной потому, что опасался возможных последствий и роста общего воодушевления, сломленного им у крепостных стен Парижа, в какой-то момент был готов вступить в заговор с англичанами; и даже Дюнуа, мудрый, верный Дюнуа окажется втянут в один из мятежей дворянства. Стоит ли напоминать, какие отношения связывали короля и Жака Кёра⁶¹ или как он поступил с еще более близким ему

⁶¹ Жак Кёр (ок. 1395 – 1456) – французский купец, финансист, государственный деятель. Один из первых, кто составил себе состояние не традиционными феодальными методами (военная добыча, пожалования, богатое наследство), а развитием сукноделия, международной торговлей, эксплуатацией рудников. Кёр ссудил Карлу VII большие денежные средства, необходимые для успешного завершения войны с Англией. В 1440 г. он был назначен королевским казначеем, получил дворянский титул, начал исполнять важные дипломатические поручения и оказывать влияние на политическую жизнь. В 1451 г. Кёр по наущению придворного окружения Карла VII был арестован по обвинению в государственной измене и изгнан в 1455 г. из Франции с конфискацией имущества. Умер в изгнании на острове Хиос. В 1463 г. сын Карла VII Людовик XI отменил приговор в отношении Кёра и вернул часть имущества его наследникам.

человеком – своим собственным сыном: каждый раз, когда дофин Людовик одерживал победу, он спешно призывал его ко двору и лишал всякой возможности действовать.

А пока что он направляется в Сель-ан-Берри, затем в Монтаржи, с удовольствием пожиная плоды своих побед и принимая от подданных уверения в верности, затем в Лош, Вьерзон, Жаржо, Иссудён и 15 ноября располагается в одной из своих любимых резиденций – замке Мён-сюр-Йевр.

Между тем Жанна была поручена заботам сира д'Альбрэ, королевского наместника в Берри, сводного брата де Ла Тремуя. Сначала он отвез ее в Бурж, где она в течение трех недель найдет покой в доме Рене де Булини, королевского генерального советника финансов. Его супруге Маргарите Ла Турульд позднее представится случай вспомнить о своей гостье, и беседах с ней, и о том, как она смеялась, когда простой люд приносил ей свои четки или другие предметы почитания. "Дотроньтесь же до них сами, – говорила она Маргарите, – они будут так же хороши от вашего прикосновения, как и от моего!" Она отмечает набожность и безупречное поведение Жанны, с которой они вместе неоднократно ходили не только к обеду, но также к вечерне и к заутрене и практически не расставались ни на минуту.

Сен-Пьер-ле-Мутье

Однако вскоре возникла идея, которой мы, вероятно, обязаны де Ла Тремую, как с пользой занять Жанну: направить ее пыл против главарей разбойничьих шаек. Некоторые из них, укрепившись в замках или донжонах, которые они сумели захватить, становились в это небезопасное время грозными сеньорами-разбойниками, взимающими по своей прихоти выкупы с купцов или военных и сеющими страх среди окрестного населения. В центральных районах Франции гремело имя Перрине Грессара. Обосновавшись в Ла-Шарите-сюр-Луар, он за хорошую мзду предлагал свои услуги то герцогу Бургундскому, то Бедфорду, который знал, как обращаться с авантюристом, и щедро осыпал его милостями и деньгами. Какое-то время сам Ла Тремуя был пленником главаря банды и получил свободу только после уплаты крупного выкупа – 14 000 полновесных эю. С тех пор Перрине продолжал укреплять свои позиции в Нивернэ и все больше и больше становился агентом Англии; помимо Ла-Шарите, в его руках находились Сен-Пьер-ле-Мутье, Домпьер-сюр-Бебр или Ла-Мотт-Жоссеран, хозяином которого он себя называл. Рост его могущества вызывал страх и у бургундцев, и у французов.

Бороться с таким человеком было, конечно, делом сложным, и не в этом Жанна видела свое предназначение; она бы хотела продолжать наступление в направлении Иль-де-Франса или Нормандии, чтобы изгнать захватчика. Тем не менее она согласилась. Вместе со своим верным интендантом Жаном д'Олоном и солдатами, которых ей с готовностью предоставили, она готовится – как думали королевские советники – занять крепость Сен-Пьер-ле-Мутье, расположенную на полпути между Невером и Муленом. Эту крепость удерживали разбойники, что осложняло передвижение по дороге.

Незадолго до начала похода Жанна встретила с PROVIDИЦЕЙ – или выдававшей себя за таковую – Катрин из Ла-Рошели, посланной к ней тем самым братом Ришаром, с которым Жанна уже имела дело во время осады Круа. Катрин утверждала, что каждую ночь ей является Белая Дама в золотом одеянии, которая приказывает ей идти к королю и говорит, что укажет ей, где спрятаны сокровища, благодаря которым король сможет содержать армию для будущих сражений. Жанна приняла эту одержимую в Монфокон-ан-Берри, местечке, расположенном на некотором расстоянии от Буржа, около Божи. Они вместе бодрствовали две ночи подряд, но Белую Даму так и не увидели. После этого Жанна посоветовала Катрин "вернуться к мужу, заняться хозяйством и кормить детей", а королю написала, что, по ее разумению, "случай с этой Катрин просто сумасшествие, и ничего более".

Осада Сен-Пьер-ле-Мутье оказалась делом сложным. Операцией командовали сир д'Альбрэ, маршал Буссак и граф де Монпансье. Штурм королевской армии был отбит, и уже

начали отступать, когда Жан д'Олон заметил Деву, остававшуюся с очень маленькой группой своих людей, сопровождавших ее.

"Направившись к ней, он спросил, что она делает тут одна и почему не отступает, как все. Сняв с головы "салад" (плоскую каску), она отвечала, – рассказывает Жан д'Олон, – что она не одна и что с нею еще пятьдесят тысяч ее людей и что она не уйдет отсюда, пока не будет взят названный город". "В это время, – добавляет он, – что бы она ни говорила, при ней находилось не более четырех-пяти человек... Я снова сказал ей, чтобы она уходила и отступала, как делают все остальные; и тогда она сказала, чтобы я приказал принести веток и изгороди и построить мост через крепостные рвы, окружавшие город, с тем, чтобы воинам было легче подойти; затем она громко закричала: "За хворостом и за изгородями, все, чтобы сделать мост!", который немедля соорудили. Это событие весьма изумило меня, так как тотчас город был взят штурмом, не оказав большого сопротивления".

Все это происходило в ноябре 1429 года. После захвата города войска двинулись на север, чтобы предпринять осаду Ла-Шарите-сюр-Луар, вотчины Перрине Грессара. В тот год зима установилась рано, и армия практически исчерпала запасы провианта и боеприпасов в Сен-Пьер-ле-Мутье. Тогда из Мулена было направлено два письма в Клермон и Рьом с просьбой о "военном снаряжении": порохе, селитре, сере, стрелах для арбалетов и т. д. О письме жителям Клермона нам известно лишь из записи в городском реестре; горожане спешно послали двести килограммов селитры, сто килограммов серы и два ящика стрел. Жители Рьома ограничились небольшой суммой денег, полученной, впрочем, слишком поздно; но зато они сохранили оригинал письма, датированного 9 ноября. В этом письме есть очень ценная деталь: в отличие от предыдущих уже упомянутых писем оно подписано Jehanne, хотя довольно-таки неумело (пять прямых черт вместо четырех, чтобы написать двойное n). Это свидетельствует о том, что Жанна за это время научилась если не читать и писать – что, впрочем, вполне правдоподобно, – то, во всяком случае, подписываться своим именем.

Большое огорчение

Осада Ла-Шарите началась 24 ноября. Она обернулась поражением.

"В самый разгар зимы с малым количеством людей простояли перед Ла-Шарите... почти месяц и с позором сняли осаду, хотя те, кто находился в крепости, не получили никакого подкрепления, и потеряли бомбарды и артиллерию", – лаконично записывает герольд Берри; другой свидетель этих злосчастных времен, Персеваль де Кани, добавляет:

"Поскольку король не сделал ничего, чтобы послать ей провиант и денег, дабы поддержать ее людей, ей пришлось снять осаду и уйти, к большому огорчению".

Можно представить себе "большое огорчение" Жанны, оказавшейся на Рождество в Жаржо. И вряд ли королевские грамоты о пожаловании дворянства принесли ей утешение.

"Желая отблагодарить за многочисленные и блестящие благодеяния божественного величия, которые были оказаны через посредство Девы, Жанны д'Э из Домреми... ценя, кроме того, похвальные, милостивые и полезные услуги, оказанные, во всяком случае, названной Жанной Девой нам и нашему королевству и которые, мы надеемся, продолжатся в будущем..."

Король также пожаловал дворянство ее родителям и братьям; и он даже уточнил, что для Жанны и ее семьи дворянство будет передаваться также и по женской линии, а не только по мужской, как это вошло в обычай со времен Филиппа Красивого⁶². Это жест суверена, а

62 Французский король Филипп IV Красивый (1268 – 1314) оставил после себя троих сыновей, каждый из которых очень недолго правил: Людовик X (1314 – 1316), Филипп V (1316 – 1322), Карл IV (1322 – 1328). Ни один из них не имел наследников мужского пола. После смерти Карла IV остро встал вопрос о наследовании французской короны, так как прямой наследник отсутствовал. Среди претендентов был молодой английский король Эдуард III, внук Филиппа IV Красивого по женской линии. Его права были отвергнуты со ссылкой на "Салическую правду" – судебник VI в., где было записано, что земля в королевстве франков не передается по наследству женщине. Этот эпизод привел к утверждению принципа наследования короны во Франции по

скорее, министра, награждающего чиновника, которому он только что дал отставку. У Карла VII была душа администратора.

Для Жанны наступила печальная зима. Вероятно, большую часть ее она проведет в Сюлли-сюр-Луар, в замке, принадлежавшем семейству де Ла Тремуй. Ее жизнь небогата событиями. Известно, что 19 января ее пригласили в Орлеан на пиршество, которое устроили городские власти. Среди гостей был Жан Рабате, генеральный прокурор Счетной палаты, принимавший ее в Пуатье. Муниципальные реестры свидетельствуют о том, что пригласили по крайней мере одного из братьев Жанны, Пьера, помогавшего ей во всех военных кампаниях. А в конце января 1430 года художник, изготовивший для Жанны знамя – в текстах его называют Ов Пулнуар, – готовился выдать замуж свою дочь. В письме казначею города Тура Жанна настоятельно просила выделить новобрачной сто экю, чтобы она могла купить себе одежду. После обсуждения муниципальный совет посчитал, что подобный дар превосходит его возможности, и ограничился тем, что заплатил за свадебные хлеб и вино сумму в 4 ливра 10 су.

Другая свадьба, на этот раз пышная, праздновалась в это же время в Брюгге. Великий герцог Запада Филипп Добрый, достигший вершины славы, 8 января 1430 года сочетался браком с Изабеллой Португальской. Именно тогда, в разгар неслыханно роскошных торжеств, он создал орден Золотого Руна⁶³, рыцарский орден, в который вступило бургундское дворянство; среди прочих рыцарей, которых он объединил вокруг себя – как король Артур вокруг круглого стола⁶⁴, – Филипп Добрый назвал и Уго де Ланнуа, который вел от его лица переговоры о заключении перемирия с Карлом VII и, кроме всего прочего, подготовил, как мы видели, план военного наступления против короля Франции, который не замедлят привести в действие.

13 октября Филипп Добрый получил титул генерального наместника короля Англии во Французском королевстве. На следующий год, 12 февраля, Бедфорд принес ему в дар графства Бри и Шампань, взяв на себя обязательство завоевать их для него. С начала завоевания он щедро раздавал французские владения своим капитанам или членам своей семьи. Для герцога Бургундского это был весьма существенный подарок, так как с присоединением этих двух графств, расположенных между его доменами в Бургундии и в Пикардии и Фландрии, его владения ощутимо увеличивались. Город Дижон вместе с представителями различных районов, оказавшихся под его властью, проголосовали за предоставление военной помощи в 12000 ливров. Тем временем под предлогом того, что в Оксере в начале апреля может состояться мирная конференция, перемирие продлили до 15 марта, но потом просили еще о нескольких отсрочках, а конференцию перенесли на июнь. Филипп Добрый, однако, не теряя времени, отправил бургундские гарнизоны в Руа и Мондидье, а в марте, не дожидаясь даже конца перемирия, направил в Шампань армию под командованием маршала де Тулонжона.

Наступление бургундцев

15 февраля Карл VII покинул свою резиденцию Мён-сюр-Йевр и обосновался в Сюлли-сюр-Луар, куда в начале марта к нему приехала Жанна. Оптимизм, который он проявил, заключив перемирие, столь некстати остановившее королевскую армию, начал

мужской линии.

63 Светский орден Золотого руна основан герцогом Бургундским Филиппом Добрым в 1430 г. в г. Брюгге (Фландрия) в ознаменование его бракосочетания с Изабеллой Португальской. Посвящен Богоматери и святому Андрею. По уставу, число членов ордена было равно 23 во главе с гроссмейстером. Благодаря браку Максимилиана с Марией Бургундской гроссмейстерство перешло к Габсбургам.

64 Король Артур – герой чрезвычайно распространенного в XII-XVI вв. в Западной Европе цикла рыцарских романов о короле Артуре и рыцарях круглого стола.

уступать место вполне оправданному беспокойству. Поведение герцога Бургундского было более чем двусмысленным. Он постоянно отодвигал сроки проведения конференции, которой и должно было закончиться перемирие, требуя при этом безотлагательной передачи ему городов на Уазе, обещанных как гарантии этого самого перемирия, и начав наступление через Шампань. Зато повсюду разворачивалось освободительное движение. Внезапная операция, проведенная в Сен-Дени, положила конец присутствию там военного гарнизона бургундцев; английские войска вскоре будут изгнаны из Мелёна народным восстанием; в самом Париже в марте зрел крупный заговор, в котором участвовали представители духовенства, судейские, ремесленники, торговцы. Во главе стоял некто Жак Педриель, душа заговора. Связь между ними осуществлялась при помощи монахов-кармелитов, переодевшихся "землепашцами". Восстание провалилось из-за того, что один из них, брат д'Алле, попал в плен, под пыткой он выдал имена заговорщиков. Более ста пятидесяти человек было арестовано, и шесть публично казнено 8 апреля на Парижском рынке. Других тайком сбросили в Сену. Нескольким удалось спастись, заплатив выкуп. Но самое сильное сопротивление оказал Компьень. Во исполнение условий перемирия граф де Клермон явился в город и именем короля потребовал от его жителей сдаться бургундцам, так как наряду с Крёем и Пон-Сент-Максенсом город входил в число населенных пунктов, упомянутых в "гарантиях" соблюдения перемирия. Но горожане решительно отказались подчиниться, а капитан французского гарнизона Гийом де Флави вместо ответа привел укрепления в состояние боевой готовности; Шарлю де Бурбону ничего не оставалось делать, как признаться герцогу Бургундскому, что он бессилён заставить выполнять приказ. Жители города сделали свой выбор и были "полны решимости скорее погибнуть, погубить себя, своих жен и детей, чем передать себя во власть герцога (Бургундского)".

Очевидно, Жанна сумела воспользоваться этим месяцем мартом для подготовки к войне. Она знала, что врага победят "лишь концом копья", как она заявила Катрин из Ла-Рошели, которая предлагала ей (это ей-то!) показать, где лежат спрятанные сокровища. В том же месяце она написала два письма жителям Реймса, которые чувствовали себя более чем когда-либо в опасности: "Дражайшие и любимейшие, которых я страстно желаю увидеть! Жанна Дева получила ваши письма, где вы сообщаете, что боитесь осады"; не называя врагов, местонахождение которых прекрасно известно, она добавляет:

"Закройте ворота, так как я очень скоро буду к вам, а ежели они там будут, я заставлю их надеть шпоры, да в такой спешке, что и знать не будут, как их брать, и бежать отсюда, и так быстро, что это будет скоро".

Это письмо, совершенно в ее стиле, датировано 16 марта; через несколько дней, 28-го числа, она диктует еще одно. Тем временем Жанна узнала, что в Реймсе замыслили заговор, объединивший нескольких жителей, пожелавших отправиться к герцогу Бургундскому:

"Дражайшие и добрые друзья, до короля дошло, что в добром городе Реймсе много злодеев". Но король также знает, что в большинстве своем Реймс верен ему:

"Верьте же, что вы у него в милости, а ежели вам придется потрудиться, он придет вам на помощь, что касается осады; он прекрасно знает, как вам сильно приходится страдать из-за жестокостей, совершаемых этими предателями, бургундскими врагами". И то и другое письмо подписано. На дошедших до нас оригиналах подпись выведена уже красиво и твердо.

Зато нет никакой подписи под другим посланием, оригинал которого был найден недавно. Оно написано от имени Жанны ее духовником Жаном Паскерелем гуситам Богемии на латыни, и его содержание отражает попытки сближения Карла VII с германским императором Сигизмундом и герцогом Австрийским Фридрихом IV. Гуситов, учеников Яна Гуса, последователей религиозного движения, сказавшегося на политической жизни, вот уже около десяти лет император пытался уничтожить силой. Он призвал к крестовому походу против них, и теперь мы знаем, что войска, набранные в Англии – благодаря полученным на этот крестовый поход субсидиям, – по приезде в Кале по приказу кардинала Винчестерского Генри Бофора были направлены в распоряжение Бедфорда для борьбы с королем Франции. И вот король пытается заполнить союзников на востоке.

Тем временем Филипп Добрый не довольствуется дипломатическим наступлением. 4 апреля 1430 года он уже в Перонне, где приказал собрать свои войска. Авангард выступил под командованием Жана Люксембургского, чье имя нам еще встретится в истории Жанны. 22 апреля герцог в свою очередь трогается в путь "со всей своей мощью", Бедфорд со своей стороны ждет прибытия в Кале 23 апреля Генриха VI, который вскоре высадился с 2000 солдат и "большим количеством скота и провианта". Между тем в Вестминстере девятилетний наследник престола был коронован английским королем (6 ноября 1429 года).

Впрочем, нельзя не отметить, что герцог Бедфорд столкнулся с серьезными трудностями при наборе этого контингента: дважды – об этом свидетельствуют документы – ему лично пришлось со всей строгостью вмешаться и послать предписания, чтобы заставить неподчиняющихся "из страха перед одержимостью Девы" приехать во Францию. План операции был тщательно согласован между бургундцами и англичанами. В первую очередь Филипп Добрый стремится захватить города, преграждающие проход по Уазе, в частности те, которые отказались повиноваться ему: Крэй и Компьень; Бедфорд согласен с ним, что необходимо защитить Иль-де-Франс и Париж, "сердце и главный город королевства". Для герцога Бургундского операции начались в мае. 6 мая он в Нуайоне, и крепость Гурне-сюр-Аронд, расположенная к северу от Компьеня, сдалась без боя; затем ему пришлось предпринять осаду Шуази-о-Бак, преграждающего путь к переправе через Эну, что он и делает на следующий же день, отправившись туда лично.

Только 6 мая Карл VII решился наконец признать свою ошибку. Он осознал, что бургундский кузен его одурачил. Канцлер Реньо де Шартр говорит об этом без обиняков:

"После того как он нас некоторое время развлекал и разочаровывал то перемириями, то еще чем-то, прикрываясь добрыми намерениями... достичь благого мира, которого мы так сильно желали и желаем ради облегчения участи нашего бедного народа, который, к огорчению души нашей, столь сильно страдал и страдает каждый день из-за войны, он сговорился с некоторыми силами вести войну против нас и наших провинций и верных подданных".

Но в то время, как герцог Бургундский придерживался тщательно разработанного плана сражения, обеспечив себе подкрепление английской армии. Карл VII ничего не предпринимал. Ради него действует только та, кого он лишил всех средств к действию, – Жанна Дева. Правда, новость о том, что она к чему-то готовится, быстро распространилась и посеяла панику в Иль-де-Франсе. "О ее приходе много говорили, и было много шума в Париже и других местах, противных королю", – пишет Персеваль де Кани. По словам этого хрониста, вероятно, в последние дни марта или по крайней мере в апреле Жанна покинула Сюлли-сюр-Луар с небольшим отрядом, поступившим к ней на службу: отрядом главаря наемников по имени Бартелеми Баретта и двумястами пьемонтцами. Хронист даже утверждает, что Жанна уехала без ведома короля, не простившись с ним, сделав вид, будто едет "на какую-то забаву", и, не возвращаясь, направилась в город Лани-сюр-Марн – все это кажется малодостоверным и может быть отнесено на счет свойственных Персевалу де Кани преувеличений. Однако, скорее всего, король и его советники дали ей возможность уехать на свой страх и риск. Не вдаваясь в рассуждения по этому поводу, можно сказать, что в сражении при Орлеане она была во главе армии, а уезжая из Сюлли – лишь во главе банды. С ней едет ее интендант Жан д'Олон, а также ее брат Пьер, но незаметно, чтоб ее сопровождала военная свита или пажи, и, главное, нет герольдов, выполняющих в какой-то мере официальную миссию. Она просто капитан среди прочих других, набравший наемных солдат.

Сначала Жанна направилась к Иль-де-Франсу. По ее собственному свидетельству, она провела Пасхальную неделю, а Пасха в этом году приходилась на 22 апреля, в Мелёне. Горожане не могли не отнестись к ней с симпатией и не принять ее хорошо – она только что изгнала английский гарнизон. Оттуда Жанна направилась в Лани: "Те, кто там был, вели добрую войну против англичан, находившихся в Париже и в других местах", вместе с несколькими капитанами, такими, как Жан Фуко, Жеффруа де Сент-Обен и "Канед" –

шотландец Уго Кеннеди.

Тогда же она принимает участие в стычке с англо-бургундской бандой под командованием знаменитого наемника Франке из Арраса, чьи воины бежали, а сам он был взят в плен. Однако его выдачи требует бальи Санлиса, намеревающийся преследовать его в судебном порядке за совершение того, что мы бы назвали уголовными преступлениями. Но Жанна хочет сохранить его при себе, чтобы обменять на Жака Гийома, участника недавнего заговора, замышлявшегося в Париже, о провале которого только что узнали, – доказательство того, что Жанну держали в курсе всех дел и деяний арманьяков в столице. Между тем пришло известие о смерти Жака Гийома, вероятно приговоренного и казненного, как и большинство его товарищей. Тогда она передала Франке из Арраса в руки правосудия, и после двухнедельного процесса он был предан смерти как "убийца, разбойник и предатель". Как и большинство наемников – висельников и негодяев, – его преступления заслуживали подобного приговора.

В Лани произошло еще одно событие, на сей раз трогательное: однажды за Жанной пришли в дом, где она остановилась, и умоляли ее помочь новорожденному, который вот-вот умрет; младенцу всего несколько дней, и его еще не крестили. Там же находилась мать со своими подругами и городскими девушками. Уже три дня ребенок не подавал признаков жизни. "Он был черен, как мой кафтан", – якобы заявила Жанна. Она начала молиться. "Я стояла на коленях и вместе с девами молилась Богоматери, – должно быть, рассказывала она, – когда ребенок очнулся. Он трижды зевнул, получил перед смертью крещение и был похоронен в христианской земле".

Мы можем проследить путь Жанны до Санлиса, куда она приезжает 24 апреля. Затем ее следы теряются, но мы встречаемся с нею в Компьене, где она, несомненно, была 14 мая. В этот день городские власти дают в ее честь прием. Здесь уже находятся два важных лица: архиепископ Реймский Реньо де Шартр и граф Вандомский Людовик Бурбон. Под командованием Луи де Флави, родного брата защитника Компьеня Гийома де Флави, Жанна участвует в операции по оказанию помощи Шуази-ла-Бак. Позже внезапное наступление на Пон-л'Эвек отброшено из-за вмешательства бургундского сеньора Жана де Бримё, которому герцог Бургундский доверил охрану города Нуайона. Через несколько дней Бримё попал в засаду и был взят в плен Ксентраем.

Крепость Шуази не устояла под сильнейшим напором артиллерии герцога Бургундского. 16 мая Луи де Флави со своими людьми пришлось оставить ее и укрыться в Компьене.

Через день Жанна вместе с Реньо де Шартром и графом Вандомским покинула Компьень и направилась к Суассону, чтобы попытаться переправиться через Эну и напасть с тыла на бургундцев напротив Шуази. Но капитан Суассона Гишар Бурнель, согласившись пропустить Деву и двух высокопоставленных сеньоров, отказался впустить солдат, ссылаясь на то, что горожане не хотят их содержать. На следующий день, сообщает герольд Берри, "названные сеньоры уехали в Санлис, а названная Дева отправилась в Компьень, и тотчас после того, как они покинули Суассон, Гишар продал город герцогу Бургундскому и передал его в руки мессира Жана Люксембургского, что он сделал скверно и против своей чести".

Компьень

Возвращаясь в Компьень из Крепи-ан-Валуа, Жанна и сопровождавшее ее небольшое войско – триста-четыреста солдат – едут ночью через лес и входят в город через ворота Пьерфон "в ранний утренний час". Днем вместе с Гийомом де Флави Дева готовит операцию против одного из бургундских постов, установленных вдоль Уазы к северу от города, в Марни, где командовал Бодо де Нуайель, с целью застать врага врасплох. Бургундец Шателлен хотя и не участвовал в бою, оказался очень хорошо осведомленным и оставил нам портрет Жанны. Последний раз она предстает в обличье Девы-воина:

"Она сидела в полном вооружении на лошади, как будто была мужчиной, а доспехи ее

украшала накидка из ярко-красного золототканого полотна; она ехала на сером рысаке, очень красивом и очень гордом, и держалась в своих доспехах благородно, как если бы была капитаном...И так, с высоко поднятым знаменем, развевающимся по ветру, в сопровождении множества благородных рыцарей, около четырех часов пополудни выступила из города".

Наступление чуть было не завершилось успехом. В Марни люди, занятые устройством в крепости, поначалу разобщены, но – не без труда – они сумели собраться, а тем временем Жан Люксембургский и сеньор де Креки, ехавшие с инспекцией, услышали поднявшуюся суматоху и забили тревогу, вызвали войска, находившиеся в засаде Клэруа; "с помощью шпор" они присоединились к сражению. "Поднявшийся повсюду шум и громкие крики привлекли людей со всех сторон, и помощь стекалась к (бургундцам) больше, чем требовалось". Тревогу подняли и в Венетт – куда в подкрепление войскам герцога Бургундского прибыли отряды англичан, – и до самого Кудэна, откуда герцог собственной персоной в свою очередь направляется к Марни. Жанна заявила позже, что дважды она отбросила врага на его прежние позиции, а на третий раз – до полпути. Однако, увидев, что из Венетт в Клэруа идет подкрепление, французы начали отходить к Компьеню. Боясь, что их охватят с флангов, многие из отступающих ринулись к мосту из лодок, выстроенному по приказу Гийома де Флави на Узезе, а Жанна, отступавшая с неохотой, прикрывала отступление. У входа на мост разгорелась яростная схватка.

"И в это время, – сообщает Персеваль де Кани, – капитан города, увидев огромное множество бургундцев и англичан у входа на этот мост, из страха потерять город приказал поднять городской мост и закрыть городские ворота. И таким образом, Дева осталась вне стен города и немного людей вместе с ней".

Как не вспоминать о предвидении Жанны, сказавшей, что она ничего не боится, кроме предательства? Тем более что Шателлен описывает момент, когда, сражаясь в последнем каре, она падает.

"Дева, превозмогая свое женское естество, совершила подвиги и много потрудилась, чтобы спасти свой отряд от поражения...как военачальник и как самая храбрая из всего отряда...Некий лучник, человек резкий и крутого нрава, которому сильно досаждало, что женщина, о которой он так много слышал, вот-вот справится со столькими отважными мужчинами,...схватив ее сбоку за накидку из золотого полотна, стянул с лошади, и она плашмя упала на землю".

Некоторые детали рассказа об этом событии в Компьене наводят на размышления. Почему, например, закрыли не городские ворота, а ворота, выходящие к крепостной стене, что не являлось необходимым для защиты города и преждевременно перерезало отступление. Уместно еще раз вспомнить опасения Жанны относительно "предательства", хотя некоторые историки и отбрасывают эту гипотезу. Рассказ Шателлена соотносится с тем, что называют "ритуал сдачи в войнах XV века". Находясь среди врагов, теснящих ее и кричащих кто громче: "Сдайтесь мне и дайте заверения!" (дайте мне ваше заверение в своей покорности), Жанна сначала отвечает: "Я поклялась и дала заверения не вам, а другому, и я останусь верной данной ему клятве". Затем следует эпизод с лучником, грубо потянувшем за накидку и сбросившим Жанну на землю, тогда как появившийся Бастард де Уэмдонн принимает обещание покорности. Этот Бастард является наместником Жана Люксембургского, от него-то плененная Жанна отныне и будет оставаться в полной зависимости. Но не только он спешит увидеть ее плененной: "Бастард, более радостный, чем если бы у него в руках оказался король, спешно перевез ее в Марни и держал под охраной до конца дела". Действительно, недалеко отсюда, в Кудэне, находится Филипп Добрый, который, предупрежденный "громкими криками и весельем по поводу пленения Девы", тут же примчался. Бургундский хронист Ангерран де Монстреле свидетельствует:

"Те из бургундской партии и англичане были очень рады, больше, чем если бы взяли пятьсот воинов, так как они не испытывали страха и не боялись ни капитанов, ни других военачальников так, как до сего дня Деву... Герцог отправился к ней туда, где ее содержали, и сказал ей несколько слов, которые я не очень хорошо помню, хотя и присутствовал при

этом".

Странная забывчивость у человека, которому представилась уникальная возможность присутствовать при подобной встрече, а память обычно его не подводила!

Во всяком случае, отныне Жанна – пленница. "Я проживу год, не более", – сказала она. Для нее начинается год, который она проведет вдали от событий. Но для Истории этот год не менее поучителен, чем предыдущий.

Глава VI

"Побег – законное желание каждого пленника"

"На недавно прошедшей Пасхальной неделе, когда я находилась в крепостном рве Мелёна, мои голоса, то есть голоса святой Екатерины и святой Маргариты, сказали мне, что еще до наступления дня святого Иоанна меня возьмут в плен, что так тому и быть, что мне надобно не перечить этому, не удивляться, но смириться, и Бог поможет мне".

Итак, Жанна узнает о том, что между 17 и 22 апреля она будет взята в плен и произойдет это до дня святого Иоанна (24 июня), то есть через два месяца. Из судебных допросов мы узнаем, что последовало за откровением и чего Жанне стоило согласиться с тем, что говорили "ее голоса":

"- Разве после Мелёна ваши голоса не говорили вам, что вы попадете в плен?"

– Говорили много раз и почти каждый день; и, когда я просила у моих голосов немедленной смерти сразу после пленения, чтобы долго не мучиться в тюрьме, мои голоса утешали меня: надобно все принимать как должное, так, как оно происходит. Но они не назвали мне рокового часа; если бы я узнала этот час, то не пошла бы туда. Я много раз просила назвать мне время моего пленения, но оно так и не было названо.

– Если бы ваши голоса приказали вам выйти из Компьеня, сообщив вам при этом, что вы будете взяты в плен, вы бы оттуда ушли?

– Если бы я знала, когда и где мне грозит плен, я бы отправилась неохотно. Тем не менее я бы выполнила приказ моих голосов, что бы меня ни ожидало.

– Когда вы покинули Компьень, были ли вам голоса или другое откровение совершить эту вылазку?

– Я не знала, что попаду в плен в тот день, и мне не было других приказов выйти из города; но мне всегда говорили, что плен неизбежен".

Подобный диалог в достаточной степени раскрывает трагизм того, что произошло 23 мая 1430 года. Жанна знает, что плен неизбежен, но противится этому изо всех сил и в конце концов принимает его неотвратимость лишь потому, что такова воля Божья. В нашу эпоху, когда тюремный мир расширился до границ, ранее невиданных, когда становятся узником не только вследствие войны, но и за свои убеждения, когда тюремному заключению подвергаются абсолютно невиновные (вспомним о заложниках), Жанна предстает перед нами как узница, познавшая все тяготы тюремного заключения. Но если мы хотим понять, чем явилось ее пленение для самых различных людей, окружавших ее, то нам следует ознакомиться с тремя письмами. Все они отражают умонастроения тех, от кого Жанна отныне зависит.

В первую очередь речь пойдет о герцоге Бургундском. С каким ликованием он отправляет в добрые города своего государства циркулярное письмо, возвещающее о пленении Девы! А вот что он пишет об этом в послании герцогу Савойскому:

"Волею нашего благословенного Создателя женщина, называемая Девой, была взята в плен. Ее пленение докажет заблуждения в безрассудность доверия всех тех, кто проявил к деяниям сей женщины благосклонность и одобрил ее поступки... И мы сообщаем вам сию новость в надежде, что она обрадует и утешит вас и вы возблагодарите Создателя нашего, своей доброй волей соблаговолившего направить наше рвение на благо государя нашего,

короля Англии и Франции, к утешению его добрых и верных подданных..."

Виновна во "многих преступлениях, в коих ощущается ересь"

Небезынтересно другое письмо, написанное 26 мая, следовательно, через три дня после пленения Жанны, свершившегося поздно вечером, очевидно около шести или половины седьмого; письмо исходило из Парижского университета, где, по всей вероятности, новость узнали лишь после того, как ее "прокричали" 25 мая на улицах столицы и в этот же день записали в реестр парламента. Это означает, что времени даром не теряли. С тем чтобы Жанна была передана в руки инквизитора Франции, Парижский университет направил от его имени письмо герцогу Бургундскому:

"Поскольку все законопослушные христианские принцы и все прочие истинные католики обязаны искоренять любые заблуждения, противоречащие вере, и предотвращать возмущение, которое они за собой влекут в простом христианском народе, и поскольку теперь общеизвестно, что некая женщина по имени Жанна, называемая врагами сего королевства Девой, во многих городках и добрых городах и других местах сеяла различные ереси... Мы молим вас со всей любовью, вас, могущественнейшего принца... как можно скорее, надежно охраняя ее, привезти к нам вышеназванную пленницу Жанну, подозреваемую во многих преступлениях, в коих ощущается ересь, дабы она предстала пред нами и прокурором святой инквизиции..."

Этого достаточно, чтобы понять, какие чувства движут приспешниками англичан из Парижского университета. Сии духовные наставники думали не долго; с мая 1429 года они ищут ересь в победах Девы. И теперь, когда она попала в плен, в их глазах Жанна больше, чем когда-либо, была виновна во "многих преступлениях, в коих ощущается ересь". В течение всего второго года "общественной" жизни Жанны они будут самыми ревностными и деятельными исполнителями мести, жестокость которой превосходит даже намерения герцога Бургундского.

Следует также упомянуть третье послание, направленное архиепископом Реймским Реньо де Шартром жителям города Реймса, где говорится, что Жанна-де и попала в плен под Компьнем потому, что "она относилась без доверия к любым советам и поступала лишь по своей воле". Задним числом архиепископ обнаружил у Жанны различные недостатки: "Ее обуяла гордыня, она носила роскошные одежды и следовала не велениям Господа, но действовала по своей прихоти". При этом именно Реньо де Шартр разыскал "молодого пастушка в городах Жеводана, говорившего то же, что и Дева", дабы заменить ее; речь идет о несчастном пастухе Гийоме, считавшим себя боговдохновенным. Сравнивая его с Жанной, архиепископ не проявил способности к здравомыслию.

И вновь мы слышим властный голос Королевского совета, перекрывший голоса людей "ратных подвигов". Упомянем, что в мае Реньо де Шартр провел некоторое время с Жанной; с ее помощью вместе с графом Вандомским Людовиком Бурбоном была предпринята попытка наступления на Суассон, потерпевшая провал из-за предательства Гишара Бурнеля. Как только стало известно о сдаче города Шуази-о-Бак, эти два сеньора тотчас же отступили. Они решили отправиться в долину Марны, в то время как Жанна вернулась в Компьень, чтобы попытаться ободрить горожан и предотвратить с помощью небольшого отряда пьемонтцев неизбежную осаду. Несомненно, среди окружения Карла VII партия осторожных взяла верх.

От Больё до Руана

Жанну, ее интенданта Жана д'Олона вместе с его братом Потеном Бургундцем и родным братом Жанны Пьером перевезли в крепость Клэруа. Как мы уже упомянули, Лайонел Уэмдонн, который взял с Жанны слово, был заместителем Жана Люксембургского, во власти которого, следовательно, отныне находится пленница. Странное совпадение: оба

эти человека были изуродованы. Лицо Уэмдонна обезобразивал шрам – Потон де Ксентрай нанес ему удар секирой шестью годами ранее, в 1423 году, в Аррасе. На следующий год во время другого сражения – в Гизе – он получил увечья "руки и ноги". Жан Люксембургский в 1420 году потерял глаз в Шампани, но тем не менее оставался доблестным воином. 21 августа 1421 года сей храбрый воин готовился посвятить в рыцари герцога Бургундского, страстно того желавшего. Однако в этот же день во время боя с людьми дофина при Мон-ан-Вимё Жан Люксембургский снова был, как записано в хронике, "поражен в лицо со стороны носа".

Пьер Роколь, оставивший нам историю Жанны-пленницы, датирует выезд из Клэруа 26 мая. Накануне, 25 мая, отмечали праздник Вознесения, следовательно, в этот день соблюдалось перемирие; а 26 мая бургундцы заняли новые позиции вокруг Компьеня: Филипп Добрый разместился в аббатстве Сен-Корней (святого Корнелия), Жан Люксембургский обосновался в Марни. Он решил заключить пленницу, за которую мог при всех обстоятельствах получить крупный выкуп, в замке Больё-лэ-Фонтен, захваченном им в начале 1430 года. Затем замок был передан во владение Лайонелу Уэмдону.

Итак, Жанну с братом Пьером, а с ними Жана д'Олона перевезли в Больё, находившийся примерно в десяти километрах от Нуайона. Вошло в традицию считать, что во время этого сорокакилометрового пути они сделали остановку в замке Бовуар, расположенном неподалеку от деревушки Элинкур, где находился монастырь святой Маргариты. Вполне возможно – и это тоже вошло в традицию, – что Жанна попросила и получила разрешение пойти преклонить колени, дабы почтить ту, чей голос, как она говорила, она слышала.

В наши дни в Больё показывают подземелье – а в XV веке это цокольная часть башни, – где, по всей видимости, поместили Жанну, впрочем, ненадолго, так как произошло неожиданное событие. 6 июня Филипп Добрый направлялся в Нуайон со своей супругой Изабеллой Португальской, выразившей желание повидать узницу. За Жанной послали, и, вероятно, она предстала перед очами герцога и герцогини в епископском дворце, неподалеку от собора. Известно, что епископ Нуайона Жан де Майи примкнул к бургундцам, а, следовательно, и к королю Англии; впрочем, речь о нем впереди. У нас нет никаких свидетельств о том, как прошла встреча между двумя женщинами, и за неимением подробностей мы можем лишь присоединиться к недавно высказанному мнению: возможно. Изабелла Португальская испытывала какое-то чувство сострадания к Жанне. Она недавно вышла замуж и была на пятом месяце беременности, когда из Перонна, где находилась с начала наступления на Компьень, направилась в Нуайон. Итак, вполне возможно, ее мнение повлияло на выбор другого местопребывания для пленницы, которую перевезли в замок Бореуар, значительно больший и лучше приспособленный для проживания, чем крепость, где женщина не могла чувствовать себя в безопасности в окружении солдатни.

Для Жанны пребывание в Больё-лэ-Фонтен было отмечено неудавшейся попыткой побега; мы охотно разделяем точку зрения, согласно которой пленница предприняла эту попытку после возвращения в Нуайон, когда узнала, что вскоре ее отвезут еще дальше и разлучат с братом и интендантом. Во время процесса пойдет речь и о побеге, о котором Жанна скажет: "Находясь в замке, я заперла бы моих сторожей в башне, если бы не привратник, который повстречался на моем пути и увидел меня". За неимением других сведений, можно предположить, что Жанна надеялась, заперев сторожей, освободить двух своих товарищей. Попытка к бегству закончилась неудачей – пленницу перевезли в Бореуар, вероятно, в первой половине июня 1430 года.

Попутно возникает вопрос, почему ни один хронист не рассказывает о второй встрече Жанны с герцогом и герцогиней Бургундскими в Нуайоне. Мы знаем, что при этом присутствовал граф Люксембургский со своей супругой Жанной де Бетюн. Тем временем 22 июня Парижский университет вновь направляет послание герцогу Бургундскому с требованием передать пленницу на его суд. На этот раз университет представляет тот, с кем Жанне предстоит очень скоро познакомиться, – епископ Бове Пьер Кошон, изгнанный из

своей епархии, ведь ему пришлось поспешно покинуть Бове, так же как он покинул Реймс, при известии о приближении французской армии.

В тот день, когда стало известно о пленении Жанны, то есть 26 мая, Пьер Кошон находился в Кале. Поскольку он входил в число советников и близких друзей герцога Бедфорда, нет никаких сомнений в том, что сразу же появились замыслы и начали разрабатываться планы, как скорее передать пленницу в руки англичан и господ из Парижского университета. Совершенно очевидно, что Филипп Добрый не очень-то спешил с ответом на послание. И если вспомнить, как радовался герцог, когда Жанна после своего пленения была перевезена к нему, приходишь к мысли, что две женщины, находившиеся в Нуайоне вместе с герцогом, вероятно, как-то повлияли на него и вызвали прилив великодушия. Жанна подтвердила, что супруга Жана Люксембургского, встретившись с ней в замке Бореуар, отнеслась к ней с симпатией.

Довольно точно можно воссоздать этапы пути от Больё-лэ-Фонтена в Бореуар, пути в шестьдесят километров. Предполагают, что сделали остановку в замке Гам, где значительно позже будет заключен другой знаменитый пленник – будущий Наполеон III. Затем, видимо, двинулись дальше – через Сен-Кантен, и, возможно, Жанна видела великолепную церковь, спасенную в XX веке буквально в последний момент: когда в конце мировой войны 1914-1918 гг. французская армия подошла к ней, церковь оказалась полностью заминированной и должна была взлететь на воздух, как замок Куси, не избежавший этой участи.

Что касается замка Бореуар, то от него остались лишь башня да камни стенной кладки. Между тем это была мощная крепость, перешедшая во владение семьи Люксембургских в 1270 году, когда Жанна де Бореуар вышла замуж за Вальрана I Люксембургского – союз, положивший начало ветви графов Люксембургских. Правнук Вальрана I Ги Люксембургский имел четверых детей. Его дочь Жанна Люксембургская, родившаяся в 1363 году, сыграла некоторую роль в истории Жанны д'Арк. У сына Ги Люксембургского Жана II было трое детей: Пьер, Луи и Жан III Люксембургский, тот самый, пленницей которого была Жанна. Его супругой стала Жанна де Бетюм, имевшая от первого брака дочь, которую также звали Жанной. Она носила фамилию своего отца Робера де Бара, убитого при Азенкуре.

"Дамы из Бореуара"

Итак, Жанна д'Арк заключена в башне замка Бореуар, где живут еще три Жанны: Жанна де Бар, Жанна де Бетюм и Жанна Люксембургская, тетка того самого Жана, от которого зависит судьба пленницы. По ее собственному свидетельству, Дева провела в замке около четырех месяцев. Три Жанны, с очевидной симпатией относившиеся к узнице, смягчили суровость ее заключения. В этом нет никакого сомнения, и то, с каким теплым чувством пленница вспоминала во время процесса дни, проведенные в Бореуаре, тому подтверждение. Жанна расскажет, как эти дамы подарили ей женское платье или материю, чтобы сшить его, и добавит: "Если бы мне пришлось надеть женское платье, я сделала бы это скорее и с охотой по просьбе этих дам, чем какой-либо другой женщины, какая только существует во Франции, за исключением моей королевы..." Она добавит также, и это важно: "Госпожа Люксембургская просила монсеньера Люксембургского не выдавать меня англичанам".

Как здесь не порассуждать о роли мужчин и женщин в подобных ситуациях! Женщины, старающиеся гуманно вести себя с пленницей, – символ, справедливый для всех времен. В XV веке, когда повсюду бушует война, и война безжалостная, только женщины умели сохранять человечность, уважение к ближнему, и даже к самому обездоленному существу – пленнику, оказавшемуся во власти более сильного, чем он сам. Пример, достойный подражания во все века. Конечно, бывают и исключения: женщины – главы правительств в наше время проявили удивительную жестокость по отношению к политическим заключенным, в частности в Англии. Но в прошлом именно английская

королева выступила посредницей и умоляла короля даровать жизнь тем, кого мы называли и называем "граждане Кале". В Истории есть великое множество примеров тому, как женщины сумели возвыситься над войной, сохранив лучше, чем мужчины, человеческие чувства. Великий, урок, данный тремя Жаннами в Бореуаре, – их отношение к Жанне д'Арк!

Правда, их отношение в значительно большей степени, чем поведение Жана Люксембургского, продиктовано здравыми рассуждениями о том, чью сторону стоит принять – завоевателя или завоеванной страны. Жан Люксембургский, вассал Филиппа Доброго, герцога Бургундского, полагает, что единственная линия поведения, которой он должен придерживаться, – это верность своему сеньору. Разве не герцог осыпал его почестями и вручил ему цепь ордена Золотого руна в тот самый день, когда он основал этот рыцарский орден – 7 января 1430 года, – по случаю своей женитьбы на Изабелле Португальской? Жан Люксембургский – один из двадцати четырех посвященных. Конечно же, ему было бы трудно отказаться от участия в военных предприятиях своего сеньора – ведь он дал ему клятву верности. А если говорить прозаически, в случае неповиновения он мог ждать от сеньора всевозможных репрессий. Дамы из Бореуара более свободны в своих суждениях. Супруга Жана помнит о том, что она вдова одного из рыцарей, павших на поле брани, сражаясь против Генриха V Ланкастера. Тетка Жана была придворной дамой Изабо Баварской, королевы Франции, к тому же одной из крестных матерей Карла, родившегося в 1403 году и ставшего за это время Карлом VII, королем Франции, миропомазанным и коронованным в Реймсе в предыдущем году. Если Жан Люксембургский колеблется, принять ли ему другую сторону, чем ту, которую (из мести!) принял герцог Бургундский, он, однако, не решается вызвать недовольство своей теткой, наследником которой является. Во время пребывания Жанны д'Арк в Бореуаре герцогиня Люксембургская – уже "дуже старая", по выражению хрониста того времени (ей 67 лет), – сама получает наследство от своего внучатого племянника Филиппа Брабантского, скончавшегося в Лувене 4 августа 1430 года. Поскольку других наследников нет, графства Сен-Пол и Лини, сеньории, принадлежавшие ранее ее брату Вальрану, перешли в ее владение. Ангерран де Монстреле рассказывает нам, что Жанна Люксембургская составила завещание или обещала написать завещание в пользу Жана, "все-таки она любила от всего сердца своего племянника сира Жана Люксембургского и передала ему во владение и завещала большую часть своих сеньорий, кои должны перейти к нему после ее кончины, чем был весьма недоволен сеньор д'Ангьан, его старший брат". Старший брат Жана Люксембургского, Пьер, явно не пользовался подобной благосклонностью своей тетушки Жанны.

Понятно, почему в августе возрастает нерешительность Жана Люксембургского: у него были серьезные причины остерегаться вызвать недовольство и своего сеньора, и своей тетки. Этим объясняется состояние напряженного ожидания, в котором он находился во время пребывания Девы в Бореуаре, где на карту оказалась поставлена судьба пленницы.

Кипит напряженная деятельность, но только не там, где ее можно было бы ждать, то есть в Бурже в окружении короля. Приходится признать очевидное: мы не имеем ни единого документа, дающего нам возможность предположить, что король предложил выкуп или же предпринял какую-либо попытку освободить Жанну д'Арк. В Истории множество примеров неблагодарности, но столь явной – немного.

Усердствовали господа из Парижского университета; по-видимому, опасаясь, как бы из-за вмешательства короля Франции не лишиться той, кого они требовали выдать вот уже год, сразу же после освобождения Орлеана (еще даже до миропомазания Карла VII!). Пьер Кошон – бывший ректор университета, ставший, по милости герцога Бургундского, епископом Бове, сразу же после подписания договора в Труа, где он был одним из основных участников переговоров, – летом 1430 года постоянно в разъездах.

Кошон провел июнь в Париже, откуда направил упомянутые выше письма Филиппу Доброму и Жану Люксембургскому с просьбой "передать эту женщину преподобному отцу в Боге, его высокопреосвященству епископу Бове", затем он едет в Кале, где все еще находятся герцог Бедфорд и Генрих VI. (Несмотря на свой юный возраст, Генрих, как мы уже видели,

был провозглашен английским королем в Вестминстере, и еще не исчезла надежда, несмотря на то что произошло в Реймсе, возвести его также на королевский престол во Франции, осуществив тем самым теорию двойной короны на голове одного и того же монарха.) Тогда и определили условия выкупа пленницы: предложить 6 000 ливров и дать понять, что, следуя правилам любого торга, эта цифра может быть увеличена до 1 0000. Лайонел Уэмдонн, взявший ее в плен, получит 300 ливров. Приехав в Кале 27 июня, Кошон немедленно вновь пишет Филиппу Доброму и Жану Люксембургскому и сообщает об этих новых условиях. Вероятно, его насторожил тот факт, что герцог Бургундский не ответил на его предыдущие письма.

7 июля он едет в Компьень, а 14-го числа того же месяца встречается с Филиппом Добрым, затем с Жаном Люксембургским, ожидавшим в соседней комнате результатов первой встречи. Кошон, бесспорно, сумел убедить своих собеседников, поскольку чуть позже они вместе выехали в замок Бореуар. Как замечает Пьер Роколь, "подобная поездка предполагает возможность соглашения". Мы не знаем, чем закончилась встреча епископа с высокородной герцогиней Люксембургской или с Жанной-пленницей, но, кажется, он не достиг никаких положительных результатов. Зато вполне возможно – и эту гипотезу выдвинули многие серьезные историки, – что именно после этой встречи Жанна д'Арк решила предпринять вторую попытку побега.

" – По какой причине вы выбросились из окна башни замка Бореуар?

– До меня дошла весть, что все жители Компьеня старше семи лет будут преданы огню и мечу, я же предпочла умереть, чем оставаться в живых после подобной расправы с добрыми людьми; это и была одна из причин того, что я прыгнула; другая же причина – та, что меня продали англичанам, а мне легче умереть, чем попасть в руки англичан, моих врагов... После того как я выбросилась из башни, два или три дня я не испытывала голода и была так изранена, что не могла ни есть ни пить; однако я получила поддержку и утешение святой Екатерины, сказавшей мне, что я должна исповедаться и попросить прощения у Господа за то, что выбросилась, а жители Компьеня непременно получают помощь до наступления праздника святого Мартина зимнего. Тогда я пошла на поправку, начала есть и вскоре выздоровела".

Святой Мартин зимний – это 11 ноября. Следовательно, "прыжок из Бореуара" произошел значительно раньше.

Тем временем стремительно разворачивались военные действия. В конце июля Кошон приехал в Руан, где уже находились герцог Бедфорд и юный король, его племянник. В то время как епископ делает все от него зависящее, чтобы отныне в пользу английского короля взимался налог, утвержденный Штатами Нормандии⁶⁵, в частности для уплаты выкупа за Деву, герцог Бургундский решает усилить осаду Компьеня и передает командование Жану Люксембургскому, который с 15 августа стоит у городских стен.

Но не военная операция решит судьбу Жанны. В начале сентября высокородная дама Люксембургская готовится ехать в Авиньон; можно предположить, что, принимая во внимание ее почтенный возраст – из-за чего ей приходилось делать частые остановки, – она покинула Бореуар раньше, сразу же после 20 или 25 августа. Очевидно, приехав 10 сентября 1430 года в город пап⁶⁶, она почувствовала усталость и поняла необходимость написать завещание; не напрасная предосторожность: она скончалась 18 сентября.

65 Штаты XIV в. во Франции – собрания представителей трех сословий: духовенства, дворянства и так называемого "третьего сословия", фактически бюргерства; собирались по отдельным областям страны. Генеральные штаты – высший законодательный орган государства – собирались по стране в целом.

66 После политической победы Филиппа IV Красивого над римским папой Бонифацием VIII, притязавшим на подчинение светских государей Западной Европы своей власти, французский ставленник Климент V в 1309 г. перенес резиденцию пап из Рима в Авиньон, небольшой город в Провансе. Началось так называемое "Авиньонское пленение пап", которое с небольшим перерывом продолжалось до 1377 г. В этот период папство фактически проводило политику Франции, что сильно подрывало его авторитет. Одна из предпосылок освобождения папства из-под французского влияния – ослабление Франции в ходе Столетней войны.

Жанна Люксембургская графиня де Лини предприняла это путешествие как истинное паломничество, совершаемое ею каждый год на могилу своего младшего брата святого кардинала Пьера Люксембургского. Он умер в возрасте восемнадцати лет 2 июля 1387 года. За свою короткую жизнь он прошел все этапы церковной карьеры. Пьер родился 20 июля 1369 года, в два года стал сиротой, и, очевидно, заботу о его воспитании взяла на себя его старшая сестра; в десять лет он каноник собора Парижской богородицы, в четырнадцать с половиной – епископ Меца. В Авиньоне папа (вернее, антипапа)⁶⁷ Клемент VII произвел его в кардиналы. В этом городе он и скончался, его могила в церкви целестинцев вскоре превратилась в место паломничества. Мартиролог этой церкви свидетельствует о том, что Жанна Люксембургская ежегодно приезжала на могилу брата. Согласно ее распоряжению, она была похоронена в аббатстве Монсель около Пон-Сен-Максенса.

Отныне Жан Люксембургский, наследник своей тетки, более не испытывает влияния, которое она могла на него оказывать. Зато он все больше подпадает под влияние своего брата Луи, епископа Терауанского, который всегда решительно поддерживал англичан; он неоднократно будет появляться в истории Жанны д'Арк; знаменательно, что в 1436 году он стал архиепископом Руанским, а умер в 1443 году в Англии в сане епископа Или. Короче говоря, он, подобно епископу Нуайонскому Жану де Майи, был среди прелатов, безоговорочно вставших на сторону англичан.

Приближался момент освобождения храбро защищавшегося Компьня. 24 октября пришел на выручку маршал де Буссак, расположившийся в Вербри, он-то и пошел на решающий штурм. Жану Люксембургскому пришлось отойти к Нуайону, и он "с позором", как утверждает Монстреле, покинул поле боя, бросив артиллерийские орудия. В следующую субботу, 28 октября, небольшие крепости, находившиеся вокруг Компьня, сдались французам, а Жан Люксембургский вернулся в замок Бореуар. Отныне Жанна может не волноваться о судьбе "своих добрых друзей из Компьня", но у нее нет больше никаких сомнений, какая судьба уготована ей.

"Святая Екатерина говорила мне почти каждый день, – заявит она позднее, – что я не должна прыгать из башни и что Господь поможет мне и жителям Компьня. А я сказала святой Екатерине, что, ежели Бог поможет жителям Компьня, я хочу сама быть там. Тогда святая Екатерина сказала мне: "Неприменно нужно, чтобы вы все принимали благосклонно, и вы не будете освобождены, пока не увидите короля Англии". А я ответствовала ей: "Воистину я бы не хотела его видеть; я предпочла бы скорее умереть, чем попасть в руки англичан".

Продажа

Эти патетические строки прекрасно резюмируют то, что должно произойти. Усилия, прилагаемые Пьером Кошоном в течение 153 дней, "когда он усердно служил королю государю нашему", не прошли даром; по делу Жанны, называемой Девой, он был в городе Кале, совершил много других поездок, посетил Его светлость герцога Бургундского и мессира Жана Люксембургского во Фландрии, направился к Компьню во время осады и в Бореуар. На выполнение этой миссии генеральный сборщик налогов Нормандии Пьер Сюрро выплатил 765 турецких ливров. Данная им расписка – епископ Бове умеет заставить

⁶⁷ Пользуясь затруднениями Франции в Столетней войне, влиятельная группировка в церковном руководстве в конце XIV – начале XV в. начала борьбу за возвращение папского престола из Авиньона в Рим. Для того чтобы избавиться от французской зависимости, папа Григорий XI вернулся в 1377 г. в Рим. После его смерти одна группа кардиналов избрала в Риме папу Урбана VI, а другая антипапу в Авиньоне (Климента VII). Начался период "Великого раскола" в католической церкви, конец которому положил Констанцкий собор в 1417 г. Папы проклинали друг друга и вели между собой настоящую войну с помощью наемников. В начале XV в. в Западной Европе оказалось одновременно три папы: Григорий XII (1406 – 1415), Бенедикт XIII (1394 – 1423), Иоанн XXIII (1410 – 1415). Впоследствии Григорий XII был признан законным, а два других – антипапами. Всего в списке пап, составленном католической церковью, числится более тридцати антипап.

заплатить за оказанные им услуги – относится к последним дням сентября. А 24 октября, в день освобождения Компьеня, английский казначей Томас Блаунт собрал 5 000 ливров, недостающих для выплаты выкупа за Жанну д'Арк. И вероятно, именно к этому времени Деву увозят из замка.

Полагают, что ее сопровождал Жан де Пресси, генеральный сборщик налогов Филиппа Доброго. Во всяком случае, неоднократно упоминается о его присутствии в Аррасе; здесь же мы находим Жанну и Филиппа Доброго, прибывшего в город 2 ноября. Известно, что в Аррасе Жанна получила лепту (посильное подаяние), о которой она просила у жителей Турнэ, а именно 22 золотых кроны "для использования на свои нужды". Говорили также о некоем, шотландце, якобы сделавшем в Аррасе портрет Девы. Правда, уточняет отец Донкёр, это могла быть ошибка переписчика, написавшего "Аррас" вместо "Реймс", где, вполне вероятно, портрет был выполнен во время миропомазания.

Очевидно, к 6 декабря Жан Люксембургский уже получил деньги за продажу Жанны Девы англичанам. Это подтверждает расписка Жана Брюиза, конюшего, получившего "десять тысяч турецких ливров... дабы забрать Жанну, называющую себя Девой, военнопленную". Сумма была передана ему сборщиком налогов Пьером Сюрро. Парижский университет со своей стороны делает все возможное, чтобы ускорить переговоры. 21 ноября Пьеру Кошону направляется письмо:

"Мы с огромным удивлением отмечаем, что отправка этой женщины, называемой Девой, столь надолго откладывается, что наносит вред вере и церковному правосудию".

Тем временем молва о предательстве разнеслась уже далеко. В "Дневнике Морозини" зарегистрировано письмо от 24 ноября, посланное в Венецию из Брюгге. Хорошо информированный очевидец подтверждает достоверность сообщения:

"Достоверно, что Дева отправлена в Руан к английскому королю и по этому случаю мессир Жан Люксембургский, взявший ее в плен, получил 10 000 крон за то, что выдал ее англичанам".

Николо Морозини, покинувший Брюгге 15 декабря, прямо заявляет в Венеции:

"Сначала мы слышали, что девушка находится в руках герцога Бургундского, и многие говорили, что за деньги англичане получают ее. Узнав об этом, дофин потребовал к себе их посольство, дабы сказать им, что ни при каких условиях он не сможет согласиться на подобное дело и что он так же поступит с теми из их людей, кто находится в его руках".

Просто молва. Но это единственное упоминание о попытке, предпринятой тем, кого документ называет еще дофином, Карлом VII, не для того, чтобы выкупить Жанну, но по крайней мере для того, чтобы помешать ее выдаче врагу.

Известно также, что значительно дальше, в Константинополе, утверждение приближенного герцога Бургундского Берtrandона де Ла Брокьера о пленении Девы англичанами вызвало недоумение, ему отказываются верить. Даже осведомитель Морозини указывает в августе:

"Говорили, что она была заключена со многими другими девушками в крепость под присмотром надежной охраны; но, поскольку ее не сумели хорошо сторожить – ведь Бог не мог этого допустить, – она бежала и вернулась к своим людям; а обходились с ней не грубо".

Разве можно захватить и удержать Жанну в неволе: ведь она наделена огромной силой – Господь обязательно придет ей на помощь, чтобы она сумела бежать. Так думали люди практически повсюду; в Орлеане просто отказывались верить, что Деву могла постигнуть подобная участь. Правда, в это же время в районах, верных французам, заказывали молитвы за ее освобождение. В альпийском городе Амбрёне в трех молитвах просили Господа, "чтобы Дева, заключенная врагами в тюрьму, была освобождена и чтобы ей не причинили вреда, и да сможет она довести до конца дело, которое Вы на нее возложили". В Туре, Мо и Орлеане были даже совершены богослужения.

Считается, что в Аррасе Жанну заключили в один из небольших замков, возвышавшихся над так называемыми воротами Ронвиль. Можно предположить, что она покинула эти места примерно 15 ноября. 21-го числа того же месяца богословы из

Парижского университета высказывают радость в письме, адресованном "превосходнейшему принцу королю Франции и Англии". Они ликуют:

"Мы недавно узнали, что женщина, называемая Девой, теперь в вашей власти, чему мы очень рады, и мы верим, что вашим добрым указом эта женщина будет предана суду, дабы искупить великое зло и возмущение, произошедшие из-за нее, как это всем известно, в этом королевстве и нанешие большой вред... нашей святой вере, вашему доброму народу..."

Теперь они просят, чтобы "добычу" передали им в руки и чтобы епископ Бове мог устроить в Париже суд над Жанной. Во всяком случае, следует сделать вывод: примерно в последние дни ноября пленницу перевезли из Арраса в Ле-Кротуа – именно здесь должен был быть выплачен выкуп.

Конечно, по дороге длиною около сотни километров делали остановки, среди прочих в замке Люшё, а затем в аббатстве Сен-Рикье. Вполне возможно, что во время этой последней остановки Жанну препроводили в замок, высившийся в то время в Дрюжи. О замке ныне напоминают помещения одной из ферм; современные погреба, возможно, являются частью подземелья упомянутого замка, и, вероятно, именно сюда пришли два священнослужителя из Сен-Рикье, прево и первый духовник, повидать Жанну. Как и во многих других нормандских аббатствах, в Фекане и даже в Мон-Сен-Мишель аббат принял сторону бургундцев, но монахи далеко не разделяли его чувства. К тому же, когда небольшой отряд, конвоировавший пленницу, проезжал через эти места, аббат Сен-Рикье Уго Кюильрель отсутствовал. На следующий день, обогнув огромный лес Креси, отряд вышел к устью Соммы. Жанна, вероятно, впервые видела море, но не могла смотреть на него без грусти: ведь она знала, что там, за морем, Англия. Как же сохранить хоть малейшую надежду на побег?

Сделки

Тем временем темные сделки продолжались и в декабре. Пьер Кошон развил бурную деятельность; он хотел, чтобы Бедфорд, удовлетворивший его просьбу о месте суда над пленницей, теперь обеспечил все условия процедуры, приемлемые для церковного правосудия. Ему нужен был процесс, устроенный в надежном месте, причем "красивый процесс".

Право самолично судить Жанну Кошон получал только при условии, что процесс будет проходить в Бове. Факт пленения Девы на правом берегу Уазы мог в крайнем случае подтвердить полномочия епископа и доказать, что этот суд – в его компетенции. Хотя, безусловно, для того чтобы предстать перед судом инквизиции⁶⁸, обвиняемая в ереси должна была бы совершить преступление в епархии Кошона; "приличия" были соблюдены вследствие места пленения... Но не могло быть и речи о проведении суда в Бове, сдавшемся королю Франции. Тогда Бедфорд решил, что процесс пройдет в Руане, где вот уже двенадцать лет, как установилось английское господство. Чтобы соблюсти формальности, ходатайствовали о назначении делегации от капитула Руана, которая, естественно, и была назначена актом от 28 декабря 1430 года. Не теряя времени, Кошон отправил в Лотарингию своего человека с поручением собрать на месте все сведения о юности и даже детстве

⁶⁸ Инквизиция (от лат. *inquisitio* – расследование, розыск) – особый церковный суд по делам о еретиках, существовавший в XIII-XIX вв. Созданный и узаконенный папой Иннокентием III (1198 – 1216) в эпоху альбигойских войн в целях устрашения инакомыслящих и отклоняющихся от официального учения и догматов католической церкви, суд инквизиции отличался предельным упрощением судопроизводственных и юридических норм (так, для возбуждения расследования было достаточно порочащих слухов) и полной правовой беззащитностью подсудимых. Широкое применение самых жестоких пыток, поощрение доносов и награждение доносчиков изъятым имуществом обвиняемых, полная бесконтрольность инквизиторов, подвластных в любой стране только римскому папе, – все это сделало суд инквизиции страшным орудием борьбы против всего, что было неудобно официальной церкви. Светские власти поддерживали в период средневековья деятельность инквизиции. Осужденные ею еретики передавались в руки светской власти для "бескровного наказания", то есть сожжения на костре.

Жанны. Имя этого посланца неизвестно, но мы знаем, что он направился в Шомон, где ему в помощь дали некоего Никола Байи, нотариуса, а также писца по имени Жерар Пети, хорошо разбирающегося в вопросах права. Эти трое мужчин должны были посетить Домреми, затем Вокулёр и, возможно, также Туль; результаты их расследования станут известны в Руане лишь в конце января 1431 года.

Тем временем по просьбе Кошона ему был придан эскорт численностью в пятьдесят человек, с которым он отправился за Жанной, чтобы перевезти ее из Ле-Кротуа в нормандский город: этот эскорт, два "полных копия", как говорили в то время, включал в себя десяток солдат, двадцать пять лучников, а также людей для охраны багажа и выкупа, который предстояло выплатить к 15 декабря. Тут же отправились в путь. Маршрут, воссозданный Пьером Роколем, кажется обоснованным. Из Ле-Кротуа Жанну, видимо, перевезли на лодке в Сен-Валери-сюр-Сомм, следуя во время прилива фарватером, проложенным Соммой в эстуарии, в то время как всадники переехали Сомму по мосту у Аббвиля: переправить пятьдесят человек и пятьдесят лошадей на лодках представлялось делом непростым. Вероятно, сделали привал в Сен-Валери, а может быть, только в маленьком городке Э в 24 километрах оттуда, если сумели быстро переправиться через эстуарий. Возможно, какая-то часть пути пролегла по старой римской дороге через Арк и Бок-ле-Ар. Наконец отряд достиг замка Буврэй, некогда построенного Филиппом Августом⁶⁹ и ставшего резиденцией графа Варвика, назначенного воспитателем маленького короля Генриха VI. В замок можно было попасть, минуя Руан. Наступил канун Рождества.

Глава VII

"Я точно знаю, что англичане погубят меня"

Отныне Жанна живет в беспросветной тьме: ее гнетет тьма темницы, неуверенность в своей участи – доля всех узников.

Башня, куда заключили Жанну, оставалась целой и невредимой вплоть до начала XIX века – ее называли башней Куроне (Коронованной башней). Это была одна из семи башен крепости Буврэй. Она выходила "на поля", как говорили некоторые свидетели, то есть была обращена во внешний мир. Полагают, что комната, в которой поместили Жанну, находилась на втором этаже. Раскопки, недавно проведенные на месте замка, существенно расширили наши представления об общем расположении построек, но об окончательных результатах говорить до опубликования материалов археологических раскопок трудно. Очевидно одно: то, что ныне называют башней Жанны д'Арк, представляет собой остатки значительно перестроенного бывшего донжона. Являлся ли он местом заточения Девы – точно не установлено.

Что касается башни Куроне, служившей тюрьмой, то согласно осуществленной реконструкции в толще стен было три ниши: первая – окно, на котором, без сомнения, была решетка, вторая – для отхожего места и, наконец, третья, должно быть, непосредственно сообщалась с лестницей и, поскольку выходила, вероятно, на бойницу, давала возможность тому, кто там находился, слышать все, что говорилось в комнате, оставаясь незамеченным. Возможно также, что наблюдение осуществлялось и через пол, отделяющий эту комнату от

⁶⁹ Филипп II Август (1165 – 1223) – король Франции из династии Капетингов (с 1180 г.). Проводил политику укрепления центральной власти, успеху которой способствовала удачная война против английских Плантагенетов. По договору 1206 г. английский король Иоанн Безземельный отказался от прав на большую часть владений во Франции: Нормандию, Мен, Турень, Анжу, часть Пуату. Это впервые сделало французского короля крупнейшим землевладельцем в стране и позволило ему провести многие разумные государственные реформы в административной и финансовой области. Филипп II Август был одним из трех предводителей третьего крестового похода (вместе с Ричардом I Львиное Сердце и германским императором Фридрихом I Барбароссой, 1189 – 1191 гг.) О роли Филиппа II Августа в отношениях с Англией см. также в предисловии.

помещений третьего этажа. Охранял Жанну в основном королевский конюший Джон Грей, которому помогали два англичанина: Джон Беруайт и Вильям Талбот. Всех троих заставили поклясться на Библии в том, что они будут бдительны и никого не допустят к узнице, не получив предварительно разрешения лично от Кошона или же от Варвика, хозяина замка. Известны и другие помощники Грея, например "пять англичан самого низкого происхождения, те, кого по-французски называют "скандалистами" (от этого слова происходит глагол "скандалить", что достаточно показательно).

Руки связаны, ноги в кандалах

В коллекции замка Плесси-Бурре хранится небольшая полихромная скульптура, которую можно датировать XV веком. Пленницу со связанными руками скульптор поместил между двумя фигурами, роль которых можно трактовать двояко: их описывали то как "двух палачей, которые, кажется, взывают о ее помиловании", то как двух мучителей, стоящих рядом с закованной в цепи Жанной. Какой бы ни была интерпретация, совершенно очевидно, что в руанской тюрьме Жанну подвергали всевозможным унижениям. Ушли времена, когда "три Жанны" из Боревуара дарили ей платье и дружески просили примерить его... "Я видел ее в узилище руанского замка, в сумрачной комнате, закованной в железные цепи", – заявил Изамбар де Ла Пьер, заседатель на обвинительном процессе, доминиканец монастыря Сен-Жак (святого Иакова) в Руане. Некто по имени Пьер Дарон, помощник руанского балли со своей стороны уточняет, что он видел Жанну "в башне замка, ноги ее были в цепях и к ним был прикреплен большой кусок дерева; при ней было несколько сторожей-англичан". Больше всего подробностей нам сообщает секретарь суда Жан Массье. в чьи обязанности входило сопровождать пленницу из места заключения в зал заседания суда. За ней присматривали, говорил он, "пятеро англичан", трое оставались ночью в ее комнате, а двое других находились снаружи у дверей, "и я точно знаю, что ночью она лежала, скованная кандалами и крепко привязанная к ножкам кровати цепью, пропущенной через кандалы; кровать же прикреплялась к деревянному брусу длиной в 5 или 6 футов, замок цепи закрывался на ключ".

Итак, днем ноги Жанны были в кандалах, ночью же, чтобы Жанна не могла двигаться, путы прикрепляли цепью к деревянной колоде. Массье, правда, добавляет: "Когда я отводил ее в суд и приводил обратно в замок, оковы всегда снимали". Действительно, она не могла бы преодолеть расстояние, отделявшее тюрьму от зала заседаний, с оковами на ногах. Кошон еще и не то придумал: поскольку он страшно боялся, что Жанна ускользнет от него, он приказал некоему Этьену Касти сделать железную клетку, в которой бы пленница стояла, "привязанная за шею, за руки и ноги". Но, видимо, этому страшному замыслу не суждено было осуществиться.

Можно представить себе, насколько тягостными были эти физические мучения для пышущей здоровьем девушки, которая, как мы видели, прекрасно переносила жизнь под открытым небом, любила скакать верхом и постоянно была готова к действию. Однако ни с чем не сравнимы ее моральные муки: сторожа отпускали в ее адрес язвительные замечания, о характере которых нетрудно догадаться ("часто они издевались над ней, а она упрекала их за это"); злобные выкрики и шум сопровождали каждое ее появление во дворе замка. А самое главное, она находилась под надзором английских тюремщиков, мужчин, мало чем отличающихся от тех, кто с высоты крепостных стен Орлеана обзывал ее "развратницей" и "распутницей", да еще и "арманьякской потаскухой". Конечно, ей было необходимо ее мужское платье, "хорошо подогнанные и крепко завязанные" штаны, как в те дни, когда она спала, не раздеваясь, рядом с солдатами (а они-то как раз почитали и уважали ее) во время военных действий на берегах Луары.

Как она сумела в таких условиях сохранить девственность и остаться Жанной Девой? Позднее главный нотариус процесса Гийом Маншон говорил, что, очевидно, девушка опасалась, "как бы ночью тюремщики не совершили над ней насилие". И "один или два раза

она жаловалась епископу Бове, младшему инквизитору и Никола Луазелёру, что один из охранников хотел ее изнасиловать".

Впрочем, кое-кто заступился за нее. В Руане Жанне еще раз пришлось пройти обследование на девственность, которое она уже прошла в Пуатье; на сей раз это, несомненно, произошло в то время, как в ее родных краях велись всевозможные расследования. Обследование было проведено под контролем Анны Бургундской, герцогини Бедфорд. Поскольку известно, что герцогиня с супругом покинули Руан 13 января 1431 года, мы легко можем определить его дату. До нас дошло имя по крайней мере одной из матрон, обследовавших Жанну, – Анна Бавон, и мы знаем, что девственность была надлежащим образом установлена; растроганная Анна Бедфорд запретила сторожам грубо обращаться с Девой.

Военнопленная или пленная церкви?

Как бы то ни было, с первых же дней пребывания в руанской тюрьме двусмысленность положения Жанны становится очевидной: Пьер Кошон намеревается обвинить ее в ереси и, следовательно, подвергнуть суду церкви. Во время суда следовало бы ее заключить в церковную тюрьму, в которую в те времена помещали женщин, обвиняемых в ереси, и в которой сторожами были женщины, а условия – относительно мягкими. Однако на протяжении всего процесса с Жанной постоянно обращаются как с военнопленной: она в оковах и сторожат ее солдаты. С согласия герцога Бедфорда епископ Бове прибегнул к уловке, дабы придать всему вид законности: сделано три ключа от двери темницы, один из них для Генри Бофора, кардинала Винчестерского, находившегося в Руане во время всего процесса, а два других – для судей, то есть для самого Кошона или же для фискала, Жана д'Этивэ, и вице-инквизитора, назначенного инквизитором Франции Жаном Гравераном. Эта хитрость могла обмануть лишь того, кто хотел быть обманутым. Она была не более законна, чем запрет, сделанный Кошоном Жанне, когда та впервые явилась в суд: "Мы запрещаем вам без нашего разрешения покидать тюрьму, определенную вам в руанском замке, под страхом быть изобличенной в преступлениях ереси". Эти слова никоим образом не ввели в заблуждение пленницу, сразу же возразившую: "Я не принимаю этого запрета; если бы я бежала, никто никогда не мог бы упрекнуть меня в том, что я нарушила запрет или поступила противно моей вере". Действительно, трагедия разыгрывается в связи с двусмысленностью положения: военнопленная, которую намереваются осудить, или же еретичка, подозреваемая в ереси церковью.

Подспудно это обвинение дает возможность опозорить одновременно с Жанной короля Франции, обязанного ей своей короной, то есть нанести урон делу, которое она защищает. Другими словами, Жанна являет собой тип политического заключенного, того, кого преследуют потому, что он мешает и властям, и идеологическим установкам, над которыми он одержал верх; при этом изыскивается любой повод для приговора. Наш XX век дает нам достаточно примеров подобного рода, это понятно каждому.

"Оправдание" господ из университета

Что до идеологии, то она нашла себе применение уже давно. Жанна еще не родилась, когда богословы из Парижского университета в лице одного из них – Жана Пети – оправдали, приведя много доводов, убийство Людовика Орлеанского его кузеном Жаном Бесстрашным. Впервые в нашей истории люди образованные проповедовали политическое убийство, и их слышали. Кристина Пизанская изобличала, приводя много здравых доводов, его Величество Общественное Мнение, приобретающее все возрастающую роль: эта проникающая во все сферы жизни сомнительная сила, бесформенная и безликая, способная вызвать повсюду "бунты, споры, потрясения и битвы", распространяющая лживые суждения, ловко вызывающая "беспричинную ненависть или любовь", вскоре сумела расколоть народ к

вающей пользе герцога Бургундского. С одной стороны, герцог сумел получить поддержку Парижского университета, с другой – зажиточных горожан, хозяйничавших на парижской бойне, у которых была в распоряжении целая армия ножовщиков и живодеров, а мы видели их за работой во время мятежа кабошьенов⁷⁰. Те же самые ученые в ту же самую эпоху хотят быть хозяевами положения в церкви, разделенной Великим расколом⁷¹, и они же разрабатывают теорию "двойной монархии", узаконивающей завоевание Франции англичанами. При этом они обеспечивали себе и доходные, теплые места, и уважение – ведь слуги Общественного Мнения никогда не забывают о своих собственных интересах. Они умеют заставить заплатить звонкой монетой.

Их план должен был удался. Договор в Труа устанавливал законность, основанную на грубом завоевании и оправданную людьми образованными. Ради подписания этого договора Пьер Кошон, бывший ректор Парижского университета, трудился не покладая рук. И вдруг неведомо откуда является презренная девица, крестьянка, наносит удар завоевателям и, короновав и миропомазав сына Карла VI, ставит под угрозу прекрасное творение. Но теперь-то она у них в руках, эта дочь дьявола, и Парижский университет может сослаться даже на престиж всемирной церкви, которой он также хотел управлять. Папа Мартин V может снова стать единственным преемником Петра и сохранить свою власть над Вселенским собором. Парижский университет посредством периодически созываемых церковных соборов надеялся по-прежнему управлять по собственному разумению христианским миром – как он это делал во времена авиньонских пап – и руководить им через парламентскую ассамблею. Все это ставилось на карту в обвинительном приговоре, который не преминут вынести этой девушке из народа, грубой и невежественной, дерзость которой нетрудно осадить.

Однако "красивый процесс" начинался скверно. Обследование на девственность могло бы уличить Деву во лжи, но обратилось к ее выгоде. А что касается расследования, проводимого в ее родных краях, то оно, по правде говоря, имело губительные последствия для епископа Бове. Нотариус Никола Байи, расспросив двенадцать – пятнадцать свидетелей в Домреми и пять-шесть в соседних приходах, "не обнаружил в отношении Жанны ничего

⁷⁰ Кабошьены – участники восстания 1413 г. в Париже. Название происходит от прозвища одного из вождей? живодера Кабоша (фр. *sabote* – башка; его настоящее имя – Симон Лекутелье). Восстание было вызвано тяжелым положением трудящегося населения Парижа в связи с ростом налогов, подхлестнутым войной с Англией и гражданской войной во Франции (борьба бургиньонов и арманьяков, которая с 1411 г. из соперничества придворных группировок фактически превратилась в гражданскую войну). Население города страдало также от систематически случавшихся военных стычек между сторонниками придворных группировок, дезорганизации государственного аппарата, произвола со стороны королевских чиновников, которые в обстановке политической анархии оказались практически вне контроля. Толчком к восстанию послужили события, связанные с Генеральными штатами 1411 г. Собравшись в январе в Париже, депутаты отказались вотировать налоги, пока не будет дано обещание провести реформы и арестовать наиболее непопулярных чиновников, виновных в финансовых и прочих злоупотреблениях. Под давлением депутатов король был вынужден создать комиссию для подготовки реформ. Однако горожане узнали, что одновременно в Париже проводятся военные приготовления. Это подтолкнуло народ к восстанию, которое началось 27 апреля 1413 г. Главные лидеры восставших были представителями корпорации Большой бойни – мясники, живодеры, дубильщики кож и др. Привилегированных владельцев скотобоен подкупал и подталкивал к решительным действиям герцог Бургундский Жан Бесстрашный, который увидел в восстании возможность расправиться с многочисленными политическими противниками и со всеми недовольными его близостью к французскому трону, а также его проанглийской политикой. Восстание сопровождалось террором, разгромом богатых домов, кабошьены во главе с мясниками захватили в ратуше оружие и осадили королевский дворец, требуя ареста ненавистных чиновников. 26 мая парламент был вынужден принять "Ордонанс кабошьенов", который фактически представлял собой развернутый план реформ. Движение продолжало расширяться за счет все более активного участия в нем городской бедноты. Это напугало представителей обеих придворных группировок, которые в августе 1413 г. объединились и жестоко подавили движение кабошьенов. Восстание оказало существенное влияние на внутривластную ситуацию во Франции. Поскольку участие герцога Бургундского в этих событиях было широко известно, королевский двор и ближайшее окружение короля окончательно сблизилось с арманьяками, а бургиньоны сделали главную ставку на союз с Англией.

71 См. прим. 67.

такого, чего бы нельзя было сказать о своей собственной сестре". Обмен письмами относительно этой информации лишь подтвердил ее; и, хотя балы Шомона назвал свидетелей "поддельными арманьяками", судебные следователи не узнали ничего, что можно было бы инкриминировать Жанне.

Парадоксально, но факт: судья не сумеет сформулировать ни одного серьезного пункта обвинения. Скрупулезное изучение этого обвинительного процесса Пьером Тиссе выявило следующее: Жанна была приговорена лишь на основании показаний, полученных в Руане. В этом – очевидная слабость процесса, ставшего для Истории не менее очевидным свидетельством того, какой яркой личностью была Жанна д'Арк. Против Жанны не могли выдвинуть ничего и осудили ее, умело используя ее же слова, записанные ее же врагами, в то время как эти слова дают нам представление о величии и чистоте этой возвышенной натуры. Кошон и не подозревал, что своими собственными руками он воздвигает единственный достойный Жанны д'Арк памятник. И этот памятник останется в Истории навечно благодаря запечатленным в нем минутам жития Девы.

И тогда становятся ясными проволочки в ведении процесса, который, без всякого сомнения, Кошон в той же степени, что и Бедфорд, хотел провести быстро.

Двойное нарушение

Трудности возрастали и из-за нерешительности помощника инквизитора, брата доминиканца руанского монастыря по имени Жан Лемэтр, который по закону должен был быть главным из двух судей надлежащим образом подготовленного процесса инквизиции. Его пригласили, но он ответил, что "как для спокойствия своей совести, так и для более верного ведения процесса он не хочет вмешиваться в это дело". Лемэтр ссылаясь на то, что не в его власти вести этот процесс, потому что его полномочия распространялись лишь на поселения епархии Руана, а "этот процесс проводился на территории, позаимствованной" епископом Бове, хотя и находящейся в его, Лемэтра, юрисдикции. Пришлось вновь послать гонца в Париж к инквизитору Франции Жану Граверану для того, чтобы уговорить Жана Лемэтра появиться на процессе. Он согласился и посетил второе судебное заседание 22 февраля, когда все предварительные допросы были закончены. Несмотря на все усилия Кошона соблюсти форму процесса инквизиции, было допущено два нарушения: инквизитор отсутствовал, а так называемое "предварительное расследование" осталось анонимным, и о нем, в частности, не знало основное заинтересованное лицо – сама Жанна. Пьер Тиссе особо подчеркнул как "чрезвычайный" тот факт, что в судебное дело вошли исключительно допросы обвиняемой и при этом никто не знал, начиная с самой обвиняемой, какие обвинения ей предъявляют. Понятно, почему Кошон хотел собрать внушительный трибунал – настоящий суд присяжных как для того, чтобы компенсировать его несостоятельность, о которой он знал лучше, чем кто-либо другой, так и для того, чтобы произвести впечатление на Жанну. Он написал множество официальных писем и обратился, в частности, к руанскому капитулу, которому король Англии уже сообщил о "поручении территории", что давало возможность ему, епископу Бове, исполнять судебную власть в Руане. Более того, в письме от имени все того же короля Англии военнопленную Генриха VI официально поручали суду епископа Бове; в этом же письме в совершенно ясных, недвусмысленных выражениях упоминалось о просьбе, с которой к епископу обратился Парижский университет, а именно устроить процесс. Цитируемые ниже строки письма, бесспорно, выявляют истинный характер процесса:

"Если Жанна Дева не будет изобличена и уличена в случаях проявления "ересей" или в чем-либо другом, касающемся или относящемся к нашей вере, в наши намерения входит получить вышеназванную Жанну, дабы она предстала перед нами".

Лучше и нельзя определить политический характер процесса и судьбу, в любом случае уготованную Жанне.

"Я не знаю, о чем вы хотите меня допросить"

Первое открытое заседание состоялось в среду 21 февраля, примерно в 8 часов утра. Это была Пепельная среда, первый день поста, начавшегося для Жанны уже давно... Она оказалась одна перед 44 мужчинами, перечисленными поименно в протоколе судебного заседания; среди них 9 докторов богословия, 4 доктора канонического права, 1 доктор "и того и другого права", 7 бакалавров богословия, 11 лиценциатов канонического права, 4 лиценциата гражданского права и фискал Жан д'Этивэ. Девушка одна, у нее нет адвоката, что противоречит традициям суда инквизиции. Кажется, что тюрьма не сломала ее способности сопротивляться. Кошон заметит это в самом начале, когда заставит ее дать клятву.

"- Я не знаю, о чем вы хотите меня допросить, – отвечает Жанна, – может быть, вы меня спросите о вещах, о которых я вам не скажу".

Новое и более настойчивое увещание епископа:

"- Вы поклянетесь говорить правду обо всем, о чем вас спросят, касательно католической веры и всех других вещей, о которых ведаете".

"- Об отце и матери, обо всем, что я сделала с тех пор, как отправилась во Францию, я охотно поклянусь говорить правду: что же до откровений, полученных мною от Господа Бога, то я никогда никому о них не говорила, разве что Карлу, моему королю. И даже если мне захотят отрубить голову, я не открою их, поскольку знаю от моих голосов, что должна держать их в секрете".

Довольно долго повторялись вопросы и ответы, пока наконец Жанна, стоя на коленях, положив обе руки на молитвенник, не поклялась говорить правду относительно веры и обо всем, что она знает.

После этой неожиданно затянувшейся процедуры перешли собственно к допросу вопросам, которые задают и в наши дни заключенному и обвиняемому о его имени, фамилии, положении:

"- В краю, где я родилась, меня звали Жаннеттой, а во Франции Жанной... Родилась я в деревне, которую называли Домреми-Грё, в Грё находится главная церковь. Отца моего звали Жаком, а мать Изабо".

Затем она называет своих крестных, священника, крестившего ее, – некоего Жана Минэ, который, как ей кажется, еще жив; и, наконец, на вопрос о возрасте отвечает: "Как мне кажется, примерно девятнадцать лет".

И вдруг новое непредвиденное препятствие. Епископ требует, чтобы она прочла "Отче наш". Жанна говорит: "Исповедуйте меня, и я вам с удовольствием прочту молитву". Несмотря на настойчивые уговоры, она отказывается прочесть "Отче наш", если не выслушают ее исповедь; затем следуют приведенные выше ответы о том, как ее сторожили в тюрьме мужчины-англичане, и об оковах. После этого ей предписывают явиться в суд на следующий день в то же время.

Пожелание, высказанное Жанной, о том, чтобы епископ исповедал ее, конечно же, было не в обычаях суда инквизиции. Тем не менее, этот ловкий ход Жанны должен был напомнить Кошону о том, что он священник, обязанный по совести придавать таинству епитимьи такое же значение, какое со своей стороны придавала ему Жанна. Во всяком случае, если она и питала какие-то иллюзии по поводу Кошона, они скоро рассеялись.

На следующий день Жанна вновь предстала перед судом. И опять, когда речь зашла о клятве, повторилась сцена, происшедшая накануне: "Я вам уже поклялась вчера, и этой клятвы вам должно быть достаточно; вы возлагаете на меня слишком тяжкое бремя". Тем не менее, Жанна соглашается "отвечать правдиво на все вопросы, касающиеся веры".

В этот день допрос поручили вести одному из заседателей, Жану Боперу. Все указывает на то, что эта роль подходила ему как нельзя лучше: подобно Пьеру Кошону, он был ректором Парижского университета (в 1412 и 1413 гг.), делегировавшего его в Труа помогать тому же Кошону во время переговоров, закончившихся договором 1420 года; именно он

добился в 1422 году от королевы Англии и герцога Глостера подтверждения привилегий университета⁷². Впоследствии, будучи каноником Руана, он постоянно действовал как агент оккупантов и вскоре был официально назначен послом короля Англии на Базельском соборе⁷³, куда он и отправился 28 мая 1431 года, незадолго до казни Жанны; в 1435 году король Генрих VI назначил ему годовой доход в сто ливров "за добрые услуги, оказанные во Франции и на Соборе в Базеле". Это был настоящий коллекционер бенефициев⁷⁴, ставший каноником не только в Руане, но и в Безансоне, Сансе, Париже, Бове, Лане, Отёне, Лизьё, и все это несмотря на изуродованную правую руку (с ним приключилась неприятная история – на дороге между Парижем и Бове внезапно напали разбойники), из-за чего он не мог надлежащим образом исполнять обязанности каноника во всех этих городах, разбросанных на большой территории – от Бургундии до Нормандии! Итак, Жан Бопер задает Жанне вопросы о ее детстве и отрочестве, о том, что она называет своими "голосами", об отъезде из Вокулёра и обо всем, что с ней произошло вплоть до прибытия в Шинон. И он ничего не спрашивает о подвигах в Орлеане или Пате, но напоминает о Сен-Дени, "стычке перед городом Парижем": "Разве это не был праздничный день?" – "Мне кажется, это был день праздника". – "Разве это было хорошо?" – "Что об этом говорить..."

Вышеприведенной выдержки из допроса вполне достаточно, чтобы показать, как ловко он ведется, причем упор делается на наступление 8 сентября 1429 года – праздник Рождества Богородицы, когда начался штурм ворот Сент-Оноре. После этого затянувшегося заседания Жанне предписано вновь предстать перед судом через день, в субботу 24 февраля.

В этот день ее ожидал сюрприз: среди заседателей находился Никола Луазелёр. Жанна уже неоднократно встречалась с этим человеком – он навещал ее в тюрьме, выдавая себя за уроженца берегов Мёза и пленника, как и она. Будучи священником, он предложил Жанне стать ее духовником, и, доверившись ему, она исповедалась. Однако значительно позже один из нотариусов, назначенных на этот процесс, метр Гийом Маншон, признался, что с одним из своих помощников по имени Буагийом (и "свидетелями", добавляет он, не уточняя имен) он получил приказ спрятаться в закоулке вблизи комнаты узницы, откуда они могли слышать все, "что она говорила названному Луазелёру". В ту эпоху еще не изобрели подслушивающих устройств, поэтому использовали подобный способ, ставший классическим в политических делах.

Видимо, тогда Жанна поняла, к чему приведут уловки, используемые против нее. С самого начала допроса мы видим, что она чрезвычайно строптива и более чем когда-либо упорствует в отказе давать клятву, которой от нее добиваются. Лично Кошону и нескольким

72 Парижский университет, как и многие другие старейшие университеты Западной Европы, за столетия своего развития (основан в 1200 г.) постепенно добился административной автономии и собственной юрисдикции. При каждом новом правителе Франции университетская корпорация (в нее входили как магистры-преподаватели, так и студенты) боролась за снижение размеров королевского налогообложения, за полное невмешательство властей во внутреннюю жизнь университета. Установление английской власти в Париже в начале XV в., естественно, ставило перед университетом вопрос о сохранении прежних привилегий. Герцоги Бургундские со времен Филиппа Бесстрашного не раз оказывали поддержку университетской корпорации. Близость Бургундского дома и англичан во многом определила политическую линию университета. В процессе Жанны д'Арк он занял непримиримую в отношении Девы позицию – как из-за пробургундской и, следовательно, проанглийской ориентации, так и потому, что к XV в. богословский факультет Парижского университета, Сорбонна, стал одним из главных центров католической ортодоксии. Народная религиозность Жанны д'Арк, ее твердая вера в то, что Бог избрал простую крестьянскую девушку носителем своей воли, не соответствовали строгим канонам католической церкви и могли представлять опасность для ее безграничной власти над душами людей.

73 См. прим. 86.

74 Бенефиции – в католической церкви вознаграждение клирика доходной должностью. Эта практика установилась с начала VI в. и имела большое значение в процессе роста церковных богатств. Право распоряжаться бенефициями было одним из наиболее острых спорных вопросов в борьбе за приоритет светской и церковной власти в странах Западной Европы.

заседателям пришлось буквально вырвать у Жанны новую клятву, поскольку измученная девушка сначала отвечала: "Дайте же мне сказать". Как тут не вспомнить о том, что позже рассказал секретарь суда Жан Массье: во время допросов, длившихся обычно, по его словам, с 8 до 11, несколько судей одновременно задавали вопросы, так что "несколько раз она говорила тем, кто ее допрашивал: "Добрые господа, задавайте вопросы один за другим". Во всяком случае, она в конце концов сказала: "Я готова поклясться говорить правду о том, что я узнаю о процессе" – и тут же добавляет знаменательные слова: "Но я вам вовсе не скажу всего, что знаю".

"Если мой голос запретил мне..."

Во время допроса Жанна ставит себя в крайне опасное положение: она признается в общении с потусторонним миром, который называет "голосами". Таким образом, она совершенно определенно указывает на сверхъестественный характер своей миссии. Когда Бопер спросил у Жанны, разрешает ли ей ее "голос" говорить о том, о чем ее спросят, она воздерживается от ответа. Когда ее спрашивают, запрещено ли ей рассказывать о ее откровениях, она отвечает: "Если мой голос запретил мне это, что вы от меня хотите?" Немного спустя она добавляет: "Поверьте, что не люди мне запретили это!" Как утверждает Жанна, мир, с которым она общается, весьма отдален от мира, который ее окружает: "Я очень боюсь провиниться, когда буду отвечать вам, сказав что-нибудь, что не понравится этим голосам".

Однако слова Жанны – это не слова ясновидицы. Лучшее доказательство тому – юмор, переходящий в браваду: "Этой ночью голос сказал мне много хорошего о моем короле, и мне бы хотелось, чтобы король узнал это сейчас, пусть даже мне не придется пить вина до Пасхи, потому что он повеселел бы от этого за ужином!" И, без сомнения, эта бравада вызовет позже коварный вопрос: "Открыл ли вам ваш голос, что вы сбежите из тюрьмы?" И незамедлительный ответ: "Почему я должна вам это говорить?"

Жанна, видимо, спровоцировала допрашивающих ее, сказав: "Если бы не милость Божья, я бы ничего не смогла сделать". И тогда ей задали знаменитый вопрос: "Знаете ли вы, что вы в милости у Бога?" Ответ расцвел, как цветок: "Если нет, то да сделает Бог так, чтобы я оказалась у него в милости, а если да, да сохранит Бог свою милость ко мне, ведь не было бы никого печальней меня в мире, если бы я знала, что не нахожусь в милости у Бога". Нотариус Буагийом, сообщая об этом ответе, позже заявил: "Допрашивавшие ее были ошеломлены". И не без причины.

Сопоставим этот ответ с молитвой, найденной в трех манускриптах XV века. Молитва ли вдохновила Жанну? Разве нельзя в качестве контраргумента предположить, что ответ, столь возвышенный в своей простоте, послужил впоследствии молитвой? Удивление заседателей не оправдано, если бы речь шла о принятой формуле. Нотариус добавляет, что допрос прервали. Совершенно очевидно, что в тексте судебного дела сделана купюра. До этого слова Жанны, как мы уже отмечали, записывались прямой речью, а с этого момента запись идет в косвенной речи: "Затем она сказала, что если бы она была греховна, то, как она думает, голос не являлся бы ей, и ей бы хотелось, чтобы каждый услышал его так же хорошо, как и она", и т. д.

Тем не менее, суд не слагает оружия. Жан Бопер, имеющий, видимо, свое собственное мнение по поводу "голоса", расспросил Жанну о дереве в Домреми, называемом "деревом фей". Расследование, проведенное в родной деревне Жанны, вероятно, навело его на мысль – тем более что об этом ходили слухи, – что Жанна обязана своими действиями "дереву фей"; ее собственный брат утверждал это, но она "говорила ему обратное". Во всяком случае, отвечая на этот вопрос, Жанна дала описание деревенского праздника, полное поэзии:

"Поблизости от деревни Домреми растет дерево, которое называют "деревом дам" или же "деревом фей"; подле него источник; говорят, что больные лихорадкой пьют прямо из источника и берут из него воду, чтобы обрести здоровье. Я сама это видела, но не могу

сказать, выздоравливают они или нет... Это огромное буквое дерево, с него сходит к нам прекрасный май; говорили, что оно принадлежит монсеньору Пьеру де Бурлемону, рыцарю. Порой я ходила туда гулять с другими девочками, мы вешали гирлянды на образ святой девы Домреми. Я видела, как девушки украшали ветви дерева гирляндами, несколько раз и я так делала вместе с другими: иногда мы уносили гирлянды, иногда оставляли их на дереве... Не знаю, танцевала ли я вокруг этого дерева с тех пор, как повзрослела, вполне возможно, что танцевала вместе с детьми, однако я больше пела, чем танцевала".

Жанна продолжает свой рассказ и вспоминает про находящийся неподалеку "лес Шесню" (Дубовый лес): "Он виден с порога дома моего отца, до него и полумили не будет". Она не побоялась рассказать о пророчествах по поводу "леса Шесню": в окрестностях леса появится дева, которая совершит чудесные поступки. "Но, – сказала она, – я нисколько в это не верила".

Тем и завершилось и так достаточно насыщенное судебное заседание. Жанне предписано предстать перед судом в следующий вторник, 27 февраля. Именно в этот день Жанна откроет имена святых, от которых она получала откровения: святая Екатерина и святая Маргарита. Ее снова допрашивал Жан Бопер. Спросив, как бы между прочим, соблюдала ли Жанна пост, он вернулся к вопросу о ее "голосах": "Слышала ли Жанна эти голоса в субботу?" Она признается:

" – Я не очень хорошо понимала голос и не расслышала ничего такого, что могла бы вам повторить, пока не вернулась в свою комнату.

– Что сказал вам голос, когда вы вернулись к себе?

– Он сказал, что я должна отвечать смело".

И лишь позже, поскольку спрашивающий настаивал ("Был ли то голос ангела?"), Жанна называет обеих святых; отныне они – неотъемлемая часть ее невидимого окружения, на которое она ссылается. Неоднократно отмечали, что святая Екатерина, покровительница незамужних, являлась также покровительницей прихода Максэ-сюр-Мёз неподалеку от Домреми. В средние века святая Екатерина – очень почитаемая святая, как и святая Маргарита Антиохийская, которую охотно призывали на помощь роженицы; статуя этой святой – Жанна, вероятно, ее видела – сохранилась в приходской церкви Домреми.

С этого момента судьи постоянно задают ей вопросы об этих двух святых; во вторник Жанна неожиданно назвала еще и имя святого Михаила. Первым, сказала она, ей явился именно святой Михаил. Жанна даже настаивает:

"Именно святого Михаила увидела я пред собой, и был он не один, но его сопровождали ангелы небесные... Я их видела своими собственными глазами так же хорошо, как я вижу вас; а когда они покидали меня, я плакала, и мне очень хотелось, чтобы они взяли меня с собой".

На этом же допросе она впервые упомянула о "Книге Пуатье": "А ежели вы в этом сомневаетесь, пошлите в Пуатье, где меня недавно допрашивали". Вне всякого сомнения, на процессе в Пуатье речь шла и об этих явлениях, и Жанна, вероятно, дала ответы, в которых назвала святых, от которых, как она говорила, ей были откровения. Эта тема допроса не будет исчерпана до тех пор, пока обвиняемая не ответит: "Я вам уже не раз говорила, что это святая Екатерина и святая Маргарита, поверьте мне, если захотите!" И вновь она настаивает на том, от чего не отказывалась на протяжении всего процесса:

"Я пришла во Францию лишь потому, что того хотел Бог... Я бы предпочла быть разорванной четырьмя лошадьми, нежели прийти во Францию без позволения Бога... Все, что я сделала, на то – воля Господа... Нет ничего, что бы я сделала в мире не по заповеди Божьей..." и т. д. и т. п.

Мужская одежда

И, наконец, именно на этом допросе возник вопрос, которому Жанна поначалу не придавала никакого значения:

" – Бог ли повелел вам надеть мужскую одежду?

– Одежда – это ничто, просто пустяк; мне предложили мужское платье мужчины мира сего. Я надела эту одежду и делала все только по воле Господа и его ангелов".

На другие вопросы, касающиеся одежды, последуют те же ответы: все, что она делала в мире сем, делалось только по воле Божьей. На самом деле, пока что никто – и, наверное, даже и сам Кошон – не подозревает о значении, которое приобретет пункт допроса о ее костюме в дальнейшем.

Тогда же попытались впервые вытянуть у Жанны какие-нибудь сведения об ее откровениях по поводу короля Франции:

" – Был ли ангел на голове вашего короля, когда вы увидели его в первый раз?

– Клянусь святой Девой Марией! Я не знаю, я не видела этого".

Тут Жанна намекает на знамение, бывшее королю, что позволило ему поверить ее словам, и уточняет при этом, что сие знамение пришло ему "от священнослужителей".

Вопрос возвращает нас к встрече в Шиноне и процессу в Пуатье. Жанна не ждет, пока ее спросят, и сама рассказывает, каким образом в Сент-Катрин-де-Фьербуа был найден ее меч. "Попросила ли она благословить его?" "Я никогда не благословляла, и не просила какого-либо благословения, и не знала бы, что с ним делать". От меча перешли к знамени. И вот за вопросом:

"Что вы предпочитали? меч или знамя?" – следует знаменательный ответ: "Я предпочитала, и даже в сорок раз больше, мое знамя моему мечу". Чуть позже она уточнит:

"Когда шли на штурм, я сама несла мое знамя, чтобы никого не убить; я никогда никого не убивала".

Заседание закончилось упоминанием, как всегда довольно кратким, о военных действиях в Орлеане и Жаржо. Суд вновь собрался в четверг 1 и субботу 3 марта; как и прежде, заседания были открытыми. По всей вероятности, на первом из этих заседаний – в четверг – председательствовал лично Кошон. Он начинает с вопроса, который мог смутить Жанну и который живо интересовал богословов из Парижского университета: папа. Зачитали письмо, написанное Деве графом д'Арманьяком, где затрагивается вопрос, долгое время будораживший христианский мир: "Кто истинный папа?" "Что до меня, то я верю в его святейшество папу римского", – заявила Жанна без обиняков. Этот ответ, безукоризненный как с точки зрения веры, так и церковной дисциплины, мог поставить в затруднительное положение университетских богословов, столь давно принявших сторону авиньонского папы и вовсе не собиравшихся безоговорочно примкнуть к папе римскому Мартину V, ибо они собирались избрать на Соборе в Базеле последнего в истории антипапу. Что касается письма графа д'Арманьяка, Жанна дала уклончивый ответ. А поскольку на этом заседании речь определенно шла о переписке Жанны, зачитали ее первое, предупредительное письмо англичанам, текст которого она без труда узнала, за исключением некоторых выражений, видимо вставленных церковниками. Именно тогда Жанна заявила более решительно, чем когда-либо:

"Не пройдет и семи лет, как англичане потеряют значительно больше, нежели при Орлеане, они потеряют всю Францию... И случится это в результате большой победы, ниспосланной французам Богом". Пытаясь заставить Жанну назвать – а она отказывается это сделать – точный день, час и год победы, ее спрашивают, что она говорила своему сторожу англичанину Джону Грею о празднике святого Мартина зимнего (это доказывает, что ее сторож выполнял также роль, во все времена выполняемую сторожами на политических процессах, когда из их повседневного общения с узниками извлекали сведения для допросов).

Затем вновь заводят разговор о святых, которым Жанна приписывает слышимые ею "голоса". Она не говорит ничего достойного внимания об их облике; ее развеселил вопрос, были ли у явившихся ей святых волосы. "Хорошо бы это знать!" Пытаясь заставить ее рассказать побольше, Кошон задает вопрос: "Говорит ли святая Маргарита на языке англичан?" Ответ Жанны: "Как она может говорить по-английски, когда она не на их

стороне?"

"Знамения королю"

Все отчетливее проступает тайный умысел епископа, пытающегося уличить Жанну в колдовстве. Дошел черед и до амулетов, затем опять вернулись к "дереву фей" и источнику в Домреми. И внезапно вопрос: "Куда вы подевали вашу мандрагору?" – "У меня нет мандрагоры и никогда не было!" Поскольку судьи продолжают настаивать на ответе, Жанна поясняет: "Я слышала, что это нечто, сулящее большое богатство, но сему не верю" – и тут же добавляет: "Мои голоса никогда не говорили мне ничего подобного".

Следует обратить внимание на разницу в отношении Жанны и церковников к амулетам. Жанна ссылается на "голоса", которые, по ее свидетельству, не имеют никакого отношения к приносящим счастье кольцам или же к заурядным магическим рецептам, о которых толкуют ученые-богословы, противостоящие Деве. Эту разницу усугубляет и свойственный обвиняемой здоровый юмор. В качестве примера можно привести ее ответы во время допроса 1 марта:

- Как выглядел святой Михаил, когда он явился вам?... Был ли он обнажен?
- Вы что, думаете, что Богу не во что его одеть?
- Были ли у него волосы?
- А почему бы вдруг их у него остригли?
- Были ли у него весы?
- Об этом ничего не знаю... Я очень радуюсь, когда вижу его..."

Несомненно, Кошон возвращается к вопросу о "знамении королю" без особого энтузиазма: "Я вам уже сказала, что вы у меня это не выпытаете. Спросите у него самого!" Впервые королевскую корону ассоциируют со знаменем. В какой-то степени Жанна переходит в наступление, когда заявляет, что, помимо короны, полученной королем в Реймсе, "он получил бы, если бы подождал, корону в тысячу раз более богатую". Сколько еще раз будут возвращаться к вопросу об этой короне...

Допрос, проведенный в следующую субботу, длился значительно дольше и касался самых разнообразных вопросов. Во-первых, речь шла о являвшихся ей святым: "Я сказала вам все, что знаю, и ничего другого не скажу". Расспрашивая Жанну о "голосах", Жан Бопер все же задал ей вопрос об ожидающей ее участи:

- Знали ли вы из откровений, что вы совершите побег?
- Это не касается вашего процесса, уж не хотите ли, чтобы я свидетельствовала против себя!
- ...Говорили вам что-либо об этом ваши голоса?
- Да, действительно, они говорили мне, что я буду освобождена, но я не знаю ни часа, ни дня. А еще чтобы я была смела и приветлива".

Освободить, освобождение... На языке мистиков обычно так называли смерть, но, по всей видимости, не в этом смысле сама Жанна употребляет эти понятия.

И вновь Жан Бопер, меняя тактику, заводит речь о мужской одежде. "Я вам уже на это отвечала". И добавляет: "И это записано в Пуатье". Таким образом, богословы, расспрашивавшие ее в первый раз и не нашедшие в ней "ничего, кроме добра", уже поднимали вопрос о мужском платье и не возвели это в преступление. Отметим, что об этой ставшей важной детали заговорили уже в начале марта. Ведь мы знаем; за неимением лучшего, судьи в конце концов превратят мужское платье Жанны в единственный "основательный" пункт обвинения. Жанна совершенно не думает о том, что против нее могут использовать то, чем она так дорожит, ее одеяние. А дорожит она им, "повинуясь своим голосам" и по другой, вполне понятной причине – ведь в тюрьме она находилась на своем ложе с закованными в цепи ногами.

На всех последующих вопросах лежит отпечаток того тайного умысла, который нейдет из умов судей, – уличить Жанну в колдовстве. На сей раз под подозрением окажутся флажок

на пике и герб, принятые в армии Девой и теми, кто следовал за ней: "Окропила ли она их святой водой?... Прошли ли с полотнами вокруг алтаря или церкви, тем самым совершая религиозный ритуал, дабы они стали гербами?" Ответы, данные Жанной, послужили основанием для полных затаенной злобы воспоминаний проводившего допросы Жана Бопера, который скажет на процессе об отмене приговора:

"Она была очень хитра, полна хитрости, свойственной женщинам".

Более коварными могли бы быть вопросы о ребенке, которого Жанна вернула к жизни в Лани, чтобы его могли окрестить, или же вопросы, касающиеся Катрин из Ла-Рошели. Но в обоих случаях рассказ Жанны обезоруживающе простодушен. То же относится и к прыжку из башни Бореуара: суд особо отметил ответ: "Я предпочла бы отдать Богу душу, чем попасть в руки англичан".

При закрытых дверях

Открытые судебные заседания продолжались ровно одиннадцать дней.

Неделей позже, в субботу 10 марта, к большому изумлению Жанны, в комнату, где ее содержат в заключении, входит Пьер Кошон собственной персоной в сопровождении трех лиц, чьи имена уже неоднократно назывались среди заседателей: Никола Миди, Жерар Фёйэ, а также метр Жан де Ла Фонтен, которого тем временем епископ Бове назначил вести допросы вместо себя. Здесь же находились: секретарь суда Жан Массьё – личность знакомая, ибо он каждый раз провожал Жанну из тюрьмы в зал заседаний и обратно, и руанский каноник Жан Секар, церковный адвокат, впрочем довольно редко упоминаемый в протоколах допроса.

Никола Миди и Жерар Фёйэ были из числа шести богословов, специально направленных Парижским университетом для наблюдения за процессом; в поездке в Руан их сопровождал Жан де Ринель, агент короля Англии и муж племянницы Пьера Кошона Гийометт Бидо. Только Жан де Ла Фонтен, также университетский богослов, доктор искусств и лицензиат канонического права, определенно не являлся членом делегации.

Кошон, вероятно, предчувствовал, что Ла Фонтен – человек добросовестный: тщательно соблюдая процедуру допросов, он начнет испытывать кое-какие сомнения и даже, по свидетельству нотариуса Гийома Маншона, самолично отправится предупредить Жанну о том, что ее ждет "большая опасность", если она не заявит о своей покорности папе и Собору. Когда до епископа дошла весть об этой беседе, он "сильно разгневался", а Жан де Ла Фонтен, оценивая нежелательные последствия своего поступка, незаметно покинул Руан. Действительно, он прекращает вести допросы, и с 28 марта его имя полностью исчезает из протоколов.

Во время первого заседания при закрытых дверях Жан де Ла Фонтен сначала спрашивает Жанну, при каких обстоятельствах она была взята в плен, и о предупреждении, которое она могла бы получить по этому случаю от своих голосов:

"Если бы я знала час своего пленения, я бы пошла туда неохотно, тем не менее я бы выполнила повеление моих голосов, что бы ни случилось".

Жанна напоминает: ей всегда говорили, что она окажется в плену.

Жанну просят также уточнить, какими средствами она располагала: лошадьми и деньгами (от 10 000 до 12 000 экю). Упоминание Жанной о "знамени" королю повлечет за собой наполненный символами рассказ, к которому она впоследствии не раз вернется. Речь идет о некоей притче, которая ей очень нравится: она приукрашивает ее от допроса к допросу на протяжении всего месяца. Первопричиной послужили вопросы, заданные 1 марта, когда Жанна упоминает о короне "в тысячу раз более богатой", чем та, которую король получил при миропомазании. Весь рассказ воспроизведен в статье 51 обвинительного акта фискалом Жаном д'Этивэ:

"Ангел дал знамение ее королю... Жанна поклялась святой Екатерине ничего не говорить о сем знамении... Ангел заверил ее короля, принеся ему корону, что тот получит с

Божьей помощью все Королевство Франции полностью. Что до короны, то ее передали архиепископу Реймскому, принявшему ее собственноручно, он и вручил корону королю в присутствии Жанны... Ангел явился по воле Божьей... Он предстал пред королем, отвесил глубокий поклон, склонившись к его ногам...С ним были и другие ангелы, а также святая Екатерина и святая Маргарита, которые проследовали за ангелом в покои короля... Что до короны, то она была ниспослана Богом, и нет в мире ювелира, который смог бы сделать столь же великолепную драгоценную корону".

Новый вопрос влечет за собой уточнение: корона "будет благоухать", только бы ее хорошо сохраняли.

Большая часть этих подробностей стала известна во время допроса 13 марта, именно тогда Жанна дала блестящий ответ на вопрос Жана де Ла Фонтена: "Почему вы, а не кто-нибудь другой?" Она сказала: "Богу было угодно проявить свою волю через простую деву, дабы образумить врагов короля".

Ангел и корона

Преисполненные символами рассуждения об ангеле и короне привели в замешательство многих историков и комментаторов. Однако это вполне отвечало духу времени, или, вернее, времен, практически ушедших: в средние века инстинктивно предпочитают символ, который кажется более значительным, чем какое бы то ни было толкование. Нам трудно сейчас понять правила этой игры, когда разумное объяснение кажется единственно допустимым в изложении фактов или в рассуждениях и доказательствах, но в феодальную эпоху символ являлся средством обмена и общения. Именно тогда геральдика получила наибольшее развитие – возник полнозвучный язык знаков и цветов, правила которого установились позже. Во времена Жанны народная речь еще хранила следы эпохи, в которую факт передачи кома земли означал продажу поля, и лишь затем, чтобы не забыть об этом, составляли письменный акт; "ударить по рукам" во время сделки... Разве это не напоминание о существовавшем когда-то обычае? Язык образов и рисунков достаточно полно раскрывает нам этот способ мышления. Изучая его по иллюстрациям манускриптов, Франсуа Гарнье открыл новые возможности исследования миниатюры, до этого весьма ограниченные. Миниатюра стремится воспроизвести действительность только начиная с XIV-XV веков. Ранее она только ее обозначает, потому что в ней все – символ. Так, поднятая рука, вытянутый указательный палец означают, что дается приказ, а различный рост персонажей указывает на их место в обществе и т. д.

Весьма вероятно, что для того, чтобы понять притчу об ангеле и короне, следует овладеть этим способом мышления, уже утраченным во времена Жанны учеными мужами, а особо господами из Парижского университета. Их язык – это язык дедукции, толкования, анализа, иными словами, наш современный язык.

И можно представить себе, как узица создает эту притчу в своем уединении, передавая в образе ангела, несущего корону королю, свои поступки и смысл того, что она пришла совершить "во Франции". Она сама – и, кажется, без труда – даст "ключ" к притче, заявив, что в ней она хотела рассказать о своей миссии и короне, полученной королем, а пришла она по воле Божьей, дабы восстановить королевскую власть.

"Собственно процесс"

Итак, заседания при закрытых дверях проходили в субботу 10 марта, понедельник 12-го, утром и после полудня, вторник 13-го, среду 14-го, утром и после полудня, четверг 15-го, субботу 17-го, также утром и после полудня; в субботу 24 марта Жан де Ла Фонтен, инквизитор, и несколько представителей Парижского университета, а также и сам Пьер Кошон вернулись, дабы уточнить некоторые детали. Епископ снова появляется в городе в Вербное воскресенье 25 марта, с ним Жан Бопер, Никола Миди и еще двое, чьи имена часто

упоминаются, – Пьер Морис и Тома де Курсель; они пытаются убедить Жанну расстаться с мужским платьем (о нем часто упоминалось в вопросах судей на заседаниях суда) под тем предлогом, что, ежели она не сменит эту одежду, ей не позволят присутствовать на мессе и получить святое причастие на Пасху.

После этих допросов, чрезвычайно частых, как мы видим, процесс – а по существу дела, следствие – считается законченным. За ним с понедельника 26 марта последует "собственно процесс". Вспомним, читая материалы процесса, о том, что Пьер Тиссе настаивал: Жанна могла быть осуждена лишь на основании своих собственных слов, поскольку против нее не было выдвинуто ни одного существенного пункта обвинения и все расследования, какие только проводил Пьер Кошон в течение января и февраля, не могли дать материала, позволяющего вести против нее судебное дело.

Нам остается лишь напомнить некоторые самые поразительные высказывания Девы на мартовских допросах. Например, когда судья говорит об эпизоде ее лжепомолвки:

" – Что заставило вас в городе Туле назвать мужчину в связи с вашим замужеством?

– Не я его называла, а он назвал меня, я же поклялась судьям говорить только правду: я не давала обещаний этому человеку".

И тут же Жанна рассказала: как только она поняла, что в отцовском саду к ней взывал ангел, то поклялась сохранять девственность так долго, как это будет угодно Богу, а случилось это, когда ей было тринадцать лет или около того.

Затем Жан де Ла Фонтен расспросил ее об отъезде из дома, об отце и матери, которым она ничего не сказала, и получил следующий исчерпывающий ответ: "Раз Бог повелел мне это, будь у меня сто отцов и сто матерей, будь я дочерью короля, все равно бы уехала". Когда в тот же понедельник 12 марта после полудня допрос возобновился, Жанна уточнила: отцу и матери "она повиновалась во всем, за исключением процесса, проходившего в городе Туле по вопросу о замужестве". Таким образом, эту "помолвку" устроили ее родители, и, вне всякого сомнения, из-за беспокойства, которое могло им причинить поведение дочери. Она объясняет это следующим образом:

"Я слышала от матери, что отец мой сказал моим братьям: "По правде говоря, если бы я верил, что с моей дочерью случится то, чего я опасаясь, я хотел бы, чтоб вы ее утопили, а ежели вы этого не сделаете, то сам утоплю ее".

Действительно, он много раз видел во сне, что его дочь Жанна уходит с солдатами, и можно представить себе, как отец мог толковать подобный сон.

Жанне также пришлось объясниться по поводу прыжка из башни Бореуара:

" – Я сделала это не от отчаяния, но в надежде спасти тело свое и отправиться на помощь многим простым людям... А после побега я была на исповеди и просила прощения у Господа.

– Наложили на вас за это покаяние?

– Я понесла частично покаяние той болью, какую причинила себе при падении".

Воистину объяснение не лишено здравого смысла. Другие допросы дают возможность понять многие поступки Жанны, например дело Франке из Арраса, которого Жанна передала в руки правосудия и не испытывала никаких угрызений совести по этому поводу: ведь речь шла о разбойнике, предателе и убийце. Или же узнать подробности о вещах малозначительных, в частности о купленном у санлисского епископа иноходце, который, заявляет Жанна, "в верховой езде ничего не стоил".

Поднимаются и более важные вопросы, которые проясняют нам ту сторону жизни Жанны, которая сокрыта мистической завесой. Так, во время допроса во вторник 14 марта утром она поведала, можно сказать, по собственной воле о своих "голосах":

"Святая Екатерина сказала, что мне будет помощь, но я не знала, случится ли это, когда меня освободят из тюрьмы, или же во время суда, или же произойдут беспорядки, посредством которых я сумею освободиться, и я думаю, что случится либо так, либо эдак. Но чаще всего голоса говорили мне, что я буду освобождена в результате крупной победы, а затем повторяли: "Принимай все как должное, не страдай от своего мученичества, ты

попадешь в рай, в Царство Божие!" И все это мои голоса говорили просто и твердо, это нужно знать непременно. Я называю свою долю мученичеством из-за мук и тягот, кои я переношу в тюрьме, и не знаю, выпадут ли на мою долю большие, но во всем полагаюсь на Господа Нашего".

Жанна никогда не зайдет в своих признаниях о "голосах" так далеко, как в этом волнующем рассказе, в котором она переходит от того, чего сама желает, к мысли о "доле", ожидающей ее и поневоле предчувствуемой ею, когда произносит слово "мученичество". Она бы хотела толковать его по-другому, но предупреждение "голосов" довлеет над ней. Тогда ей задают вопрос, уверена ли она в том, что будет спасена.

" – Я твердо убеждена в том, что мне сказали мои голоса, а именно что я буду спасена, так же твердо, как если бы это уже произошло.

– Получив это откровение, думаете ли вы, что не можете совершать смертных грехов?

– Ничего об этом не знаю, но во всем полагаюсь на Бога.

– Это веский ответ.

– Поэтому и я считаю его большой ценностью".

На этом месте допрос прервался. Вероятно, слова Жанны произвели впечатление на Жана де Ла Фонтена, решившего покинуть Руан после того, как он попытался дать Жанне совет.

"Я бы умерла, если бы не голос, ободряющий меня каждый день"

Во всяком случае, из материалов допросов видно, что в тюрьме Жанне постоянно приходили на помощь "голоса", на которые она ссылается. "И они мне даже очень нужны", – скажет она однажды со вздохом. И еще: "Я бы умерла, если бы не голос, ободряющий меня каждый день".

Эта ежедневная "помощь", как ничто иное, подтверждает непоколебимую веру Жанны. Веру крепкую, как алмаз: с точки зрения этимологии слово "алмаз" (diamant) означает "неукротимый" (indomptable). Вере Жанны присуще данное качество – она неукротима, неподвластна никакой идеологии ("Я не говорю вам ничего, что бы я выдумала из головы"), кристально чиста, не затуманена и совершенно бесхитростна. Что и отражается в ее молитве, с которой она доверительно, ничуть не смущаясь, обращается к Господу в среду 28 марта: "Кротчайший Господи, в память о Ваших Святых Страстях⁷⁵, прошу Вас, ежели Вы любите меня, открыть мне, как я должна отвечать сим церковнослужителям. Что до одежды, то я знаю, что я ее приняла по воле Вашей, но не знаю, каким образом я должна расстаться с ней. Да будет Вам угодно вразумить меня". Секретарь постарался записать эту просьбу по-французски – так, как Жанна произнесла ее.

Все равно, от Бога, или от церкви

Жанна на редкость непринужденно разговаривает с миром ангелов, что приводит в замешательство нас, знакомых только с инопланетянами. С этой точки зрения слова Жанны, похоже, роднят ее с библейской героиней, поскольку как в Новом, так и в Ветхом завете постоянно упоминается о присутствии ангелов, которые, кажется, от сотворения мира приводят в равновесие мир чувственный и телесный и приобщают человека совсем к другому миру – чисто духовному. 12 марта к концу утреннего заседания Жанна делает поразительное признание по поводу ангелов: "Они часто появляются среди христиан, но их не замечают; а я много раз видела их среди христиан". Сомнительно, чтоб ангелы принадлежали к категориям, принятым университетскими учеными, но, с другой стороны, не за веру же в ангелов суд инквизиции может преследовать обвиняемую как еретичку!

⁷⁵ Святые Страсти – в учении христианской церкви так называют страдания Спасителя, его искупительную жертву и мученическую смерть.

Зато Кошон, вероятно, посчитал, что победа близка, когда зашла речь о воинствующей церкви⁷⁶. В самом деле, 15 марта Жан де Ла Фонтен начал с вопроса:

" – А вдруг окажется, что вы сделали нечто противное вере, согласитесь ли вы предоставить решение на усмотрение нашей святой матери Церкви, на которую вы должны полагаться?"

– Пусть священнослужители рассмотрят и внимательно изучат мои ответы, и пусть мне затем скажут, есть ли в них что-либо противоречащее христианской вере... Если же отыщется что-либо противное христианской вере, пусть распорядится Бог, я не хотела бы это утверждать и была бы очень рассержена, поступив противно".

Жан де Ла Фонтен или же кто-то другой из присутствовавших представителей университета – Никола Миди и Жерар Фёйэ – начал объяснять Жанне разницу между церковью торжествующей и церковью воинствующей. Дева, не очень-то разбирающаяся в абстрактных категориях, отвечает одно: "Пока что я вам больше ничего не скажу". Но, поняв, без сомнения, что это-то и есть ключевой вопрос, судьи все время к нему возвращаются. Более двадцати раз упомянут о покорности церкви. 17 марта Жанна даст ответ, который мог бы положить конец колебаниям добросовестных судей: "По моему мнению, все равно – от Бога или от церкви, и не должно их противопоставлять. Почему вы делаете противопоставление, когда это одно и то же?"

И вновь ей начинают объяснять, что такое воинствующая церковь; Жанна явно опасается, что под этим понимают духовных лиц, мучающих ее, в частности епископа, называющего себя ее судьей. Мучители Жанны упорствуют и спрашивают ее, считает ли она себя обязанной сказать всю правду папе. На что она отвечает: "Отведите меня к господину нашему папе, и я отвечу ему на все, на что должна буду ответить".

Покорность церкви воинствующей

Когда начинается собственно процесс, Кошон знает, что располагает веским пунктом обвинения: непокорность воинствующей церкви. Жан де Ла Фонтен, как мы видели, уже не участвует в допросах; однако он еще присутствует на заседании 27 марта, когда "в палате около большого зала Руанского замка" идет открытое заседание, во время которого Пьер Кошон обращается к заседателям с просьбой высказать свое мнение о судебном определении, составленном тем временем фискалом. Первым выступил Никола де Вендрес, каноник из Руана, лицензиат канонического права. Он усердно посещает заседания и в дальнейшем сыграет важную роль. Вендрес считает, что обвиняемую необходимо заставить дать клятву, в случае отказа она должна быть отлучена от церкви⁷⁷. Ла Фонтен заявил, что придерживается того же мнения, а большинство заседателей попросили, чтобы перед тем, как объявить об отлучении от церкви, Жанне были зачитаны статьи, составленные фискалом. Некоторые, как, например, Пьер Мижэ, приор из Лонгвиля, чрезвычайно усердствующий во время процесса, но, однако, проголосовавший за передачу дела светской власти, заявил, что

⁷⁶ "Воинствующая церковь" – под этим понятием разумелась церковная организация, непосредственно воплощающая на земле волю "церкви торжествующей" (то есть небесной). Жанна из-за своих откровений как бы находилась в непосредственном контакте с представителями небесной церкви, что ставило под сомнение приоритет церковной организации и должно было быть признано официальной церковью греховным. Приговор Руанского процесса по делу Жанны д'Арк был по существу победой и утверждением принципов приоритета воинствующей церкви во всем, что касается вопросов веры.

⁷⁷ Отлучение от церкви – исключение из религиозной общины, которое в христианской и некоторых других религиях считается суровой мерой наказания. В средневековом обществе отлученный от церкви человек рассматривался как поставленный вне общества: на него перестает распространяться защищающая от козней дьявола миссия церковной организации, над ним нельзя проделывать обязательные церковные обряды, даже похоронить в освященной церковью земле. В процедуре инквизиционного процесса отлучение от церкви предшествовало передаче подсудимого в руки светской власти для наказания. Как правило, это означало смерть на костре.

по статьям, по которым Жанна не сможет ответить, нельзя ее заставить сказать "да" или "нет", как то обычно делается.

27 и 28 марта обвиняемой зачитали статьи судебного определения: семьдесят пунктов, составленных многословным, витиеватым и торжественным слогом Жана д'Этивэ, прозванного *Benedicite* [*Benedicite* (лат.) – предобеденная молитва, начинающаяся со слова "благослови"]. Здесь мы находим большую часть вопросов, заданных Жанне, но они явно приукрашены, а ответы, данные обвиняемой на судебных заседаниях, приведены не полностью. Возьмем в качестве примера статью 7: "Иногда Жанна носила на груди мандрагору⁷⁸, надеясь таким образом получить богатство денежное и мирское, при этом она утверждала, что мандрагора обладает подобной силой и действием". В одном из протоколов допроса кратко записан решительный ответ обвиняемой: "Статью о мандрагоре полностью отрицает". То же и в одной из следующих статей, касающейся молодого человека, представшего перед церковным судом в Туле по делу о женитьбе: "По судебному иску она несколько раз отправлялась в Туль и сообщила по этому делу почти все, что имела сказать" – и т. д. и т. п. Весь текст определения составлен в этом духе. Более того, по поводу мужской одежды, которую носит Жанна и в чем ее упрекают в статье 13 (мужская одежда "короткая, тесная и разнузданная"), решительный ответ Жанны наличествует во французском подлиннике процесса и отсутствует в протоколе, написанном на латыни.

Следует отметить, что в данном определении суда мужская одежда занимает все более важное место. Одевание, которое Жанна считала совершенно естественным – так же, как и жители Вокулёра, ее спутники в первом путешествии, король и даже прелаты, проводившие процесс в Пуатье, – становится навязчивой идеей судей. Как мы уже видели, 15 марта дело дошло до того, что начали шантажировать Деву: поскольку наступала Страстная неделя, Жанна могла получить возможность прослушать мессу, в случае если она согласится переодеться в женское платье. В ответ она в конце концов предложила: "Сделайте мне платье длинное до пола, без шлейфа и дайте мне его, дабы я пошла к мессе". И еще: "Дайте мне платье, как у молодых горожанок, а именно широкий, длинный плащ, а также женский капюшон, и я надену их, дабы послушать мессу". Но все это не возымело никаких результатов.

И, наконец, надо отметить совершенно лживые и противоречащие заявлениям Жанны статьи; так, например, статья 56: "Жанна неоднократно хвасталась, что у нее есть два советника, называемых ею "советниками источника", которые явились ей после ее пленения". И добавляют – в полном соответствии с навязчивой идеей судей, – что, по словам Катрин из Ла-Рошели, "Жанна выйдет из тюрьмы с помощью дьявола, если ее будут плохо охранять". Понятно, что "на эту статью Жанна ответила, что придерживается сказанного ранее, а что до советников источника, она не знает, что это такое". И еще в продолжение той же мысли: говорили, что она якобы лила растопленный воск на головы маленьких детей, дабы устроить, "прибегнув к колдовству", многочисленные "гадания". Дева невозмутимо отрицает случаи так называемого гадания и ссылается на то, что она действительно отвечала. В это определение, жульническое по многим пунктам, в конце концов добавили ответы Жанны, данные ею позже – 18 апреля или после того. В последних статьях настаивают на покорности воинствующей церкви:

" – Лишь бы она не повелела мне сделать что-нибудь невозможное: отказаться от сказанного и совершенного мною и от того, что я заявила на сем процессе по поводу видений и откровений, данных мне Богом; я ни за что от них не отрекусь; все, что Господь наш повелел и повелит мне сделать и совершить, я непременно сделаю во имя сущего, а ежели церковь захочет, чтобы я поступала по-другому, вопреки заповеди, данной мне Богом, я ни за что так не сделаю.

⁷⁸ Мандрагора – род многолетних трав семейства пасленовых. Корень мандрагоры сходен с человеческой фигурой. В средневековой Европе это растение считалось "цветком ведьм", способным лишить человека рассудка. Вместе с тем верили, что мандрагора помогает находить клады, увеличивает мужскую силу, способствует зачатию и сохраняет от сглаза.

– А ежели воинствующая церковь скажет вам, что ваши откровения лишь иллюзия и исходят от дьявола, положитесь ли вы на церковь?

– Во всем и всегда я буду полагаться на Бога, чью волю я всегда исполняла, и я знаю: все, что происходит на этом процессе, – воля Божья, и все, что я говорила на этом процессе, сделано по воле Божьей, и я бы не могла сделать противное. В случае же, если воинствующая церковь приказала бы мне сделать иное, я не положились бы на человека мира сего, но только на нашего Господа, добрую волю которого я всегда выполняла.

– Считаете ли вы, что вы покоряетесь церкви Божьей на земле, то есть господину нашему папе, кардиналам, архиепископам, епископам и другим прелатам церкви?

– Да, покоряюсь, но в первую очередь служу Господу нашему.

– Было ли вам веление ваших голосов не покоряться ни воинствующей церкви, что на земле, ни ее приговору?

– Я не отвечу ничего другого, что бы выдумала из головы, но на все, что я отвечаю, – воля моих голосов; они не велели мне не быть послушной церкви, но в первую очередь служить Богу".

31 марта Жанну вновь допрашивают при закрытых дверях в ее темнице, вопросы в основном касаются ее послушания церкви. В последующие дни, со 2 по 7 апреля, появилось еще двенадцать статей, написанных на основании шестидесяти предыдущих, – их должны были послать докторам и прелатам, к которым по обычаю суда инквизиции обратились за консультацией, так как полагалось представить пункты обвинения и отчет о судебных заседаниях ученым-богословам, не присутствовавшим на процессе, с тем чтобы они высказали свое мнение о степени виновности обвиняемой.

Должно быть, Жанна провела день Пасхи в своем мрачном узилище и не смогла прослушать мессу. Именно в этот пасхальный день, 1 апреля, наступал Новый год, и с этих пор процессуальные акты датируются 1431 годом. Сначала статьи обвинения передали на обсуждение заседателям, среди которых мы, конечно же, вновь встречаем представителей Парижского университета, а также двух английских прелатов: Вильяма Хейтона, одного из тех, кто в 1419 году вел переговоры о браке между Генрихом V и Екатериной Французской, и Ричарда Прети, который станет епископом Чичестерским. Можно также упомянуть доминиканского монаха брата Изамбара де Ла Пьера, с 10 марта часто присутствовавшего на закрытых заседаниях.

Попытка отравления?

Следующее заседание прошло в среду 18 апреля в тюрьме. Жанна больна, и Кошон посчитал нужным сказать ей, "что доктора и метры пришли дружески и милосердно навестить больную, дабы утешить и ободрить ее".

Мы располагаем некоторыми подробностями об ухудшении здоровья Жанны благодаря двум врачам, посетившим ее, а затем выступившим на процессе об отмене приговора. Так, Жан Тифэн, личный врач герцогини Бедфорд, который был заседателем на процессе, свидетельствует:

"Когда Жанна занемогла, судьи попросили меня навестить ее, а проводил меня к ней некий д'Этивэ. В присутствии этого д'Этивэ, метра Гийома де Ла Шамбра, доктора медицины, и некоторых других я пощупал у нее пульс, дабы узнать причину ее недомогания, и спросил, что с ней и что у нее болит. Она ответила, что епископ Бове прислал ей карпа, она съела кусочек и думает, что в этом причина ее болезни. Тогда д'Этивэ грубо прервал ее, сказав, что это ложь; он назвал Жанну распутницей, приговаривая: "Ты развратница, наелась селедки и другой дряни, от чего тебе стало плохо"; она отвечала, что это не так. Жанна и д'Этивэ осыпали друг друга множеством оскорбительных слов. Впоследствии, желая побольше узнать о болезни Жанны, я слышал от людей, находившихся там, что ее сильно рвало".

Инцидент с карпом, которого Жанна считает причиной своего недомогания, ставит

перед историком некоторые вопросы. До сих пор не было случая, чтобы Жанна, чрезвычайно крепкого телосложения, когда-либо испытывала недомогания, несмотря на усталость, неудобства, изнурительные походные условия, а также тяготы заключения. Гнев д'Этивэ, вызванный словами Жанны, внушает подозрения. Возможно ли, чтобы у Кошона возникла мысль о подобном способе покончить с этим неприятным процессом?

Преднамеренное отравление или случайная интоксикация? Мы никогда этого не узнаем. Понятно, что этому человеку, вечно спешащему и считающему любое свое дело неотложным – добивается ли он выдачи пленницы или отправляется самолично собрать средства, обещанные Штатами Нормандии, – кажется, что процесс, в который он ввязался, зашел в тупик. И можно представить, что им овладел приступ нетерпения...

Но англичане думают по-другому. Об этом свидетельствует Гийом де Ла Шамбр, второй врач, вызванный осмотреть Жанну:

"Кардинал Англии и граф Варвик послали за мной по поводу ее болезни. Вместе с метром Гийомом Дежарденом, доктором медицины, и другими врачами я предстал перед ними. Граф Варвик сообщил нам, что, как ему сказали, Жанна больна и что он призвал нас, дабы мы позаботились о ней, потому что король не хочет ни за что на свете, чтобы она умерла естественной смертью. Действительно, король очень дорожил ею и дорого за нее заплатил, он хотел, чтобы она погибла только от руки правосудия и была сожжена; занявшись ее лечением, мы сделали так, что Жанна поправилась. Я навещал ее, и метр Гийом Дежарден и другие также. Мы прощупали ее правый бок и нашли, что ее лихорадит, посему и решили пустить ей кровь; мы рассказали об этом графу Варвику, он предупредил нас: "Кровь ей пускайте осторожно, ведь она хитра и может убить себя". Тем не менее кровь ей пустили, что сразу же облегчило ее страдания; как только она была таким образом исцелена, явился некто метр Жан д'Этивэ, он обменялся с Жанной оскорбительными словами, называя ее потаскухой и распутницей; Жанна была этим сильно разгневана, так что у нее вновь началась горячка, и она занемогла еще сильнее".

Кошон не мог не заметить, что раздаются многие противоречащие ему голоса. Конечно, Парижский университет, к которому обратились за консультацией 12 апреля, поддерживал его мнение и принимал статьи, составленные д'Этивэ. Большинство заседателей – епископ Лизье Занон де Кастигилион, епископ Кутанса Филибер де Монжэ, аббат из Фекампа Жиль де Дюремон и его капеллан Жан де Буге (все эти имена появляются в счетных книгах короля Англии) – также безоговорочно одобряли положения статей. Но другого мнения придерживались аббаты Жюмьежа и Кормея Никола Ле Ру и Гийом Боннель, поначалу обратившиеся с письменной просьбой о перенесении процесса в Парижский университет, затем настаивающие на том, чтобы Жанне лучше разъяснили вопросы и прочитали статьи по-французски, четко объясняя ей, какой опасности она подвергается. Кроме того, одиннадцать адвокатов церковного руанского суда также высказали некоторые замечания, а трое из них – Пьер Минье, Жан Пигаши и Ришар дю Груше – выразили протест по поводу того, что откровенные ответы Жанны могут быть злонамеренно искажены судом. А еще один участник процесса, Рауль Ле Соваж, посчитал, что процесс должен быть передан в ведение папы.

Очевидно, в Руане еще не знали ни о смерти папы Мартина V, последовавшей 20 февраля сего, 1431 года, ни о вступлении на папский престол 3 марта Евгения IV, которому на протяжении стольких лет придется сталкиваться с сопротивлением отцов Базельского собора, среди которых находится большая часть заседателей на процессе Жанны д'Арк во главе с Тома де Курселем.

Упомянем и о едва скрываемой враждебности руанского капитула. Во время своего первого заседания – 13 апреля – каноники сослались на то, что они недостаточно многочисленны для того, чтобы в законном порядке обсуждать вопрос. На следующий день они сговорились и заявили: все двенадцать статей должны быть прочитаны Жанне по-французски, ей должны разъяснить все, что касается покорности воинствующей церкви. Достаточно показательно, что это письмо отсутствует в тексте процесса так же, как и письмо

епископа Авранша Жана де Сен-Ави. Он, безусловно, противник процесса в целом, как и некоторые другие духовные лица Руана, например Жан Лойе или же метр Никола де Упвиль, которых просто-напросто бросят в тюрьму.

Короче говоря, по делу Жанны Девы единодушия не существовало, и если все хорошенько взвесить, то что же осталось в качестве главного пункта обвинения? Конечно же, вопрос о ее покорности воинствующей церкви. Но ведь Жан де Ла Фонтен и два монаха – одним из них был не кто иной, как Изамбар де ла Пьер, – разъяснили Жанне, что ей надо изменить свое отношение к этому обвинению. Что же до мужского платья, каждый понимал, а Пьер Кошон лучше, чем кто-либо, сколь ничтожен этот мотив обвинения.

Однако у английских захватчиков было совершенно определенное стремление: Жанна, безусловно, должна быть осуждена, что явилось бы бесчестьем для Карла VII и повлекло бы за собой его непризнание. Кошон не выполнил бы задания, если бы не продолжал осуществлять свой замысел.

Заседание 18 апреля посвятили тому, что на языке инквизиции называлось "милосердными предупреждениями". Возможно, судьи надеялись, что Жанна, совершенно изнемогая, в конце концов произнесет компрометирующее ее слово. Их постигло разочарование:

Жанна поблагодарила епископа за все им сказанное "во имя ее спасения" и добавила:

"Мне кажется ввиду моей болезни, что мне грозит опасность умереть; и ежели это так, да будет Богу угодно, чтобы я доставила ему радость; я прошу дать мне исповедаться и получить святое причастие евхаристии; а похороните меня в святой земле".

Воспользовавшись этой просьбой, епископ продолжает:

" – Раз вы просите, чтобы церковь дала вам святое причастие евхаристии, покоритесь ли вы воинствующей церкви? В этом случае мы обещаем дать вам причастие.

– Что бы ни случилось, я не сделаю и не скажу ничего, кроме того, что я уже говорила на процессе раньше. Я добрая христианка, как подобает крещенная и умру доброй христианкой... Что касается Господа, то я люблю его, служу ему как добрая христианка и хотела бы помогать церкви и поддерживать ее всеми силами.

– Хотите ли вы, чтобы устроили прекрасную и значительную процессию, дабы вы снова были в добром здравии, ежели вам неможется?

– Я очень хочу, чтобы церковь и католики молились за меня".

В среду 2 мая во время второго "милосердного предупреждения" Жанна выглядит выздоровевшей. Допрашивает ее метр Жан де Шатийон, бакалавр богословия Парижского университета, друг Кошона и Бопера. На вопрос о воинствующей церкви Жанна отвечает ясно и недвусмысленно:

"Я, конечно же, верю в Церковь на этом свете... Я верю, что воинствующая церковь не может ни впасть в заблуждения, ни ослабеть; что же до моих слов и поступков, я вверяю их Богу и полностью полагаюсь на Господа, повелевшего мне совершить то, что я совершила".

Когда же с ней заговорили о папе, она ответила: "Отведите меня к нему, и я ему отвечу".

Через неделю Жан Массье вновь пришел за Жанной. На этот раз он препроводил ее не в привычный зал заседаний, а в мощную башню замка (она сохранилась до нашего времени, должным образом отреставрированная). Жанна оказалась лицом к лицу с Кошоном и несколькими заседателями, которых она уже неоднократно видела: Жаном де Шатийоном, Гийомом Эраром, Андре Маргри, Никола де Вендресом, англичанином Вильямом Хейтоном, слишком хорошо известным Никола Луазелёром, Обером Морелем, адвокатом руанского суда, а также бенедиктинцем Жаном Дасье, аббатом аббатства Сен-Корней (святого Корнелия) в Компьене. Но был еще некто, неизвестный Жанне, – палач Можье Лепармантье со своим помощником. На этот раз ей угрожают пыткой.

"Воистину, – заявила Жанна, – если бы даже вы вырвали мне руки и ноги и моя душа покинула бы тело, я бы вам ничего больше не сказала; а если бы и сказала что-нибудь, то после этого я бы рассказала, что вы силой заставили меня сказать это".

Хотя судьи уже и привыкли к ответам Девы, подобного они явно не ожидали. Кошон решил повременить с пыткой и заручиться поддержкой более широкого круга лиц. Для этого в следующую субботу он собрал в своем доме дюжину заседателей, из которых только трое заявили, что им кажется "полезным" подвергнуть Жанну пытке, дабы "узнать правду о ее измышлениях":

Обер Морель, Тома де Курсель и Никола Луазелёр, от которых, без сомнения, всего можно было ожидать. Кажется, на Кошона подействовал довод, выдвинутый Раулем Русселем, которого спросили первым. Тот заявил, что он против применения пытки, "ибо не хочет, чтобы на процесс, столь прекрасно проведенный, как этот, могли возвести напраслину".

То, что произошло на следующий день, по понятной причине не отражено в официальных протоколах, но это событие также касается Жанны. Случилось так, что в воскресенье 13 марта Ричард Бошан граф Варвик давал роскошный обед, на который он пригласил многих лиц, связанных с историей Девы. В его знаменитой "Книге расходов" ("Beauchamp Household Book"), недавно опубликованной Мари-Вероник Клэн, перечень покупок, сделанных в тот день для обеда, занимает две страницы вместо одной, как обычно. Там упоминается, что к столу подали клубнику со сливками, первую в том году. Никаких сомнений, что к столу также подавали в изобилии вина, перечисленные в "Книге расходов". Во главе стола сидела дочь Варвика Маргарет Бошан, супруга Джона Талбота, находившегося все еще в плену в Пате. В конце этого пышного пиршества гости, несомненно несколько разгоряченные, решили отправиться в помещение, где содержали в заключении Жанну. И вот она видит, как к ней входят Жан Люксембургский, его брат Луи, епископ Теруанский, Хемфри, граф Стэффорд, часто посещавшие замок, а также и сам граф Варвик в сопровождении бургундского рыцаря Эмона де Маси, знакомого Жанне, так как она с ним прежде встречалась. За столом, конечно же, сидели названные в "Книге расходов" епископ Бове Пьер Кошон и епископ Нуайона Жан де Майи. Они посчитали неуместным отправиться к узнице... Сцену описал Эмон де Маси:

"Лини обратился к Жанне со словами: "Жанна, я пришел сюда предложить отпустить вас за выкуп, только пообещайте, что никогда не восстанете против нас". Она ответствовала: "Во имя Бога, вы смеетесь надо мной, ведь я прекрасно знаю, что у вас нет на это ни желания, ни власти". И она повторила это несколько раз, поскольку граф настаивал на сказанном, а затем она молвила: "Я знаю, что англичане погубят меня, потому что они считают, что после моей смерти завоюют королевство Францию. Но, будь даже на сто тысяч годов⁷⁹ больше, чем сейчас, им не получить королевства". При этих словах граф Стэффорд возмутился и наполовину обнажил свой кинжал, дабы ударить ее, но граф Варвик помешал ему".

Видимо, Жанна привлекает Эмона Маси больше, чем ему бы хотелось; он сам рассказывает, что впервые увидел ее, когда она находилась в заключении в замке Бореуар, и неоднократно разговаривал с ней.

"Я много раз пробовал, играя с ней, дотронуться до ее груди, пытался положить руку ей на грудь, чего Жанна не выносила, отталкивая меня изо всех сил. Действительно, Жанна держалась благовоспитанно, что ощущалось и в ее словах, и в ее поступках".

Эмон еще раз встретился с Девой в замке Ле-Кротуа и знал, что говорил о Жанне священник амьенской церкви Никола де Кёвиль, неоднократно приезжавший в тюрьму служить мессу, на которой присутствовала и Жанна. "Он говорил много хорошего о Жанне", – рассказывает Эмон. Бургундский рыцарь продлил свое пребывание в Руане; немногим позже он присутствовал при сцене "сент-уэнского отречения"...

Двенадцать статей

⁷⁹ Годоны – так презрительно называли англичан во время Столетней войны в среде французских солдат. Прозвище происходит от английского ругательства "God damned".

Очевидно, во время пиршества 13 мая Варвик твердо дал понять епископу Бове, что процесс и так уже затянулся. С другой стороны, на следующий день 14 мая ректор Парижского университета передал Пьеру Кошону письма, где говорилось, что после многочисленных консультаций и очень серьезного обсуждения, вызванного приездом Жана Бопера, Никола Миди и Жака де Турена, передавших им все двенадцать статей, составленных по судебному определению д'Этивэ, они наконец высказали "единодушное согласие", как и следовало, "чтобы прекратилось несправедливое и скандальное разложение народа", вызванное, естественно, "женщиной по имени Жанна, называемой Девой". Затем следуют комментарии всех двенадцати статей, где Жанну, разумеется, объявляют отступницей, лгуньей, раскольницей и еретичкой. Тогда в субботу 19 мая Пьер Кошон поспешил вновь собрать заседателей, чтобы они в свою очередь обсудили выводы сих ученых мужей почтенных факультетов богословия и канонического права "отца нашего Парижского университета". И еще раз в следующую среду Жанну отчитали, на что она ответила в присущей ей манере:

"Я хочу сохранить свой образ мысли и подтверждаю все, что говорила на этом процессе, и если бы был вынесен приговор и я бы видела разоженный костер, и приготовленные связки хвороста, и палачей, готовых поддерживать огонь, и пусть даже я была бы на костре, все-таки я не сказала бы ничего другого и утверждала бы до самой смерти то, что я говорила на процессе".

Этот ответ был дан метру Пьеру Морису, молодому новоиспеченному лиценциату богословия (он первым закончил курс в январе 1429 года и менее чем через полгода, в мае 1429 года, также первым получил преподавательскую должность), человеку, как мы видим, блестяще образованному. Вполне возможно, что ответ произвел на него впечатление. Чуждо ли молодости чувство жалости? Во всяком случае, в последний момент он отправился в тюрьму к Жанне, только что узнавшей, какой смертью она умрет. Та воскликнула:

"Метр Пьер, где я буду сегодня вечером?" Пьер Морис сумел найти нужный ответ: "Разве вы не уповаете на Бога?"

На кладбище Сент-Уэн

Тем временем Кошон решил разыграть в четверг 24 мая после праздника Троицы сцену, чтобы нарушить спокойствие духа Жанны. На кладбище аббатства Сент-Уэн возвели помосты; один из них предназначался для Жанны, другие – для присутствующих заседателей. Председательствовал кардинал Генри Бофор, епископ Винчестерский, собственной персоной. Здесь находились также Луи Люксембургский, Жан де Майи, епископ Норвича, и Вильям Алнвик (личный секретарь двух королей, Генриха V и Генриха VI). Именно на Вильяма Алнвика была возложена важная обязанность хранить королевскую печать. Присутствовали также восемь аббатов нормандских аббатств, поскольку к аббатам Фекама, Кормея и Жюмьежа присоединились аббаты Сент-Уэна, Бек-Эллуэна, Мортемера, Прео и Мон-Сен-Мишеля. Робер Жоливэ, аббат Мон-Сен-Мишеля, единственный, кто бежал из доблестного аббатства, сопротивлявшегося и остававшегося в течение сорока лет свободным и верным королю Франции, несмотря на штурмы и угрозы англичан, расположившихся на побережье. Метр Гийом Эрар, руанский каноник и одновременно преподаватель Парижского университета, которому король Англии четыре года спустя поручит представлять свои интересы на переговорах в Аррасе⁸⁰, произнес торжественную

⁸⁰ Переговоры в Аррасе – международная конференция, которая состоялась в 1435 г. по инициативе папы. В ней участвовали представители многих европейских дворов, которые под флагом христианского миролюбия пытались способствовать заключению мира между Англией и Францией. Англичане потерпели на конференции полное дипломатическое поражение, не желая отказаться от претензий на французский трон и освободить оккупированную при Генрихе V Нормандию. Их позиция уже не соответствовала реальному соотношению сил во Франции, а также находилась в противоречии с возросшим национальным самосознанием ее населения. Попытка английской делегации опираться на концепции Эдуарда III и Генриха V о юридической

проповедь. Многие свидетели, допрошенные во время процесса по отмене приговора, кое-что запомнили из этой проповеди, в частности брат Изамбар и Мартен Ладвеню, брат-доминиканец руанского монастыря. По свидетельству брата Мартена, проповедник воскликнул: "О дом Франции! До сих пор ты не знавал чудовищ! Но теперь ты обещен, поскольку доверился этой женщине, колдунье, еретичке и суеверной". Тогда Жанна перебила его, крикнув: "Не смей говорить о моем короле, он добрый христианин!" Проповедник дал знак Жану Массье, находившемуся рядом с Жанной: "Заставь ее замолчать". Закончив проповедь, Гийом Эрар обращается непосредственно к Жанне:

" – Вот господа судьи, которые неоднократно настоятельно просили вас быть покорной во всех ваших словах и делах Нашей святой матери-церкви, они объясняли и указывали вам, что в ваших словах и поступках много такого, что, по мнению священнослужителей, было нехорошо говорить и утверждать.

– Я отвечу вам. Что касается покорности Церкви, я уже на это отвечала: все, что сделала, да предстанет в Риме перед судом нашего святого отца папы римского; на него, а в первую очередь на Бога я полагаюсь. Что до моих слов и дел, то я все делала по воле Божьей, и я не обвиняю никого, ни короля, ни кого-либо другого. А если и есть какая вина, то вина моя, а не других".

Отвечая на новый вопрос, Жанна настаивает: "Я полагаюсь на Бога и на нашего святого отца папу". Можно привести несколько примеров, когда обращения папы было достаточно, чтобы прекратить процесс инквизиции.

Обязательство (цедула)

Трижды повторил Гийом Эрар свои увещевания, а Жан Массье протягивал Жанне цедулу, то есть расписку в отречении, настаивая, чтобы она подписала ее. В это время, рассказывает Жан Массье, "среди присутствующих послышался ропот. Я слышал даже, как епископ Кошон сказал кому-то: "Вы за это поплатитесь"...В это время я предупреждал Жанну об угрожающей ей опасности по поводу подписания цедулы, и мне было совершенно ясно, что Жанна не понимает ее смысла".

Между тем, когда Жанна воззвала к папе, ей сказали, "что невозможно отправиться к папе – это слишком далеко". По свидетельству Массье, в ответ на просьбу Жанны показать цедулу людям ученым, дабы они дали ей совет, Гийом Эрар произнес следующее: "Подписывай сейчас, иначе ты сегодня же сгоришь на костре". Эмон де Маси, присутствовавший при этом, видел, как секретарь короля Англии Лоран Кало – его хорошо знали, поскольку он часто бывал в замке Варвика, – вытащил из рукава небольшую цедулу и протянул ее Жанне, дабы она подписала ее. Дева в насмешку начертала на ней сначала круг, Лоран Кало взял ее за руку и заставил начертать крест.

Что было написано в цедуле? По свидетельству Гийома Маншона, который в качестве нотариуса должен был внимательно наблюдать за этой сценой, Жанна смеялась... Встает вопрос, не напомнил ли ей крест, только что поставленный ею вместо подписи на цедуле (а мы знаем, что с конца 1429 года Жанна подписала своим именем несколько писем), тот крест, которым она помечала военные сообщения, – условный знак для получателя письма, означавший, что письмо следует считать недействительным?

Вызывает недоумение царившая неразбериха: присутствующие англичане упрекали епископа Бове в том, что он не вынес Жанне приговора, в то время как Жан Массье зачитывал обвиняемой цедулу. По словам очевидцев, в ней было шесть-семь строк, тогда как в отречении Жанны, внесенном в текст процесса, во французском переводе насчитывается 47

обоснованности объединения английской и французской корон уходила корнями в отживающие феодальные представления. Англичане были вынуждены демонстративно покинуть Аррас. После их отбытия герцог Бургундский Филипп Добрый подписал с французским монархом Карлом VII договор, по которому признал его королем и перешел в войне на сторону Франции. Утрата такого важного союзника, как Бургундия, во многом способствовала окончательному поражению Англии в Столетней войне.

печатных строк (44 строчки латинского текста).

"Мне ее передали, – заявил Жан Массье, – для того, чтобы я ее прочел, и я прочел ее Жанне, и прекрасно помню, что в этой цедуле было записано: в будущем она не станет больше носить ни оружия, ни мужского платья, ни стриженных волос. И еще многое другое, о чем я не помню, но я точно знаю – в цедуле было примерно 8 строк, не больше, но я знаю, совершенно точно, что не об этой цедуле шла речь на процессе, поскольку та, что я читал, отличалась от записанной в протоколе, а подписала Жанна именно ее".

Эта сцена поразила всех: "англичане были возмущены епископом Бове, докторами и заседателями, так как Жанна не была уличена, осуждена и предана наказанию". Их поведение не оправдало возлагаемых на них надежд: "Король зря потратил на вас деньги". И тот же очевидец, Жан Фаве, докладчик в Королевском государственном совете, продолжает:

"Кроме того, я слышал, как люди говорили, что после этой проповеди граф Варвик жаловался епископу и докторам, как плохо все оборачивается для короля, поскольку Жанна ускользает от них, тогда один из них ответил: "Господин, не беспокойтесь, она от нас не уйдет".

Благодаря нотариусу Гийому Маншону мы знаем, чем все закончилось для Жанны:

"Когда все расходились из Сент-Уэна после отречения Девы, Луазелёр обратился к ней: "Жанна, у вас был хороший день, если Богу угодно, и вы спасли свою душу". Она ответила: "Ну да, среди вас, церковников. Отведите меня в вашу тюрьму – и чтобы я более не находилась в руках этих англичан". А монсеньор де Бове сказал: "Отведите ее туда, откуда привели". Посему ее отвели в замок, который она покинула утром".

Известно, что только еретик – то есть тот, кто однажды отрекся от своих заблуждений, а затем вновь впал в них, – мог быть действительно приговорен к смертной казни судом инквизиции и передан для исполнения приговора светским властям. Кошону удалось, за неимением лучшего и в отсутствие других действенных пунктов обвинения, превратить факт ношения мужской одежды в доказательство непокорности церкви. Поскольку цедула включала обещание не носить более мужского платья, не составляло труда сделать из Жанны еретичку: достаточно было отвести ее обратно в английскую тюрьму, где она опять попадала во власть своих сторожей, для того чтобы она вновь надела платье, защищавшее ее.

"Пагубный ответ"

Какие обстоятельства вынудили ее переодеться? Мартен Ладвеню утверждает: "Кто-то тайно прокрался к ней ночью, и я слышал из уст самой Жанны, что какой-то английский милорд вошел в темницу и попытался взять ее силой". Жан Массье дает другую версию: она надела женское платье в четверг Пятидесятницы, но, когда в воскресенье утром – на Троицу – Дева встала, она якобы не нашла женского платья, так как сторожа его забрали и бросили ей мешок с мужским платьем; тогда "она надела мужское платье, которое ей вручили". Была ли эта или другая причина, во всяком случае, Кошон узнал в воскресенье 27 мая, что Жанна вновь надела мужское платье. Не теряя времени, он на следующее же утро отправился в тюрьму в сопровождении помощника инквизитора и нескольких заседателей.

"Жанна была одета в мужское платье, а именно куртку, капюшон, короткую робу и другую мужскую одежду – одежду, которую ранее по нашему приказу она сняла и надела женское одеяние. Поэтому мы ее расспросили, дабы узнать, когда и по какой причине она вновь надела мужское платье. "Я надела его по собственной воле, – заявила Жанна, – я надела его, потому что мне естественнее носить мужское платье, нежели женское, ведь я нахожусь с мужчинами. Я его вновь надела потому, что не было выполнено обещанное мне, а именно что я пойду к обедне, вкушу от тела Христова и с меня снимут кандалы".

Немногим позже она добавляет:

"Я предпочитаю умереть, чем оставаться в цепях; но, ежели мне разрешат пойти к обедне, снимут с меня кандалы, поместят в менее суровую тюрьму и при мне будет женщина (уточнение: "будет женщина" записано в подлиннике, но его нет в официальном тексте

процесса), я буду послушна и сделаю все, что захочет церковь.

– Слышали ли вы с того четверга голоса святой Екатерины и святой Маргариты? – спрашивает Кошон.

– Да.

– Что они сказали вам?

– Бог высказал мне через святую Екатерину и святую Маргариту глубокое сожаление, что я согласилась на это ужасное предательство, дабы спасти свою жизнь".

На полях сохранилась пометка писца: "Пагубный ответ".

Уточнив, что голоса сказали ей, что произойдет на кладбище Сент-Уэн в этот четверг, Жанна добавила: "Все, что я сказала, и то, что я отреклась, все это я сделала только из страха перед костром". И еще: "Я не говорила о моих видениях и не отказывалась от них, а были это святые Екатерина и Маргарита". "Услышав это, – отмечено в протоколе, – мы удалились, чтобы действовать в дальнейшем в соответствии с правом и разумом".

Два свидетеля показали, что после этой патетической беседы Кошон весело обратился к ожидавшим его во дворе замка англичанам, среди которых был и Варвик: "Farewell, готовьтесь пировать (заколите тучного тельца), дело сделано..."

"Епископ, я умираю из-за вас"

Рано утром в среду 30 мая в темницу к Жанне вошли два монаха-доминиканца: Мартен Ладвеню, которого она уже видела на процессе, где он был заседателем, и брат Жан Тумуйе, помогавший ему. Юный, впечатлительный брат Жан оставил волнующий рассказ о встрече с Девой:

"В этот день Жанна была передана светскому суду и предана сожжению... Утром я находился в тюрьме вместе с братом Мартеном Ладвеню, посланным к ней епископом Бове, дабы сообщить о скорой смерти, заставить ее воистину покаяться и исповедать ее. Все это названный Ладвеню выполнил тщательно и милосердно. И когда он объявил несчастной женщине, какой смертью она должна умереть в этот день, как то предписали ее судьи, а она услышала, какая тяжкая и жестокая смерть ее столь скоро ожидает, она начала горестно и жалобно кричать и рвать на себе волосы: "Увы! Неужели со мной обойдутся настолько ужасно и жестоко, что мое нетронутое тело, доселе неиспорченное, сегодня будет предано огню и превращено в пепел! Ах! Я бы предпочла, чтобы мне семь раз отрубили голову, чем быть сожженной. Увы! Если бы я была в церковной тюрьме и охраняли бы меня духовные лица, а не враги и недруги мои, со мной не случилось бы такой беды. Ах! Я обжалую перед Господом Богом, Великим Судией, огромный вред и несправедливость, причиненные мне". И прекрасно звучали жалобы ее на тяготы, которым ее подвергали в темнице тюремщики и другие, кого настроили против нее.

После этих жалоб явился упомянутый епископ, которому она сразу же сказала: "Епископ, я умираю из-за вас". И он начал укорять ее, приговаривая: "Ах! Жанна, снесите все терпеливо, вы умрете, ибо вы не выполнили то, что обещали нам, и вновь обратились к колдовству". И бедняжка Дева отвечала ему: "Увы! Если бы вы поместили меня в тюрьму церковного суда и передали в руки компетентных, правомочных и достойных церковных стражей, этого не случилось бы. Вот почему я взываю к Богу против вас". После этого, – пишет Жан Тумуйе, – я вышел и больше ничего не слышал".

Секретарь суда Жан Массье, также посетивший Жанну по распоряжению епископа Бове, рассказывает, что после того, как Мартен Ладвеню исповедал Деву, она попросила вкусить "тела Господня". Доминиканец растерялся: должен ли он дать причастие отлученной от церкви? Он послал спросить совета у епископа Бове, который совершенно неожиданно ответил: "Пусть дадут ей таинство евхаристии и все, что она попросит..." Тогда Массье сам отправился за епитрахилью и свечой – ни о том, ни о другом заранее не подумали, – дабы она причастилась достойно.

Затем Жанну отвели на площадь Старого рынка, где, как ранее на кладбище Сент-Уэн,

воздвигли несколько помостов. Ей придется выслушать тут последнюю проповедь, на этот раз из уст Никола Миди.

Дело о ереси провели очень быстро. Кошон, установив должным образом, что Жанна вновь надела мужское платье, на следующий же день, 29 мая, созвал заседателей, чтобы сообщить им об этой "непокорности церкви" и обсудить с ними, что предпринять дальше. Сорока двум заседателям, присутствовавшим в этот день на процессе, он задал вопрос: "Что делать с Жанной, учитывая, что она вернулась к заблуждениям, от которых отреклась?"

Во время этого заключительного заседания он, вероятно, был несколько раздосадован, когда услышал от 39 заседателей, что нужно вновь зачитать и объяснить цедулу Жанне, "обращая к ней Слово Божье". Только три заседателя – Дени Гастинель, Никола де Вендрес и некто Жан Пиншон, каноник Парижский и Руанский, да еще и архидиакон Жуиан-Жозас – придерживались мнения, что Жанну без лишних разговоров следует передать в руки светского правосудия.

Препятствие непредвиденное, но чисто формальное, поскольку в любом случае заседатели имели лишь совещательный голос, а епископ Бове был единственным судьей вместе с помощником инквизитора Жаном Лемэтром, имя которого не упомянуто на этом последнем заседании. Следовательно, оказалось очень легко пренебречь мнением несогласных и ускорить подготовку казни, ведь "этот процесс слишком затянулся"...

"Она не прожила и девятнадцати лет..."

С той же поспешностью, пренебрегая правилами процедуры, обычно принятой на процессе инквизиции, не испрашивая решения светского суда, Кошон посылает ее на костер, подготовленный на площади Старого рынка. Серьезное нарушение, на которое позднее указывает представитель руанского бальи некий Лоран Гедон:

"Приговор был вынесен, как если бы Жанна была передана светскому суду. Сразу же после вынесения приговора она была передана в руки бальи, и, хотя ни бальи, ни я сам, которым подобало произнести приговор, не произнесли его, палач сразу же забрал Жанну и отвел ее на место, где уже были подготовлены дрова, там ее и сожгли".

И Гедон также напоминает, что в точно таком же случае злоумышленник, приговоренный церковным судом, был затем препровожден в суд бальи, дабы на судебном заседании был вынесен приговор по всем правилам.

Все это происходило при стечении внушительного числа солдат: 800 вооруженных людей, как заявил Жан Массье. Много раз отмечали, что эта цифра сильно завышена, да и Жан Массье, нельзя не признать, не всегда точен в своих оценках. Но не следует забывать, что, кроме гарнизона, обычно находящегося в замке, в преддверии наступления на Лувье в город стянули большое количество вооруженных людей. Секретарь суда подчеркивает поспешность, которая сопутствовала всем действиям, и грубость солдатни, наблюдавшей за происходящим. Солдаты окружили эшафот и приготовились сдерживать натиск толпы.

"Пока Жанна молилась и стонала, англичане всячески торопили меня, а один из их капитанов требовал, чтобы я передал Жанну в их руки, дабы она поскорее умерла, они говорили мне – мне, подбадривающему ее на эшафоте по своему разумению:

"Как же так, священник, вы заставите нас таким образом обедать?" – и, не сдерживая себя боле, без лишних слов и не имея судебного решения, послали ее на костер, сказав палачу: "Делай свое дело", и ее отвели на костер и привязали, она продолжала воздавать хвалу Богу и святым и жаловаться им, а когда она испускала последний вздох, она громко крикнула "Иисус", и это было ее последнее слово".

Спешка, толкотня, суетящиеся английские солдаты, палач – его звали Жеффруа Тераж – и все это ради молоденькой девушки, которая громко сетует и взывает к святым! Однако был и жест сострадания:

"Будучи глубоко набожной, Жанна попросила, чтобы ей дали крест; услышав это, какой-то англичанин, находившийся рядом, сделал деревянный крест из палок и передал его

Жанне, она его благочестиво приняла и поцеловала, взывая к Господу Спасителю Нашему, страдавшему на кресте; знак, изображающий его, был у Жанны, и она положила сей крест на грудь между телом и одеждой".

Брат Изамбар де ла Пьер, услышавший эту просьбу, пошел за крестом в расположенную неподалеку церковь святого Лаврентия, "дабы держать сей крест прямо у нее перед глазами до ее последнего вздоха, так, чтобы она, пока будет жива, постоянно видела крест, на котором был распят Господь". Брат Изамбар свидетельствует, что, "объятая пламенем, Жанна ни на минуту не переставала до самого конца жаловаться и во весь голос исповедоваться, называя Святое Имя Иисуса, и не переставая умоляла всех святых рая, и взывала к их помощи, и, более того, испуская дух, склонив голову, произнесла имя Иисуса в знак того, что она ревностна в вере в Бога".

Крики – очень громкие, по словам присутствовавших, раздававшиеся на площади Старого рынка над треском пламени и гулом толпы, – тронули всех собравшихся, в том числе и некоторых англичан. Многие свидетели упомянули о слезах епископа Теруанского Луи Люксембургского, полностью преданного англичанам. Можье Лепарментье, которого ранее призвали в донжон Руанского замка, чтобы пытать Жанну, также свидетельствует:

"Когда огонь охватил ее, она крикнула более шести раз "Иисус!", и особенно громко она крикнула, испуская последний вздох, "Иисус!", так что все присутствовавшие могли услышать это; почти все плакали от жалости".

Волнение толпы легко можно понять; несомненно, даже враги были тронуты. Изамбар рассказывает о таком факте:

"Один англичанин, солдат, чрезвычайно ее ненавидевший и поклявшийся, что своими собственными руками бросит вязанку хвороста в костер, на котором будет гореть Жанна, в тот самый момент, когда делал это, услышал, что Жанна кричит "Иисус!" в последний миг своей жизни. Он застыл, как громом пораженный, и словно ума лишился; его отвели в таверну неподалеку от Старого рынка, чтобы с помощью напитков вернуть ему силы. Позавтракав с доминиканцем, этот англичанин исповедался монаху, тоже англичанину, что совершил тяжкий грех и раскаивается в содеянном против Жанны, которую он считает святой женщиной, потому что, как ему показалось, он видел собственными глазами, как в ту минуту, когда Жанна испускала последний вздох, белая голубка вылетела в сторону Франции. А палач в тот же день после завтрака пришел в монастырь братьев-доминиканцев и сказал мне, а также брату Мартену Ладвеню, что он очень боится быть проклятым, ведь он сжег святую женщину".

Пьер Кюскель, несколько раз видевший Жанну, когда он делал каменную кладку в замке, рассказывает, хотя его не было при казни ("потому что мое сердце не выдержало бы этого и разорвалось бы от жалости к Жанне"):

"Я слышал, что метр Жан Трессар, секретарь короля Англии, возвращаясь после казни Жанны, удрученный, стенающий, горестно оплакивающий то, что видел, произнес: "Мы все пропали, ибо была сожжена добрая и святая женщина", и он говорил, "что душа ее в руках Божьих и что, когда она была в огне, она взывала к Господу Иисусу".

Даже один из заседателей, руанский каноник метр Жан Алеспе – один из агентов короля Англии, когда Руан в 1419 году сдался англичанам, – рыдал и неустанно повторял, если верить свидетелям: "Я хотел бы, чтобы моя душа была там, где, я полагаю, находится душа этой женщины".

Сердце Жанны

Варвик отдал приказ собрать прах Жанны и бросить его в Сену: и речи не могло идти о том, чтобы позволить толпе превратить его в мощи. И по этому поводу из уст в уста передается молва, о чем нам рассказывает Жан Массье:

"Я слышал от Жана Флери, подручного бальи и писца, что палач рассказал ему: когда тело сгорело и превратилось в пепел, сердце ее осталось целым и невредимым и полным

крови. Палачу было приказано собрать прах и все, что осталось от нее, и бросить в Сену, что он и сделал". Брат Изамбар добавляет, что палач утверждал:

"Даже употребив масло, серу и уголь, он никак не мог ни истребить, ни обратить в пепел... сердце Жанны, чем был поражен как совершенно невероятным чудом".

Она смиренно не прожила и девятнадцати лет, и прах ее был развеян по ветру...

Глава VIII

Карл Победитель

В дни, последовавшие за руанским костром, поведение Кошона свидетельствует о том, что епископ немного нервничает. Руанский монастырь святого Иакова, где были монахами брат Изамбар де Ла Пьер и брат Мартен Ладвеню, раздирают жаркие споры. Кошон вызывает зачинщика смуты брата Пьера Боскье. Тот заявляет, что осудившие Жанну поступили дурно. Тогда Кошон приговаривает его к тюремному заключению и сажает на хлеб и воду до Пасхи следующего года – десять месяцев в заключении!

Затем 7 июня епископ созвал нескольких заседателей, близких и верных ему: Никола де Вендреса (именно он составил цедулу отречения); Никола Луазелёра (он пытался заручиться доверием Жанны и получить от нее признания, выдавая себя за ее "земляка"; он не пропустил ни одного судебного заседания, голосовал за то, чтобы подвергнуть ее пыткам); Пьера Мориса, молодого блестящего богослова; Тома де Курселя, которому будет поручено перевести подлинники протоколов, составлявшихся нотариусами изо дня в день, дабы составить из них аутентичный текст процесса (чем он воспользуется, чтобы вычеркнуть свое имя из списка голосовавших за пытку); университетского богослова Жака Ле Камю, руанского каноника, которому, после того как он спешно покинул Руан, английский король пожаловал в качестве компенсации приход церкви Троицы в Фалезе; Кошон призвал его засвидетельствовать ересь, и он сопровождал Кошона в тюрьму в день казни Жанны; и наконец, брата Мартена Ладвеню и брата Жана Тумуйе. Кошон попросил также прийти нотариуса процесса Гийома Маншона, но тот отказался – раз процесс завершен, он считает, что его обязанности выполнены; что касается добавлений к тексту, то любое из них незаконно, а лицо официальное и давшее присягу, коим является нотариус, не имеет права участвовать в подобных действиях. Если верить показаниям Гийома Маншона, сделанным позже, казнь Жанны глубоко взволновала его.

"Никогда я так не рыдал, что бы со мной ни случилось, и даже месяц спустя я не мог успокоиться. На часть денег, полученных за участие в процессе, – уточняет он, – я купил требник, который храню до сих пор, чтобы молиться за Жанну".

Пьер Кошон хочет заставить заседателей подтвердить, что Жанна отреклась от своих "голосов". Конечно же, все наперебой начали заявлять, будто она так и поступила.

"Она знала и понимала, что голоса ее обманули... Являвшиеся ей голоса и видения, о которых она упоминала на процессе, обманули ее, ведь голоса обещали ей, что она будет освобождена из тюрьмы, а она видела, что на самом деле происходит совершенно обратное... То, что ее обманули, – правда... Поскольку они ее обманули таким образом, она считала, что это были не добрые голоса и не добрые дела... (Я не хочу больше верить в эти голоса)..."

А Никола Луазелёр дошел даже до того, что сказал, что Жанна просила, "глубоко раскаиваясь, прощения и снисхождения у англичан и бургундцев за то, что, как она призналась, по ее наущению их убивали и прогоняли и она причинила им большой урон"!

Очевидно, не случайно все эти сведения были собраны 7 июня, ибо на следующий же день английский король обратился с письмом к императору⁸¹, королям, герцогам и принцам

81 Германский император Сигизмунд I занимал особое место в политической жизни средневековой Западной Европы и в общественном мнении по религиозным и политическим вопросам (возглавлял второе по величине –

христианского мира. Текст этого письма – своего рода шедевр. "Соблазнив народ", Жанна в конце концов при помощи милосердия Божьего попала "в наши руки и оказалась в нашей власти... Однако у нас не было ни малейшего намерения мстить этой женщине за нанесенные оскорбления и сразу же передать ее светскому суду, дабы она была наказана"; но, когда по просьбе прелата на территории епархии, где она была взята в плен, ее передали в руки церковных властей, ее признали виновной во многих преступлениях против веры и "она не признавала никакого судии на земле". Наконец она отреклась от своих заблуждений, но "пламя гордыни вновь обуяло ее заразным огнем", так что ее передали светским властям. И в этот момент несчастная "недвусмысленно призналась, что духи, которые, как она множество раз утверждала, являлись ей, были явно злыми обманщиками... Она признала, что ее обвели вокруг пальца и обманули". Таким образом, комедия, разыгранная накануне, была необходима для подобного отчета о процессе.

Приблизительно в тех же выражениях написано разосланное 28 июня циркулярное письмо английского короля "прелатам, герцогам, графам и другим дворянам и городам его Французского королевства", в котором он предлагал им оповещать "в публичных проповедях и другими способами", чем закончилось дело Жанны Девы и как она в конце концов признала, что ее духи посмеялись над ней. И наконец, Парижский университет написал что-то похожее папе и Собору кардиналов.

Не дожидаясь, как будут разворачиваться дальнейшие события, Кошон попросил и получил от английского короля "гарантийные письма" для себя, Луи Люксембургского и епископа Нуайонского Жана де Майи.

"Если так случится, что кому-либо из тех, кто трудился на процессе, из-за участия в нем будут предъявлены обвинения... королевским словом мы защитим, и поможем ему, и будем способствовать защите этих лиц на суде, и окажем им помощь и расходы возьмем на себя".

По всей оккупированной части королевства прошли проповеди и процессии, о которых просил английский король; в частности, в Париже по повелению инквизитора Франции 4 июля (праздник святого Мартина) была произнесена торжественная проповедь и организована многолюдная процессия к церкви святого Мартина. "Дневник Парижского горожанина" – а мы знаем, что писал его университетский хронист, пробургундские чувства которого не вызывают сомнений, – рассказывает об этой проповеди, где говорилось о жизни Жанны, "полной крови и огня и убийств христиан, до тех пор пока она не была сожжена". К тому же он упомянул руанский костер и отклики на это событие:

"Многие говорили, что она была мученицей и что она принесла себя в жертву ради истинного принца. Другие же говорили, что это не так и что тот, кто ее столь долго охранял, делал плохо. Так говорили в народе; хорошо ли она поступила или плохо, но в тот же день она была сожжена!"

В реестре Клемана де Фокемберга мы находим упоминание, записанное добросовестным секретарем суда:

"В тридцатый день мая 1431 года судом церкви Жанна, называвшая себя Девой, взятая в плен у города Компьеня людьми мессира Жана Люксембургского... была сожжена в городе Руане... а произнес приговор мессир Пьер Кошон, епископ Бове".

В течение следующих месяцев под руководством – как мы уже говорили – Тома де Курселя протокол процесса будет переведен и приведен в надлежащий вид. Еще некоторое время Пьер Кошон ждал – вероятно, с некоторым волнением – своего назначения архиепископом Руанским. Можно только представить всю глубину постигшего его разочарования, когда в январе 1432 года он получил епархию Лизьё, а столь желанное архиепископство досталось в 1436 году Луи Люксембургскому, правда, ненадолго – пока он

после Польского королевства – христианское государство). Добившись в результате завоевательной политики в Италии императорского титула, германские правители рассматривались с конца X – начала XI в. как преемники и продолжатели империи Каролингов, которая в свою очередь как бы возродила в IX в. великую Древнеримскую империю, западная часть которой пала под ударами варваров в V в. См. также прим. 47.

не покинул, без сомнения, быстрее, чем ему этого хотелось, Францию и не укрылся в Англии; там он сразу получил епископство в Или, где и скончался в 1443 году.

Знаменательно, что сразу же после смерти Жанны началось наступление французов⁸². В народе в этом увидели больше, чем совпадение. "Поскольку англичане в большинстве своем суеверны, – заявил позже Тома Мари, приор бенедиктинского монастыря святого Михаила, расположенного неподалеку от Руана, – они думали, что в Жанне есть некая магическая сила"; и "тотчас после ее сожжения они отправились осадить Лувье, так как считали, что при ее жизни у них никогда не будет ни воинской славы, ни успехов в войне".

Вопрос об осаде Лувье встал сразу же после казни Жанны. По приказу графа Варвика, отправившегося к Лувье в первые дни июня, туда для него было доставлено продовольствие, а секретарь английского короля Лоран Кало – тот самый, который вытащил из рукава цедулу отречения и заставлял Жанну подписать ее, держа Деву за руку, – дал приказ казначею со 2 июля отпустить необходимые суммы на проведение военных действий у стен города.

Компания началась в Нормандии в декабре 1429 года по инициативе Ла Гира, назначенного наместником этой провинции. Орлеанский Бастард присоединился к нему как раз во время процесса над Жанной в марте 1431 года. Однако сил не хватило, и 28 октября 1431 года Лувье капитулировал. Нужно сказать, что между тем 30 июня свежие английские войска высадились в Кале и были использованы в Нормандии.

И еще одно испытание выпало на долю короля. 2 июля того же 1431 года король Рене Анжуйский, его шурин, был разбит и взят в плен во время кровавой битвы при Бульневиле (где также погиб Арно Гийем де Барбазан, прозванный "Сердце из чистого серебра, Цветок рыцарства"). А Карл так надеялся, что Рене Анжуйский получит наследство герцога Лотарингского (того самого, который просил Жанну навестить его), скончавшегося в январе 1431 года. Другое поражение король потерпел в Шампани, где между Бове и Савиньи завязался спор, для разрешения которого Реньо де Шартр (мы помним его поведение во время пленения Жанны) мобилизовал своего пресловутого пастуха из Жеводана Гийома, о котором он говорил, что "он поступает не хуже и не лучше Жанны Девы"! Пастух был взят в плен Варвиком, в то время как французы разбежались под ударами неприятеля. Гораздо хуже то, что Потон де Ксентрай также попал в плен в битве, прозванной "Битвой пастуха". В конце июля 1431 года король Франции мог сказать себе, что снова повернулось колесо фортуны для его оружия...

"Миропомазание" Генриха VI

Англичане чувствовали, что удача вновь улыбается им, однако обязательно нужна такая успешная военная операция ради престижа, которая подтвердила бы их преимущество во Франции. Причастность Жанны к миропомазанию в Реймсе подрывала доверие к Карлу VII, поэтому возникла насущная необходимость противопоставить ему другого короля, надлежащим образом помазанного и коронованного. С этой целью юный Генрих VI, коронованный в Вестминстере 6 ноября 1429 года, был привезен во Францию. О Реймсе не могло быть и речи, но его прибытие дало повод устроить пышную церемонию – одновременно для короля и для народа – в соборе Парижской богородицы.

Граф Варвик со своими домочадцами доставил маленького девятилетнего короля в столицу по Сене. В кортеже, двинувшемся от ворот Сен-Дени и городка Ла-Шапель, были церковные пэры, собранные для участия в коронации: Луи Люксембургский, Пьер Кошон,

⁸² В течение 1432 – 1435 гг. англичане приложили огромные усилия к тому, чтобы добиться успеха в войне во Франции. Это была их последняя попытка достичь перелома в военных действиях. Однако борьба шла с переменным успехом: англичане отвоевывали одни города и крепости и тут же теряли другие; постоянно вспыхивали антианглийские восстания, в городах составлялись заговоры; война требовала огромных средств, не принося очевидного успеха, что обостряло внутреннее недовольство в Англии. Распад англо-бургундского союза в 1435 г., взятие французскими войсками при поддержке горожан Парижа в 1436 г. и полное отсутствие хотя бы одной победы в крупном сражении – все это говорило о том, что война безнадежно проиграна.

Жан де Майи, "кардинал английский" Генри Бофор, епископ Нормандский Уильям Онвик, а также епископы Парижа и Эврё. На церемонии присутствовали и регент Франции Бедфорд со своей супругой Анной Бургундской, а также многочисленные английские сеньоры, поселившиеся во Франции, например Хемфри, граф Стэффорд.

По традиции кортеж был составлен следующим образом: впереди него шли менестрели, герольды, за ним – вооруженные отряды, конюшие, несущие атрибуты королевского величия: горностаевый плащ и меч правосудия (среди лучников шагал и несчастный пастушок Гийом, взятый в плен шестью месяцами ранее; его зашьют в кожаный мешок и бросят в Сену...).

Дитя-король ехал на белом иноходце; при въезде в Ла-Шапель эшеваны⁸³ и прево купцов подняли лазурный балдахин, вышитый золотыми лилиями, чтобы нести его через весь город над головой короля на протяжении всего торжественного въезда от Шатле и дворца на острове Сите до особняка Турнель, где помещался герцог Бедфорд и где предстояло остановиться королю во время пребывания в Париже. По обычаю, мастера различных цехов: суконщики, бакалейщики, ювелиры, золотых дел мастера, скорняки, меховщики и, наконец, мясники – сменяли друг друга, с тем чтобы нести балдахин. По пути кортежа для развлечения принца и народа – как это было принято при королевских въездах, – разыгрывались живые картины и эпизоды мистерий. На кладбище Невинных устроили даже подобие псовой охоты, а в Шатле живая картина представляла ребенка в возрасте Генриха VI, сидящего на троне: две искусно расположенные короны были подвешены у него над головой.

Самым волнующим моментом стал проезд процессии перед особняком Сен-Поль, где жила королева Изабо Баварская. В "Дневнике парижского горожанина" читаем: "Когда она увидела юного Генриха, сына своей дочери, снявшего при виде ее шляпу и поприветствовавшего ее, она смиренно поклонилась ему и плача отвернулась..."

Церемония коронации прошла 16 декабря 1431 года в соборе Парижской богородицы. И здесь ритуал соблюдался тщательнейшим образом, но и речи не могло идти о святом сосуде с миром; посему люди, наиболее приверженные традиции, говорили, что это миропомазание походило на пародию. Затем в огромном зале дворца, и поныне называемого дворцом острова Сите, был накрыт "мраморный стол" для пиршества; оно ни в коей мере не способствовало популярности маленького короля, о чем свидетельствует преданный англичанам автор "Дневника". "Угощение не понравилось никому. Почти все мясо, а особенно то, что предназначалось простому люду, приготовили еще в предыдущий четверг, что французы нашли очень странным"; зато карманники, срезающие кошельки, и прочие воришки использовали празднество с выгодой: было украдено большое количество ременных пряжек. Даже больные в Отель-Дьё (больница на острове Сите), которым всегда отдавали часть угощений, нашли их невкусными. В большей степени удалась музыка, в том же "Дневнике" сообщается, что играли "очень мелодично". Песнопения исполнялись на тему псалмов: "Я послал ангела..." (ноты сохранились в Национальном архиве).

Турнир, проведенный на следующий день после миропомазания, произвел удручающее впечатление на парижан. В "Дневнике парижского горожанина" сообщается, что любой житель города потратил бы значительно больше средств на свадьбу своей дочери, чем англичане потратили на коронацию своего короля.

Англичане хотели подтвердить свой престиж, но им это не удалось; маленький король вернулся по Сене в Руан в сопровождении своего наставника графа Варвика, который вскоре отбыл со своими домочадцами в Кале, а оттуда через Ла-Манш вернулся в Англию.

События следующего, 1432, года лишней раз продемонстрировали, что конец английского господства не за горами. 3 февраля наемник Рикарвиль с сотней солдат

⁸³ Эшеваны – должностные лица во французских городах, выполнявшие административные и судебные функции. В зависимости от степени независимости города эшеваны назначались сеньорами или избирались горожанами. Как правило, в число эшеванов попадали представители городской верхушки (патрициата).

совершил дерзкое нападение на Руанский замок и захватил его: тот самый замок Буврёй, где в предыдущем году одновременно находились Жанна д'Арк, Бедфорд и граф Варвик! А ведь англичане усилили гарнизон, охранявший замок. Только небольшой части гарнизона под командованием графа Арундела удалось укрыться в башне, смотревшей на город. На следующее утро Арундел обратился к собравшемуся народу, в оцепенении стоявшему перед замком. Злосчастная стрела, посланная одним из людей Рикарвиля, убила ребенка, находившегося в толпе. Этого было достаточно, чтобы люди, толпившиеся у замка, встали на сторону англичан. Графа Арундела спустили в корзине в крепостной ров, он собрал все находящиеся в его распоряжении силы, в свою очередь осадил замок и обстрелял его из бомбарды. Рикарвилю со своим отрядом пришлось сдаться, и все они были обезглавлены на площади Старого рынка.

Но зато чуть позже, 20 февраля. Орлеанский Бастард захватил Шартр, прибегнув к военной хитрости: торговец рыбой из Орлеана под предлогом поставки горожанам соли и сельди сумел заблокировать подъемный мост городской стены при помощи тележек, в то время как французы, участники заговора, убрали людей, стоящих на страже у других городских ворот. Епископ Жан де Фетини был убит; жители города и часть гарнизона слушали в соборе проповедь монаха, являвшегося душой заговора: в тот же вечер Шартр сдался французам.

Через несколько месяцев герцогу Бедфорду пришлось снять осаду с Лани, важной крепости, перекрывавшей движение обозов по дороге из Парижа в провинцию Шампань. На праздник 15 августа он вернулся в Париж, "чтобы исповедаться", как говорили простаки. Еще через несколько месяцев, 14 ноября 1432 года, скончалась его супруга Анна, сестра Филиппа Доброго, герцога Бургундского, а она была его самым ценным помощником. Ей неоднократно удавалось сглаживать противоречия, возникавшие в англо-бургундском союзе, которых оказалось предостаточно. Горе Бедфорда не поддавалось описанию, однако это не помешало ему в начале 1434 года взять в жены дочь графа де Сен-Поля Жаклин Люксембургскую, а ей в то время было семнадцать лет!

Тем временем при французском дворе разворачивались важные события. Настоящая дворцовая революция: Ла Тремуй получил в живот удар шпаги, которая вошла в жир и ранила его не сильно. Нападение организовали три молодых человека – Жан де Бюёй, Прижен де Коетиви и Пьер де Брезе, действовавшие заодно с королевой Иоландой Сицилийской и ее дочерью Марией Анжуйской; все это произошло в Шиноне, в том самом замке Кульдрэ, где дофин принял Жанну четырьмя годами ранее. Тремуй был на некоторое время заключен в тюрьму, а затем получил приказ покинуть двор, в то время как Артур де Ришмон вновь снискал благосклонность короля: в королевстве начиналась фаза активной деятельности.

И давно бы так; годом позже англичане предприняли наступление на Мон-Сен-Мишель. Мессир Тома де Скаль имел в своем распоряжении значительное количество артиллерии. Поскольку из-за малой дальности орудий он не мог нанести ущерба монастырю, то пытался хотя бы проделать брешь в городских укреплениях. Он уже было воткнул стяг с изображением лилий и леопардов на одной из крепостных стен, но Луи д'Этутвиль, защитник крепости, собственноручно вырвал его и бросил в крепостной ров. Через неделю предпринимается новый штурм крепости, да такой яростный, что жителям города пришлось укрыться в аббатстве; к ним присоединились монахи, чтобы сдерживать натиск врага, так и не взявшего город. Англичане в беспорядке бежали... Туристам, каждый год идущим на штурм Мон-Сен-Мишель, но на этот раз штурм мирный, до сих пор показывают две бомбарды, оставленные на поле боя англичанами. На некоторое время англичане сумели укрепиться на островке Томбелен и продержались там до тех пор, пока Луи д'Этутвиль не выгнал их оттуда, а затем вновь овладел Гренвилем. Мон-Сен-Мишель был непобедим.

Французы берут инициативу в свои руки

В том же 1434 году взбунтовалась небольшая область Нормандии Бессен, не пожелавшая повиноваться герцогу Бедфорду, потребовавшему, чтобы Штаты Нормандии проголосовали за предоставление ему 344 000 ливров в виде налога. Провинция все больше страдала от разбоя на дорогах, с тех пор во французский язык вошло слово "бриган" ("разбойник"), от слова "бригандин" ("кольчуга"). Кольчугу носили бойцы. Этимология этого слова весьма показательна: войска все меньше подвергались контролю, от капитанов все меньше требовали отчета об их действиях, солдаты превращались в бессовестных грабителей и мародеров. Хронист Томас Базен запечатлел леденящие душу картины этого периода, когда в Нормандии никто не чувствовал себя в безопасности; крестьяне объединялись в отряды и стремились присоединиться либо к англичанам, либо к разбойникам. Герцог Алансонский с помощью Жана де Бюея безуспешно пытался осадить Авранш; через несколько дней ему пришлось снять осаду. С другой стороны, вылазка графа д'Арундела в районе Ко окончилась неудачей: его войска были полностью разбиты около Жерберуа Ла Гиром и Потопом де Ксентраем; раненый Арундел умер в плену в Бове.

Может показаться странным, что в это трагическое время город Орлеан поставил мистерию с участием горожан. У всех городских ворот возвели театральные подмостки. Был дан великолепный спектакль "Мистерия об осаде Орлеана". Ее текст сохранился. В списках городских расходов мы находим упоминание об участии в этом грандиозном театральном действе одного из соратников Жанны д'Арк, Жиля де Ре.

Одновременно оживилась дипломатическая деятельность. Рене д'Анжу, находившийся в плену в Дижоне, оказался в удобном положении, чтобы добиваться примирения с Филиппом Добрым, к чему стремилась его мать Иоланда. Со своей стороны герцог Бургундский никогда не испытывал большой личной симпатии к регенту Бедфорду, и, как пишет его хронист Оливье де Ла Марш, "французская кровь кипела у него в желудке и вокруг сердца". 16 января 1435 года в Невере начались переговоры, и через три недели французы и бургундцы расстались, чтобы вновь встретиться в Аррасе.

5 августа 1435 года в аббатстве Сен-Вааст города Арраса для участия в торжественном событии собрались французы, бургундцы и англичане. Последние вскоре покинули переговоры; ко всему прочему, стало известно, что Джон Бедфорд умер (в том самом Руанском замке, который служил тюрьмой Жанне д'Арк). После смерти 12 сентября Бедфорда 24-го того же месяца скончалась Изабо Баварская. Между тем 21 сентября был заключен аррасский договор между Францией и Бургундией: посол Карла VII метр Жан Тюдер, преклонив колена перед герцогом Бургундским, покаялся в содеянном от имени короля. Герцог со своей стороны поклялся не таить злобы из-за убийства отца в Монтеро; договор был окончательно скреплен 28 октября и ратифицирован Карлом VII в Туре 10 декабря. Больше во Франции не существовало страшного раскола; арманьяки и бургундцы вновь едины. Это был "добрый крепкий мир, длящийся долго", – к нему так стремилась Жанна д'Арк!

"Большее преимущество..."

Пройдет год, и "англичане потеряют преимущество, которым они обладали во Франции", – опять-таки в соответствии с предсказанием Жанны. 17 апреля 1436 года коннетабль де Ришмон вошел в Париж.

Военные действия начались взятием Мёлана, затем, в феврале 1436 года, Понтуаза; отныне французы контролируют основные водные пути, захватив Мелён-сюр-Сен и Лани-сюр-Марн. В Париже все сильнее свирепствует голод, а коменданта, которого Бедфорд назначил незадолго до своей смерти (им был не кто иной, как Луи Люксембургский), парижане возненавидели за надменность и грубость. Посланные на подмогу две тысячи англичан были разгромлены в долине Сен-Дени 6 апреля 1436 года. Артур де Ришмон с помощью Орлеанского Бастарда и бургундского капитана Вилье де л'Иль-Адама предпринял

осаду, которую на этот раз смогли поддержать сторонники французов из городского населения: осаждающих впустили через ворота Сен-Жак. Рассказывают, будто англичане громко кричали, что их предали, а парижане бросали из окон на проходившие мимо них войска мебель, сундуки, скамейки. От имени короля коннетабль обещал амнистию "отрекшимся" французам. Англичане укрылись в крепости Сент-Антуан, но вскоре, обессилив от голода, попросили начать переговоры, после чего им было дозволено, воспользовавшись пропуском, выйти из города, погрузиться на корабли, стоявшие на Сене, и отплыть в Руан. Пока они шли через город, толпа кричала вслед: "Ату их!", "Хватай их!". Король вошел в освобожденный Париж лишь спустя год, 12 ноября 1437 года, и, к великому разочарованию парижан, оставался там лишь три недели.

Еще один эпизод относится к истории Жанны: возвращение Карла Орлеанского в 1440 году после двадцати пяти лет, проведенных в английских тюрьмах⁸⁴. "Я захватила достаточно англичан, чтобы вернуть его", – говорила она на суде, так как считала, что возвращение герцога было частью ее миссии.

Возможно, не случайно в том же 1440 году в июле мать Жанны Изабель Роме приехала в Орлеан. Вероятно, после смерти мужа и старшего сына она впала в нищету или по меньшей мере очутилась в тяжелом положении. Эта новость взволновала жителей Орлеана, и они предложили ей переехать в их город; впредь в счета Орлеана внесена назначенная ей сумма в 48 су в месяц, кроме того, город взял на себя расходы по оплате врача, посещавшего ее, когда она болела. Она поселилась неподалеку от церкви Сен-Пьер-ле-Пюелье, которая и стала ее приходской церковью (существует и ныне). В Орлеан к Изабель приезжает ее сын Пьер, долгое время томившийся в тюрьме вместе с Жанной; он также поселяется в городе с женой и сыном Жаном. В 1443 году он получил в дар от герцога Орлеанского островок на Луаре, называвшийся Иль-о-Бёф.

Именно в это время некоторые из жителей Орлеана поддались обману авантюристки Клод, которая выдавала себя за Жанну, якобы бежавшую из тюрьмы. Согласно хронике декана собора Сен-Тьебо из Меца, она изображала "так хорошо свой персонаж, что многие были обмануты ею". Сначала она появилась в районе Мёза; среди прочих ее приняла Элизабет де Гёрлитц, еще одна представительница Люксембургской семьи, и, по всей видимости, третий брат Жанны, тот, кого звали Жан или Жан-малыш. Он использовал, преднамеренно или нет, создавшееся положение, чтобы получить от города Орлеана субсидию – сумму в 12 франков – под предлогом того, что он хотел "отправиться на встречу с сестрой". Лже-Жанна вышла замуж за сира Робера де Армуаза и каким-то образом заполучила приглашение в Орлеан, где 28 июля 1439 года, согласно расчетным книгам, в ее честь была организована торжественная встреча. В "Дневнике парижского горожанина" подробно рассказывается, как лже-Жанну публично изобличили. Еще две авантюристки в эти смутные времена сумели воспользоваться доверчивостью простодушных людей и выдать себя за Деву, – ведь поверить, что англичанам удалось заточить и умертвить ее, было так трудно!

Возвращение Нормандии

Однако только в 1449 году произойдет решающее событие, относящееся к истории Жанны д'Арк, – возвращение Нормандии. Предлогом послужил захват замка Фужер арагонским наемником Франсуа де Сюрёном, состоящим на службе у англичан. Этот эпизод с замком нарушил перемирие, ко всеобщему облегчению заключенное между Францией и Англией пять лет тому назад, когда 28 мая 1444 года договорились об обручении короля Генриха VI с Маргаритой Анжуйской, членом королевской семьи, дочерью Рене Анжуйского, племянницей королевы Марии. Вся Европа приветствовала обручение, поскольку оно означало первый шаг на пути к примирению между двумя королевствами.

84 См. прим. 6.

Свадьбу отпраздновали в Нанси в феврале следующего года, а 28 мая 1445 года, ровно через год после договоренности, в Вестминстере состоялось коронавание юной королевы.

В то время, когда нападение на Фужер вновь поставило под сомнение наконец-то установленный мир, Карл VII располагал реорганизованной армией и мощной артиллерией. Соотношение сил отныне складывалось в его пользу, тогда как у короля Англии возникли некоторые осложнения: его собственные вассалы не желали ему подчиняться.

17 июля 1449 года началось наступление в Нормандии. Французы уже вошли хитростью в Пон-де-л'Арш. Наемник Робер де Флок захватил Конш; затем благодаря одному жителю Вернёя (мельнику, чья мельница находилась у крепостной стены) Карл VII с августа смог лично руководить операциями и обосновался в Лувье. Узнав о восстании жителей Руана, он направился к городу и торжественно вошел в него 10 ноября 1449 года. Английский комендант Сомерсет получил разрешение убраться подобру-поздорову, отпустив заложников и сдав несколько городов, таких, как Кодбек и Онфлёр. Отступив к Кану, он попытался объединить силы англичан, у которых осталось лишь несколько очагов сопротивления в Нормандии.

Известие о прибытии новой английской армии, высадившейся в Шербуре под командованием капитана Томаса Кириеля (Генрих VI собрал ее на последние средства, заложив драгоценности короны), побудило французов перейти в наступление. Однако армия под командованием графа де Клермона едва не потерпела поражение, так что французы очутились в тяжелом положении, но подоспел Артур де Ришмон с полутора тысячами солдат. Это была блестящая победа – Форминьи 15 апреля 1450 года.

"Мы желаем знать правду об упомянутом процессе"

Тем временем произошло еще одно событие, имеющее отношение к истории Жанны. Возможно, единственное, вызывающее чувство признательности к Карлу VII. Речь идет о его решении, принятом вскоре после прибытия в город Руан. Ему, вероятно, было известно, что руанцы не забыли о мучительной казни Жанны, и он, без сомнения, приказал доставить ему материалы процесса, сохранившиеся в архиепископстве. 15 февраля 1450 года Карл VII продиктовал своему советнику Гийому Буйе письмо, открывшее новую главу, имеющую решающее значение для понимания истории Жанны д'Арк:

"Некогда Жанна Дева была схвачена и задержана нашими старыми врагами и противниками, англичанами, и приведена в этот город Руан, и против нее они устроили процесс, прибегнув к помощи некоторых лиц, использованных и назначенных ими; в коем процессе они допустили много ошибок и злоупотреблений, так что из-за этого процесса и великой ненависти, которую наши враги испытывали к Деве, они незаконно и несправедливо, крайне жестоко умертвили ее; по этой причине мы желаем знать правду об упомянутом процессе, а также каким образом его вели и организовывали. Вам поручаем, приказываем и недвусмысленно предписываем, чтобы вы все выявили и сообщили подробно и старательно обо всем, что там говорится, и, когда сведения об этом будут вами собраны, доставьте их в запечатанном виде нам и членам нашего Совета... Для исполнения вышеизложенного настоящим письмом даются полномочия, поручение и специальное повеление... Совершено в Руане в пятнадцатый день февраля 1449 года от Рождества Христова... по старому стилю, то есть для нас это 1450 год".

Как бы то ни было, Гийом Буйе срочно предпринял расследование, подтвердившее "истинность названного процесса", проведенного девятнадцать лет тому назад. Выслушали свидетелей: нотариуса обвинительного процесса Гийома Маншона, который давал показания в течение целого дня 4 марта; на следующий день – других шестерых свидетелей: четверых братьев-доминиканцев монастыря святого Иакова, из которых двое – Изамбар де Ла Пьер и Мартен Ладвеню – сопровождали Жанну на костер, а двое других играли второстепенную роль. Допросили также секретаря суда Жана Массье и, по счастливой случайности, метра Жана Бопера, столь часто бывшего правой рукой Кошона на допросах.

Это первое расследование оказалось довольно поучительным: вскрылись многие факты о приемах ведения процесса; обнаружилась пристрастность судей и то, что военнопленная, с которой и обращались как с военнопленной, была обвинена в ереси, затем осуждена как еретичка при самых сомнительных обстоятельствах.

Однако, поскольку Жанну судил суд инквизиции, оправдать ее и снять обвинение в ереси могла только церковь. Поэтому необходимо обрисовать хотя бы в общих чертах, что произошло в христианском мире с того момента, когда богословы из Парижского университета, опираясь на созданную ими идеологию, инспирировали политический процесс в Руане, до краха этой самой идеологии, когда христианскому миру стало совершенно ясно: "ключ от христианства" находится не в руках Парижского университета.

Известно, что в течение всего XIV века папы пребывали в Авиньоне. Церковь переживала серьезные внутренние разногласия; затем, около сорока лет церковь потрясал глубокий кризис, который мы называем Великим расколом. С 1378 по 1417 год, год избрания папы Мартина V, два, а иногда и три папы оспаривали тиару; одни – в Риме, другие? в Авиньоне при поддержке церковников из Парижского университета, считавших – и это была общая тенденция, – что власть в церкви должна осуществляться периодически созываемыми церковными Соборами, чем-то вроде парламентских ассамблей, подменявших собой самого папу, наследника Петра. К этим теоретическим и институциональным разногласиям примешивались соображения финансового порядка, например по поводу права раздавать бенефиции. Вакансии, появившиеся в результате чумы или войн, повлекли за собой захват бенефициев, о чем нам уже представился случай упомянуть, приведя в пример нескольких заседателей на процессе Жанны.

Большое количество этих заседателей оказались на Базельском соборе с июля 1431 года и вскоре добились того, что Евгений IV издал декреты, упраздняющие его роль в раздаче бенефициев и отменяющие некоторые доходы, которыми пользовалась римская курия⁸⁵. Но, столкнувшись с тем, что требования Собора затрагивают папские прерогативы, Евгений IV решил перевести Собор в Феррару, а затем во Флоренцию, где в 1439 году посольство византийского императора провозгласило союз греческой и римской церквей⁸⁶, союз, который был принят и подтвержден на Востоке не лучше, чем союз, провозглашенный на

85 Римская курия – совокупность подчиненных римскому папе учреждений, являющихся органами управления католической церкви. Сформировалась в XII в. на основе различных учреждений папского двора. Благодаря огромному влиянию католической церкви в западноевропейском средневековом обществе папство сумело добиться многочисленных поборов в пользу римской курии, взимавшихся в различных странах Западной Европы. Размеры этих поступлений подчас были столь велики, что существенно подрывали королевскую казну. Доходы римской курии не раз становились одним из наиболее острых вопросов в столкновениях светских и церковных властей.

86 Флорентийский собор, или Ферраро-флорентийский собор (1438 – 1445), – Вселенский собор католической церкви, созданный папой Евгением IV в противовес Базельскому собору (1431 – 1449), где сторонники укрепления авторитета и политических позиций католической церкви перед лицом надвигающегося реформационного движения (учение Джона Виклефа в Англии, учение Яна Гуса и широкое гуситское движение в Чехии и др.) пытались вопреки воле папы ограничить его всевластие с помощью авторитета Собора и добиться проведения частичных реформ (в частности, отмены некоторых наиболее ненавистных поборов в пользу папской курии). В ответ Евгений IV созвал Собор, который начал работать в Ферраре, затем был перенесен во Флоренцию и закончился в Риме. Папа рассчитывал добиться укрепления авторитета католической церкви не путем реформ, предложенных на Базельском соборе, а с помощью унии между западной (католической) и восточной христианской церквями. Представителей византийской церкви толкало на этот путь резкое усиление турецкой опасности, надежда на то, что в случае заключения унии церквями западноевропейские государства придут на помощь Византии в войне против Османской империи. Папство же рассчитывало, что уния укрепит влияние католицизма на Востоке, и в частности на Руси. После долгого обсуждения догматических разногласий византийская церковь была вынуждена принять навязанные ей Римом условия: верховная власть папы, признание догм католического вероучения с сохранением лишь обрядов восточной христианской церкви. Практического значения Флорентийская уния не имела, спасению Константинополя не способствовала (он был захвачен турками в 1456 г.), была в скором времени отвергнута и Византией, и Русским государством.

другом Соборе почти двумя веками ранее – в 1274 году.

Тем временем отцы церкви, оставшиеся в Базеле, взбунтовавшись, низложили Евгения IV и избрали вместо него человека мирского, Амедея VIII, герцога Савойского, ставшего под именем Феликса V последним антипапой в истории. Тома де Курсель, сыгравший активную роль на этих выборах, поспешил получить от нового папы кардинальскую шляпу.

Антипапа отрекся лишь через десять лет, в 1449 году; среди посредников, коим удалось убедить его отречься, был человек, хорошо известный из истории Жанны, – Жан, граф Дюнуа. Между тем король Карл VII односторонне пошел на ряд мер, решение о которых было принято на ассамблее французского духовенства, собранной им в Бурже в 1438 году; это была попытка учредить национальную церковь – то, что назвали Прагматической санкцией⁸⁷. Кроме всего прочего, были отменены налоги, взимаемые папой с приходов и епископств Франции, у него отобрали право раздавать бенефиции, а также утверждалось, что власть Собора, который должен был собираться раз в десять лет, выше, чем власть папы. Папство никогда не соглашалось на Прагматическую санкцию, и Людовик XI отменил ее сразу же по восшествии на престол в 1461 году.

Тем не менее, несмотря на все споры и притязания управлять духовной жизнью христианского мира, христианский дух проявился с удивительной силой во время праздника отпущения грехов в 1450 году, когда в Рим стекались толпы паломников, чья набожность удивительным образом контрастировала со смятением, царившим на ассамблеях прелатов и университетских ученых, собравшихся в Базеле или других местах.

Именно тогда папа Николай V направил во Францию папского легата Гийома д'Этутвиля, поддерживавшего Евгения IV во время его столь беспокойного правления. А Гийом, брат Луи д'Этутвиля, неумолимого защитника крепости Мон-Сен-Мишель, приходился также близким родственником королю Карлу VII, так как его бабка по материнской линии была родной сестрой "мудрого короля" Карла V. Никто не мог понять лучше его, что после долгих и изнурительных войн, страданий и раздоров, выпавших на долю народа, в глазах которого он представлял власть папы, оставался один нерешенный вопрос: процесс над Жанной, явившийся символом распри, порожденной захватчиком и поддерживаемой идеологией господ из Парижского университета.

В феврале 1452 года король принял в Туре Гийома д'Этутвиля как папского легата, затем два месяца спустя тот направился в Руан. К тому времени Нормандия стала свободной, а Гиеньскую кампанию⁸⁸ давно уже начал тот, кого впредь называли не Орлеанским Бастардом, а графом Дюнуа; ему в поддержку была придана артиллерия, реорганизованная

87 Прагматическая санкция – акт, подписанный французским королем Карлом VII 7 июля 1438 г. и определявший статус церкви во Франции. Документ был направлен на создание независимой от власти пап церковной организации. Исходя из решений Базельского собора (см. прим. 87), провозглашалось главенство соборов над властью пап, устанавливалась выборность многих церковных должностей, отменялась раздача папами бенефициев (см. прим. 75). В результате католическая церковь во Франции получала большую независимость от папства, но в какой-то мере попадала под контроль королевской власти.

88 Гиеньская кампания – заключительный акт долгого военно-политического конфликта, который получил условное название "Столетняя война". Уже после освобождения Нормандии, осенью 1450 – весной 1451 г., выросшее, реформированное Карлом VII и хорошо вооруженное французское войско под руководством опытных военачальников Дюнуа и Клермона вытеснило англичан из всех городов и крепостей на Юго-Западе, в области традиционной английской власти. 30 июня 1451 г. был сдан Бордо, к августу освобождена вся "английская Гасконь", бывшая в свое время главным яблоком раздора между Плантагенетами и Капетингами. Фактически Столетняя война завершилась. Однако осенью 1452 г. англичане предприняли попытку вернуть французский Юго-Запад. Английские войска под командованием известного полководца Талбота высадились вблизи Бордо и начали штурм города, в котором нашлись сторонники восстановления английской власти. Бордо, как и некоторые другие города и крепости в Гиени, захватили англичане. Но это был временный и очень недолгий успех. Весной 1453 г. Карл VII лично возглавил армию, направленную на освобождение Юго-Запада. Английские войска были наголову разбиты 16 июля 1453 г. у города Шатийона, Талбот погиб в сражении, остатки английских войск укрылись в Бордо. 19 октября 1453 г. английский гарнизон в Бордо сдался на милость победителя. Эта дата традиционно считается окончанием Столетней войны.

братьями Жаном и Гаспаром Бюро. А инквизитором Франции тогда был нормандец Жан Бреаль, приор монастыря святого Иакова в Париже.

Расследование

Первое официальное следствие, предпринятое Гийомом д'Этутвилем и Жаном Бреалем, началось 2 мая 1452 года в Руане, число жителей которого, согласно записям в приходских книгах, уменьшилось за мрачный период английской оккупации с 14 992 до 5 976 человек. Изучив текст обвинительного процесса с помощью двух итальянских прелатов, Поля Понтануса и Теодора де Лелииса, входивших в свиту легата, они составили модель допроса. Первый допрос включал двенадцать вопросов, соответствующих двенадцати статьям обвинения Жанны. На допросе пяти представших перед ними 2 и 3 мая свидетелей – речь идет о нотариусе Гийоме Маншоне, Мартене Ладвеню и Изамбаре де Ла Пьере, а также об одном из заседателей на первом процессе, Пьере Мижэ, и руанском горожанине каменщике Пьере Кюскеле – сразу же выяснилось, что двенадцать вопросов не отвечают всем условиям, в которых проходил обвинительный процесс. Поэтому с 4 мая список вопросов увеличили (до 27); впоследствии они и послужили основой для ведения всех допросов; вопросы касались пристрастности процесса, ненависти, проявленной англичанами к обвиняемой, недостаточной свободы судей и нотариусов, ошибок адвокатов, вступивших в противоречие с обычаями процессов инквизиции, условий содержания Жанны в заключении, ее истинных чувств – в частности, того, что касалось подчинения папе и церкви, – несоответствия латинского и французского текстов (нотариус Гийом Маншон передал написанные им лично подлинники на французском языке). Затрагивался также вопрос о компетентности судей, условиях казни и всех процессуальных нарушениях, о поведении Жанны в последние минуты ее жизни и, наконец, об истинной причине действия англичан в целом – желании дискредитировать короля и Дом Франции.

Следствие возобновилось 8 мая. Основными свидетелями были заседатели на первом процессе, но главные действующие лица к тому времени уже сошли со сцены: десять лет назад, 14 декабря 1442 года, скоропостижно скончался Кошон; Никола Миди, прочитавший проповедь на площади Старого рынка утром в день казни Жанны, умер от проказы примерно в то же время – но уже после того, как удостоился чести произнести торжественную речь пред маленьким королем Генрихом VI в день его въезда в Париж. Труп фискала Жана д'Этивэ был найден в сточной канаве 20 октября 1438 года. Что касается помощника инквизитора Жана Лемэтра, занимавшего столь незначительное место в истории процесса, точно неизвестно, был ли он еще жив, когда возобновилось следствие, во всяком случае, с 1452 года упоминания о нем в материалах следствия отсутствуют.

После проведенного расследования Жан Бреаль составил краткое изложение дела, так называемый "Summagium", который, следуя принятой процедуре, надлежало представить церковному суду – юристам, докторам канонического права, богословам; изучив документ, они должны были высказать свое мнение о сути процесса. Провели ряд консультаций во Франции и вне королевства ("Summagium" был передан богослову Венского университета Леонарду Бриксенталю).

В 1453 году – году, весьма богатом событиями, – Гийом д'Этутвиль был назначен архиепископом Руанским. А Талбот, старик Талбот (ему шел 81-й год), которого Жанна д'Арк некогда взяла в плен в битве при Пате, вновь появился в Бордо и примкнул к тем, кто всегда считал англичан своими сеньорами – ведь в провинции Гиень англичане пользовались домениальными правами и не держали себя как победители и захватчики (а именно таковым было их поведение в остальной части Франции). Но Талбот был убит 17 июля 1453 года в битве при Кастийоне, решившей судьбу этой провинции. В это же время во Франции и Риме узнали о падении Константинополя. Отныне оттоманы наводнили Ближний Восток, и их нашествие угрожало Европе.

Между тем Жан Бреаль решил возобновить процесс по отмене приговора. Он

отправился в Рим, где добился рескрипта папы Каликста III о начале нового процесса (Каликст III сменил 8 апреля 1455 года Николая V). Для наблюдения за процессом назначаются три представителя папы: архиепископ Реймский Жан Жювеналь дез Урсен, епископ Парижский Гийом Шартье, епископ Кутанский Ришар Оливье.

7 ноября 1455 года в соборе Парижской богородицы состоялась чрезвычайно трогательная церемония: мать Жанны Изабель Роме с жителями Орлеана, пожелавшими ее сопровождать, предстала перед прелатами, назначенными святым отцом:

"У меня была дочь, родившаяся в законном браке, которая была достойно крещена и прошла конфирмацию и была воспитана в страхе перед Господом Богом и в уважении к традициям церкви, насколько то позволял ее возраст и скромное положение; так что, хотя она и выросла среди полей и пастбищ, она постоянно ходила в церковь и каждый месяц, исповедовавшись, получала таинство евхаристии; несмотря на свой юный возраст, она с великой набожностью и усердием постилась и молилась за народ, находившийся в столь большой нужде, и сочувствовала ему от всего сердца; однако... некоторые враги... привлекли ее к суду, поставив под сомнение ее веру, и... сей невинной девушке не оказали никакой помощи, и она предстала перед судом вероломным, жестоким и несправедливым, в котором не было ни капли законности... и ее осудили преступным и достойным порицания образом и, жестоко осудив, сожгли на костре".

Правдивый процесс

И вот начался правдивый, истинный процесс над Жанной. Перед представителями папы предстали свидетели, уже давшие показания во время предыдущих расследований, и некоторые новые, привлеченные к этому процессу, – всего допросили сто пятнадцать человек. Все они получили от короля "грамоты об отмене" (т. е. амнистии). Свидетели давали показания о своем участии в обвинительном процессе и последовавших за ним событиях. Из Парижа, где состоялись первые судебные заседания, суд переехал 17 ноября в Руан. Здесь свидетелей заслушивали с 12 по 20 декабря в большом зале архиепископского дворца. Затем с 28 января 1456 года проводили расследование в родных краях Жанны; и наконец, в Орлеане с 22 февраля по 16 марта перед судьями прошло множество людей, с восторгом вспоминаявших об освобождении города. Семью Жанны представляли адвокат Пьер Можье и еще несколько человек, ведших дело по доверенности, среди них Гийом Превото. Для записи протоколов заседаний было назначено два писца, Дени Леконт и Франсуа Фербук; как полагалось, они поставили подпись на каждой странице подлинника протокола процесса, составленного в трех экземплярах (все они сохранились).

Эти показания являют нам совсем иной образ Жанны; каждое свидетельство имеет свои собственные нюансы и как бы свой акцент, ведь наряду с заседателями обвинительного процесса, проявившими удивительную забывчивость, свидетелями выступили бывшие товарищи по оружию, друзья юности, принцы крови, такие, как Дюнуа или герцог Алансонский, простые горожане Орлеана. Возникал портрет Девы, созданный теми, кто видел, как она жила. Однако этот портрет точь-в-точь совпадал с образом, вырисовывающимся из ответов, данных Жанной судьям. Два образа, одно и то же лицо.

7 июля 1456 года в большом зале архиепископского дворца в Руане торжественно объявили о недействительности первого процесса, один экземпляр протоколов и обвинительного заключения был символически разорван перед толпой собравшихся. Затем прошло несколько церемоний, прежде всего на площади Старого рынка, затем во многих городах Франции, в том числе и в Орлеане, где 27 июля устроили празднество, на котором присутствовали Гийом Буйе, ведший первое расследование, и Жан Бреаль, проведший все дело от начала до конца и составивший "Recollectio", в котором каждый пункт обвинения опровергался показаниями свидетелей.

Изабель Роме стояла в толпе людей, участвовавших в празднествах; через два года, 28 ноября 1458 года, она умерла, как полагают, в маленькой деревушке Сандийон.

Глава IX

"Как и другие"

Только из процесса по отмене приговора мы узнаём о детстве Жанны Девы.

Утром 28 января 1456 года в доме приходского священника церкви Домреми расположились четыре человека, в это же время на площади собралась толпа жителей деревни. В предыдущее воскресенье к ним обратились с церковной кафедры: всех, знавших Жанну Деву, приглашали предстать перед церковным судом и рассказать все, что они помнят. Вести расследование поручили метру Симону Шапиту, осуществлявшему прокурорский надзор за пересмотром процесса инквизиции, он прибыл из Парижа; еще трое были назначены представителями папы: ими были метр Режиналь Шишери, декан собора Богоматери в Вокулёре, каноник собора в Туле по имени Вотрен Тьери и молодой служка того же собора, исполнявший обязанности писца, Доминик Доминичи.

Прошло двадцать семь лет с тех пор, как Жанна покинула Домреми. В 1457 году ей исполнилось бы сорок четыре года или около того. Свидетели, дававшие показания, были тех же лет "или около того", как говорили в то время: именно в этом возрасте воспоминания детства приобретают особую ценность – пятидесятилетие уже не за горами, и все, что случилось в детстве, всплывает в памяти и становится особенно значительным; свидетели по делу Жанны как раз достигли этого возраста, в высшей степени благоприятного для воспоминаний; для людей молодых детство не имеет значения, и еще меньше о нем задумываются мужчины и женщины от двадцати до сорока лет, живущие активной жизнью: одни поглощены своей молодостью, другие – делами, амбициями, любовью зрелого возраста. Всю прелесть и красочность детства осознаешь, когда тебе уже к пятидесяти, воспоминания детства затмевают все другие, более поздние, не говоря уже о воспоминаниях вчерашнего дня, которые легко стираются в памяти старика.

Жители Домреми, соседи и соседки, могли многое порассказать о Жанне, ведь они жили бок о бок с ней в течение шестнадцати-семнадцати лет, и их свидетельствам можно доверять.

Жители Домреми

Самый подробный рассказ оставил Жан Моро, землепашец из Грё, семидесяти лет от роду "или около того". На его глазах росла Жаннетта – именно так он ее называл, – он присутствовал при ее крещении в церкви святого Реми, поскольку являлся одним из крестных отцов девочки; Моро назвал также крестных матерей: жену Этьена Руайе, Беатрису, вдову Этеллена (и та и другая жили в Домреми) и Жаннетту, вдову Тьерслена из Вито, живущую в Нёфшато. Жан Моро хорошо знал ее отца Жака д'Арка и ее мать Изабелетту, которые, как и он, обрабатывали землю, но в Домреми. Все это были добрые, верные католики, усердные землепашцы, пользовавшиеся хорошей репутацией. Почти все жители Домреми любили Жаннетту; да, они считали, что Жаннетту хорошо и надлежащим образом воспитали в вере и в добрых обычаях: она знала свою веру, как могла ее знать маленькая девочка ее возраста! Она вела "порядочные разговоры" и вполне соответствовала тому, что только можно потребовать от девочки ее положения, ведь ее родители были "не очень-то богатыми". Видели, как она ходила за плугом, а иногда пасла в полях стадо, а также "выполняла женскую работу, пряла и все остальное". Что в ней поражало, так это ее необычайная набожность: "она часто и с удовольствием ходила в церковь"; если она находилась в поле и слышала, что звонят к обедне, то "возвращалась в город и шла в церковь", дабы прослушать обедню. Жан Моро утверждает, что видел это. Он рассказывает и о ските Богоматери в Бермоне, куда Жанна охотно ходила. "Почти каждую субботу после

полудня", – уточнит Колен, сын Жана Колена из Грё. Колен был одним из приятелей Жанны и не раз со своими товарищами поддразнивал девочку из-за ее набожности. Мишель Лебюэн, скотовод в Бюри, также товарищ детских лет, часто сопровождал Жанну:

"Когда я был молодым, я неоднократно совершал с нею паломничество к Богоматери в Бермон. Она почти каждую субботу отправлялась в этот скит со своей сестрой и ставила там свечи".

Мишель одного возраста с Жанной – ему сорок четыре года, – и он заявляет с некоторой гордостью: "Я был ее товарищем". Жанна исповедовалась на Пасху и другие торжественные церковные праздники приходскому священнику мессире Гийому Фрону. К моменту расследования он уже умер, но один из его братьев, приходский священник из Ронсесе, близ Нёфшато, по имени Этьен де Сьонн, свидетельствует, что несколько раз мессир Гийом Фрон говорил ему:

"Жаннетта, прозванная Девой, была доброй, простой девушкой, набожной, хорошо воспитанной, живущей в страхе пред Богом, равных ей в городе не было; она часто исповедовалась кюре в своих грехах, и он говорил, что, если бы Жанна имела собственные средства, она отдала бы их своему приходскому священнику, чтобы тот отслужил обедню. Кюре говорил, что каждый день, когда он служил мессу, Жанна приходила в церковь".

По словам уже упомянутого Жана Колена, священник утверждал, "что лучше ее никого не было в его приходе".

Признания самых близких подруг Жанны – Менжетты и Овьетты – свидетельствуют о том же самом: Жанна вела очень скромный образ жизни, и не было в ней ничего примечательного, кроме чрезвычайной набожности, удивлявшей и даже приводившей в замешательство людей, окружавших ее. Овьетта, бывшая неразлучной с Жанной, – она вышла замуж за крестьянина из Домреми Жерара – явно рада представившемуся случаю рассказать о подруге:

"С юных лет я знаю Жанну Деву, родившуюся в Домреми от Жака д'Арка и Изабелетты Роме. Супруги были усердными землепашцами, истинными католиками, пользовавшимися доброй славой. Я знаю это, ибо не расставалась с Жанной и как ее подруга ходила в дом ее отца".

Она уточняет, что Жанна была чуть старше ее: "На три-четыре года, как говорили". Здесь есть некоторое противоречие, так как Овьетта заявила во время следствия, что ей самой "сорок пять лет или около того".

Приверженцы глупой гипотезы, по которой Жанна была незаконнорожденной, не упустили случая отметить, что Жанна, таким образом, могла родиться раньше, чем считалось, и, не принимая во внимание первую часть свидетельства Овьетты, ничуть не смущаясь, относят дату ее рождения к периоду до 1407 года, года смерти Людовика Орлеанского. Именно его они совершенно необоснованно прочат в отца Жанны д'Арк, упуская из виду начало свидетельских показаний Овьетты, где четко указаны родственные связи Девы. Воспоминания Овьетты безыскусны:

"Жанна была доброй, смиренной и кроткой девочкой; она часто и охотно ходила в церковь, посещала святые места, ей было стыдно за тех людей, которые удивлялись тому, что она столь благочестиво ходит в церковь... Как и другие девочки, она выполняла различные работы по дому, пряла, а иногда – и я видела это – пасла стадо своего отца".

"Как и другие..." Из одного показания в другое постоянно переходят эти слова, можно сказать раздражающие своей простотой: она была, как и другие, она все делала, как и другие, она отличалась от окружавших ее людей, но столь незначительно... Например, она любила слушать звон церковных колоколов. "Когда я не звонил повечерие, Жанна обращалась ко мне и бранила меня, говоря, что поступил я нехорошо". Пьер Драпье, церковный староста Домреми – ему уже к шестидесяти – вспоминает, что Жанна была недовольна, когда он забывал звонить в колокола; она обещала ему небольшие подарки, лишь бы он не забывал выполнять свои обязанности. Соседи Жанны отмечали также ее милосердие. "Она раздавала много милостыни", – рассказывает тот же Пьер Драпье. Об этом вспоминает и Менжетта, ее

дом находился по соседству с домом отца Жаннетты, и они часто вместе пряли или выполняли другие работы по дому. Это подтверждает и Мишель Лебюэн: "Она с удовольствием отдавала из любви к Богу все, что у нее было"; а Изабелетта, жена Жерара из Эпиналя, добавляет: "Она с удовольствием раздавала милостыню и давала приют беднякам. Она всегда была готова отдать беднякам свою постель, а сама она устраивалась подле очага". Еще более трогательно воспоминание сорокачетырехлетнего землепашца Симона Мюнье, который свидетельствует: "Она ухаживала за больными и подавала милостыню бедным; я это видел, потому что, когда я был ребенком, я болел и Жанна приходила утешить меня".

"С удовольствием"

Но что особенно выделяет Жанну, так это ее образцовая набожность, а также слова, которые встречаются в каждом свидетельском показании, – "с удовольствием, охотно".

"Она часто и с удовольствием посещала церковь и святые места... она часто и с удовольствием ходила в церковь... она с удовольствием пасла стадо своего отца... она охотно исповедовалась... она с удовольствием работала и выполняла различные поручения: пряла, работала по дому, ходила на жатву, а иногда в свою очередь пасла стадо и пряла... она с удовольствием работала и охотно ходила в церковь..."

Нет других слов, которые повторялись бы столь же часто в рассказах, похожих один на другой и воссоздающих картину спокойной жизни, но также и радости повседневного труда. Особенно удивляет то, что эта девушка такой невероятной, предначертанной свыше судьбы была столь отзывчива к окружающим ее людям и так походила на них, что никто и не подозревал о тайне, заключенной в ней.

И какое разочарование для тех, кто считает, что "народная религия" соткана из суеверий, ритуальных нелепостей, получертовщины, которым несчастные невежи якобы следуют, сами того не сознавая! Сколько ученых трудов, исследований, разнообразных коллоквиумов посвящено ее изучению, но в них всегда сквозит пренебрежение, иногда чуть завуалированное снисходительностью! Где, как не в словах крестьян, рассказывающих об одной из девушек своей деревни, народная религия отражается наилучшим образом? Конечно, от них можно было добиться определения воинствующей церкви не в большей степени, чем от самой Жанны, но какая порядочность и прямота в выражениях, суждениях и воспоминаниях! Насколько для них очевидна суть "верования"! И как справедливо то, что, по их мнению, евхаристия, молитва, обращение к таинствам, и в особенности к частой исповеди, являются сутью существования христианина! И сколь естественно то, что, по их разумению, любовь и уважение к ближнему, желание принять его, помочь, стремление к радостному труду в повседневной жизни идут рука об руку с подлинной набожностью! Как здесь не вспомнить удачное выражение Франсиса Раппа: "У них христианская вера – врожденная". Плоды Евангелия находим в каждой малости бытия, и нет ничего удивительного в том, что в один прекрасный день редкий и совершенный плод вызрел именно здесь.

Вопросы, подготовленные для расследования в Домреми, касались таких пунктов, от которых могли бы вздрогнуть педантичные интеллектуалы: "дерево фей", например, или "танцы около источника". И на ум приходят полные поэзии рассказы Жанны об этих радостных, залитых солнцем днях, когда деревенская молодежь встречалась под деревом, чтобы петь и танцевать; поразительно, об этом говорят все крестьяне и крестьянки, вспоминающие без тени смущения легенды об этом "дереве фей" и постоянных праздниках, устраиваемых там молодежью; они черпают в этом старинном фольклоре свойственную им культуру, передававшуюся из поколения в поколение. Так, крестный отец Жанны с удовольствием рассказывает, что он слышал об этом "дереве дам":

"Я слышал, что женщины и волшебницы, которых называли феями, приходили в далекие времена танцевать под этим деревом, но, как говорят, с тех пор, как читают Евангелие от святого Иоанна, они туда больше не ходят. В наше время по воскресеньям,

когда поют молитвы перед началом мессы, *Laetare Jerusalem*, девушки и юноши Домреми собираются под этим деревом, иногда устраивают там трапезу, а затем идут к источнику в Рэн, гуляют, и поют, и пьют воду из этого источника, и играют вокруг него, и собирают цветы".

Крестная мать Жанны Беатрис добавляет: "Это очень красивое дерево"; а Жерар д'Эпиналь говорит: "Весной это дерево прекрасно, как лилии, и оно огромно; его листья и ветви склоняются до земли". И ни у кого из них ни малейшего намека на чертовщину или колдовство!

Догадывались ли об удивительной тайне Жанны?

Жан Ватрен, крестьянин ее возраста или чуть старше ее, рассказал:

"Я часто встречался с Жанной Девой, и в молодости ходил вместе с ней за плугом ее отца, и с ней и с другими девушками бывал в поле и на пастбище. Часто, когда мы играли вместе, Жанна отходила в сторону и разговаривала с Богом, как мне казалось".

А затем добавил: "Я и другие, мы подтрунивали над ней". Мишелю Лебюэну Жанна доверила небольшую часть своей тайны, о чем мальчик прекрасно помнил, именно он часто провожал девушку к церкви Богоматери и видел, как она исповедовалась:

"Однажды Жанна накануне праздника святого Иоанна Крестителя сама сказала мне, что между Куссэ и Вокулёром живет дева, которая, не пройдет и года, устроит миропомазание короля Франции, и на следующий год король был миропомазан в Реймсе. А больше я ничего не знаю".

Это признание, сделанное накануне дня святого Иоанна, вероятно, при свете костра во время развлечений этой бессонной ночи, – воспоминание, оставшееся на всю жизнь. В Домреми был и "бургундец", ужасный Жерарден из Эпиналя, о котором Жанна – конечно, в шутку – говорила: "Я бы очень хотела, чтобы ему отрубили голову! – сразу же добавляя: – Если то будет угодно Богу!" Однажды она ему сказала: "Кум, если бы вы не были бургундцем, я бы вам кое-что рассказала". Жерарден подумал, что "речь идет о каком-то сотоварище, за которого она хотела выйти замуж". Хоть Жерарден и был бургундцем, он тем не менее отправился (вместе с другими среди них был и Мишель Лебюэн) навстречу Жанне и королевскому кортежу на миропомазание; в Шалоне четверо крестьян встретились с ней.

Ясность

Можно читать и перечитывать свидетельские показания, данные в Домреми и Грё. После их прочтения остается ощущение ясности, чистоты, то есть того же, что мы находим в словах и поступках самой Жаннетты. Незатейливость крестьянского быта создает атмосферу, в которой живет Жанна, осознающая волю Божию. Среди всех этих чистых людей она отличается особой чистотой и является как бы четким отражением того невидимого мира, с которым она общается.

Ветхозаветный пророк считал себя носителем слова, ему не принадлежащего: он передавал то, что ему внушали. Во времена Жанны в ней видели библейскую героиню. Действительно, она предстает перед нами именно такой; ее пророческое предназначение происходит от того, что она передает "послания своих голосов", ничего не добавляя и не убавляя. "Я вам не сказала ничего, что бы выдумала из головы", – заявила Жанна судьям. Создается впечатление, будто на протяжении всего процесса она главным образом боится сделать что-либо не так, как ей сказали "голоса". Она опасается, что не является достаточно точным инструментом их воли, и передает все, что узнает извне, с удивительной чистотой и движимая Духом. "Я хочу, чтобы меня отослали к Богу, откуда я и пришла", – сказала она однажды. И лучше понимаешь врожденную чистоту этой девочки, выросшей среди людей, чей уровень пусть и не поднимается выше среднего, но чей ум прям и может по достоинству оценить прямоту и порядочность: "В ней есть только добро".

В чем же суть народной религии, вызвавшей презрение господ из Сорбонны и заставляющей многих пожимать плечами в наше время? Поражает, что жители Домреми придают такое значение крещению; для них крещение – не просто ритуал. Одна из свидетельниц говорит о Жанне: "Она была моей кумой", что означает: они обе были крестными матерями мальчика по имени Никола. Для них это важно. "Я добрая христианка и должным образом крещена", – говорит сама Жанна. И единственный факт, который посчитали чудесным из всех ее деяний, – это то, что она вернула к жизни ребенка, считавшегося мертвым, для того чтобы окрестить его (произошло это в Лани). Быть крещенным означало на самом деле "относиться к церкви", быть частицей общности людей, за которых пострадал Христос. Церковь классических времен – это иерархия: папа, епископы, священники и темная толпа, следующая за ними. Во времена Жанны человек, напротив, еще осознает себя принадлежащим к обществу крещенных, любимых Богом и допущенных благодаря полученному крещению к участию в божественной жизни. И сегодня мы находим средневековое понимание церкви, какое было у жителей Домреми, для которых добрый христианин – это тот, кто остается верен крещению, и для которых понимание требований, налагаемых крещением, определяет их поступки, их уважение к ближнему, повседневную этику и обращение к таинствам церкви, хотя при этом они не пренебрегают и радостями, предоставляемыми им самой жизнью, и даже в тяжелые времена, когда они идут танцевать к "дереву фей", в них нет и намека на суеверия, они идут туда потому, что дерево красиво, что о нем сложено много легенд, что оно является частью их естественной среды, чем они так дорожат.

Именно христианское сознание заставляет их воздать должное Жанне, девушке, жившей среди них и бывшей такой же, как они, все делающей с удовольствием, а затем давшей идеологам (тем, кто привержен толкованиям или методу) блестящее доказательство своей веры – на глазах безмолвствующей толпы на площади Старого рынка в Руане, уже объятая пламенем, она крикнула "Иисус!".

Часть II. Действующие лица

Действующие лица

В этом разделе вы ознакомитесь с краткими биографиями некоторых средневековых персонажей. Мы выбрали именно их потому, что их встречи с Девой сыграли важную роль в тот или иной момент ее жизни, или потому, что их собственная судьба тесно связана с судьбой Франции времен Жанны д'Арк.

Во-первых, наследник королевства, король Карл VII, которому Жанна вернула надежду. Затем его кузен принц Карл Орлеанский – с ним Жанна никогда не встречалась, но спасла его герцогство. Робер де Бодрикур, с чьим именем связан отъезд Жанны д'Арк из Домреми и Вокулёра. Мы расскажем о товарищах Жанны по оружию: о Гокуре – ведь именно он был комендантом Орлеана; затем о Ла Гире (Этьене де Виньоле) и Потоне де Ксентрае – двух наемниках, ставших ее верными капитанами; о принце крови Жане Алансонском, ее "прекрасном герцоге". И как не вспомнить о знаменитом Дюнуа, Орлеанском Бастарде, сыне принца Людовика?

Мы приводим также биографии трех англичан. Речь идет о Солсбери – Жанна не встречалась с ним лично, но именно он начал осаду Орлеана; затем упомянем Джона Талбота – он передал свой меч Деве после победы при Пате; и, наконец, расскажем о Ричарде Бошане, графе Варвике, тюремщике Жанны в Руане.

Еще одна фигура характерна для конца XV века – Перрине Грессар, наемник, обречший Жанну д'Арк на неудачу: он был одним из приспешников англо-бургундцев. А Жан Люксембургский? Он заслуживает нашего внимания, ибо именно он держал Жанну четыре

месяца в плену, а затем выдал ее англичанам. И, наконец, как не упомянуть о судьбе Пьере Кошоне и не рассказать, как составлялся текст обвинительного процесса, используя последние открытия историков.

Нами не забыт Робер де Флок, один из тех, кто провел большую часть своей жизни в баталиях; он не был товарищем Жанны д'Арк, но мы можем проследить за его судьбой во время начатой Жанной борьбы за возвращение королевства: его судьба характерна для соратников Девы. И в заключение – Жак Желю и Жан Жерсон, рассказавшие о духовности Жанны д'Арк и об отношении к юной крестьянке части церковников.

I. Карл VII

Часто историки слишком строго судили его. Слабость, проявленная им в первые же годы правления, его "низкий отказ" от Жанны д'Арк, его неблагодарность по отношению к Жаку Кёру и, наконец, последние годы жизни, потраченные скорее на удовольствия, чем на выполнение своих обязанностей, – все это говорит об одном: человек он малопрятный. Но нельзя сбрасывать со счетов его усилий, предпринятых для восстановления королевства.

Жорж Шателлен, бургундский хронист, описывает Францию начала XV века: "Все идет кувырком, полная неразбериха, раны, наносимые англичанами, и разгром, учиняемый разбойниками!"

Совсем другую страну оставит в наследство в 1461 году Карл VII – после тридцатидевятилетнего правления – своему сыну: "По смерти своей он оставил королевство в таком добром мире, спокойствии и справедливости, каковым оно было во времена короля Хлодвига, первого христианина".

Тот, кого враги пытались представить незаконнорожденным сыном королевы Изабо, стал после миропомазания в Реймсе, столь желанного и осуществившегося благодаря Жанне д'Арк, "королем Франции Божьей милостью", и таким образом его статус был законно подтвержден. Именно тогда Карл VII приступил к восстановлению королевства: для этого понадобилось примирить арманьяков с бургундцами, конкретным подтверждением чего стал мир, подписанный в 1435 году в Аррасе. Затем король избавился от банд мародеров⁸⁹, отправив их сражаться в Швейцарию и Германию. Но главное, Орлеанским ордонансом 1439 года он заложил основы постоянной армии и создал отряды вольных стрелков – прообраз наших современных жандармов.

Его военные реформы были не сразу поняты и одобрены современниками, ибо расквартирование армии и назначение военачальников королем далеко не отвечало средневековому духу. Реформы вызвали мятежи крупных феодалов: это была Прагерия 1440 года⁹⁰. Карл VII провел также судебную реформу (великие ордонансы, подписанные в Монтис-ле-Тур в 1436 году). В 1454 году он предписал отредактировать кутюмы (записи обычного права) и вновь установил три традиционные палаты: большую палату, следственную палату и палату кассационного суда. Прагматической санкцией, принятой в Бурже в 1438 году, Карл точно определил отношения между церковью Франции и папством, ограничив его власть, ибо отныне епископов и настоятелей монастырей назначал сам суверен. И, наконец, процесс по реабилитации Жанны д'Арк явился актом справедливости и успокоил французов.

Этого короля, которого современники называли "победителем", следующим образом

⁸⁹ См. прим. 17. Во времена Карла V главнокомандующий Дюгеклен по поручению короля впервые применил в качестве борьбы с мародерами "выведение" их отрядов за пределы Франции, туда, где требовалась военная сила.

⁹⁰ Прагерия – восстание крупных феодалов во Франции в 1440 г. под руководством дофина Людовика против короля Карла VII. Восстание было подавлено, однако его участники получили помилование. Название движение получило от Праги, столицы Чехии, незадолго до этого охваченной гуситским движением. Тем самым участники Прагерии приравнивались к мятежным низшим сословиям, да еще и еретикам.

описывают жители Шалона в 1429 году: "мягкий, ласковый, милостивый, несчастный и милосердный, красивый, умеющий держать себя и очень умный". Набожность и сострадание к своим подданным – вот две черты характера, постоянно отмечаемые биографами. Жанна д'Арк сказала во время процесса: "Не говорите дурно о моем короле, он добрый христианин". Но по отношению к фаворитам его доброта довольно часто граничила со слабостью. Жорж де Ла Тремуай относился к тем, кто ловко получал от короля и власть, и разнообразные пенсии.

Жан Жювеналь дез Урсен, один из крупных епископов того времени, так пишет о короле: "Его жизнь и его правление прекрасны, честны и приятны Богу". Карл VII был человеком образованным, особенно хорошо знал историю и теологию, умел расположить к себе, обладал приятным голосом, любил искусство, часто играл на арфе и не проявлял склонности к охоте.

Иногда короля охватывали приступы ужасного страха – эхо событий его детства и отрочества: он не выносил, чтобы под ним был деревянный пол, помня о происшествии в Ла-Рошели⁹¹; он также не мог проехать на лошади по деревянному мосту – воспоминание об убийстве, совершенном в Монтеро, преследовало его всю жизнь. Его чрезвычайно смущало присутствие незнакомых людей; рассказывают, что, когда он видел за столом незнакомое лицо, то внимательно смотрел на него на протяжении всей трапезы и даже забывал есть.

К тому же Карл обладал не самой привлекательной внешностью. "Он тщедушен, хил, тощ, слаб, и у него странная походка", – пишет Шателлен. Карл был среднего роста, непропорционально сложен; короткое одеяние не скрывало кривых ног – ему следовало носить длинные одежды. Тогда он казался величественным.

На портретах, дошедших до нас, изображен мужчина с печальным и тревожным лицом, не лишенным обаяния, но со следами перенесенных страданий и усталости, что прекрасно подтверждает мнение его современников: "Он был одинок, ему казалось достаточно того, что он прожил, то, что было отпущено свыше".

Добавим, что Карл стал первым французским королем, имевшим официальную фаворитку – Агнессу Сорель⁹².

На протяжении всей долгой жизни Карла VII его подданные всегда "хорошо служили" своему господину. Даже враги признавали его достоинства. Граф Саффолк отмечал: "Я видел в короле Франции столько чести и доброты, что хочу, чтобы все знали: я буду служить ему против всех, за исключением только моего господина". Эта несколько льстивая фраза,

91 Карл VII был третьим сыном Карла VI, следовательно, не предполагалось, что он станет французским королем. Однако его братья Людовик и Жан умерли: один в восемнадцать, другой в девятнадцать лет (1415, 1417 гг.). Таким образом, в самом разгаре гражданской войны во Франции (борьба бургиньонов и арманьяков), а также военных успехов англичан под руководством Генриха V в северной части страны дофин Карл оказался единственным наследником французской короны. Весной 1418 г. он чудом спасся с помощью парижского прево из захваченного бургиньонами Парижа, в 1419 г. на мосту Монтеро на его глазах одним из его сторонников был убит герцог Бургундский Жан Бесстрашный (см. прим. 33). Тень подозрения в соучастии дофина в этом убийстве преследовала Карла VII всю его жизнь, ему не раз (например, перед заключением договора 1435 г. в Аррасе с герцогом Бургундским) приходилось публично отвергать эти подозрения. В 1420 г. мать Карла королева Изабелла Баварская открыто подвергла сомнению законность его происхождения, подкрепляя тем самым главный пункт договора 1420 г. в Труа, согласно которому наследником французского престола стал английский король Генрих V. В 1422 г. в комнате Карла VII провалился пол. По-видимому, это было покушение, от которого он чудом спасся, хотя многие из его окружения погибли. В результате в поведении Карла VII появилось немало странностей: он, например, боялся пройти по мосту, избегал общественных и многолюдных мест. Некоторые исследователи считают, что Карл VII страдал расстройством нервной системы, полученным по наследству от психически больного отца, Карла VI.

92 Агнесса Сорель (1402 – 1450) – возлюбленная короля Карла VII. Происходила из дворянской семьи, была придворной фрейлиной герцогини Анжуйской. Плененный ее красотой, Карл VII сделал ее статс-дамой королевы и своей фавориткой. Агнесса Сорель имела трех дочерей от Карла VII, активно влияла на придворную жизнь. По свидетельствам современников, отличалась не только необычайной красотой, но и острым умом, способствовала удалению от двора недостойных любимцев короля, всемерно поддерживала людей талантливых и способных.

произнесенная в 1455 году, в то время, когда как во Франции, так и в Англии прилагались усилия к примирению, доказывает, что современники Карла – и друзья, и недруги – отзывались благожелательно о короле, "которому хорошо служили".

II. Карл Орлеанский – принц-поэт и принц поэтов⁹³

В то время, когда Жанна снимала осаду с Орлеана, герцог Карл Орлеанский оказался пленником в Англии после битвы при Азенкуре (25 октября 1415 года) – его посчитали мертвым и оставили на поле боя. Карлу тогда было двадцать четыре года. Герцог отличался необычайной храбростью, он сражался в авангарде с энергией отчаяния; его нашли раненым среди трупов, и он находился двадцать пять лет в руках победителей.

Король Англии Генрих V прекрасно осознавал значение этого пленника, в одном из пунктов его завещания записано, что "ни в коем случае нельзя выпускать на свободу законного вождя арманьяков"⁹⁴. В Англии Карл Орлеанский разделил судьбу своего брата графа Ангулемского, уже находившегося в плену; младший сын в семье, граф де Вертю вскоре скончался. Таким образом, главой семьи во Франции стал сводный брат Карла Жан, Орлеанский Бастард, будущий граф Дюнуа.

Сначала герцога содержали в Виндзорском замке. В 1421 году его перевели в замок Фосерингей в Носхэмптоне, а в мае 1422 года мы находим его в Болингброуке. И наконец, в 1430 году его перевезли в Лондон.

Королевской грамотой от 27 мая 1422 года его сторожам назначалось жалованье в 20 су в день. Но английское правительство посчитало, что это слишком тяжелое бремя для государственной казны, и продало с торгов право охранять герцога; за герцога поручился граф Саффолк – тот самый, над которым Жанна и королевская армия одержали победу в Орлеане и при Пате, – он платил по 15 су 4 денье в день за охрану герцога. Несомненно, Карл сам оплачивал свое содержание. Последние годы плена Карл Орлеанский провел в замке Вингфилд (1435-1440).

Находясь в плену, он продолжал в меру сил и возможностей руководить делами своего апанажа (удела)⁹⁵. Так, ему пришлось продать драгоценности, дабы уплатить выкуп за нескольких своих товарищей по несчастью. Он также сам как нельзя лучше следит за поступлением доходов, чтобы подготовить собственное освобождение, и советует своим людям исправно выполнять свои обязанности и соблюдать строжайшую экономию. Для осуществления этих задач он в основном полагается на своего канцлера и на генерального казначея, которыми руководит Бастард. Бастард не жалеет сил, и расходные книги Орлеана свидетельствуют о его постоянных поездках по герцогству. Канцлер Рауль де Гокур и генеральный казначей Жак Буше навещают иногда и в Англию, но постоянную связь между принцем-поэтом и его городом обеспечивает конюший.

С первых же дней своего пленения – а значит, с начала возобновления военных действий между Францией и Англией – герцог Орлеанский старается уменьшить ущерб,

⁹³ Герцог Карл Орлеанский прожил бурную жизнь (см. прим. 6). Получил блестящее образование. Воспринял от отца, Людовика Орлеанского, вкус к изяществу, празднествам и застольным беседам. От своей матери-итальянки Валентины Висконти перенял интерес к литературе. Во время 25-летнего английского плена близко сошелся с Алисой Саффолк, внучкой Чосера, и познакомился с произведениями ее деда. Литературные интересы возникли у Карла Орлеанского рано, еще до Азенкура он написал несколько баллад и песен. Однако в плену в полной мере расцвел его поэтический дар. После освобождения из плена в 1440 г. в его замке в Блуа собирались поэты со всей Франции. Среди них он был не только герцогом, родственником короля, "принцем поэтов", но и признанным мастером – "поэтом принцев". Произведения Карла Орлеанского получили широкую известность и во Франции, и за ее пределами.

⁹⁴ См. прим. 6.

⁹⁵ Апанаж {фр. *apanage*, позднелат. *арпапо*, что буквально означает "снабжаю хлебом") – крупное земельное владение или денежное содержание, предоставлявшееся некоронованным членам французской семьи.

наносимый населению враждующими армиями. Поскольку войска находились на территории герцогства, он распорядился придерживаться принятых правил и ради блага городов своего герцогства, и особенно столицы – Орлеана, пытался добиться отказа от военных действий. По традициям рыцарских времен англичане не должны были ничего предпринимать против Орлеана – ведь законный хозяин города находился в плену; но в конце XV века соблюдение рыцарских правил ушло в прошлое.

С 1424 по 1426 год в городских расходных книгах часто упоминаются вопросы, связанные с перемирием:

"Были получены и другие средства от займов, проведенных в названном городе для дел оного. От метра Пьера Фрамбержа, бывшего прокурором города, через Гийома Гарбо, опекуна детей Удена дю Луаша, получена сумма в сто эю золотом... в долг для передачи монсеньеру де Ла Тремую в счет некоторых сумм, предоставленных ему жителями названного города Орлеана и графств Блуа и Дюнуа, дабы продолжать воздержание от военных действий с герцогом Бургундским на названных территориях..."

Упоминается и о многих других займах: "От декана и членов капитула церкви Сент-Круа... от Жака Буше... для "воздержания" от военных действий против герцога Бургундского или короля Англии". 17 июля 1427 года в Лондоне был подписан первый договор между герцогом Бастардом и Бургундией, но Бедфорд не ратифицировал этот договор, и военные действия возобновились. Городу Орлеану предстояло защищаться. И вновь герцог следит за подготовкой к обороне: по его приказу сделана опись арбалетов, стрел, пороха и пушек, находящихся в замках, крепостях и городах герцогства. Организовали дозоры, укрепили фортификации и разрушили предместья. Теперь враг мог наступать: город готов защищаться, что он и будет делать в течение семи месяцев.

Мы знаем о трогательной подробности, касающейся истории Жанны д'Арк: желая вознаградить освободительницу города, герцог преподносит ей подарок (однако Карл Орлеанский, обычно столь многословный, ни разу не упомянул ее имени в манускриптах, которыми мы располагаем). Вернемся к подарку: когда 20 июня 1429 года Жанна возвращается в Орлеан после побед при Жаржо, Мене, Божанси и Пате, для нее – дабы возблагодарить за оказанные услуги – готовят праздничные одежды цветов города Орлеана. Таков обычай средних веков – дарить одежду или ливреи с гербом города.

Счета Орлеана достаточно красноречиво подтверждают это: "Жаку Компену за пол-локтя материала зеленого цвета для изготовления листьев крапивы на платье Девы выдать тридцать шесть парижских су". Это распоряжение относится к 16 июня 1429 года, а 30 сентября 1429 года записано:

"Мы, Карл, герцог Орлеанский и Валуа, граф де Блуа и де Бомон, сеньор де Кузи, обращаемся с приветствием и любовью к нашим возлюбленным и преданным людям, занимающимся расчетами. Повелеваем вам выдать сумму в тринадцать эю золотом весом в шестьдесят четыре марки, выплаченных нашим возлюбленным и верным генеральным казначеем Жаком Буше в прошлом месяце июне Жану Люилье, торговцу, и Жану Буржуа, портному, проживающим в Орлеане, за платье и накидку, заказанные людьми из нашего Совета и переданные Жанне Деве, находившейся в нашем городе Орлеане, в знак уважения за добрые, преданные и приятные услуги, оказанные нам Девой против англичан, давних врагов монсеньера короля и нас".

Эта запись выражает совершенно определенное намерение: по приказу герцога Орлеанского сшиты мужское платье и накидка, чтобы отблагодарить Жанну – освободительницу города. В конце текста есть некоторые уточнения:

"Вышеназванному Жану Люилье за два она⁹⁶ тонкого ярко-красного брюсселя, из которого было сшито платье, по цене четыре золотых эю за он – восемь эю золотом; за подкладку – два эю золотом; за он материала темно-зеленого цвета для вышеназванной накидки – два эю золотом, а названному Жану Буржуа за шитье упомянутых платья и

⁹⁶ Он – старинная мера длины, составляющая примерно 118 – 120 см.

накидки и за белый атлас, сандал и другие материалы – одно эю золотом за все..."

Это распоряжение было отдано в Орлеане в последний день сентября 1429 года от Рождества Христова. Тонкий брюссель – очень красивое сукно, изготовленное в городе того же названия, а сандал, белый атлас – весьма ценные ткани.

Адриен Арман сумел воссоздать эти одежды в своей хорошо документированной книге, причем описал и выкройки, по которым, возможно, были сшиты платье и накидка для Жанны. В те времена мужское платье доходило до колен. Из чего Адриен Арман после долгого детальнейшего исследования костюма, прически, обуви и военного снаряжения тех времен делает вывод: "Жанна д'Арк, пропорционально сложенная и плотная, красивая и хорошо развитая, вероятно, имела примерно 158 сантиметров роста, ибо длина ее одеяния из тонкого брюсселя была 80 сантиметров".

Это интересная деталь. Следует также отметить, что листья крапивы некоторое время (как раз в эти годы) являлись одной из эмблем герцогов Орлеанских, а темно-зеленый цвет некоторые авторы объясняют тем, что в те времена Орлеанская семья заказывала ливреи темно-зеленого цвета в знак траура, ведь законный глава рода находился в плену в Англии. Нам не хватает одной детали для воссоздания костюма Жанны д'Арк: происхождение меха, которым непременно оторачивались платье и накидка. Платье и накидку необязательно носили вместе: накидку надевали непосредственно на нижнее платье или доспехи, чтобы быть узанным солдатами, своим отрядом, а также чтобы приглушить ослепляющий отблеск солнца.

Герцог Орлеанский проявляет великодушие и к своему брату Бастарду, королевскому наместнику на время войны в герцогстве Орлеанском; ему выплачивается ежегодное содержание, а в 1439 году за оказанные услуги передаются доходы с Роморантена и Блуа, ему также жалуются графство Дюнуа с правом ношения титула. И именно Бастард имеет все полномочия в Штатах Орлеана и Тура и на конференциях в Аррасе, Кале и Гравлине.

В 1435 году узника вновь посещает надежда. Через двадцать лет после пленения герцога при Азенкуре англичане почувствовали последствия своего поражения при Орлеане: их начинают изгонять из Франции. Договор, подписанный в Аррасе между королем Франции и герцогом Бургундским, смерть регента Бедфорда, договоренность о браке между графом де Шароле, сыном Филиппа Доброго, и дочерью Карла VII, осада Кале, предпринятая лично герцогом Филиппом Бургундским, – все это изменило соотношение сил в конфликте и стало предпосылкой конца Столетней войны. Из пленника Карл Орлеанский стал посредником между Францией и Англией. Он сопровождал английскую делегацию на переговорах в Аррасе, но его просьба об освобождении – естественно, за большой выкуп – вновь отклонена, и в мае 1436 года ему пришлось вернуться в заключение в Вингфилд. Изабелла Португальская герцогиня Бургундская сочувствовала несчастьям принца и вместе с кардиналом Винчестерским, одним из наиболее влиятельных членов Лондонского совета, посчитала своим долгом добиться освобождения поэта.

Однако прошло еще пять долгих лет, прежде чем он был освобожден. Многие произошло за это время: коннетабль Ришмон отдал свой меч на службу королю-победителю; Бастард, Ксентрай, Гокур продолжили дело, начатое Жанной, и мало-помалу города и крепости стали возвращаться королевскому домену⁹⁷. В 1437 году был освобожден Париж, в 1439 году в Орлеане созваны Генеральные штаты⁹⁸, по этому случаю требовалось

⁹⁷ Домен – часть поместья, на котором феодал вел собственное хозяйство. О королевском домене см. прим. 43.

⁹⁸ Генеральные штаты – высший орган сословного представительства во Франции и Нидерландах. Во Франции первыми Генеральными штатами считают собрание представителей духовенства, дворянства и городов, которое в 1302 г. созвал король Филипп IV Красивый в связи с политическим конфликтом между ним и римским папой Бонифацием VIII. Во время Столетней войны значение Генеральных штатов в жизни страны сильно возросло: после поражения при Пуатье, пленения короля Иоанна II Доброго, в обстановке вспыхнувшего в Париже восстания под руководством Этьена Марселя Генеральные штаты добились принятия "Великого мартовского ордонанса", который укреплял их реальную власть в решении финансовых (прежде всего налоговых) и административных вопросов (контроль за деятельностью государственного аппарата).

окончательно заключить мир между двумя королевствами. В 1439 году прошли мирные конференции.

Счастливая весть достигла Орлеана: гонец сообщил, что герцог Карл Орлеанский только что высадился в Кале. Во всех городских приходах молятся за него, устраивают крестные ходы, дабы попросить у Бога, "чтобы Он соблаговолил пожаловать мир и освобождение монсеньору Орлеанскому". И вновь взывают к великодушию горожан и заставляют "уплатить 2 тысячи экю золотом, чтобы передать их монсеньору казначею с просьбой лично и без промедления отвезти их герцогу в Кале". Но столь страстно желаемое перемирие пока не достигнуто: появились некоторые препятствия, и пришлось ждать еще несколько месяцев.

В начале 1440 года, в феврале, возобновились переговоры в Гравелине, где окончательно договорились об освобождении герцога. Был выплачен выкуп в 120 000 экю золотом, сумма для того времени значительная. Трудно поверить, но за несколько лет до этого герцог Бургундский предложил выплатить четверть выкупа из своих личных средств; дофин и некоторые сеньоры выступили гарантами оставшейся суммы. Наконец принц выпущен на свободу под честное слово. И вот после двадцати пяти лет плена Карл Орлеанский с радостью возвращается на родину. Герцог и герцогиня Бургундские встречают его в Гравелине. Через восемь месяцев, 16 ноября 1440 года, Карл берет в жены их дочь Марию Клевскую, по случаю этого события даны пышные празднества. 24 января 1441 года герцог в сопровождении своей супруги торжественно въезжает в столицу герцогства.

Жители Орлеана празднуют возвращение своего герцога, испытывая чувство гордости и радости. Король Франции позволил городскому совету взимать талью в 2 000 ливров, а затем еще одну в 4 000 экю на расходы, связанные с проведением этого торжества. Жители города разыграли мистерии, в том числе весьма модную в то время мистерию "Давид и Голиаф"⁹⁹, а также пьесу "Нравственные добродетели". На перекрестках выставили столы с угощением, а из двух фонтанов било светлое красное вино и молоко. На улицах исполнение мелодий на лютне сопровождалось игрой многочисленных деревенских музыкантов. Для герцога с герцогиней приготовили балдахин из златотканого полотна, украшенный шестью локтями сандала и отороченный шелком; церкви звонили во все колокола, в знак благодарности по городу проносили мощи покровителей Орлеана святого Эньяна и святого Эверта. Город преподнес Карлу Орлеанскому таз с 4000 экю золотом и серебряную посуду (вес которой превосходил 211 марок)¹⁰⁰. На посуде по приказу "монсеньора генерального казначея" Жака Буше были выгравированы гербы герцога и герцогини. Из Орлеана герцог направился в Блуа.

Итак, герцог Орлеанский свободен, но нужно найти средства для уплаты выкупа. И вновь обратились к генеральному казначею, который при помощи советника герцога Этьена Ле Фюзелье постарался угодить своему господину. Напомним, что часть герцогства к тому времени была уже заложена по приказу Карла, когда он находился в Лондоне (письмо от 2 апреля 1437 года). С другой стороны, мы знаем, что Филипп Добрый предложил взять часть выкупа на свой счет, а Карл VII в свою очередь даровал значительные суммы из доходов королевства. В королевских грамотах, сохранившихся в Орлеане и датированных 20 апреля

⁹⁹ История единоборства юноши-пастуха Давида и великана-филистимлянина Голиафа – полулегендарное повествование из жизни Давида – царя Израильско-Иудейского царства (X в. до н. э.). Этот сюжет стал символом героической самоотверженной борьбы одинокой личности против иноземных завоевателей. Как известно, юный Давид вышел на поединок с вооруженным и облаченным в доспехи великаном Голиафом с одной пращой. Давид победил Голиафа, поразив его пращой и отрубив затем голову. Согласно известному мифу, выходя на этот поединок, Давид говорил: "Ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Бога воинств израильских". Это объясняет, почему сюжет о Голиафе довольно часто ассоциировался с историей Девы.

¹⁰⁰ Марка – старинная мера веса, равная 8 парижским унциям (244,5 г). Использовалась для взвешивания драгоценных металлов.

1440 года, читаем:

"Король принимает во внимание огромные расходы и повинности своего возлюбленного кузена Карла, герцога Орлеанского на войну, по случаю которой он сам и его брат граф Ангулемский долгое время находились в плену в Англии, и, желая прийти ему на помощь, дает и предоставляет ему сроком на год, начиная с 1 октября 1440 года и кончая последним днем сентября 1441 года, все прибыли от налога на соль и с соляных амбаров, расположенных в герцогстве Орлеанском и в Валуа, в графствах Блуа и Дюнуа и в других землях и сеньориях, принадлежащих ему и его брату на всей территории королевства".

Таким образом, всем лабазникам герцогств, графств и сеньорий дан приказ передавать средства, полученные от уплаты соляного налога, Жаку Буше. Городу Орлеану Карл VII предоставил право обложить себя тальей в 3 000 ливров для уплаты части выкупа. Эти грамоты зафиксированы в городских расходных книгах в 1438 и 1440 годах. 24 августа 1440 года уполномоченные лица ставят на голосование вопрос о займе на сумму в 6 000 ливров "для выплаты выкупа за монсеньора герцога". И наконец, король в письме от 6 декабря 1441 года из Сомюра, напомнив о жертвах, принесенных жителями Орлеана, позволяет им распределить между собою талью в 4 000 ливров, дабы помочь герцогу "как в выплате выкупа, так и для поддержания его положения"; сумму надлежало передать Жаку Буше.

Карл Орлеанский закончил свой жизненный путь в Блуа, где он окончательно примирил Карла VII с Филиппом Добрым¹⁰¹, он послужил также посредником как в переговорах между герцогом Бургундским и Карлом Бурбоном, так и между Карлом VII и его сыном дофином Людовиком.

В своем замке герцог Орлеанский принимал всех принцев Франции, начиная, конечно, с Орлеанского Бастарда, герцога Бурбона и герцога Савойского. У Карла долго не было детей, и он фактически усыновил сына герцога Карла Бурбона Пьера Боже, которого он воспитывал в замке Блуа.

Карл постоянно переписывался и часто виделся со своим братом графом Ангулемским. После 16 лет брака у Карла родилась дочь, которую граф назвал Мари, затем сын Людовик, которому было предназначено вступить на французский трон под именем Людовика XII, его крестным отцом был Людовик XI; а третий ребенок герцога, дочь Анна, стала аббатисой в Фонтевро.

Карл Орлеанский скончался в ночь с 4 на 5 января 1465 года в возрасте шестидесяти девяти лет. Это случилось в Амбуазе, через который он проезжал, возвращаясь с созванной Людовиком XI ассамблеи в Туре. Тело герцога перевезли в Блуа и захоронили в церкви святого Спасителя. Во главе траурной процессии шел жених маленькой Мари Орлеанской – знаменитый сеньор де Боже Пьер Бурбон. За ним следовали члены Дома покойного – 43 дворянина, пять священников, 13 певчих и органист, затем генеральный канцлер финансов в сопровождении казначеев-секретарей, слуг, лекарей, брандобреев. На вдове герцога Марии Клевской было длинное платье из тонкого черного сукна, тканное золотом, капюшон и длинный плащ, подбитый мехом испанской кошки и белого ягненка, отороченный беличьим мехом и с выпушкой из белого горноста. Детей сопровождали кормилицы. Маленькая Мари, семилетняя невеста, шла в плаще и платье из черного руанского сукна. Людовик Валуа, которому исполнилось два с половиной года, был одет в черное сукно с подкладкой из черного ягненка, его сопровождали два пажа. Анну, нескольких месяцев от роду, несли на руках. За ними шли фрейлины герцогини, ее прачки и камеристки. Мария Клевская заказала ежегодную мессу в память о муже и сделала различные пожертвования.

Впоследствии Людовик XII относился с большим уважением к своей матери, а после ее смерти перевез останки родителей в монастырь целестинцев в Париже.

¹⁰¹ Отношения между Карлом VII и герцогом Бургундским Филиппом Добрым осложнились тяготевшим над Карлом VII подозрением в соучастии в убийстве отца, герцога Жана Бесстрашного, на мосту Монтеро (см. прим. 33).

III. Робер де Бодрикур, капитан Вокулёра

В 1415 году Робер де Бодрикур сменил своих дядьев Гийома бастарда де Пуатье и Жана Дюнуа в должности бальи Шомона и капитана Вокулёра. Он был также советником Рене Анжуйского.

Рене, второй сын Людовика Анжуйского и Иоланды Арагонской, был усыновлен герцогом де Баром и помолвлен с дочерью Карла II, герцога Лотарингского. Рене много раз оказывался в затруднительном положении: он против воли дал клятву верности Генриху VI – ведь часть его герцогства находилась в феодальной зависимости от короны Франции; неоднократно в принудительном порядке ему приходилось выполнять свой долг вассала – отказ поставил бы его в тяжелое положение, так как был бы открытым бунтом против его дяди Людовика кардинала де Бара, сторонника англичан, и против своего тестя Карла II, явно симпатизировавшего герцогу Бургундскому. 29 апреля 1429 года – через посредство дяди кардинала – Рене дал клятву верности Бедфорду, но вскоре после миропомазания Карла VII он вновь встал на сторону короля.

Робер де Бодрикур и молодой Рене Анжуйский очень дружили, и можно предположить, что, когда Жанна отправилась в Нанси к герцогу Карлу, ее путешествие было организовано и согласовано капитаном и герцогом де Баром. Приезжал ли Рене к своему тестю в Нанси в последние дни января 1429 года? Известно, что 29 января он направил послание Роберу де Бодрикуру. Возникает вполне закономерный вопрос: не из желания ли проверить Жанну обменялись письмами эти двое? Перед тем как направить Деву к дофину Карлу, они оба хотели понять, на что она способна.

Робер де Бодрикур сохраняет привязанность к герцогу де Бару; известно, что он находился рядом с ним 2 июля 1431 года во время неудачно начавшейся битвы при Бюльневиле. Сражение обернулось поражением: все хотели биться только под руководством герцога, а он не умел командовать. Барбазан сразу же понял, насколько трудно будет идти на штурм, но самые молодые и нетерпеливые капитаны рвались в бой, говоря: "Волков бояться – в лес не ходить". Гийем де Барбазан был убит, а Робер де Бодрикур сумел спастись, бежав с поля боя. Тем не менее мы не думаем, что он заслужил прозвище "дезертир из Бюльневилля", как его иногда называли. Во всяком случае, он был одним из тех, кто сразу же поверил в Жанну. Вполне естественно, что он сначала не согласился на ее просьбу и принял меры предосторожности: собрал о ней разные мнения, а главное, послал в Шинон гонца, дабы узнать, стоит ли ее

IV. Рауль де Гокур, губернатор Орлеана

Рауль де Гокур поступил на службу к Карлу VI стольником, режущим мясо. Он впервые сражался в 1396 году. Был назначен камергером герцога Орлеанского, участвовал в осаде Арфлёра¹⁰², где попал в плен, и провел десять лет в Англии. Его отца, бальи Руана, убили взбунтовавшиеся горожане. Выплата выкупа Генриху оказалась разорительной для Рауля де Гокура: выяснилось, что во Франции у него осталось лишь имущество его жены Жанны де Прейи, чьи поместья находились в Турени и Берри.

102 В августе 1415 г. от берегов Англии отплыла армада, переправлявшая во Францию самую многочисленную и тщательно снаряженную армию за всю историю англофранцузской борьбы (не менее 30 тыс. человек) во главе с английским королем Генрихом V. Высадка произошла не в Кале, находившемся с 1347 г. под английской властью, а вблизи одного из важнейших портов Нормандии – Арфлёра. Несмотря на огромные силы англичан и отсутствие помощи от французского короля, гарнизон и жители города оказали отчаянное сопротивление. Арфлёр был взят лишь после полуторамесячной осады и почти полного разрушения города английской артиллерией. Генрих V решил обставить капитуляцию Арфлёра, как некогда Эдуард III – капитуляцию Кале (1347 г.). Представителей города вынудили передать победителям ключи, стоя на коленях, с веревками на шее. Генрих V безжалостно расправился с жителями Арфлёра. Оставшиеся в живых были выселены из города, превращенного вслед за Кале в английский форпост на побережье.

Затем Гокур участвовал в нескольких сражениях. Он был рядом с Ла Гиром в момент захвата Монтаржи и дорого за это заплатил: ему пришлось заложить украшенную драгоценными камнями золотую корону, которую он надевал на шлем во время турниров. Король вознаградил его, назначив капитаном Шинона. В 1428 году Карл делает его бальи Орлеана. Позже он становится губернатором провинции Дофине, его помощником был Жан Жювеналь дез Урсен. В 1449 году Карл VII приезжает в Руан, и Рауль де Гокур вместе с ним в качестве члена Королевского совета. Именно Рауля де Гокура Карл VII направил к папе Каликсту III для пересмотра процесса над Жанной д'Арк.

Во время процесса об отмене приговора Гокуру восемьдесят лет; его свидетельские показания одни из самых полных.

V. Этьен де Виньоля по прозвищу Ла Гир

Этьен де Виньоля, более известный под прозвищем Ла Гир, остался в народных французских картинках: это валет черв в карточной колоде. Считалось, что прозвищем он обязан своему необузданному характеру, так как Гир (hire) означает "гнев". Это был человек свирепый и вспыльчивый: англичане в насмешку называли его "святой гнев Божий" или "гнев Божий", но только издали, не осмеливаясь приблизиться к нему!

Этьен Виньоля родился в Прешек-де-Бэн. Этот гасконец, детство которого прошло под знаком борьбы с англичанами, любил независимость и битвы, но мало заботился об интеллектуальной, духовной или же эмоциональной сторонах жизни.

Впервые он участвовал в боях под командованием коннетабля д'Арманьяка. Сражался ли он в битве при Азенкуре? В документах нет никаких упоминаний об этом. Но с 1418 года вместе со своим верным товарищем Потонном де Ксентраем он присоединяется к дофину Карлу. Первым военным подвигом Ла Гира было возвращение замка Куси; его девизом стали слова: "Не король я, не принц, не герцог, я не граф – я сеньор де Куси". На следующий год предательница-горничная освободила бургундских пленных, тут же захвативших замок. Тем не менее эта потеря не подорвала престиж сеньора де Куси, и Карл VII использовал "сего отважного капитана" в других военных экспедициях.

Ла Гир и Потон сражались в Вермандуа и Лануа, затем в Лотарингии, где были наемниками кардинала де Бара. В 1421 году мы находим Этьена де Виньоля в Боже. В том же году он сломал ногу, но не в бою; просто, когда он спал на постоялом дворе, на него свалилась труба! После этого он стал инвалидом и всю жизнь хромал, что, однако, не помешало ему продвинуться по стезе авантюриста и наемника.

В понедельник 25 октября 1428 года приехали к Орлеану, дабы поддержать и спасти город, "многие благородные сеньоры, рыцари, капитаны... и Этьен де Виньоля по прозвищу Ла Гир, чья слава чрезвычайно велика, а с ним другие отважные люди". С помощью "Дневника осады Орлеана" мы можем проследить за всеми его перемещениями в 1428-1429 годах. Именно капитану Вермандуа поручено отправиться к королю, чтобы сообщить о потере форта Турель и попросить значительного подкрепления и крупных военных субсидий. Предписания казначея Шинона Пьера де Фонтениля свидетельствуют, с каким вниманием относился к Ла Гиру Карл VII.

"Этьену де Виньолю... сто экю золотом и 825 т. л. (турских ливров) по приказу и ордонансу короля было выдано и вручено... несколько раз и в различных местах... Ксентраю и Этьену де Виньолю как по их положению, так и на оплату 59 пажей выдана сумма в 512 т. л."

В Орлеане Ла Гир действует с невероятной энергией: так, 3 февраля вместе с Жаком де Кабаном он преследует англичан до бастиды Сен-Лоран (святого Лаврентия). Но в "день селедок", то есть в субботу 12 февраля, Ла Гир "в великой скорби". Дело в том, что он не понял приказа графа де Клермона (он должен был дожидаться графа, дабы атаковать вместе), и это дало возможность англичанам собраться с силами и организовать оборону. Потону и

Ла Гиру оставалось лишь прикрыть отступление...

Неутомимый Ла Гир продолжает поездки из Орлеана в Шинон, изыскивая необходимые для обороны города средства. Находился ли он в Шиноне, когда туда приехала Жанна? Во всяком случае, он был одним из первых, кто "выказал веру в нее", и стал одним из самых верных соратников Девы, явно имевшей на него влияние. Так, она заставила его пойти к исповеди: "Я отметил, что по ее наущению и по ее просьбе Ла Гир исповедался, как и многие другие из его отряда". Именно вслед за Жанной Ла Гир стал клясться своим "древком".

Отважный капитан участвует во всех военных действиях по освобождению Орлеана и Луары. Желая отблагодарить его, Карл VII назначил Ла Гиру генеральным капитаном Нормандии. Когда Жанна д'Арк погибла на костре, Ла Гир находился в плену в Дурдане. Карл VII возьмет на себя выплату части выкупа бургундцам, что даст возможность Ла Гиру вернуться к жизни наемника на службе короля.

Он мужественно переносил холод, эпидемии, был много раз ранен и заболел в Монтобанае во время боев за возвращение Юго-Запада французской короне. Этьен де Виньоль скончался 11 января 1442 года.

До нас дошла его молитва: "Соверши для Ла Гиры то, что Ты хотел бы, чтобы Ла Гир совершил для Тебя, если бы Ты был Ла Гиром, а Ла Гир Господом".

VI. Жан II Алансонский, "прекрасный герцог"

"Сдаюсь, я герцог Алансонский". Слишком поздно. Герцог Жан I Алансонский погиб на поле боя в битве при Азенкуре; он хотел было сдаться Генриху V, но уже два десятка рук поднялось, дабы нанести ему смертельный удар.

В 1415 году его сыну Жану II восемь лет; со дня смерти своего старшего брата Пьера, сына Марии Бретонской, последовавшей в том же году, Жан становится герцогом Алансонским. После кончины своего мужа герцогиня Алансонская вынуждена покинуть герцогство – оно отдано Бедфорду – и поручить своего сына Жана заботам дофина Карла. Она просила герцога Бретонского вступить в переговоры о ее владениях с Жаном Бесстрашным, бывшим в то время хозяином Парижа, но герцог не внял ее просьбе.

С тех пор герцог Алансонский находился при дофине, назначившем его в 1420 году (Жану было всего тринадцать лет) генеральным королевским наместником в герцогстве Алансонском, это явилось ответом на предоставление Генрихом V прав на герцогство своему брату Бедфорду.

Сражение при Ла-Брусиньере – первое, в котором участвовал Жан Алансонский; 6 августа 1427 года в Вернее его нашли среди раненых, и он оказался в плену. Тем временем Карл VII взял его в крестные отцы своего сына, будущего Людовика XI.

Жан Алансонский стал пленником герцога Кларанса, выплата крупного выкупа омрачит всю его жизнь и явится причиной многих неурядиц. Его долг насчитывал 80 000 золотых монет и был выплачен лишь 21 февраля 1429 года. Герцогу необходимо найти средства для уплаты выкупа: его супруга Жанна, дочь бывшего в то время в плену герцога Орлеанского, заложила свои драгоценности, а ему самому пришлось уступить баронское поместье Фужер герцогу Бретонскому, своему дяде, так же как и сеньорию Сен-Кристоф в Турени – Ардуэну дю Бюейю, епископу Анжерскому. Он освобожден от клятвы в мае 1429 года, после сражения при Орлеане.

В 1456 году во время процесса об отмене приговора Жан Алансонский вспоминает о своей первой встрече с Жанной:

"Когда Жанна приехала к королю, тот пребывал в Шиноне, а я в Сен-Флоране; я охотился на перепелок, когда один из моих гонцов нашел меня и сообщил, что какая-то дева приехала к королю и уверяет, что она ниспослана Богом, дабы изгнать англичан и снять осаду, которую они держат у Орлеана".

Тогда герцог Алансонский поспешил в Шинон, где на следующий день увидел Жанну.

Он вспоминает, что его появление возбудило любопытство Девы и она спросила у дофина Карла, кто он, после чего воскликнула (и эти ее слова стали знамениты): "Вам – добро пожаловать, чем больше людей королевской крови соберется вместе, тем будет лучше". И она не скрывает своей радости видеть рядом с дофином того, кого она отныне будет называть своим "прекрасным герцогом".

Жанна и герцог Алансонский вместе тренируются в ударах копьями; удивленный и очарованный Жанной, ловко владеющей оружием, герцог дарит ей лошадь. Герцог присутствовал и тогда, когда Жанна сказала дофину Карлу, чтобы он ничего не опасался, что он получит свое королевство, но что следовало "принести его в дар Царю Небесному". Герцог также был во главе армии в Луарской кампании при взятии Жаржо. И с ним же Жанна одержала победу при Пате. Известно также, что Жанна виделась с матерью и с супругой герцога Жанной в течение нескольких дней в Сен-Флоране около Сомюра; это произошло, по всей вероятности, между 22 мая и 2 июня. Именно тогда Дева пообещала Жанне Орлеанской, что муж вернется к ней живым и невредимым и даже "в лучшем состоянии, чем сейчас".

На процессе по отмене приговора Жан Алансонский вспоминает еще об одной сцене, случившейся при взятии Жаржо:

"Герольды кричат: "На штурм!" – а Жанна говорит мне: "Вперед, милый герцог, на штурм!" Мне же казалось, что это преждевременно! Жанна отвечала: "Не бойтесь, час наступает, когда угодно Богу, и раз Бог желает этого, время потрудиться! Помогите себе, и Небо тебе поможет! На Бога надейся, а сам не плошай!" И она добавила: "Милый герцог, неужели ты боишься? Разве ты не знаешь, что я обещала твоей супруге вернуть тебя в добром здравии, живым и невредимым?"

Герцог рассказал, как Жанна спасла ему жизнь. Она просила его сойти с того места, где он стоял, что он и сделал. "А то, – сказала она, указывая на орудие, находящееся в городе, – снаряд, посланный оттуда, убьет тебя". И действительно, через несколько секунд после этого снаряд, посланный из города, упал на то место, где стоял герцог и убил монсеньора де Люда. "Прекрасный герцог" вспоминает также: "Я на нее очень надеялся, и меня восхитили и изумили слова Жанны".

Жан Алансонский едет с королем на миропомазание в Реймс. 17 июля 1429 года, в день коронации в Реймсе, Карл VII посвятил его в рыцари. Ему, как и Жанне, хотелось бы и дальше воевать против англичан; вместе они начинают осаду Парижа у ворот Сент-Оноре, но приходит приказ от Карла VII: прервать сражение и вернуться к Жьену, где 21 сентября армия была распущена.

Герцог продолжает вести военные действия в Мэне, Анжу и Нормандии. Его отношения с Карлом VII натянуты. Жанне хотелось бы отправиться вместе с ним на помощь Мон-Сен-Мишелю, но ее предпочли отослать на Луару в Ла-Шарите.

В течение двадцати лет до 1444 года Жан Алансонский не слагает оружия, он среди тех, кто взбунтовался против короля во время Прагерии. И лишь в 1444 году он смог вернуться в свой добрый город, где ликующий народ встречал его восторженно. Тем не менее, он разорен. Герцог лелеет надежду выдать Катрин, свою дочь от Марии д'Арманьяк, на которой он женился после смерти Жанны Орлеанской, последовавшей в 1435 году, за старшего сына герцога Йорка. Его план пришелся не по вкусу Карлу VII, король даже приказал арестовать герцога Алансонского во время процесса по отмене приговора Жанне д'Арк. Эту тягостную обязанность поручили Дюнуа, который сказал: "Монсеньор, мне чрезвычайно неприятно выполнять порученное мне королем относительно вас; я обязан взять вас в плен и его именем вынужден задержать вас". Жана Алансонского препроводили к королю, который приказал заключить его в крепость Эг-Морт. В 1458 году он предстал перед судом пэров, собравшихся в Вандоме. Он был осужден и отправлен в Лош, где Гийому де Рикарвиллю поручили охранять его, Рикарвиль получил очень строгие инструкции по охране узника, "который никогда не должен оставаться один, не должен ни с кем разговаривать, кроме своих сторожей, не должен ни получать, ни писать никаких писем; он

может, однако, читать и играть в шахматы со своими сторожами, но при нем никогда не должно быть денег".

После смерти Карла VII в 1461 году Людовик XI освободил своего крестного отца, восстановил его в правах, но тот должен был пообещать оставить королю три крепости, а также поручить его заботам своих детей Рене и Катрин, пока король не решит женить их по своему усмотрению.

Однако герцог придерживался совсем другого мнения и не согласился на эти условия. И вновь он арестован и препровожден в замок Рошкорбон, затем в Лош, а потом в Париж. В парламенте было произведено новое расследование, и 18 июля 1474 года герцога приговорили к смертной казни. Но он не был казнен, его заключили в Лувр, где Жан Алансонский и умер в 1476 году. Людовик XI со своей стороны поспешил присоединить герцогство Алансонское к французской короне, совершить въезд в Алансон и изгнать из герцогства Марию д'Арманьяк, которая нашла пристанище в Мортане, где и скончалась в 1473 году.

VII. Потон де Ксентрай

Потон де Ксентрай (или Сентрай) также из числа авантюристов, для которых война – смысл жизни. Карл VII произвел Потона и его сотоварища Ла Гира в капитаны "за великую отвагу", как уточняет Марсиаль д'Овернь.

В 1424 году он сражается под бургундским стягом против англичан в Эно, затем он перешел на сторону арманьяков, мы знаем, какую роль он сыграл в борьбе против врагов королевства, находясь рядом с Жанной д'Арк. В меньшей степени известен тот факт, что и он был взят в плен англичанами и, как Жанна, перевезен в Руан после пленения в "битве пастуха" 11 августа 1431 года. На следующий день он среди тех, кто обедает за столом Варвика в замке Буврэй.

Сохранились расходные книги Ричарда Бошана, графа Варвика за 1431-1432 годы. Каждый день хозяин дома заносит в книгу запись: "Poton prisonier cum 1 scutifero", что можно перевести: "Потон-пленник с одним конюшим". Этот Потон и есть Потон де Ксентрай. А. Ж. Полар указал в своей диссертации, что Ричард Бошан думал сначала выдать сира де Барбазана, дабы вернуть своего зятя Талбота. Но когда Ла Гир освободил своего товарища из Шато-Гайара, Варвик решил обменять Ксентраю на того же Талбота. Совершенно очевидно, что капитана куда спокойнее держать за мощными стенами руанского замка, чем в каком-либо другом городе, где его могли освободить. Эта запись представляет интерес и для истории Жанны, так как она показывает разницу между Жанной, простолюдинкой, и Потеном де Ксентраем, которого принимают, как и Жана Люксембургского, вместе с английскими дворянами в присутствии маленького короля Генриха VI в большом зале замка, где во главе стола сидит супруга Талбота, родная дочь Варвика Маргарет.

Известна история пленения Потона. 15 ноября его отвезли в Дьепп; несколькими днями позже семейство Ричарда Бошана отправилось в Париж, чтобы присутствовать на миропомазании Генриха VI. Они увидятся в Дьеппе 14 января. В этот день записано: "Item in 4 equis emptis pro Poton prisoner cum 1 scutifero 2 valletis cum illo de Depe ad Abville..." Итак, купили четырех лошадей для Потона, его конюшего и двух слуг, и все семейство направилось в Абвиль, куда они и прибыли 17 января к вечеру. Затем 21 января Варвик со свитой находился в Монтрёе, а 23 января к обеду прибыл в Кале. 9 февраля погрузились на корабли, но с этого числа в наших источниках след Потона теряется. Можно предположить, что и его увезли в Англию...

В 1435 году мы видим его во главе банды мародеров, помогавших взбунтовавшимся крестьянам во время так называемого "восстания в Нормандии". Затем Карл VII назначает Потона бальи в Бурже, что не мешает ему продолжать грабить вместе со своими друзьями Робером де Флоком, Ла Гиrom или Пьером де Брезе. Жан Шартье рассказывает, что он

получает "огромное множество скота... и большое количество пленных различных сословий".

Когда король предписывает мародерам прекратить злодеяния, среди прочих он называет и Потона де Ксентрая.

Дофин, будущий Людовик XI, признал в нем верного соратника и человека, способного командовать и подчиняться, он назначил его конюшим, и в этом качестве Потон сопровождал короля в Германию в 1444 году. Однако Потон не прекращает насилий, грабежей и воровства; он среди воинов, окружавших Мец. Но после этой военной экспедиции он резко меняет образ жизни и отдает все силы возвращению Нормандии французам. И разве он не рядом с королем во время торжественного въезда 10 ноября 1449 года? И не он ли несет большой меч?

VIII. Жан, граф Дюнуа, Орлеанский Бастард

Его имя неразрывно связано с историей Жанны и с историей правления Карла VII в целом. Он родился в том же году, что и король – 1403-м; это незаконнорожденный сын Людовика Орлеанского и Мариетт д'Энгьен. Первые шаги он сделал в замке Боте-сюр-Марн под присмотром гувернантки Жанны де Мений, первые десять лет жизни воспитывался вместе с дофином Карлом, и их дружеские отношения сохранились на протяжении долгих и тяжелых военных лет. Значительно позже, уже будучи взрослым человеком, во время "воссоздания королевства Франции" Карл VII вспоминал:

"Принимая во внимание услуги, оказанные нам нашим дорогим и возлюбленным кузеном Жаном, Орлеанским Бастардом, графом Дюнуа и великим камергером Франции, во все времена – и когда он жил с нами при дворе, где и был вскормлен, и во время войны против наших старинных врагов и противников... с самых молодых лет, как только смог носить оружие и ратные доспехи, он участвовал во многих боях и сражениях, и всегда благородно, с большой заботой и старанием использовал все свои силы на восстановление нашей сеньории..."

Вся карьера Дюнуа изложена в этом тексте. Он был "вскормлен" (воспитан) вместе с Карлом, а в шестнадцать лет взял в руки оружие, дабы прийти на помощь королевству. Бастард был еще очень молод, когда ему пришлось принимать решения и сражаться. Напомним, что его отца убили в 1407 году головорезы герцога Бургундского. Валентина Висконти взяла на себя заботу о воспитании ребенка, не бывшего ей родным; она находила, что мальчик очень развит и сможет отомстить за отца; она скончалась через год после смерти мужа... В 1415 году брат Бастарда герцог Карл взят в плен англичанами, на Жана возлагается новая миссия: сделать все, чтобы изыскать средства для выкупа за освобождение герцога. 21 сентября 1417 года он вступает в сражение против войск Жана Бесстрашного, герцога Бургундского.

Еще один эпизод его жизни. Бастард взят в плен бургундцами, и два года следит за ним их недремлющее око. В это время восставшие кабошьяны предали Париж огню и мечу; парижане попали под безраздельное господство герцога Бургундского. Наконец Жан был освобожден из замка Сен-Жермен и возвратился в Блуа к своей семье, но радость длилась недолго: его сводный брат Филипп де Вертю умер, возложив на него заботу об Орлеанском доме. С другой стороны, возобновились военные действия против Генриха V. В Боже Орлеанский Бастард впервые участвовал в сражении в сомкнутом боевом порядке и проявил себя с наилучшей стороны; именно тогда он был посвящен в рыцари, хотя ему еще и не исполнилось двадцати одного года. Отныне он мог командовать отрядом, сидеть за столом короля, носить меч на военной перевязи; в случае если он выигрывает процесс, он получает двойное возмещение убытков, но, ежели он проиграет, ему придется уплатить двойную сумму. Кроме этого, он может носить боевые доспехи, украшенные собственным гербом. После Боже он продолжал сражаться в армии дофина Карла, который в 1422 году укрылся в Бурже. Здесь Бастард взял в жены дочь председателя суда Лувэ.

На протяжении долгих лет Орлеанский Бастард сталкивался с финансовыми проблемами. Выкуп за Карла Орлеанского слишком велик, разоренная войной страна не производит того, что могла бы, а денежное содержание капитанов ложится тяжелым бременем на казну.

Новое осложнение: по приказу будущего Карла VII Бастард сослан в Прованс. Наследник престола имел столкновения с председателем суда Лувэ, и вся семья оказалась в немилости. Король попал под влияние других советников, таких, как сир де Жиак. Но вскоре новое наступление англичан вынудит вернуть Жана обратно. Ссылка длилась около года.

В 1427 году англичане подошли к герцогству Орлеанскому и осадили Монтаржи. Орлеанскому Бастарду в то время всего двадцать лет. Поскольку он бесстрашный рыцарь и отважный капитан, на него возложили задачу защищать город и сдерживать штурм англичан. 5 сентября Монтаржи и замок освобождены, дорога на Берри охраняется. Затем англичане осадили Орлеан, и нам известна знаменитая сцена приезда Жанны в Шеей и ее пререкания с Дюнуа. Во время процесса по отмене приговора он превосходно рассказал о подвигах и деяниях Жанны в Орлеане и выразил свое восхищение ею. Город Орлеан навсегда связал эти два имени: Жанны и Бастарда.

После смерти Жанны Бастард продолжал сражаться за восстановление королевства. Дабы вознаградить его за совершенные подвиги. Карл назначает Дюнуа великим камергером, то есть первым должностным лицом королевской палаты вместо Да Тремуя.

Жан, "один из лучших краснобаев, какие только говорят на языке Франции", как его назвал Жан Шартъе, подготовил Аррасский договор, заключенный между Францией, Англией и Бургундией. Ему же Карл VII поручает положить конец Великому расколу: вынудить Амедея VIII Савойского – антипапу Феликса V – сложить с себя полномочия и поспособствовать назначению Николая V (11 октября 1447 года).

Первая жена Бастарда скончалась, и вдовец женился в 1440 году на Марии д'Аркур, графине де Танкарвиль. Церемония бракосочетания прошла в Орлеанском соборе. Супруги поселились в Божанси – ведь и речи не могло идти о том, чтобы жить в суровой крепости Шатоден. Мария д'Аркур поступила как Валентина Висконти, то есть приняла в свой дом внебрачного сына Дюнуа от Изабель де Дре. В ноябре 1440 года Мария подарила графу Жану дочь.

В Блуа начались приготовления к встрече принца-поэта, наконец-то освобожденного из английского плена. Неутомимый Дюнуа служит посредником между дофином Людовиком, наставником которого он является, и королем Карлом VII. Так, он участвует в первом походе Людовика на Дьепп и 11 августа 1443 года спасает город, что влечет за собой подчинение всей Нормандии и взятие Руана в 1449 году. Тогда же у Дюнуа родился сын, который не доживет до зрелого возраста. Но пока что он ведет переговоры с Карлом Орлеанским о выкупе своего брата Жана Ангулемского, все еще находящегося в английском плену. Дюнуа был пожалован титул графа де Лонгвиля, и он занят обустройством своей столицы Шатодена; ему бы хотелось поселиться в замке, но восстановление его требует слишком больших работ.

Бастарду уже за пятьдесят, но ему вновь пришлось взяться за оружие и направиться в Гиень.

После смерти Карла VII, последовавшей 22 июля 1461 года, Дюнуа что-то не поделил с новым королем, обращавшимся с ним как с человеком, не стоящим внимания, и удалившим его от двора. В то время как Дюнуа отправился в Бретань, с тем чтобы разрешить некоторые разногласия, возникшие между Жаном Ангулемским, Карлом Орлеанским и Людовиком XI, заболела его супруга; он вынужден спешно вернуться, так как она при смерти, – вскоре ее похоронили в Клери. Сам Дюнуа скончался 23 ноября 1468 года, помирившись с Людовиком XI, который окончательно укрепил положение Орлеанского и Лонгвильского домов. Согласно воле графа Дюнуа, его похоронили рядом с горячо любимой супругой в склепе церкви Богоматери в Клери.

IX. Томас Монтегю, граф Солсбери

Бургундский хронист Монстреле описывает смерть Солсбери. Это произошло, когда граф смотрел на Орлеан с высоты форта Турель. Он стоял, "...рассматривая чрезвычайно внимательно подходы к нему, дабы понять и сообразить, как, каким образом он смог бы взять и покорить этот город. И вот, когда он находился у окна, вдруг из названного города прилетел камень, посланный из длинноствольной бомбарды; сей камень ударил в окно, около которого находился граф. Услышав шум выстрела, граф отступил; тем не менее он оказался смертельно ранен, и значительная часть лица его была снесена". Смерть наступила, когда не прошло и трех дней с начала осады Орлеана, столицы герцогства, владыка которого находился в плену в Англии. Поэтому она показалась Божьей карой. Действительно, графу следовало бы пощадить город, лишенный своего законного хозяина, который мог бы защитить его; к тому же, разве не разрешил граф своим солдатам разграбить святилище Богоматери в Клери? "Хроника Нормандии" повествует: когда в 1428 году Солсбери собрал свои войска у Шартра и сообщил им о своем намерении начать осаду Орлеана, "некий кудесник", метр Жан из Мена, посоветовал ему "поберечь голову" – так что он был предупрежден!

Томас де Монтегю считался "самым искусным, ловким, опытным и удачливым из всех английских капитанов". Он участвовал в Столетней войне, будучи совсем молодым. В 1414 году он был посвящен в рыцари ордена Подвязки и уже на следующий год сражался во Франции бок о бок с Генрихом V в Азенкуре, затем участвовал в осаде Кана, Арфлёра и Руана. В 1419 году он назначен генеральным наместником короля в Нормандии. Именно таким образом он получил многочисленные владения: например, земли и домен Небур (принадлежавшие Иру де Вье-Пору), графство Перш, земли Лонгви; позднее от имени Генриха VI Бедфорд передал ему все владения Жана V, расположенные вне герцогства Бретань.

[Генрих V, а затем герцог Бедфорд именем Генриха VI перераспределил земли, принадлежащие арманьякам, между своими английскими капитанами. Многочисленные домены Нормандии даруются самим Генрихом V: так, он отдает своему "дорогому кузену" Уильяму Поулу, графу Саффолку, домены Бриккебек и Амби, принадлежавшие до этого "покойному Фулку Пэинелу", ущемляя права Жанны, его супруги. Другой товарищ по оружию Генриха V, Ланселот де Л'Иль, получил сеньорию в Ноане, Генри Фитцауг получил замок Л'Эгль и домен Шамбуа. Известно также, что герцогство Алансонское было уделом Бедфорда. Другие многочисленные фьефы в Нормандии, в Пикардии, Бос и даже в Париже (особняки Марэ) были распределены между Бедфордом, Варвиком, Стэффордом и др.]

Солсбери был одним из тех, кто подготавливал договор в Труа, затем мы встречаемся с ним при осаде Мелёна¹⁰³ и в Париже в 1420 году, на поле сражения при Боже, где он заменил убитого герцога Клэранса. Затем он стал губернатором Шампани и Бри, одержал победу в сражении при Краване в 1423 году, а на следующий год под командованием герцога

103 Вскоре после подписания договора в Труа (май 1420 г.) войска английского короля Генриха V осадили сравнительно небольшой город Мелён на р. Сене к югу от Парижа. Гарнизон и население города не желали сдаваться на милость победителей, несмотря на очевидное неравенство сил: маленький городок против армии. Горожане и гарнизон во главе с рыцарем Гийомом Барбазаном голодали, терпели всевозможные лишения, но не соглашались на капитуляцию. Это стало для английского короля не только досадной помехой на пути дальнейшего продвижения его армии по Франции, но и символом неприятия населением Франции условий договора в Труа, по которому Генрих V стал регентом и наследником французского престола. Понимая принципиальное значение событий у стен Мелёна, Генрих V привез в свой лагерь французского короля Карла VI Безумного и потребовал, чтобы защитники города подчинились ему. Осажденные ответили, что не покорятся именно потому, что верны короне Франции, для которой английский король – давний смертельный враг. Город сдался только после восемнадцати недель осады. Генрих V жестоко расправился с гарнизоном. Многие участники обороны были повешены, Барбазан посажен в железную клетку. Невиданное ранее ожесточение войны, обретавшей широкий освободительный характер, вынудило английского короля отказаться от рыцарских принципов ведения военных действий и обращения с побежденным соперником.

Бедфорда сражался в битве при Вернее, после чего "с большой пышностью и великолепием" вернулся в Англию – получить подкрепление. Говорят, что он принял вместе с Глочестером и Бедфордом участие в заговоре против Филиппа Доброго, потому что тот ухаживал за его женой – красавицей Эльenorой Кент. Граф заботился о приумножении своих владений на континенте, но при этом не забывал о своих английских доменах, а его жена была очень богата...

В 1428 году Солсбери пересекает Ла-Манш во главе армейского корпуса. 24 марта 1428 года он подписал в Вестминстере *indenture* с членами Королевского совета. [Документ, разрезанный надвое или вырезанный по зубчатой линии; *indenture* получил распространение только в английской армии; нечто вроде военного контракта; сначала текст писали дважды на одном и том же листе пергамента, затем этот лист разрывался по зубчатой линии и каждая часть вручалась соответственно договаривающимся сторонам; достаточно было приложить одну часть к другой, чтобы гарантировать подлинность документа, при этом каждый из договаривающихся подписывал часть документа, передаваемую другому. Эти документы составлялись чрезвычайно подробно, в них указывались численный состав войск, вооружение солдат, оплата воинов, устанавливалось число и тип сражающихся, где они будут использованы, их денежное содержание, различные обязательства; оговаривалось также, какое вознаграждение могут получать солдаты, и, наконец, срок их службы, который мог составлять сорок дней, иногда три месяца, иногда год, иногда два года или же "столько, сколько захочется королю"; жалованье платилось вперед, чаще всего за три месяца. У французов этому обязательству соответствовало *ettre de retenue*, значительно менее определенное и отличающееся от контракта тем, что в нем не оговаривался срок службы.] Когда он возвращается во Францию, в его распоряжении находится армейский корпус, собранный на полгода, считая с 30 июня 1428 года. В корпус входили: 6 рыцарей, имеющих право нести знамя, 34 молодых человека, готовящихся стать рыцарями, 559 солдат, 1800 лучников, при этом одного солдата можно было заменить тремя лучниками. Уничтожение *indenture* показывает, что на самом деле Солсбери получил только одного рыцаря-знаменосца, 8 будущих рыцарей, 440 солдат, 2250 лучников; среди солдат было 4 канонира, чье жалованье было чуть выше, а среди лучников – 80 плотников, каменщиков, мастеров, изготовлявших луки и стрелы и т. д.

Солсбери включает особое условие найма солдат:

"Однако названный граф не может взять или приказать взять на свое содержание солдатом или лучником ни того, кто находится во Французском королевстве, ни тех, кто без разрешения Джона, герцога Бедфорда, дяди короля, нашего высочайшего господина и регента его королевства Франции, приехали из королевства Англии и у коих есть земли, рента, чинш (арендная плата) или доходы или же другие владения в названном королевстве Франции, за которые они обязаны идти на военную службу короля, нашего высочайшего повелителя".

Все это означает, что людям не положено платить дважды. Раз у них уже есть обеспеченный доход на континенте, они не могут быть вознаграждены еще раз, поскольку должны нести обязательную военную службу у своего короля. Документ свидетельствует и о тяготах, которым подвергнут себя люди, поступившие к Солсбери. В тексте упоминаются также особые меры, относящиеся к выплате жалованья умирающим или больным:

"Кроме того, если кто-либо находится при смерти или убит на службе короля, государя нашего, то на полгода от сего момента не будет вычетов из его содержания".

Специальный человек должен был поехать на место и подтвердить, что солдат действительно болен.

Вернувшись во Францию с новым военным отрядом, Солсбери захватил Рамбуйе, Мен, Божанси, Жаржо, а 12 октября начал осаду Орлеана.

"Дневник осады" повествует, что 27 октября "в ночь скончался граф Солсбери в городе Мён-сюр-Луар... смерть которого ошеломила и огорчила англичан, ведущих осаду". Смертельно раненного английского капитана перевезли в город Мен, где он и скончался 3

ноября. Его тело переправили в Англию и погребли в приорстве Бишам рядом с отцом. У него не было потомков мужского пола, и титул графа Солсбери перешел к его зятю Роберту Невиллу.

Х. Джон Тальбот

Джон Талбот граф Шрусбери известен в английской литературе под именем Ахилл¹⁰⁴. Король Англии пожаловал ему титул "кузена", он был одним из крупнейших военачальников.

Талбот родился в 1373 году в Блечморе, в Англии. Более шестидесяти лет он служил королю и погиб в восемьдесят лет с оружием в руках! Его семья, видимо, приехала в Англию во время нормандского завоевания¹⁰⁵, а происходила она, вероятно, из Ко. Благодаря женитьбе на Мод Невилл Талбот стал человеком очень богатым. От первой жены у него было трое детей, из них двое сыновей, которые погибли в 1450 году, в битве при Носхэмптоне во время войны Алой и Белой розы¹⁰⁶. От брака со второй его супругой.

104 Джон Талбот (1373 – 1453) – один из наиболее знаменитых английских полководцев эпохи Столетней войны. Его имя стоит в одном ряду с Эдуардом III, Эдуардом Черным Принцем, Генрихом V. В его военной биографии случались и удачи, и поражения; почетное сравнение Талбота с самым отважным из греческих героев, осаждавших в глубокой древности неприступную Трою, Ахиллом, можно, по-видимому, объяснить тем, что он, как и воспетый Гомером греческий герой, пал на поле сражения. Вообще в средневековой Западной Европе имя Ахилла было достаточно популярно. Так, например, королева Алиенора Аквитанская сравнивала с этим греческим героем своего сына Ричарда I Львиное Сердце, когда в 1192 – 1194 гг. добивалась от римского папы и некоторых европейских правителей помощи в освобождении его из плена.

105 Нормандское завоевание Англии (1066 г.) – вторжение на Британские острова северофранцузских феодалов во главе с герцогом Нормандии Вильгельмом. Переплыв на парусных кораблях Ла-Манш, войско Вильгельма 28 сентября высадилось на побережье Южной Англии. 14 октября 1066 г. произошло решающее сражение близ Гастингса между войсками Вильгельма Нормандского и англосаксонского короля Гарольда. Более высокий уровень развития феодализма во Франции обусловил военное превосходство завоевателей в сражении. Особенно большую роль сыграла тяжеловооруженная рыцарская конница, против которой оказалось бессильным полуварварское пешее ополчение англосаксов. Уже 25 декабря Вильгельм короновался как король Англии. Нормандское завоевание было отправной точкой сложного переплетения политических судеб английского и французского королевств (подробнее см. в предисловии). Кроме того, установление власти Нормандской династии способствовало ускорению развития феодальных отношений на Британских островах, завершению процесса закрепощения крестьянства и созданию предпосылок для формирования в Англии самой стройной и централизованной в Европе иерархической лестницы (структуры феодального сословия, которая обеспечивала соподчинение крупных, средних и мелких феодалов и достаточно четкий контроль за ними со стороны королевской власти). Находясь во враждебном окружении в завоеванной стране, феодалы были вынуждены принимать гораздо более жесткую политическую власть королей, чем это имело место в те же времена во Франции. Последствия этих особенностей во многом способствовали военным и политическим успехам англичан на протяжении большей части Столетней войны.

106 Война Алой и Белой розы (1455 – 1485) – междуусобные войны английского высшего дворянства в борьбе за престол при слабоумном короле Генрихе VI (о нем см. прим. 25). В борьбе за власть столкнулись две феодальные группировки, находившиеся в родстве с королевской династией Плантагенетов: род Ланкастеров (в их гербе изображалась алая роза) и род Йорков (в гербе – белая роза). Ланкастеры находились у власти с 1399 г., когда был низложен последний Плантагенет Ричард II и трон занял Генрих IV из Ланкастерского дома. Во второй половине XV в. в Англии возникло широкое недовольство правящей династией, связанное с экономическими трудностями крупного вотчинного хозяйства в условиях зарождения элементов капиталистического хозяйства. Поражение Англии в Столетней войне лишило крупных феодалов военной добычи и доходных владений во Франции. Используя это недовольство и неизбежную слабость центрального правления при неспособном к самостоятельному управлению страной короле, Ричард, герцог Йоркский, начал в 1455 г. открытую войну с ланкастерцами, окружавшими английский престол. В 1461 г. Генрих VI был низложен и королем стал сын погибшего в сражении герцога Йоркского Эдуард IV. Однако междуусобная война на этом не прекратилась. В результате нескольких кровопролитных сражений Генрих VI был на короткое время восстановлен на английском престоле (октябрь 1470 – апрель 1471 г.), затем вновь низложен и убит в Тауэре. Укрепляя свою власть, Эдуард IV (правил до 1483 г.) жестоко расправлялся и с ланкастерцами, и с йоркистами. После смерти Эдуарда IV престол перешел к его малолетнему сыну Эдуарду V, но власть захватил его дядя, который стал королем Ричардом III (1483 – 1485). Эдуард V и его брат были по приказу Ричарда III

Маргарет Бошан, родились еще две дочери и три сына, старший из которых, Джон, был убит рядом с ним в сражении при Кастийоне в 1453 году¹⁰⁷.

Талбот начал военную карьеру очень молодым. С 1404 по 1407 год Генрих IV Ланкастер поручал ему сражаться против уэльсцев¹⁰⁸. К моменту восшествия на трон Генриха V Талбот находился в заключении в Тауэре, но очень скоро вышел оттуда. Затем он становится наместником короля в Ирландии¹⁰⁹; известно, что в эту эпоху английская корона имела массу неприятностей с этим островом. Позднее он последовал за своим господином во Францию, участвовал в осаде Кана, Руана, затем вернулся в Англию и вновь появился на континенте при Генрихе VI. Тогда он участвовал в битве при Вернее, за что получил орден Подвязки. Его вторично назначили наместником короля в Ирландии. И снова Бедфорд способствует его возвращению во Францию. Именно тогда он получил свои самые славные титулы.

Талбот участвовал в сражении при Монтаржи, проигранном Варвиком, потом во взятии Лавалля, возвращении Манса в 1428 году, осаде Орлеана и в битве при Пате, где он попал в плен. Он был освобожден в 1433 году. Бедфорд в свою очередь осыпал его почестями, назначив его генеральным наместником короля и регента по военным делам в Иль-де-Франсе и областях, расположенных между Сеной, Уазой и Соммой, в вознаграждение он получил графство Клермон-ан-Бовези; он также был назначен капитаном Сен-Жермен-ан-Лэ и

задушены в Тауэре. Деспотическое правление Ричарда III восстановило против него сторонников обеих группировок, которые объединились вокруг Генриха Тюдора, дальнего родственника Ланкастеров. В битве при Босуорте (22 августа 1485 г.) Ричард потерпел поражение и был убит. Королем стал Генрих VII Тюдор, который объединил в своем гербе алую и белую розы с помощью династического брака (женился на дочери Эдуарда IV Елизавете, наследнице Йорков).

Война Алой и Белой розы сильно ослабила позиции высшей феодальной знати в Англии, многочисленные конфискации земель и имущества по политическим мотивам подорвали ее экономическое могущество. Вместе с тем возросло влияние нового дворянства и формирующейся буржуазии, которые стали опорой английского абсолютизма.

107 Сражение при Кастийоне – 16 июля 1453 г. Последнее крупное сражение между английскими и французскими войсками в традиционных границах Столетней войны. Битва происходила на Юго-Западе Франции, в той области, которая на протяжении трех столетий была объектом ожесточенного соперничества между двумя монархиями. Английскому войску во главе с восьмидесятилетним знаменитым английским полководцем Джоном Талботом противостояла созданная французским королем Карлом VII постоянная армия, оснащенная мощной для своего времени артиллерией. Хронисты сообщают, что сравнительно недолгая ожесточенная битва завершилась внезапным паническим бегством англичан, укрывшихся за стенами Бордо. Специалисты по военной истории считают, что решающую роль в победе французов сыграла артиллерия, созданная под руководством знаменитых братьев Бюро. Как бы аллегорией полного военного поражения англичан во Франции стала гибель Джона Талбота и его сына на поле боя.

108 В 1400 – 1410 гг. в Уэльсе вспыхнуло мощное восстание под руководством Оуэна Глендоуэра против английской власти, которая была насильственно установлена там еще в конце XIII в. при Эдуарде I. С тех пор население Уэльса, отличавшееся глубокой этнической и культурной самобытностью, не раз пыталось добиться восстановления своей независимости. Движение под руководством Глендоуэра было наиболее крупным антианглийским выступлением в Уэльсе. Особенно опасным для английской короны было то, что в эту войну попыталась вмешаться Франция. Предводитель восстания обратился к давнему традиционному сопернику Англии за помощью, что давало Франции прекрасную возможность продолжить войну с Англией на ее территории. В 1402 – 1403 гг. французские корабли не раз поддерживали Глендоуэра с моря, а в 1405 г. в Уэльсе высадилось французское войско. Однако сложная внутренняя обстановка во Франции помешала развернуть эту кампанию, и Англии удалось подавить движение под руководством Глендоуэра, после чего в Уэльсе был установлен режим жестокого национального угнетения.

109 В 1169 – 1171 гг. английские феодалы вторглись на территорию Ирландии и создали на юго-восточном побережье острова английскую колонию, находившуюся под управлением английского короля. На территории колонии были введены английские законы, существовало деление на графства, с конца XIII в. действовал парламент. Управление Ирландией было сопряжено с большими трудностями прежде всего из-за постоянного недовольства со стороны местного населения, периодических антианглийских выступлений. Попытки расширения английских владений в Ирландии до XVI в. успеха не имели.

Пуасси; регент установил для него ренту в 300 салю золотом.

После смерти Бедфорда, последовавшей 14 сентября 1435 года, и по заключении между Карлом VII и Филиппом Добрым Аррасского договора единственная забота Талбота – воспрепятствовать поражению Англии. Он защищает Нормандию, помогает графу Уиллаугби занять Иври и Понтуаэ, но не может остановить наступление французской армии. Тщетно он пытается спасти Мо, становится хозяином Арфлёра, но в следующем, 1441 году Понтуаэ потерян. Он потерпел поражение во время осады Дьеппа и был вынужден отплыть в Ирландию, куда он снова назначен губернатором. Талбот вновь пересек Ла-Манш в момент капитуляции Руана в 1449 году и остался заложником Карла VII, который вернул ему свободу на следующий год. Именно тогда Генрих VI назначил его королевским наместником в Гиень, и он быстро покорил эту провинцию; но его военной карьере не суждено продолжаться: в 1453 году он был убит в сражении при Кастийоне вместе со своим сыном Джоном. Талбота уважали не только англичане, но и французы "за то, что он достойно вел войну". Имя Талбота постоянно упоминается во время осады Орлеана. Именно он привел 1 декабря подкрепление, расположившееся 30-го числа того же месяца в бастиде Сен-Лоран и перестроившее позднее бастиду Сен-Лу. После снятия осады он защищал Мен и Божанси. В Пате он предпочел бы оказать сопротивление, вместо того чтобы слушать Фальстолфа. Сохранился документ, подписанный им 29 января 1429 года во время осады Орлеана, по которому ему передавалось 58 солдат и 100 лучников.

У Талбота были многочисленные владения во Франции, а также и в Англии, где в течение всей своей жизни он старался приумножить свои богатства, в частности получив наследство Беркли, прямых наследников которого он ограбил. Как и другие английские дворяне, он жаждал получить баронский титул. Семейство Талбота не расставалось с навязчивой идеей – быть приближенным к королю и усилить свое влияние...

XI. Ричард Бошан, граф Варвик

Среди крупных английских сеньоров, с которыми встречалась Жанна д'Арк, один играл особую роль – ее тюремщик Ричард Бошан, граф Варвик.

Ричард Бошан происходил из старинной английской семьи. Военную карьеру он сделал при Генрихе V. Будучи одним из самых близких соратников короля, Бошан способствовал обоснованию его наследственного права на престол, он стал одним из лучших друзей Генриха V. Предчувствуя приближение смерти, Генрих V назначил Бошана наставником своего сына.

23 декабря 1430 года, когда Жанну привезли в Руан, она увидела величественную крепость, построенную Филиппом Августом, – замок Буврёй; она – пленница капитана замка и города Руана. [Когда в 1419 году город сдался Генриху V после изнурительной осады, унесшей почти треть жителей, победитель потребовал помимо огромного выкупа, чтобы был выстроен замок, который станет "новым дворцом". Строительство началось сразу же, но затянулось на долгие годы, и английский король не увидел замок законченным. Жанна была заключена именно в замке Буврёй, в "башне со стороны полей". Сейчас эту башню называют "башней Жанны д'Арк", но в действительности это донжон замка.] Варвик был капитаном замка с 1427 года.

Ричард Бошан родился в 1380 году, в шестнадцать лет произведен в рыцари ордена Бани¹¹⁰, а после смерти отца в 1401 году получил орден Подвязки¹¹¹. В 1408 году он

¹¹⁰ К ордену Бани принадлежали рыцари, посвящавшиеся по торжественным случаям после ритуала ночного бдения, за которым следовало символическое омовение.

¹¹¹ Орден Подвязки – один из самых древних и знаменитых немонашеских орденов в Англии. Учрежден королем Эдуардом III в 1348 г., в день святого Георгия, который считается покровителем ордена. Первоначально в орден входил король и 25 рыцарей. Знак ордена – голубая подвязка на ноге. Согласно легенде, на балу в захваченном англичанами Кале знатная дама обронила подвязку. Эдуард III поднял ее, повязал себе на ногу и произнес слова, ставшие девизом ордена: "Noni soit qui mal u pense" ("Да будет стыдно тому, кто

отправился посетить святые места и, будучи проездом в Париже, получил аудиенцию у Карла VI; в ноябре того же года в его честь был дан пир. В Венеции он садится на корабль, отплывающий в Яффу, – у него пропуск на пятнадцать дней для совершения паломничества в Иерусалим. Когда он возвращается в Англию через Мальту, в Лондоне уже новый король – Генрих V. Отныне их судьбы связаны. Варвик отдал и свой меч и свой талант на службу королю; он один из тех, кто способствовал заключению брака суверена с красавицей Екатериной Французской. Он успешно занимается делами своего господина, но и о себе не забывает; его супругой становится одна из самых богатых наследниц Англии, Элизабет Беркли, от которой у него было три дочери; одна из них, Маргарет, станет супругой знаменитого Талбота. После смерти Элизабет Беркли он в 1423 году женится на другой наследнице – Изабель Диспенсер, которая подарила ему сына и дочь.

Во Франции Ричард Бошан ведет войну для молодого Генриха VI; именно он в 1427 году командует войсками в Монтаржи, где долго будут хранить "стяг Варвика". В течение этих лет он постоянно пересекает Ла-Манш, прося субсидий, организуя военные операции, а также улаживая свои собственные проблемы с наследством.

Нам неизвестно, как складывались отношения Девы с ее тюремщиком, но Жанну-пленницу в этом замке подвергают допросам – она полностью во власти Варвика; руанских судей оплачивает Бедфорд, но, конечно, также и Варвик. Вспомним, что Варвик не оказался в стороне, когда Жанна в своей темнице подвергалась нападкам охранявших ее солдат-простолудинов. Он вмешивается также, когда она болеет, дабы она умерла не от болезни, но на костре.

Нам известно из беспристрастного документа – речь идет о расходной книге "The Beauchamp Household Book", – что Жанна ни разу не появилась за столом у Варвика, в то время как ее судьи (а среди них и Кошон) были среди приглашенных. Так, 13 мая состоялось пиршество, на котором главенствовал наставник Генриха VI и куда были званы Кошон, епископ Теруанский, бургундский рыцарь Эмон де Маси, Стэффорд, канцлер Англии и др. В этом источнике упоминается и о Ксентрае, который в свою очередь стал пленником Варвика через два месяца после смерти Жанны. Различие между молодой пастушкой и отважным капитаном очевидно – Ксентрай приглашен за стол хозяина замка.

Ричард Бошан умер в Руане в 1439 году, его останки были перевезены в Англию и захоронены в часовне небольшого городка Варвик. Его имя сохранилось в Истории благодаря его зятю Ричарду Невиллу, который принял имя Варвика по смерти последнего прямого наследника, наставника Генриха VI, – именно Варвика назовут "изготовителем королей".

XII. Перрине Грессар

Перрине Грессар, авантюрист, находившийся на жалованье у англичан. Жизнь его достаточно типична для определенного рода людей – наемников.

Платит ли король Франции, король Англии или герцог Бургундский, служат ли они поочередно то одному, то другому или же действуют на свой страх и риск – у таких людей, как Перрине Грессар, Ла Гир, Франсуа де Сюрьенн или Робер де Флок, стремление одно: их влечет война. Война с ее грабежами, выкупами, бесчинствами по отношению к населению. Порой некоторые из них служат и более высокому идеалу, но важнее всего в их глазах приключения и военное ремесло.

Именно Перрине Грессар был капитаном Ла-Шарите-сюр-Луар, когда Жанна д'Арк подошла к крепости и начала в конце сентября 1429 года подготовку к новой военной кампании – осень как нельзя лучше подходила для этого, поскольку по Луаре, вздувшейся от дождей, можно было без особых усилий перевезти снаряжение для королевской армии и

подумает об этом что-нибудь дурное").

продовольствие для войск. Именно таким образом переправили одну из бомбард (так называемую "пастушку"), использованную при осаде Орлеана. Эта бомбарда, перевезенная из Жаржо, где она разрушила три мощные башни города, прибыла вместе с армией Жанны и королевского наместника д'Альбрэ; впоследствии ее захватил Грессар, отдавший ее герцогу Бургундскому. (Снаряжение и продовольствие сопровождал мощный и многочисленный конвой. Хотя "пастушку" разобрали на две части – дульную часть ствола и камору, – пришлось использовать значительную тягловую силу: 29 лошадей, которыми управляли 12 возчиков, тянули ствол, а 7 лошадей – камору. Понадобилось также укрепить мосты и привести в порядок дороги; на этом простом примере можно представить себе, какие силы требовались для осады города...)

У Ла-Шарите армией командовал сводный брат Жоржа де Ла Тремуя Шарль д'Альбрэ, назначенный королем королевским наместником. Вместе с ним были Людовик Бурбон, граф де Монпансье, и Жанна. В конце октября Дева прибыла в Сен-Пьер-ле-Мутье, осада которого оказалась довольно изнурительной. Решив направиться к Ла-Шарите. Жанна и Шарль д'Альбрэ, будучи еще в Мулене, потребовали подкрепления от герцогства Бургундского. Армия двинулась в путь с севера, к ней присоединились люди маршала де Буссака. Осада, начавшаяся незадолго до 24 ноября 1429 года, обернулась поражением – ссылались на плохую погоду, нехватку войск. Персеваль де Кани уточняет: "Осада не дала результатов, потому что король не прислал ни продовольствия, ни денег". К тому же Ла Тремуя обвиняли в присвоении сумм, предназначенных для армии; однако следует признать очевидное: Перрине Грессар очень хорошо защищал город. Грессар, бывший наемником у англичан, зависел от герцога Бургундского, но, поскольку с Бургундией было подписано перемирие, а оно касалось и Ниверне, Грессар получил не больше помощи, чем Жанна и Шарль д'Альбрэ.

Итак, кем же был Перрине Грессар? О его происхождении мало что известно. Простолюдин Грессар в 1417 году вдруг начал называть себя "человеком благородного происхождения" и скреплять документы печатью со своим гербом: полоса в одну треть поля, пересекающая щит посередине, с прижатыми к ней тремя пятилистниками. Он стал "дворянином по оружию" – а разве не говорят, что "оружие облагораживает человека, каким бы он ни был"?

Карьера Перрине Грессара началась в Пикардии. Ей способствовало непоследовательное поведение Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, который увеличил число авантюристов во время кампании в Сансерруа. Тогда Перрине стал главарем банды, служил тому, кто давал большую цену, вымогал выкупы, стяжал состояние, разоряя крестьян. Он промышлял и в Ниверне, особо преуспев в выкупах. Охотнее всего служил герцогу Бургундскому. В 1420 году, когда наступление арманьяков на герцогство внушало все больше беспокойства, Перрине выступил против них, расположившись в преграждавшем им дорогу Пале-ле-Моньяле во главе отряда, оплачиваемого герцогом. С одним из своих сотоварищей он защищал Шароле. Мало-помалу наемник поднимался по социальной лестнице; в 1426 году купил небольшую крепость Ла-Мотт-Жоссран, присвоив себе титул сеньора де Ла-Мотт-Жоссран. Он умел поддерживать дисциплину и заставлять окружавших его бандитов уважать себя. Суровый с подчиненными, он опекал их и следил за тем, чтобы каждый, прежде чем покинуть определенный район, получил грамоту о помиловании. Он позаботился и о создании собственной семьи: женился на некоей Угетт де Корволь, у которой, по-видимому, были средства, а его помощник Франсуа де Сюрьенн взял в жены одну из ее племянниц.

В 1426 году Грессар обосновался в Ла-Шарите-сюр-Луар, чтобы защищать жителей этого города и иметь возможность укрыться за его стенами после набегов, совершаемых им в окрестностях Ниверне. Ла-Шарите-сюр-Луар – крупная крепость, расположенная в стратегически важном месте: это единственный возможный проход через Луару в районе, где берега отвесные. Из авантюриста Перрине Грессар стал сеньором, зависящим от герцога Бургундского; он вступал в переговоры только непосредственно с ним или его канцлером

Никола Ролленом.

Поскольку жалование от герцога Бургундского поступало нерегулярно, Перрине Грессар, не довольствуясь более должностью раздатчика хлеба Филиппа Доброго, стал агентом регента Англии. Бедфорд пользовался этим в своих отношениях с Бургундией. В интересах Бургундии было, чтобы Грессар продолжал охранять Ла-Шарите от ее имени, – бургундцы не хотели усиления могущества англичан, поэтому Бургундия подписала договор с Перрине и постаралась выплатить все, что ему задолжала, то есть содержание гарнизона – по 2 400 ливров в месяц.

Однако, хотя Перрине и ведет дела с бургундцами, он поддерживает отношения и с арманьяками, и в первую очередь с Ришмоном, столь способствовавшим заключению перемирия, и, конечно же, с Тремуем. В 1427 году подписано перемирие, должным образом парафированное в присутствии двух нотариусов и скрепленное личной печатью Перрине, который обязался более не грабить окрестности. Но для него этот договор – всего лишь клочок бумаги, и вскоре со всех сторон вновь послышались жалобы: он грабит Берри и не щадит даже жителей Ниверне. Он дошел до того, что незаконно лишил свободы Ла Тремуя, главу делегации арманьяков, когда тот проезжал через Ла-Шарите; естественно, при нем была охранная грамота, и его сопровождал маршал Бургундский, а также многочисленные представители герцогского дома. В день пленения Ла Тремуя, 30 декабря 1425 года, Перрине и Франсуа де Сюрьенн заставили его подписать обязательство выплатить выкуп в 14 000 полновесных эю. Ла Тремуя подписал, ибо хотел как можно скорее обрести свободу; к тому же он опасался, что его выдадут англичанам. Из Ла-Шарите он написал своему брату, Жану де Веселю и маршалу Франции, умоляя их ускорить его освобождение и выполнить условия, изложенные в письме Грессара. Ла Тремуя совсем потерял самообладание и даже выразил признательность за то, как с ним обращались; не забывал и о подношениях: засыпал подарками жену Перрине Угетт де Корволь.

Взяв в плен Ла Тремуя, Перрине Грессар понимал, что герцогу Бургундскому это не понравится, и он предусмотрительно потребовал от Ла Тремуя лично подписать письмо, снимающее с Грессара вину. Пленение герцога Ла Тремуя продолжалось недолго, поскольку вскоре Ла Тремуя появился в Турне у Филиппа Доброго, только что одержавшего победу над Жаклин Баварской и готовящегося вернуться в свое государство. В июле 1426 года мы видим Ла Тремуя в окружении Карла VII. Король дозволил ему взимать подати, пошлину на продукты и талью со всех земель, находившихся во владении герцога в Пуату, Лимузене, Анжу, Берри и герцогстве Орлеанском, с тем чтобы с лихвой возместить ущерб и сумму выкупа и смягчить боль за перенесенные страдания и страх.

Перрине продолжал вести жизнь бандита с большой дороги, переметываясь то на сторону Англии, то Бургундии. Когда Ла Гир нанес поражение англичанам у Монтаржи и французы стянули свои силы к Жьену, Бедфорд пообещал Грессару подкрепление из 400-500 "англичан из Англии". Но Перрине Грессар не осмелился принять эту помощь, опасаясь недовольства герцога Бургундского, что, впрочем, не помешало ему принять в дар от англичан угоды. Таким образом, бандит оказался в феодальной зависимости от Генриха VI Английского и как вассал дал ему клятву верности.

Во время осады Орлеана Перрине Грессар со своими отрядами занимал часть Ниверне, поддерживая англичан, занимавших Сен-Пьер-ле-Мутье и многочисленные укрепленные замки: Розмон, прикрывающий проход по Луаре между Десизом и Невером, Пасси, расположенный на дороге из Ла-Шарите в Вереи, Домпьер-сюр-Ньевр, Ла-Мотт-Жоссран в долине Ноэна, откуда Перрине мог угрожать Жьену. Все это свидетельствует о его довольно прочной позиции.

Когда французские армии добились первых успехов, положение совершенно изменилось. Но для того чтобы король мог воспользоваться плодами этих побед, Бургундия должна была оставаться нейтральной. Поэтому советники Карла VII стараются добиться подписания перемирия; во время продвижения к Реймсу Оксер не штурмуют, но ведут переговоры. Бургундцы со своей стороны занимают аналогичную позицию. Значительно

более сговорчивые, они ни в чем не препятствуют продвижению отрядов, направляющихся на миропомазание. Сразу же после миропомазания было подписано перемирие, срок действия которого продолжался до Рождества. Однако подобное соглашение с королем Франции никоим образом не вело к разрыву добрых отношений между Бургундией и Англией. Бургундцы были обеспокоены: они видели, что королевские войска продвигаются вдоль границ герцогства и располагаются в таких важных пунктах по Уазе, как Компьень и Крэй, прикрывающих Пикардию (еще немного – и Париж переметнется на другую сторону!), и даже Нормандия не оставалась более верным союзником англичан.

Перрине Грессар не простил герцогу Бургундскому злоключений, обрушившихся на него, когда его призвали в особняк Артуа и советник герцога Жан де Мазий, конюший, препроводил его в Париж. Он рассказал о случившемся в письме Гийому де Венну:

"В кое место (особняк Артуа) я направился, и меня поместили в комнату и сказали, что я не буду с ним (герцогом) говорить, что меня напугало, и не без причины, ведь он меня призвал и держал меня в ней (комнате) как пленника, а сам уехал из названного города Парижа".

Бургундцы вели себя по отношению в Грессару грубо и неуважительно, Бедфорд же, напротив, относился к нему почтительно и осыпал его дарами и подношениями.

Когда Жанна д'Арк начала осаду Ла-Шарите, у Грессара в какой-то момент появились опасения, что он потеряет город. Он слишком хорошо знал, откуда ветер дует. "Этот город был осажден по просьбе сеньора де Ла Тремуя", – сказал он. Совершенно очевидно, что тот не простил Грессару своего пленения и требования выплатить выкуп. Кроме того, королю следовало защитить Берри, которому угрожали набеги отрядов наемника. Под угрозой оказался и Бурбоне графа де Клермона; понятно, что Ла Тремуя и де Клермон были заинтересованы в исчезновении Грессара. И наконец, Ла-Шарите являлся важным пунктом на Луаре, где, несмотря на нападения банд наемников, велась оживленная торговая деятельность.

Победы Жанны д'Арк заставили арманьяков энергичнее отвоевывать свои территории, поскольку Карл VII стал достаточно силен, чтобы отказаться от политики перемирий и воспользоваться своими победами, а положение Бургундии чрезвычайно ослабело. Супруге герцога пришлось заложить свои драгоценности женеvesкому банкиру, а казначей герцога Жан Абонель отправился собирать средства по всей территории герцогства. 22 ноября 1435 года был заключен мир непосредственно между Перрине и Карлом VII. Король отдал ему удерживаемые им крепости и назначил его пожизненно капитаном Ла-Шарите с жалованьем в 400 ливров в год, которые должны были поступать с доходов от амбаров Ла-Шарите и Кона. Кроме того, в течение трех месяцев Грессару передавалась сумма в 2 000 салю золотом; 8 000 ему должна была заплатить Бургундия, из которых герцог лично обязался внести 1 000, составляющую долг короля Англии Перрине Грессару. Грессар вовремя заметил, что положение изменилось, но, тем не менее, не дал отсрочки в выплате ни бургундцам, ни арманьякам, а от англичан защищал предназначавшиеся ему обозы с кадками и бочонками, полными серебряных монет!

Отныне Грессар не вел более переговоров с герцогом Бургундским, но договаривался напрямую с королем Франции. Он поступил на службу к графу де Неверу, освободил графство от банд грабителей – одним из которых он, как известно, был сам – и даже обратился к Карлу VII с просьбой о помощи в борьбе против них! Последнее упоминание о Грессаре относится к сентябрю 1438 года, вероятно, тогда же он и умер.

Удивительно, что ни англичане, ни герцог Бургундский не сумели должным образом использовать Перрине Грессара, в частности поставить себе на службу его военные навыки. Бургундский хронист Жан де Ваврен оставил нам весьма лестный портрет Грессара:

"Перрине вплоть до своей смерти вел войну против короля Карла более искусно, чем кто-либо другой: ведь он был мудр, осторожен и чрезвычайно предприимчив, всегда умел найти выход из положения. И я сам, автор сего труда, вместе с ним принимал участие в различных походах и операциях, из которых он всегда выходил с честью".

Бесспорно, он был себе на уме, ибо в течение двенадцати лет оказывал сопротивление одновременно англичанам, бургундцам и даже арманьякам, несмотря на все усилия Жанны д'Арк; и при этом ему удалось сохранить некоторое состояние и добиться славы.

Другой авантюрист, правда не сумевший вовремя ухватить удачу, – араговец Франсуа Сюрьенн. У Грессара не было сына, и можно сказать, что Сюрьенн его заменил. Перрине всему обучил его, и после женитьбы Сюрьенна на племяннице, сделал своим наследником. Но Франсуа не последовал до конца примеру своего дяди, в 1435 году предусмотрительно полностью порвавшего с англичанами. Напротив, он еще решительнее встал на сторону англичан. Грессар перестал доверять ему и в 1432 году изменил завещание в пользу другой своей племянницы, которая, впрочем, не смогла им воспользоваться, поскольку имущество Грессара перешло Жану Жювеналю дез Урсену, человеку, близкому Карлу VII.

Франсуа Сюрьенн появляется в Монтаржи, он все еще верен англичанам. Из Монтаржи он предпринимал дерзкие набеги. Жители Орлеана, помнившие о временах, когда он сражался рядом с Грессаром, боялись его. Из Монтаржи – весьма удобного места для отступления – он осуществлял грабительские набеги на Иль-де-Франс. В 1437 году Ксентрай, имевший при себе охранную грамоту, отправился к нему и заключил с ним договор, по истечении которого Сюрьенн был назначен Карлом VII бальи Сен-Пьер-ле-Мутье и получил жалованье в 12 000 реалов золотом. В ожидании первой выплаты Сюрьенн охранял Монтаржи; город стал нейтральным, и французы смогли обосноваться в нем. Но, соглашаясь – скорее делая вид, что соглашаясь, – на предложения короля, он пытался договориться с англичанами: в 1438 году не кто иной, как Генрих VI, вновь предоставил ему на год право быть капитаном города и замка Монтаржи. Орлеанский Бастард со своей стороны привез ему от арманьяков условленную сумму, и араговец покинул замок, но сразу же вернулся к жизни бандита и авантюриста, продолжая служить Талботу и герцогу Йорку.

Англичане поручили ему охрану Вернёя, затем он попытался обосноваться в Нормандии, подобно тому, как его дядя сделал это в Ниверне. Своих дочерей он выдал замуж за потомков старинных нормандских семей, а один из его сыновей жил в Англии при герцоге Глочестере. Он игнорировал перемирие, подписанное Францией и Англией, продолжал разбойничать, грабил Дрё. В знак своей особой благосклонности англичане не колеблясь посвятили его в рыцари ордена Подвязки, назначили советником Генриха VI, положив 1 000 фунтов в год, предоставили ему многочисленные пенсии и передали замок Почестер в Хэмпшире. Он стал вассалом короля Англии.

Несмотря на перемирие и прекрасно отдавая себе отчет в своих поступках – ведь он знал, что его семья будет обесчещена, – Сюрьенн даже напал на Фужер, взятие которого превратилось в настоящую бойню. Грабители никого не пожалели, добыча составила огромную сумму – 2 000 000 ливров, часть ее ушла в Англию. Но вскоре город отбили, поскольку араговец не располагал достаточным количеством войск, а население было настроено враждебно.

Тиски сжались, когда армии Карла VII вновь начали одерживать победы и вернули себе Верней; араговец капитулировал и уплатил 10 000 экю золотом; в ноябре 1449 года бретонские войска вернулись в Фужер. После капитуляции англичан в Нормандии Сюрьенн потерял свои нормандские владения. Карл VII согласился его принять, но, ничего не добившись от короля, Сюрьенн решил вернуться с больной женой и детьми на родину, в Арагон. Карл VII предоставил ему на полгода охранную грамоту. Перед отъездом, желая оправдаться за разгром Фужера, он уверял, что выполнял приказ, и отослал англичанам орден Подвязки, которым так гордился.

После того как Альфонс V Арагонский¹¹² обратился к Карлу VII с просьбой вернуть

112 Альфонс V Великодушный (1416 – 1458) – король Арагона и Сицилии. Долго боролся с французскими и итальянскими претендентами на трон Неаполитанского королевства, который получил в 1442 г. Альфонс V покровительствовал ученым, поэтам и художникам.

Франсуа де Сюрьенну его владения, Сюрьенн вернулся во Францию и купил у сеньора д'Аргеля земли Пизи, расположенные в Оксерруа, таким образом, он стал вассалом Карла VII. Однако его не принимают ни французы, ни англичане; ему остается одно – обратиться к герцогу Бургундскому и предложить свои услуги. Он сражался бок о бок с Бургундским бастардом против жителей Гента и помог бастарду избежать серьезных ошибок. Назначенный капитаном Гавра (во Фландрии), он оставался им до 1457 года. Будучи советником и камергером герцога Бургундского, а с 1452 года и сеньором де Шательжераром, Сюрьенн продолжал жить в Пизи. Таким образом, он вернул себе положение, получая ренты и почести, которыми ранее его осыпали англичане.

XIII. Жан Люксембургский

В Компьене Жанну д'Арк взял в плен бастард Уэмдонн, вассал Жана Люксембургского, которому он ее и передал. Встает вопрос, мог ли Жан Люксембургский не продавать Жанну англичанам? Мог ли он за выкуп вернуть Деву Карлу VII?

Жан Люксембургский был предан герцогу Бургундскому, но он также находился на жалованье у короля Англии, получая ежегодно как советник Генриха VI 500 ливров; его брат Луи, кардинал Англии, заседал в королевском совете. В день пленения Девы Жан сообщил о случившемся своему брату, тот получил письмо 25 мая в Париже. Жанна находилась в плену у Жана Люксембургского четыре месяца. Очевидно, он не мог поступить иначе: ему следовало уведомить короля Англии, чьим вассалом он оставался. Жан Люксембургский должен был – и без промедления – выдать ему свою пленницу.

Тетушка графа Жанна Люксембургская и его супруга Жанна де Бетюн хорошо приняли Деву в замке. Говорили, что Жанна Люксембургская, крестная мать Карла VII, определенно просила племянника не продавать Жанну англичанам, но что Жан Люксембургский, ни минуты не колеблясь, отступился от обещания, данного тетке перед ее отъездом в Авиньон, не зная, что она скончается там 18 сентября 1430 года.

Пьер Кошон со своей стороны времени не терял. Уже 26 мая 1430 года Парижский университет шлет в Бореуар письмо с требованием передать Жанну инквизиции. Вполне возможно, что оно было написано по наущению епископа Бове. 14 июля было направлено новое послание с требованием выдать пленницу. 4 августа 1430 года Штаты Нормандии приняли постановление о взимании налога в 120 000 турецких ливров на продолжение войны, 10 000 было выделено на "выкуп" Жанны. Дважды епископ Бове приезжал повидать пленницу и попытаться уговорить Жана Люксембургского. Он доказывал тюремщику Жанне, что тот не выполняет свой долг христианина, поскольку не отдает Деву, которую должен судить университет за отступление от веры. Англичане сами уладили дело с "выкупом" Жанны. Дева не ошиблась, сказав Кошону: "Епископ, я умираю из-за вас!" Хотя Кошон выступал от имени университета, он действовал также в интересах короля Генриха VI.

Сам термин "выкуп" вводит нас в заблуждение, поскольку выплаченная сумма была скорее гарантией, предоставленной англичанами тем, кто захватил Жанну. Ведь в средние века цель "выкупа" – гарантировать свободу пленнику.

Итак, по-видимому, Жан Люксембургский не видел другого выхода, кроме передачи Жанны д'Арк епископу Кошону. Отметим, что на протяжении четырех месяцев он, вероятно, колебался, выдавать ли пленницу. Поставим ему в заслугу то, что он сомневался.

XIV. Пьер Кошон

Он родился, вероятно, в Руане, году в 1371-м. Был ли он из семьи виноделов, как это утверждает Жан Жювеналь дез Урсен, или же потомком дворянской семьи, поселившейся в Реймсе после дела тамплиеров? Дать определенный ответ на этот вопрос нельзя. Однако мы можем указать на семейные связи, соединявшие Пьера Кошона с Жаном де Ринелем,

будущим секретарем Генриха VI. (Ринель был его внучатым племянником и мужем его племянницы Гийеметт Бидо.) Всю жизнь они трудились бок о бок во славу короля Англии.

Получив блестящее образование, Пьер Кошон стал ректором Парижского университета. Благодаря своим юридическим познаниям и ораторским способностям сей лицензиат канонического права в 1407 году назначен посланником, дабы положить конец Великому расколу, затем он стал каноником в Реймсе и Бове, хотя не должен был бы совмещать два поста. [Объединение в одних руках церковных бенефициев – одно из бедствий церкви той эпохи, когда после эпидемии черной оспы многие бенефиции остались вакантными и ловкие церковники добивались их, не выполняя в них своих обязанностей.] Видам (светский сеньор) церкви в Реймсе и Бове, Пьер Кошон связал свою судьбу с герцогом Бургундским, Филиппом Добрым. В Париже он оказался приближен к герцогскому двору и стал одним из главарей мятежа кабошьенов. После его выступления перед толпами горожан парижская чернь пыталась захватить Бастилию, разграбила особняки Гиень и Артуа, проникла даже в спальню дофина, где были схвачены его люди. Впоследствии общественное мнение повернется в другую сторону и будет стерта с лица земли Большая парижская бойня. 27 сентября 1413 года граф д'Арманьяк въезжает в столицу, а Кошон становится изгнанником. Герцог Бургундский послал его на Собор в Констанцу, где Кошон защищал идеи Жана Пети, ставшего поборником тиранубийства, дабы оправдать убийство Людовика Орлеанского.

Кошон был назначен докладчиком в Государственном совете, а затем выполнял различные поручения от имени Парижского университета; именно поэтому он оказался в Труа вместе со своим племянником Жаном де Ринелем, где и выработал пресловутый договор, лишавший дофина Карла прав на наследство. Кризис и разногласия, царившие в отношениях между арманьяками и бургундцами, способствовали тому, что Генрих V все больше и больше вмешивался во французскую политику. Бургундцы вновь захватили Париж, резни избежать не удалось; Танги дю Шатель спас дофина, вывезя его глубокой ночью в Венсенн. Пьер Кошон получил назначение епископа-графа в Бове под покровительством герцога Бургундского, служению которому он отдал все силы, и использовал свою власть, чтобы расстроить планы парижского капитула: подстрекаемый Бедфордом, он способствовал изгнанию в Женеву епископа Парижского Куртеюисса, назначенного самим папой. Кошон добился доверия регента. Кошона во всем поддерживал Парижский университет, который он представлял при папе Мартине V, при этом он одновременно занимал пост посланника короля Англии. Он был епископом Бове на протяжении девяти лет.

В 1429 году, после освобождения Орлеана, Жанна д'Арк сопровождала короля в Реймс. За несколько дней до миропомазания Кошон также был в Реймсе, где нес святое причастие на празднике Тела Господня 26 мая. Кошон бежал из города в свое епископство, но, когда народ Бове прогнал англичан и бургундцев, ему пришлось искать убежища в Руане. Будучи советником короля Англии Генриха VI, епископ получал пенсию в 100 турецких ливров в год. С этого момента Бедфорд пытался добиться его назначения епископом Руанским, но тщетно. Кошон получил лишь епископство Лизьё. Руанское духовенство воспротивилось назначению Кошона, Бедфорд, желая угодить обеим сторонам, не стал возражать.

От имени Генриха VI Кошон прилагал усилия к тому, чтобы выкупить Жанну, дабы судить ее судом инквизиции в столице "английской Франции", ссылаясь на то, что является епископом Бове, территории, на которой Жанна была взята в плен, и, следовательно, имеет право судить ее. Он отправился в Компьень, затем в Бореуар к Жану Люксембургскому. Несколько месяцев хлопот, и он, как мы знаем, добился того, что Жанну обвинили в ереси.

После смерти Жанны д'Арк Кошон присутствовал на коронации Генриха VI в Париже 16 декабря 1431 года. Хронист Монстреле свидетельствует:

"Были при нем (при короле) из английской нации его дядя кардинал Винчестерский и кардинал Йоркский, его дядя герцог Бедфорд и богатейший герцог Йорк, графы Варвик, Солсбери и Саффолк, а также другие благородные рыцари и конюший Дома Франции: епископ Теруанский по имени мессир Луи Люксембургский, епископ Бове метр Пьер Кошон,

епископ Нуайона метр Жан де Майи".

Бедфорд добился того, что пэры Франции, благосклонно расположенные к его королю, присутствовали при миропомазании, а епископ участвовал в торжественном пиршестве, последовавшем за мессой и церемонией:

"И рядом с членами палаты парламента за этим столом сидел вышеназванный кардинал Винчестерский, а метр Пьер Кошон, епископ Бове, и метр Жан де Майи, епископ Нуайона, как пэры Франции шли следующими"

Поскольку Кошон был епископом Лизьё, он получил в Руане особняк Сен-Канд, называемый особняком Лизьё, что пришлось не по вкусу руанскому духовенству. Тем не менее Кошон продолжал выполнять обязанности посланника Генриха VI и в 1433 году направился в Кале во время переговоров об освобождении герцога Орлеанского, а затем в 1435 году – на Собор в Базель. Там он попал в хорошую компанию, так как встретил Тома де Курселя, Жана Бопера, Никола Луазелёра, бывших заседателей и его пособников в процессе над Жанной. После смерти Бедфорда, последовавшей вскоре за кончиной архиепископа Руанского, Луи Люксембургский назначен архиепископом в столицу Нормандии, где ему усердно помогал судья Жанны. Мы находим обоих пройдох в Париже, когда город захвачен войсками Карла VII; они вынуждены бежать, один в Англию, другой в Руан.

Кошон умер в Руане 18 декабря 1442 года, еще до полного краха англичан во Франции. Его уже не было в живых во время оправдательного процесса над Жанной, но семейству Кошона пришлось отвечать за его действия: его правнучатые племянники, когда они добивались наследства, не пожелали вступать в тяжбы и написали судьям оправдательного процесса через поверенного Жана де Гувиса, пытаясь переложить всю ответственность за содеянное на врагов Франции:

"Мы слышали, что Жанна Дева, несмотря на то, что вела жизнь христианскую, чистую и безгрешную, стала жертвой ненависти англичан, не простивших ей своего поражения и того, что она хорошо служила королю Франции".

"Наследники хотят спокойно жить и дальше в большом доме на улице ла Кеин. Процесс их никоим образом не касается", – считают они. "Не касается", поскольку они... "были совсем маленькими или же еще не родились".

А главное, семейство не хотело неприятностей с новыми властями и решительно отмежевывалось от Кошона.

XV. Робер де Флок

Он подписывался Флоке, называл себя Робине, звали его Робер де Флок; был он одним из самых известных мародеров. "Мародерами" их называли потому, что "всех людей, встречавшихся им на пути, как своих, так и чужих, они раздевали полностью, до сорочки". Бессердечные бандиты превратили 1435-1444 годы в один из самых мрачных периодов нашей истории. Шайки мародеров состояли из самых разных людей: потомки знатных семей Франции, такие, как Шабан; мелкопоместные дворяне, лишённые фьефов, подобно Роберу де Флоку; крестьяне, которых толкнула на этот путь нищета. Монахи-расстриги и девицы легкого поведения дополняли эту компанию. Мародеры грабили, насиловали, убивали и занимались вымогательством в Эно, Турене, Оксуа и Шампани. Они занимались тем, что сегодня мы назвали бы "рэкетом", вымогая у деревни, города или же частного лица определенные суммы, во избежание полного грабежа; если деньги поступали недостаточно быстро, они "взимали" необходимые суммы силой.

Но Робер де Флок, как и его сотоварищи Ла Гир, Шабан и Ксентрай, остался верен Карлу VII. "Грабить, вымогать деньги казалось им не так уж предосудительно, поскольку полученные средства давали им возможность быть в постоянной боевой готовности и в распоряжении короля".

Нам мало что известно о первых годах деятельности Робера де Флока. Был ли он в Орлеане? Участвовал ли он в Луарской кампании вместе с Жанной? Находился ли он в

Компъене? Вопросы остаются без ответа. Впервые его имя возникает в 1432 году в Бовазии: он взял выкуп с бургундского поэта, которому грозила казнь по приказу Карла VII. Чтобы довести дело до конца и получить выкуп в 1 000 салю золотом, с ним заодно были и Ла Гир с Потеном де Ксентраем.

Затем в 1437 году он появляется в Танкарвиле, где сражается против англичан, впрочем, он вел войну против оккупантов всю свою жизнь. Но чтобы получить средства к существованию, де Флок вынужден заняться разбоем на землях герцога Бургундского, которому это не по вкусу. Герцог жалуется Карлу VII на то, что обязательства, принятые в Аррасе, не выполняются. Ответ короля не заставил себя ждать: Карл выразил свое неодобрение капитанам в письме, призывавшем их прекратить грабежи; при этом он назвал своих капитанов поименно: Потон де Ксентрай, Готье де Брюссак, бастард Бурбон, Антуан де Шабан, Робер де Флок и др.

Штаты Бургундии со своей стороны выплатили 6 000 салю золотом за то, чтобы отряды мародеров покинули Бургундию. Тогда они устремились в Лотарингию и Эльзас, где ужасы их преступлений не поддаются описанию. Не имея возможности нападать на хорошо защищенные города Страсбург и Базель, они отыгались на деревнях и сожгли их более ста. Затем мародеры вновь появились в Бургундии. На этот раз Карл VII выпустил ордонанс от 2 ноября 1439 года: "Капитаны и солдаты будут помещены в пограничные гарнизоны". Отныне выбор и назначение капитанов исключительно в компетенции короля, который им и платит. Это положило начало постоянной армии, но такая "революционная" мысль была принята и понята не всеми, ибо до сих пор война оставалась уделом дворян и принцев. Карл являлся противником разбойничьих шаек и наказал в назидание другим Александра Бурбона, бывшего каноника, соратника Родрига де Вилландрандо; его арестовали в 1441 году и бросили, зашив в мешок, в реку с моста Бар-сюр-Об после скорого суда. Восемь его товарищей были повешены, а двенадцати отрубили голову. Эти расправы возымели свое действие, но ненадолго: вскоре мародеры вернулись к жизни разбойников.

Мог ли Карл VII отказаться от услуг этих людей? Ведь если Прагерия была окончательно подавлена, так это частично потому, что мародеры перешли на сторону короля, следуя примеру Родрига де Вилландрандо. Ксентрай, Пьер де Брезе и Робер де Флок также участвовали в первых боях, а затем преследовали мятежников до Оверни. Но когда на двадцать два месяца, с 1 июня 1444 года по 1 апреля 1446 года, подписывается перемирие, встает вопрос: что делать с мародерами? Под предлогом того, что у Фердинанда III Австрийского возникли трудности со швейцарскими кантонами¹¹³, а у Рене Анжуйского с жителями Меца, Карл отправил им на помощь мародеров, тем самым удалив их от себя. Во главе отрядов король поставил дофина Людовика. В то же время такой поворот дела беспокоил герцога Бургундского, который остался весьма недоволен.

Нам известна ужасная резня, последовавшая за этим. Возвращение мародеров во Францию стало не менее кровавым: после Эльзаса они разграбили и опустошили земли Бургундии. Но для того чтобы вернуть Нормандию, была создана королевская армия, и королю удалось добиться того, что они согласились остаться в гарнизонах: теперь они получали жалованье и отпала необходимость прибегать к грабежу как источнику средств к существованию. Возвращение Нормандии – хотя и сопровождавшееся определенными бесчинствами – "было совершено рукой мастера".

Робер де Флок участвовал в операциях по возвращению всех городов. Если принять

¹¹³ Швейцарские кантоны – союз, номинально входивший в состав Священной Римской империи, а фактически независимый союз земель, который еще в конце XIII в. зложил основы швейцарского самостоятельного государства в рамках империи. Многие феодальные правители Западной Европы в течение долгого времени посягали на независимость этого своеобразного государства, в котором каждый из объединившихся в крупные города кантонов имел большую внутреннюю автономию. Наиболее последовательно пытались подчинить швейцарские земли Габсбурги, ландграфы на Верхнем Рейне и в Средней Швейцарии. С конца XV в. Швейцарский союз был фактически признан феодальной Западной Европой и начал играть самостоятельную роль в военных и политических вопросах.

точку зрения англичан, они оказались взяты с помощью "предательства", если события описывает француз – "хитростью". Действительно, у Робера де Флока и его друзей в каждом городе были шпионы и люди, на которых они могли положиться. Карл VII хорошо отблагодарил Флока, вручив ему, кроме всего прочего, особняк Талбота в Онфлёре. Флок не принимал участия в торжественном въезде короля в Руан, ибо у него в это время была сломана нога. Любопытная деталь: каноники собора – для облегчения его страданий – направили к Флоку мальчиков из церковного хора, чтобы те пели ему религиозные гимны.

До конца жизни Робер де Флок оставался на посту и являлся одним из наиболее ценных капитанов Карла VII. Под его командованием находилось около ста солдат и двести лучников, и посему он появляется на смотрах, регулярно проводимых раз в три года.

Жизнь Робера де Флока весьма типична для члена разбойной шайки – обычного бандита, в конце жизни достигшего положения людей, подобных Дюнуа или Пьеру де Брезе.

XVI. Жак Желю

Как и Жерсон, Жак Желю написал "Трактат о подвигах Девы". Доброе имя архиепископа Амбрёнского было широко известно. Жан Жирар, председатель парламента Гренобля, и Пьер Лермит, близкий советник Карла VII, обратились к нему, чтобы узнать его мнение о "чудесном" появлении Жанны в Шиноне. Они писали, что Жанну уже допросили в Пуатье церковники. Желю настоятельно советовал дофину соблюдать осторожность и не позволять какой-то интриганке обманывать себя. Он писал:

"Нельзя бездумно доверяться словам девицы, крестьянки, вскормленной в глуши, представительнице слабого пола, столь восприимчивой к заблуждениям; нельзя предстать посмешищем в глазах иностранных народов; французы уже достаточно опозорили себя свойственной их натуре чертой: легко поддаваться обману".

Через посредство Лермита Желю посоветовал королю побольше молиться, дабы получить озарение, и просил, чтобы девицу хорошенько допросили. Три пункта кажутся ему подозрительными, добавляет он:

1) она пришла из Лотарингии, находящейся на границе с враждебными бургундцами и лотарингцами;

2) это пастушка, "которую легко соблазнить";

3) она девица, и ей не подобает "как пользоваться оружием, предводительствовать капитанами, так и проповедовать, отправлять правосудие, заниматься кляузными". Однако он советует не отсылать ее и обращаться с ней уважительно.

Желю был человеком высокообразованным, чьим мнением дорожили современники. Он родился в герцогстве Люксембургском, учился в Париже и готовил себя к адвокатской карьере. Тут-то на него и обратил внимание герцог Орлеанский, отнесшийся к нему по-дружески. После смерти своего брата Карл VI назначил Желю правителем провинции Дофине, но тот решил готовить себя к духовному поприщу, испросив у Карла назначение каноником в Амбрён. Однако Карл VI вновь призвал Желю ко двору и вверил ему финансовые вопросы; затем направил его на Собор в Констанцу с деликатным поручением – попытаться убедить Бенедикта XIII изменить решение поддержать раскол, но успеха Желю не добился и направился в Перпиньян, где вел переговоры о союзе между королем Франции и Кастилией. Вернувшись в Констанцу к моменту избрания нового папы, он получил несколько голосов, но избрали Мартина V. Желю возвратился в Париж и всеми силами пытался помешать подписанию договора в Труа: он написал английскому королю и принявшим сторону Англии бретонским сеньорам. Видя, что его деятельность не увенчалась успехом, Желю вновь отправился в Рим, где был назначен архиепископом Амбрёна.

Удостоверившись, что Дева "совершила чудо", Желю твердо встал на ее сторону и сочинил трактат, посвященный Карлу VII. Трактат начинался следующими словами: "О чудесах, недавно произошедших ради вечной славы Вашего Высочества и Дома Франции, говорят повсюду, а совершила их совсем молодая девушка". И архиепископ воспроизвел

полемику, возникшую вокруг Жанны д'Арк, указывая Карлу VII путь, которым он должен следовать. Напомнив, что и его самого обуревали сомнения, Желю подчеркивал неопровержимый факт: в поступках Жанны он видел руку Божию. Он описывал бедствия, постигшие Францию, и ужас, который наводили на народ англичане, рассказывал о том, как оккупанты поделили между собой королевство, и отмечал, что король дошел до такой нужды, что ему не хватало самого необходимого для себя и королевского дома. Король не мог более рассчитывать на помощь людей; именно эти злоключения побудили Бога ниспослать сию девушку в "мужском платье". Затем он настаивал на законности рождения Карла VII: его родители не могли отстранить его от трона, это шло вразрез с естественным, божественным и человеческим правом. Он напоминал также о славных заслугах предшественников короля. Несмотря на все потрясения, вызванные войной, писал он, народ всегда верил в доброту и милосердие Божье.

И, наконец, Желю привел, чтобы тут же их опровергнуть, слухи, согласно которым Жанна была якобы посланницей дьявола. Считали "доказательством тому то, что Господь Бог действует сразу, мгновенно... Дева же давно начала свое деяние, но еще не довела его до конца".

Желю просит короля обращаться к Жанне всякий раз, когда ему надо будет принимать решение, – ведь она ниспослана Богом; он советует также королю "каждый день совершать что-либо особо приятное Богу и беседовать об этом с Девой".

Жак Желю скончался через несколько месяцев после гибели Жанны д'Арк.

XVII. Жан Ле Шарлье де Жерсон

Обычно называемый Жерсоном – по названию места, где он родился, Жан Ле Шарлье был одним из крупнейших богословов своего времени. Жан Жерсон (раз уж он так себя называл) родился 14 декабря 1363 года в Арденнах, а умер в 1429 году, немногим ранее Жанны. Но у него было достаточно времени, чтобы определить свое отношение к ней и судить о ее действиях.

Кюре родной деревушки Жерсона очень быстро обратил внимание на одаренного и прилежного ребенка, так что мальчик смог получить блестящее образование, хотя происходил из семьи весьма скромного достатка. Он поступил в знаменитый Коллеж-де-Наварр в Париже и в двадцать пять лет в 1388 году получил степень доктора богословия. Жерсон стал профессором этого коллежа, а в тридцать два года был назначен хранителем печати.

Он сочинил множество трактатов, бичевавших идолопоклонство, магию, астрологию и суеверия. Жерсон ратовал за реформу образования для народа, он написал – причем по-французски, чтобы быть понятым всеми, – несколько работ по этому вопросу. Особо важную роль Жерсон сыграл на Соборе в Констанце, ибо представлял одного из тех, кто положил конец разногласиям, царившим в папстве. Он написал по этому случаю небольшой по объему труд "О низложении папы церковью", где показал, что папа, даже регулярно избираемый, может предстать перед судом Собора. Именно благодаря его деятельности Иоанн XXIII, последовавший за Александром V, был низложен 29 мая 1415 года, Григорий XII отрекся, а в июле 1417 года после многочисленных перипетий произошло низложение Бенедикта XIII. Священная коллегия избрала Мартина V, что положило конец расколу, длившемуся уже тридцать шесть лет.

В Констанце Жерсон добился подтверждения приговора знаменитому апологету убийства герцога Орлеанского Жану Пети – его поддерживал герцог Бургундский, – которому он всегда противостоял. За это он подвергся преследованиям во время мятежа кабошьенов в Париже и спасся от толпы, найдя прибежище в башне собора Парижской богоматери. Не дожидаясь выводов Собора в Констанце по делу Пети, Жерсон из страха перед герцогом Бургундским посчитал, что ему следует направиться в Лион, а не в Париж, город, где епископ Кошон и некоторые его приспешники хотели покончить с ним.

Но нас интересует апология Жанны. В Лионе Жерсон получил письмо с просьбой высказать свое мнение о Деве; среди людей, допрашивавших Жанну на процессе в Пуатье, находился Жерар Маше, духовник короля, друг и ученик Жерсона. Вероятно, ответ, написанный Жерсоном, читали по всей стране и даже в Италии, поскольку купец Морозини послал экземпляр своей семье и венецианскому дожу. Труд назывался "De mirabili victoria cuiusdam Puellaes de postfoetantes receptae in ducem belli exercitus regis Francorum contra Anglicos" ("О чудесной победе некой Девы, ранее пасшей овец и вставшей во главе армий короля Франции в войне против англичан"). Жерсон излагает факты и показывает, что Дева не имела ничего общего ни с запрещенным колдовством, ни суевериями, ни жульническими приемами и не преследовала личных интересов. Напротив, ее жизнь – доказательство ее веры; и, заключает он, ее можно поддержать со спокойной совестью, не вступая в противоречие с верой. Он просит также обратить внимание на положение во Французском королевстве: во что бы то ни стало следует изгнать из него англичан.

В заключение богослов выдвинул три принципа, оправдывающих "ношение Жанной мужской одежды". Интересно отметить, что еще до процесса над Жанной уже, видимо, существовало мнение, что "она не должна носить никакой другой одежды, кроме той, что полагается женщине". Тот факт, что университетский богослов оправдывает Жанну, надевшую мужское платье, свидетельствует: если бы Дева предстала перед истинным церковным трибуналом, а не перед трибуналом политическим, она, без сомнения, была бы спасена или же по крайней мере вопрос решился бы по-другому. Не возбраняется носить мужское платье, уточняет Жерсон, поскольку Жанна подвергается риску, как любой солдат; она правильно сделала, срезав волосы для того, чтобы носить головной убор воина.

Он заключает: "В Лионе в 1429 году, 14 мая, накануне Троицы, после победы при Орлеане и снятия осады англичан был написан сей труд хранителем печати Жерсоном".

Жерсон скончался через два месяца после того, как изложил свое мнение о миссии Девы.

После его смерти, последовавшей 12 июля 1429 года, на улицах Лиона говорили: "Умер святой!"

Часть III

I. Имя Жанны д'Арк

"На родине меня называли Жаннеттой, но, когда я приехала во Францию, меня стали называть Жанной", – ответила Жанна на первом заседании обвинительного процесса, когда ее попросили назвать фамилию и имя.

При жизни Жанну никогда не называли Жанной д'Арк. В XV веке было принято добавлять к имени название местности, поселка или упоминание о происхождении; иногда к имени добавляли прозвище. Мать Жанны Изабеллу называли в текстах Изабеллой Роме, это прозвище она получила благодаря якобы совершенному ею паломничеству в Рим. Жанна сказала также, что у нее на родине дочери носят фамилию матери. Но она называла себя "Жанна Дева". Она гордилась этим именем и видела в нем символ своего призвания.

В письме к англичанам, продиктованном 22 марта 1429 года в Пуатье, она так обращается к регенту и его помощникам: "Воздайте Деве, посланной сюда Богом... и твердо верьте, что Царь Небесный придаст Деве силы". 5 мая 1429 года в письме-предупреждении англичанам писарь выводит под ее диктовку: "Царь небесный предупреждает вас и передает через меня, Жанну Деву". В обращении к жителям Турне 22 июня 1429 года, к жителям Труа 4 июля того же года, к Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому, 17 июля 1429 года она по-прежнему называет себя "Жанна Дева".

Жители Реймса (письмо от августа 1429 года) и граф д'Арманьяк (письмо от 22 августа) называют ее также этим именем. Три письма, дошедшие до наших дней, подписаны ею

собственноручно "Жанна". Для людей из партии арманьяков, для горожан Орлеана, для ее соратников она Жанна Дева. Враги, например Жан, герцог Бедфорд, говорят о ней: "называемая Девой". Для герцога Бургундского она "та, которую называют Девой", для ее злейшего врага Кошона – "Жанна, прозываемая Девой", наконец, для Парижского университета: "mulier quae Johannam se nominebat".

Хронисты, сторонники арманьяков или бургундцев, также не знают "Жанны д'Арк", будь то Жан Шартье или Вильям Кэкстон, или же автор "Дневника осады Орлеана", Антонио Морозини или Жорж Шателлен. Для поэтов Кристины Пизанской или Франсуа Вийона она "Дева", "Жанна, добрая лотарингка", "Французская Дева" или "Божья Дева".

Историк находит имя Жанна д'Арк в материалах процесса по отмене приговора. В 1445 году папа Каликст III в рескрипте называет ее братьев: "Пьер и Жан Дарк и их сестра quondam Johanna Darc"; архиепископ Реймский также упоминает семью Дарк: "Изабелла Дарк, Пьер и Жан Дарк, мать и братья покойной Жанны Дарк, обычно называемой Девой (... Isabelle Darc, Pierre et Jean Darc, mere et freres defunctae quondam Jeannae Darc, vulgariter dictae la Pucelle)". В то же время в прошении семьи читаем: "Изабелла Дарк, мать покойной Жанны, обычно называемой Девой ("Ysabellis Darc, mater quondam Johannaе vulgariter dictae la Pucelle)". Выражение "Орлеанская Дева" появляется в XVI веке... Первая большая биография Жанны, написанная Эдмоном Рише, увидела свет в 1630 году под заглавием "История Жанны, Орлеанской Девы".

Как же писалась фамилия ее отца и ее братьев? Известные историки Кишера, Симеон Люс, Эйроль, Шампён пишут д'Арк. Вслед за ними Пьер Тиссе, изучив тексты обвинительного процесса, принимает написание д'Арк. Пьер Дюпарк, занимаясь переводом материалов процесса по отмене приговора, также употребляет это уже принятое написание.

Если же обратиться к оригинальным текстам, то там встречается самое разнообразное написание: Дарк или д'Арк, но также Дарс, Дей, Де, Даркс, Дар, Тарк, Тард или Дарт (Darc, d'Arc, Dars, Day, Dai, Darx, Dare, Tare, Tard, Dart). Следовательно, во времена Жанны не существовало твердо принятого написания. В XV веке никогда не ставили апостроф: Дальбрэ, Далансон или Долон писали в одно слово; лишь в современной орфографии раздельное написание указывает на происхождение из определенной местности или принадлежность к знати. Пишут герцог д'Алансон, герцог д'Арманьяк, но также Жан д'Олон, Жан д'Овернь, Гийом д'Этивэ, обозначая лишь место происхождения.

Что касается семьи Девы, исследования велись по двум направлениям. В зависимости от сделанных выводов Жанна становилась то простолюдинкой, то аристократкой.

В своем "Кратком трактате об имени и гербе, а также о рождении и родственниках Орлеанской Девы и ее братьях, написанном в октябре 1612-го и пересмотренном в 1628 году" Шарль дю Лис пишет в главе II: "На гербе родственников и других потомков упомянутого Жака Дарка был изображен лук, натянутый тремя стрелами". Таким образом, потомки семьи Жанны не ставят апостроф и пишут просто "Дарк". Шарль дю Лис, "человек просвещенный, просивший у Людовика XIII разрешения присоединить герб старшей ветви к своему, никогда не забывает в своем "Трактате" – предназначенном для обоснования его просьбы – отделить частицу от своего собственного имени Дю Лис: и если он ни разу не поставил апостроф в имени Дарк, значит, он не мог законно этого сделать".

Приписывая отцу Девы герб – "золотой лук на лазурной полосе", хотят доказать благородное происхождение семьи. Тогда следует задаться вопросом: почему Карл VII пожаловал дворянство семье, дав ей другой герб вместо ее собственного? Этот выразительный герб не существовал до пожалования дворянства и был придуман в более позднее время.

Отец Донкёр заключает: "Мы считаем, что, за неимением достаточных доказательств, у нас нет никаких оснований менять написание Дарк на д'Арк. Латинские тексты, в которых встречается это имя, тому подтверждение. Если бы фамилия указывала на место происхождения, то в латинском языке названию местности предшествовала бы частица де. Таким образом, Гийом Дэтувиль писался бы по-латыни Estoutevilla, Гийом Дэтивэ писался

бы de Estiveto, Жорж д'Амбуаз писался бы de Ambasia или Ambasianus, Жак д'Арк писался бы по-латыни de Arco, как в 1343 году некто Пьер Дарк, каноник из Труа, писался Petrus de Arco". Нигде мы не находим такого написания.

Иногда считают, что апостроф указывает на аристократическое происхождение. Сошлемся а contrario на вывод "Монитёр дю суар", сделанный в 1866 году по поводу полемики о написании фамилии отца Жанны д'Арк: "Из всего вышесказанного следует, что написание Дарк предпочтительнее любого другого, так как больше соответствует правилам этимологии и простонародному происхождению девушки, ставшей знаменитой благодаря своему мужеству и патриотизму!"

В заключение отметим любопытный факт: сохранившийся в Орлеане документ Minute française дает написание "Тарт", что соответствует грубому лотарингскому произношению.

II. Орлеан во время осады

Когда 12 октября 1428 года английские войска вышли к Орлеану, они увидели перед собой один из красивейших городов королевства, город-форт, окруженный крепостной стеной с мощными, расположенными через определенные интервалы башнями.

Поднявшись на месте крупного галло-римского города¹¹⁴, к которому в XIV веке было присоединено древнее поселение Авенум, Орлеан в 1345 году стал столицей герцогства, которое Филипп VI Валуа передал в апанаж своему второму сыну Филиппу. После смерти Филиппа в 1375 году герцогство вновь воссоединилось с королевским доменом, но в 1392 году оно опять было передано в апанаж брату Карла VI Людовику. На сей раз это не прошло гладко – жители Орлеана, преисполненные решимости, вознамерились отстаивать свои права. Им удалось получить хартию вольности, согласно которой они могли теперь избирать голосованием в два тура двенадцать поверенных.

Однако Людовик Орлеанский сумел, пустив в ход всю свою дипломатию, сделать так, что жители города признали его. В 1393 году, устроив пышное празднество, он пригласил поверенных столицы своего герцогства присутствовать на нем; польщенные таким вниманием, представители городской знати явились на праздник, принеся с собой "несколько гусей, а также спаржу, связанную в пучки". Это празднество Людовик Орлеанский устроил в честь рождения своего сына; по этому же случаю он учредил орден Дикобраза¹¹⁵, чем порадовал многих знатных мужей города.

Дни въезда герцога в свой добрый город превращались для орлеанцев в настоящий праздник. На окнах домов вывешивались занавеси и ковры, гирлянды цветов; на перекрестках улиц выставлялись сосуды с вином, молоком и ароматизированной водой.

Орлеан надеялся на своего благодетеля, на то, что герцог поможет защитить город. С середины XIV века обстановка осложняется. Набеги, совершенные в 1358 году под предводительством Роберта Ноульза на окрестности города, наводили на жителей Орлеана панический ужас. В 1367 году орлеанцев держали в постоянном страхе войска принца Уэльского; горожане снесли церкви и часовни предместий, находившиеся за стенами города; многие строения постигла та же участь (например, церковь святого Эверта, которую

¹¹⁴ Французское королевство сложилось на территории одной из самых освоенных римлянами провинций, завоеванной во второй половине I в. до н. э. при Гае Юлии Цезаре, который был наместником Галлии. Когда римляне пришли на территорию будущей Франции как завоеватели, они столкнулись там с самобытной и достаточно высокой культурой галлов, племен, находившихся на стадии перехода от родового строя к цивилизации. Население Галлии после римского завоевания было ассимилировано и встретило завоевателей-германцев в V в. н. э. как монолитное и вполне готовое к самостоятельному развитию. Однако германское завоевание внесло новый этнический и культурный элемент в бывшую римскую Галлию. С этого времени начинается долгий процесс формирования будущей французской нации.

¹¹⁵ Иногда при учреждении новых орденов преследовали побочные политические цели. Так было с основанным Людовиком Орлеанским орденом Дикобраза, обращавшим свои иглы против Бургундии.

разрушили норманны в IX веке, была позднее восстановлена и вновь разрушена в 1358 году). Несколькими годами позже ее восстановили, и в ней шли богослужения, но в 1428 году, когда англичане начали осаду города, она снова подверглась разорению.

Тревога усилилась в 1380 году, после наступления герцога Букингемского. Естественно, жители Орлеана обратили взоры на своего защитника, Людовика Орлеанского, и все силы отдали укреплению города. Об этом свидетельствуют городские расходные книги.

За крепостными стенами Орлеана, в коих было пробито пять ворот, тщательно следили. Ворота также стали объектом постоянного внимания: от Бургундских ворот начиналась дорога на Жьен; ворота Паризи, расположенные недалеко от монастырской больницы, во время осады частично закрыли и оставили проход только для пешеходов; через ворота Банье открывался путь на Париж, а через ворота Ренар, близ которых находилась таверна Жака Буше (позже в ней найдет приют Жанна), лежала дорога на Блуа; и, наконец, через ворота святой Екатерины, на набережной, можно был выйти прямо на мост. По обеим сторонам всех ворот высились башни со спускающейся решеткой, сами башни соединялись подъемным мостом с крепостным валом, который служил передней линией обороны; он был тоже защищен земляным бруствером, а также частоколом.

Мост через Луару охранялся со стороны города башней Шатле, а на левом берегу фортификационными сооружениями – турелями, состоящими из двух башен, одна из которых была с плоскими сторонами, другая – круглая, построенная прямо в реке. Мост начинался на улице Отельри (Трактирной) и на улице Ворот святой Екатерины; он насчитывал девятнадцать неравномерно расположенных пролетов. В то время под мостом был остров с двумя холмами. Одна часть острова принадлежала торговцам рыбой, а на другой возвышалась часовня. Землю этой части острова даровали церкви святого Антуана – покровителю моста.

О постоянных тревогах орлеанцев можно судить из записей счетных книг крепости, которые дают представление об оплатах произведенных работ по поддержанию крепостных стен и моста в порядке: "Вышеупомянутому Жийе за два дня работы плотников, которые вызвались восстановить две тетивы, одну на башне Шан-Эгрон, другую близ башни Сен-Флу... по пять су четыре денье каждому за день работы, выплатить десять су восемь денье". (Подняться на некоторые башни крепостной стены можно было только по лестнице или лестничной тетиве, расположенной с внешней стороны башни.) Следили также за безопасностью моста: "За запор спускающейся решетки моста, ключ от которой находится у Жака Миа, пятнадцать су".

В это беспокойное время горожане с особым пристрастием относятся к караульной службе:

"Бернару Жосселэну нести караул в Сен-Пэр-Эмпон в месяце апреле".

"Жаке, священнику, а также лицам, его сопровождающим, то есть восьми поверенным, восьми горожанам, восьми нотариусам и восьми сержантам (выдать деньги) на расходы, сделанные в пятницу двадцать седьмого дня апреля для обеспечения безопасности города и для осмотра хлебных амбаров с целью выявления количества хлеба".

Как видно, ничто не оставлено без внимания, даже подумали о тех, кто находился в дозоре:

"Жаку Шампону двадцать четвертого дня месяца мая (выделить средства) на покупку кровати, а также перины, подушки и стеганого одеяла... чтобы два (горожанина) могли прилечь, находясь в Новой башне".

Время шло, и работы по укреплению города производились все чаще, а во время осады содержание крепостных стен в исправности стало каждодневной обязанностью горожан.

"Жану Будо за сто восемь фунтов железа, отданного им в городскую кузницу... Умберу Франсуа, каменщику, за четыре дня работы, которые он потратил на починку ворот Бернье... Жану Шомару в шестнадцатый день апреля за деньги, отданные им на покупку одной туазы

древесины... и гвоздей, предназначенных для дощатого настила башни Ом... Андре Годе, слесарю, за запор, за установку железных брусьев, дабы перегородить крепостной вал у ворот Банье... Жану Кусту, плотнику, за два дня работы, затраченных им и еще двумя плотниками на установку пушечных лафетов на валу ворот Паризи".

Кроме так называемого оборонительного вооружения (содержание в исправности башен, крепостных стен и моста), жители Орлеана занимались и наступательным вооружением; все те же счета свидетельствуют о покупке бомбард и пушек и об их установке.

"Жану Шомару... за семнадцать дней работы плотников, которые укрепили лафеты и заменили крепостные пушки. Жану Волану за предоставленные им деньги в уплату за одиннадцать дней работы плотников и четыре дня работы каменщиков, которые трудились над установкой пушки Монтаржи на башне Сен-Сансон..."

Горожане закупают свинец, занимаются изготовлением пороха:

"Жану Савору... за то, что он в течение восьми дней занимался изготовлением пороха... Жаку Буше, казначею монсеньора Орлеанского, за покупку двухсот фунтов пороха для пушек, приобретенного им для нужд города, по сто двадцать одному эку золотом каждому".

Горожане беспокоятся также и о покупке стрел для арбалетов; в обороне города принимает участие пушкарь. Анализ документов позволяет установить, что в Орлеане был расположен гарнизон численностью около двухсот человек.

Прямо над залом собрания поверенных находилось помещение, где хранились стрелы для арбалетов и порох. Каждый житель внес свою лепту в дело обороны города, цехи ремесленников делали все возможное, чтобы укрепить дамбы, частоколы, но возникает одна существенная проблема: члены университета считают себя свободными от всех повинностей и не желают участвовать в городских расходах. Карл VII вынужден был направить городу королевские грамоты, напоминая, что все жители без исключения обязаны нести дозорную и караульную службу и платить налоги, идущие на укрепление города.

Чтобы улучшить оборону города, орлеанцы не останавливаются даже перед разрушением предместий. Англичане со своей стороны воздвигнут на главных дорогах бастиды и присвоят им имена городов, которые были в их владении: Лондон, Руан и Париж. Эти бастиды вокруг Орлеана связаны между собой частоколом и укрепленными валами: Орлеан оказывается, таким образом, изолированным. Во всяком случае, трое из его ворот блокированы, это ворота Паризи, ворота Банье и ворота Ренар; только Бургундские ворота остаются еще открытыми.

Орлеан был выбран англичанами для осады не случайно; в тот период средних веков это красивейший город Европы со знаменитым университетом, крупный торговый центр с зерновым рынком, один из важных портов на Луаре. Наконец, это многонаселенный для своего времени город: в нем проживало около 30 000.

III. "День селедок" (12 февраля 1429 года)

С того момента, когда в октябре 1428 года англичане начали осаду Орлеана, и до прибытия в город Жанны д'Арк казалось, что все военные действия прекратились, но, однако, в "Дневнике осады Орлеана" приводятся отдельные факты, заслуживающие внимания.

"Дневник" является как бы осмыслением одним из жителей Орлеана, возможно священнослужителем, событий, которые происходили в этот период; повествование начинается с момента подхода к городу англичан и кончается тем моментом, когда Жанна д'Арк освобождает Орлеан. Записи "Дневника" открывают нам некоторые подробности о противоборствующих силах, о наездах в город многочисленных королевских герольдов и сеньоров, на которых лежала забота о городе. "Дневник" дает также представление об

оборонительных сооружениях, о работе, производимой горожанами, и особенно о настроениях осажденных: значение, которое придается прибытию обоза со свиньями и овцами в страдающий от голода город, свидетельствует о том, что мелочей не существовало, важно было все.

"Дневник осады" изобилует подробностями о войне в конце средних веков, о перемириях, соблюдавшихся по случаю Рождества: в этот праздник деревенские музыканты играли на скрипках и любые военные действия прекращались. В "Дневнике" можно прочесть и о том, как английские дворяне и назначенные дофином ведать обороной города капитаны приглашали друг друга отобедать, обменивались подарками и т. д.

Из этого любопытного документа мы узнаем о смерти графа Солсбери 27 октября, в самом начале осады¹¹⁷, и прибытии 1 декабря командующего английской армией Джона Талбота. Талбот приводит более трехсот воинов; он привозит также съестные припасы и снаряжение, в том числе несколько бомбард, которые сразу же идут в ход, в результате к концу месяца много домов лежало в руинах.

"Разрушали стены и сам Орлеан чаще и сильнее, чем при жизни графа Солсбери, ведь они бросали камни, весом в восемьсот двадцать четыре фунта, причиняя огромное зло и ущерб городу, уничтожая множество домов и прекрасных зданий. ("Никто, – добавляет автор, – не был убит, к общему удивлению"), а ведь на улице Пти-Сулье упал камень прямо на стол в комнате, когда хозяин обедал".

Один из защитников города, Жак де Шабан, во время предпринятой им вылазки был ранен в ногу; 2 января англичане попытались взобраться по лестнице на вал к воротам Ренар, однако дозорные тотчас же подняли тревогу, и англичане получили такой отпор, что им пришлось повернуть назад, а "выигрыш их заключался в том, что они промокли до нитки, так как в этот час дождь лил как из ведра". 6 января орлеанцы предприняли вылазку, о чем есть запись в "Дневнике"; по прошествии пяти дней орлеанский наводчик так метко попал в цель из кулеврины, что часть крыши форта Турель рухнула, убив при этом шестерых противников. В конце этого же месяца дозорные с высоты крепостных стен замечают, как англичане, чтобы иметь возможность согреться, вырывают на дрова подпорки виноградников Сен-Ландра и Сен-Жан-де-Ла-Рюель, Орлеанцы вновь выходят за пределы города и захватывают несколько пленных. 30 января Орлеанский Бастард выезжает в Блуа, чтобы встретиться там с Карлом, графом де Клермоном, сыном герцога Бурбонского.

Несколькими днями позже Жак де Шабан и Ла Гир выходят из города и останавливаются прямо напротив англичан; однако, поскольку последние не вступают в бой, они отходят к крепости. Английские войска вскоре получают подкрепление в лице Фальстолфа, прибывшего с 1 200 воинами; а орлеанцы в свою очередь с радостью встречают коннетабля Шотландии Джона Стюарта, приведшего с собой 1 000 бойцов; что касается мон-сеньора д'Альбрэ и Ла Гира, то они приезжают в город тоже с подкреплением.

Именно тогда жители Орлеана узнают, что из Парижа выехал обоз со съестными припасами, предназначенный для английской армии, в котором насчитывалось около 300 повозок и телег. К тому же в обозе везли боевые стрелы, пушки, луки и, сверх того, бочонки с селедкой – приближался Великий пост, и воины были обязаны соблюдать законы церкви, предписывающие в этот период употреблять в пищу только рыбу. Обоз, выехавший из Парижа 12 февраля в сопровождении монсеньера Джона Фаскота и монсеньера Симона Морье, парижского прево, а также нескольких рыцарей и английских оруженосцев, конвоировали 1 500 англичан, пикардийцев и нормандцев.

Тогда орлеанцы предпринимают вылазку под командованием маршала Сен-Севера и Дюнуа, а граф де Клермон в свою очередь выводит 4 000 бойцов, но оба армейских корпуса

¹¹⁷ Хронисты отмечали, что внезапная смерть графа Солсбери в самом начале осады Орлеана была воспринята широкими массами как знак благоприятной для французов Божьей воли, признак приближающихся добрых для Франции перемен в судьбе войны. Эти настроения свидетельствовали о том, что население Франции, измученное бесконечной войной на своей территории, страстно желало и ожидало чуда. Жанна д'Арк явилась на морально и психологически подготовленную почву.

не сумели объединить свои силы. Клермон возвращается в Рувре-Сен-Дени, а Ла Гир и Потон Ксентрай решают перерезать дорогу противнику и напасть на него. Движение французских войск было замечено английским авангардом, и англичане приостанавливают продвижение обоза и воздвигают "преграду из обозных повозок", а вокруг нее втыкают заостренные колья, дабы затруднить французской кавалерии совершить стремительную атаку. Все замирают в ожидании, не спешиваясь, исключение составляют лишь лучники и арбалетчики, готовые в любую минуту выпустить стрелы. Видя это, граф де Клермон шлет послание за посланием, запрещая атаковать до прибытия подкреплений. Коннетабль Шотландии, в сопровождении Орлеанского Бастарда, Уильяма Стюарта и монсеньора де Майака, а также 400 воинов, сгорая от нетерпения, начинает атаку "храбро, однако малоуспешно, ибо, как только англичане увидели, что подкрепление не поторопилось на помощь и не присоединилось к отрядам коннетабля и пешим войскам, они в спешном порядке выступили из своего парка (участок, огороженный повозками) и ударили по пешим французским войскам, вызвав замешательство и обратив их в бегство".

Французы сразу же терпят поражение и теряют 400 человек. Англичане преследуют отступающего в смятении противника; как свидетельствует "Дневник осады", "они находились настолько далеко друг от друга, что с того места, откуда французы начали свою атаку, их знамена казались меньше стрелы арбалета". Ла Гир и Потон Ксентрай не желают оставаться в стороне, "видя такое постыдное отступление", они соединяются вновь, имея 60 бойцов, и преследуют разрозненные силы врага с таким пылом, что в результате их атаки "многие были убиты". Но если эти два гасконца смогли собрать людей, то граф де Клермон не начал атаку, а ретировался. "Много благородных капитанов и военачальников, – читаем в "Дневнике", – погибли на поле брани; среди них монсеньор Гийом д'Альбрэ, коннетабль Шотландии монсеньор Жан Стюарт, Жан Шабо, сеньор де Вердюран и другие. "Их тела были привезены в Орлеан и похоронены в церкви Сент-Круа, где состоялось отпевание усопших. Раненых было много, среди них Орлеанский Бастард: его ногу пронзила стрела арбалета, и два лучника с большим трудом "отвратили от него опасность". А вот поведение графа де Клермона, который в этот день был посвящен в рыцари, произвело на орлеанцев невыгодное впечатление: его люди "двинулись обратно к Орлеану, причем сделали они это не с достоинством, а с позором".

Англичане не преследовали отступающие войска, и их повозки повернули назад в бастиды. После поражения французов возвращение в город было для всех очень тягостным, Ла Гир, Потон и Жамэ дю Тийе вошли в город последними, чтобы иметь возможность удостовериться, что англичане не покинули своих бастид, для того чтобы окончательно разгромить французскую армию.

Это боевое столкновение стало, вероятно, самым ярким и выдающимся за семь месяцев осады. Жителей Орлеана разочаровали их защитники, но еще большее разочарование их постигло несколькими днями позже, 18 февраля.

"Из Орлеана уехал граф де Клермон, объяснив это тем, что у него было намерение отправиться в Шинон, где в то время находился король; с ним отбыли сеньор де Ла Тур, адмирал монсеньор Луи де Кюлан, архиепископ Реймский и канцлер Франции монсеньор Реньо де Шартр, епископ Орлеанский, выходец из Шотландии, монсеньор Жан де Сен-Мишель, несколько рыцарей и оруженосцев из Оверни, Бурбона и Шотландии и 2 000 воинов. Жители Орлеана остались очень недовольны их отъездом".

Дабы успокоить горожан, им было сказано, что войска вернутся и окажут им помощь, привезут продовольствие и приведут с собой людей. В городе остались только Бастард и маршал де Сен-Север; и тогда жителей охватил страх. Они послали Потона де Ксентрая к Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому, и к Жану Люксембургскому с просьбой защитить их и взять под свое покровительство, ибо их герцог находился в плену; Бедфорд отклонил эту просьбу, а Филипп Добрый вывел свои войска, что испортило регенту настроение.

Во время осады почти бездействует епископ города шотландец Жан Кирк-Майкл (или де Сен-Мишель), бежавший из города и нашедший убежище в Блуа. Дофин Карл поручает

ему награждать шотландцев, всегда готовых прийти к нему на помощь. Так, в 1420 году во Франции высадилось более 6 000 шотландцев под командованием Джона Стюарта, коннетабля Шотландии, и Уильяма Стюарта, графа де Бьюкена. Джон – сын герцога Албанского, регент королевства Шотландии и дядя Якова Стюарта, находящегося в плену в Англии. Именно Карл VII назначает его коннетаблем. Уильям – сын Александра, герцога Дарнлея; король, чтобы отблагодарить его, даровал ему в 1423 году земли Обиньи в Берри и графство Эврё. Этим двух вельмож всегда хорошо принимают в Орлеане; так, в 1420 году поверенные преподносят им в дар крепкие напитки, граф де Бьюкен получает две бочки вина, а коннетабль Шотландии одну. В 1421 году по распоряжению коннетабля в соборе Сент-Круа будет звучать литургия в исполнении хора мальчиков. 24 сентября 1425 года коннетаблю преподнесли 37 пинт вина и четырех жирных каплунов. В этом краю обосновались многие шотландцы; вплоть до XIX века существовала шотландская община близ Анришемона, в лесу Сен-Пале.

Шотландские войска заметно поредели в стычках с англичанами: часть из них погибла в битве при Краване в 1423 году и в Вернее в 1424 году, в войсках, верных Карлу VII, насчитывалось 500-600 шотландцев.

"В Дневнике осады" описывается их прибытие в город: "В Орлеан вошло много zelo храбрых воинов, которые были хорошо одеты. Среди них был Уильям Стюарт, брат коннетабля Шотландии". Спустя несколько дней Джон и Уильям Стюарты погибли в "битве селедок".

Шотландцы будут сопровождать Жанну в течение всей ее эпопеи. Известно, что они конвоировали обоз со съестными припасами, вышедший из Блуа 27 апреля. В нем находились 100 вооруженных людей и 400 шотландских лучников под командованием Патрика Оджилви, коннетабля шотландской армии во Франции. Епископ Жан де Сен-Мишель, прибывший с шотландским подкреплением, будет находиться рядом с Жанной 8 мая во время церемонии благодарственного молебна, совершаемой поочередно в каждой церкви освобожденного города.

Шотландцы останутся верны Карлу VII. Женитьба дофина Людовика на Маргарите Шотландской, состоявшаяся в Туре весной 1436 года, укрепила этот союз. Но юная дофина умрет в августе 1444 года, произнеся слова, подводящие итог всей ее жизни во Франции: "Ну и жизнь! Пусть мне о ней больше не говорят!" Она будет похоронена в Шалон-сюр-Марн, но затем ее останки перенесут в Сен-Дени.

IV. Вооружение в эпоху Жанны д'Арк

Как мы уже знаем, после расследования, проведенного в Пуатье, Карл VII велел изготовить для Жанны ратные доспехи и одновременно с этим назначил ей военную свиту. В счетах его казначея Эмона Рагие ясно говорится о покупке этого снаряжения в апреле 1429 года: "Было заплачено и вручено вышеупомянутым казначеем оружейных дел мастеру за изготовление лат для вышеупомянутой Девы 100 турецких ливров". Эти латы превращают Жанну в настоящего средневекового воина. Жан Шартъе вносит уточнение, говоря, что она "обладала полным снаряжением, была вооружена, словно рыцарь армии, сформированной при дворе короля". Ее экипировали, как благородного рыцаря: 100 турецких ливров представляли собой солидную сумму. Было известно, что покупка снаряжения обходилась воину примерно в одно- или двухгодичное жалованье.

Сохранились ли до наших дней доспехи или латы Жанны д'Арк? Жан-Пьер Реверсо, хранитель Музея армии, обращает внимание на то, что "каждые двадцать лет вновь обнаруживают доспехи Жанны д'Арк".

В каталоге коллекции старинного оружия, собранной в Амбуазском замке в 1499 году, имеется запись под номером 31 о "латах Девы, паре латных рукавиц, шлеме с кольчужным нашейником. Его края позолочены, внутри он обшит двойным слоем темно-малинового золототканого атласа". Сомнительно, чтобы эти латы действительно носила Дева, но именно

по ним можно представить, как была одета Жанна, тем более что оценки очевидцев и свидетельские показания во время процесса над ней совпадают. Луи де Кут, ее паж, герцог Жан Алансонский, а также Жан д'Олон во время дачи показаний утверждают, что "для защиты ее тела вышеупомянутый государь велел изготовить для Девы подходящие для нее латы". Со своей стороны писарь ратуши города Альби, который видел ее, уточняет: "Жанна была закована в белое железо с ног до головы". Волнующими являются свидетельства Ги и Андре де Лавалей, которые видели ее верхом на лошади около Роморантана, "в доспехах, только голова оставалась непокрытой, с маленькой секирой в руке, на большом вороном скакуне".

Одна из частей доспехов, принадлежавшая, возможно, Жанне, – ковчежец, который находится сегодня в Нью-Йоркском музее искусств и который попал туда из коллекции Дино – Талейрана – Периго, был, вероятно, освящен в церкви Сен-Пьер-дю-Мартруа в Орлеане. В те времена считалось, что ковчежец является надежной "защитой", то есть он может уберечь сам, независимо от других доспехов; термин "латы" означал различные части военной одежды, существовали доспехи "для головы", "для рук". Каждая часть была, таким образом, самостоятельной, что подтверждают счета оружейников, которым заказывали снаряжение по отдельности: доспехи для ног, доспехи для рук или латную рукавицу.

В описи Амбуазского замка "защита головы" значит как экипировка для головы, или, более точно, кольчужный нашейник "с позолоченным краем". Реверсо считает, что речь идет о ковчежце: по его мнению, упоминание "позолоченного края" может относиться либо к оковке, окружающей ковчежец Жанны, либо к рядам колец из латуни, которые обрамляли нашейник. Был распространен и салат, другой вид шлема; он состоял из маленького подвижного забрала и немного выступающего назатыльника, а наверху он заканчивался выступающим гребнем. Жанна носила также шлем с широкими бортами, который был необходим во время штурма крепостей. Но современники также отмечали, что она часто ходила с непокрытой головой, и это неудивительно, поскольку военачальники высшего ранга надевали простой капюшон или шляпу.

Жанна носила военную одежду восточного покроя, сделанную из прямоугольных металлических пластин (обычно стальных), тонкую металлическую цепочку и "бригандин" – жилет, внутри которого находилось множество маленьких металлических пластин, соединенных заклепками, чьи головки составляли геометрический рисунок. Правая рука имела более легкую защиту, чем левая, для того чтобы можно было держать копье или меч; левая же, напротив, была согнута, чтобы держать уздечку. Доспехи были отделаны в "тонком и строгом" стиле, отвечающем "эстетическому идеалу эпохи, абстрагирующемуся от функциональных соображений и (отражающем) обостренный дух изящной готики".

В XV веке искусными оружейниками считались миланцы, и во всей Европе мы находим один и тот же тип вооружения. Кристина Пизанская неоднократно упоминает о доспехах, которые Карл V заказывал в Милане – в документах, хранящихся в архивах Датины, приводится множество подробностей, касающихся изготовления таких доспехов.

Копьеносцы и лучники, словом, все пехотинцы носили камзол "жак" – одежду из холста и кожи с застежками спереди – или "бригандин", на ногах у них были доспехи, а на голове – салат. Сражались они дротиками, или рогатиной, или же секирой, стараясь пробить доспехи противника.

V. Мечи Жанны д'Арк

Из документов процесса по отмене приговора известно, что Бодрикур вручил Жанне меч, когда она уезжала из Вокулёра.

"Кроме того, она признала, что при отъезде из вышеназванного города Вокулёра она была в мужском костюме, носила меч, который ей дал Робер де Бодрикур, другого оружия не имела. Ее сопровождали рыцарь, оруженосец и еще четверо слуг".

Затем она послала за другим мечом, который находился за алтарем церкви

Сент-Катрин-де-Фьербуа.

"Она еще сказала, что когда была в Туре или в Шиноне, то посылала за мечом, зарытым в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа, за алтарем, и вскоре после этого его нашли там, и был он весь проржавевший". На вопрос о том, как она узнала, что меч находится именно в этой церкви, она ответила:

"Этот меч лежал в земле, весь проржавевший. На нем было выгравировано пять крестов; то, что меч находится там, она узнала от своих голосов, но никогда не видела человека, который пошел за вышеупомянутым мечом, и она написала священнослужителям этой церкви, чтобы они были так любезны и отдали ей этот меч, и они его ей послали... Этот меч был неглубоко зарыт в землю, и священнослужители тут же выкопали его и очистили от ржавчины... На поиски меча отправился оружейных дел мастер из Тура... а священнослужители церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа подарили ей ножны, равно как и жители Тура; таким образом, у нее было двое ножен: одни из ярко-красного бархата, другие из золототканого полотна, а сама она заказала ножны из крепкой кожи, очень массивные... Когда ее схватили, при ней был не этот меч, а меч, который она взяла у одного бургундца".

У нее был меч, "который она взяла у одного бургундца". Здесь идет речь о третьем мече Жанны. Известно, что у нее был и четвертый меч, захваченный у бургундцев вместе с другим оружием. Этот меч она принесла в дар аббатству Сен-Дени. На вопрос о том, где она его оставила, Жанна ответила, "что принесла в дар аббатству Сен-Дени меч и доспехи". Ее засыпали вопросами о мече из церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа. На них она отвечала, "что не следует дознаваться, что она сделала с мечом, найденным в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа, что это не имеет отношения к процессу и что сейчас она не будет отвечать на этот вопрос". Знали, что герцог Бургундский прислал ей кинжал после освобождения Орлеана, а "город Клермон преподнес ей два меча и кинжал".

Некоторые свидетели процесса по отмене приговора утверждали, что однажды она сломала свой меч о спину девушки из Оксера или Сен-Дени, но Луи де Кут категорически опровергает это в своих показаниях.

"Она не хотела, чтобы в армии находились женщины, и однажды около Шато-Тьерри, увидев девицу, прогнала ее, пригрозив мечом, но она не ударила ее, ограничившись тем, что мягко и сдержанно посоветовала ей не появляться больше среди воинов, иначе она, Жанна, примет против нее меры".

Сохранились ли действительно реликвии Жанны д'Арк? Часто упоминают меч, находящийся в Дижоне, на котором выгравированы имя Карла VII, название города Вокулёра, а также гербы Франции и Орлеана. Тщательное исследование позволило сделать вывод, что этот меч был изготовлен в XVI веке членами лиги, в которой царил настоящий культ Жанны.

VI. Язык Жанны д'Арк и ее современников

Вспомним, что на вопрос Сегена Сегена, одного из судей на процессе в Пуатье: "На каком языке говорит ваш голос?" – она ответила: "На языке, который лучше, чем ваш". Сеген Сеген уточняет, что сам он говорил на диалекте Лимузена с сильным акцентом.

Об особенностях языка Девы мы узнаем из показаний свидетелей на оправдательном процессе. Жан Паскерель, ее духовник, приводит ее обращение к Гласдейлу: "Glasidas, rends-ti, rends-ti au roi du ciel" (Гласидас, сдавайся! Сдавайся Небесному королю!) – "ti" вместо "toi". Из письма от 16 марта 1430 года к жителям Реймса явствует, что Жанна произносила "ch" (ш) вместо "j" (ж) или "u" (и). Так, клерк, не расслышав "joueux" (веселый) написал "choeux" (изнеженный); затем, памятуя об акценте Жанны, он зачеркнул слово и написал его правильно. Что касается употребляемых Жанной слов "en nom De" (au nom de Dieux – во имя Бога), о чем упоминали Эмон де Маси и Колетт, жена Милле, то это выражение типично для жителей Лотарингии; а Дюнуа говорит: "fille De", т. е. "fille de Dieux" (дочь Божья).

Следовательно, Жанна говорила на французском языке, но с лотарингским акцентом (этот акцент сохранился и ныне). В Лотарингии к концу слова прибавляли "i" (и), а "e" (э) произносили "e" (е). Домреми – "пограничная марка" в долине верхнего Мёза. Независимо от того, входила ли она в состав Французского королевства или Империи, эта область оставалась французской – и по нравам, и по языку, а говор ее жителей, ее культура и искусство испытывали сильное влияние провинции Шампань.

Начиная с XIV века, вносит уточнение Филипп Контамин, разговорная речь жителей Парижа и Иль-де-Франса получает наибольшее распространение среди знати. Именно этот язык вскоре стал языком официальных королевских документов. На севере говорили на языке ойль, а на юге на языке ок. Некоторые районы сохранили свои собственные идиомы, например Бретань, Гасконь, Страна Басков; во Фландрии, в Булонэ и в Калези говорили на фламандском языке. На юге в противовес классической латыни получил распространение романский язык, или вульгарная латынь (разговорная речь). В Лимузене говорили на "лемози", а в Провансе на "пруенсаль" в отличие от языка короля, то есть французского языка. В XIV веке на юге говорили на латыни, а в XV веке она сохраняется в юридических актах и некоторых других документах.

В Англии унификация языка происходит на основе лондонского диалекта. Начиная с нормандского завоевания и вплоть до XIV века здесь говорят на искаженном французском, на англо-нормандском, но в XIV веке ситуация меняется. В 1300-1324 годах неизвестный автор книги "Cursor mundi" заявляет: "Я писал эту книгу из любви к английскому народу, чтобы ее читали на английском языке... Оставим каждому его язык, это никому не принесет вреда". Перелом произошел при Ланкастерах, которые отныне говорят только по-английски. Еще Эдуард III требовал, чтобы судебные процессы велись на английском языке, а затем протоколы составляли на латыни: в 1363 году впервые Парламент в Вестминстере вел заседания на английском языке. Следующий король Ричард II говорит по-английски, но еще прекрасно понимает французский язык. Позже всех начнут употреблять английский язык в своих сделках пивовары Лондона – лишь с 1422 года.

Таким образом, Франция и Англия говорят на собственном языке. Например, Генрих V приказывает перевести на английский язык договор, заключенный в Труа, чтобы с ним ознакомились в Англии; вместе с Солсбери он сообщает лондонским буржуа по-английски об одержанных победах и просит предоставить субсидии. Объясняя, что его поражения вызваны вмешательством Девы, Бедфорд пишет письмо к Генриху VI на английском же языке, но употребляет много французских слов.

В военных документах формулировки меняются в зависимости от того, были ли они написаны в Англии английским писарем или же во Франции, где французский писарь пишет то, что слышит. Употребление национального языка не четко определено в договоре, заключенном в Труа, но подразумевается, что оно облегчит "отношения завоевателей с побежденным населением и пощадит его самолюбие. Оно позволит легко найти на месте чиновников и писарей, а не приглашать их из Англии". Таким образом, в английских армиях иногда встречаются французские писари. Во Франции в военных документах англичане употребляют французский язык и офранцуживают свои имена: John of Pothe становится Jehan Avothe, затем John Abote. У потомков соратников Вильгельма Завоевателя такие имена, как, например, William, Alexandre, John, Pole, становится La Poule, de la Poule.

Другой пример смешения французского, английского и англо-нормандского языков – это язык, употребляемый дворецким Варвика в Руане в 1431-1432 годах. В его ежедневных записях и счетах мы находим сведения о людях, сидевших за столом Ричарда Бошана.

Широко распространена гипотеза, согласно которой, не вмешайся Жанна, "французский язык имел бы больше шансов задушить только что зарождающийся английский язык". Она не имеет под собой оснований. Как отмечает Франсуа де Суденберг, французский язык, кроме всего прочего, был языком геральдики и стал языком дипломатии, именно поэтому он являлся языком двора, знати и крупной буржуазии.

VII. Пленение Жанны д'Арк у Компьеня

Стала ли Жанна д'Арк жертвой предательства у Компьеня 23 мая 1430 года? Иначе говоря, умышленно ли приказал Гийом де Флави поднять мост, чтобы она не сумела скрыться? Можно также задать вопрос, насколько в действительности угрожала опасность городу Компьень и обязательно ли Флави нужно было "захлопывать дверь" перед Жанной? По мнению Александра Сореля, которое он высказал в своей работе "Пленение Жанны д'Арк у Компьеня и история осад этого города", опубликованной в 1889 году, Гийом де Флави – предатель. Однако в 1934 году выходит книга Ж.-Б. Мэтра, в которой он утверждает: "Гийом де Флави не предавал Жанну д'Арк". Что же случилось на самом деле?

В 1430 году жители Компьеня без радости смотрят в будущее: между 1415 и 1430 годами им пришлось выдержать восемь штурмов. Город будет еще взят арманьяками, затем бургундцами и англичанами. Поразмыв, жители Компьеня решили "служить королю верой и правдой". Нетрудно понять, что, находясь в плену, Жанна испытывает добрые чувства к жителям Компьеня, выказавшим верность королю Карлу, и хочет защитить их.

Узнав о победах в Орлеане и в Пате, а затем о миропомазании в Реймсе, жители Компьеня изгнали английский гарнизон и послали ключи от города Карлу VII и Деве. На место убежденного сторонника бургундцев аббата из Сен-Корнея Жана Дасье они поставили Филиппа де Гамаша, аббата из Сен-Фарон-де-Мо; одного из нотаблей¹¹⁸, Будона де Ла Фонтена, обвиненного в сговоре с бургундцами, жители просто изгнали.

В мае 1430 года бургундцы решили перейти на сторону англичан, и 23 апреля юный король Генрих VI высадился в Кале, прибыв туда с флотом, состоящим из 47 кораблей, на борту которых находилось более 2 000 человек. Его сопровождали кардинал Винчестерский, герцог Норфолкский, Хантингтон, Варвик, Стэффорд, Арундель и другие. Епископ Пьер Кошон был специально послан встречать короля в Кале. К этому же времени относится возобновление военных действий англичан и бургундцев; Карл VII пишет герцогу Савойскому, что хочет предложить своему кузену Филиппу Бургундскому сепаратный мир, и предлагает снова встретиться в Оксере 1 июня. Он очень скоро понял, что англичане к миру не стремятся, – ведь они не отпустили во Францию, как договорились ранее, герцогов Орлеанского и Бурбонского и графа д'Ё. Компьень и Крей также не были возвращены Жану Люксембургскому.

В то время как английская армия осаждает Пон-а-Шуази, Жанна входит 13 мая в Компьень, где ее со всеми почестями встречают эшеваны. В ее распоряжении – 2 000 человек, и она, как всегда, предлагает застигнуть англичан врасплох. 15-го числа на рассвете предпринимается атака, эффект внезапности играет не последнюю роль; но тем не менее войско вынуждено отступить к Компьеню. Жанна решается тогда на новую вылазку: перерезать линию сообщения Урсан – Семпини – Нуайон и разобщить силы англичан. С этим намерением она отправляется в Суассон, но Гишар Бурнель не разрешает отрядам Жанны войти в город, и они вынуждены разбить лагерь в поле. Ранее Бурнель провел переговоры с Жаном Люксембургским и привлек на свою сторону епископа города Реньо де Фонтена. После прибытия Жанны он отдает Суассон Жану Люксембургскому за 4 000 золотых салю.

Будучи не в состоянии перейти реку Эну по каменному мосту Суассона, Жанна, обманутая Бурнелем, в ярости вынуждена повернуть к Компьеню и направиться в Крепи-ан-Валуа. Со своей стороны Филипп Добрый не сидит сложа руки и наводит временный мост через Уазу. Его армия разбивает лагерь напротив Компьеня, на северном берегу, и начинается осада города.

Обеспокоенная Жанна отправляется в путь вечером 22 мая и пробирается через лес.

¹¹⁸ Нотабли – во Франции XIV-XVIII вв. представители высшего духовенства, придворного дворянства и городских верхов, члены созывающегося королем собрания нотаблей. В отличие от депутатов Генеральных штатов нотабли не избирались сословиями, а назначались королем.

Утром она выходит к Компьеню. Ее схватят, когда она попытается уйти к Марни. Чтобы понять, что способствовало взятию Жанны в плен, надо знать характер местности и план города в XV веке.

Итак, 23 мая она выходит, чтобы сразиться с англичанами, но видит перед собой более многочисленную армию, чем предполагала. Тогда она отдает приказ отходить и укрыться за крепостными стенами. Ворота закрыты, но какие ворота?

Перед Жанной закрыты не ворота города, а ворота моста или, более точно, ворота валов. Таким образом, перед Гийомом де Флави вопрос спасения города не стоял столь остро.

Компьень очень хорошо подготовился к защите; артиллерия, установленная на его стенах, мощная укрепленная башня, а также ворота Нотр-Дам, мост шириной 150 метров, перекинутый через Уазу, являлись надежными средствами обороны. Существовали также крепостной вал, рвы с водой, а также частокол перед рвом. Именно за этим последним укреплением Жанна и не смогла найти убежища. Стоит напомнить, что вал, преграждающий вход на мост, был сооружен из бруса, земли и соломы и представлял собой достаточно эффективную преграду, поскольку ядра отскакивали от него рикошетом или падали на него, не принося никакого вреда.

Существуют три свидетельства, которые заставляют полагать, что Гийом де Флави предал Жанну. В "Хронике Фландрии" есть такая запись:

"С тех пор некоторые говорят и утверждают, что, выполняя желание военачальников Франции, некоторые члены Королевского совета, благорасположенные к Филиппу Бургундскому и монсеньору Жану Люксембургскому, нашли предлог умертвить вышеназванную Деву на костре".

В "Хронике Генриха Токена" читаем следующее:

"Из-за предательства военачальников, которые не могли перенести, чтобы главенствовала девица и чтобы победа, которую они жаждали, вновь досталась ей, ее в конце концов продал англичанам Лотарингский бастард (sic!), который предательством взял ее в плен".

Третье свидетельство принадлежит адвокату Раппиу, который смело высказался на заседании Парижского парламента:

"Не уверен, что Гийом де Флави закрыл бы ворота Жанне Деве, не получив 30 000 желаемых экю, из-за чего она была схвачена, говорят также, что, закрыв вышеназванные ворота, он получил несколько слитков золота".

Этот адвокат, которому не был предъявлен иск, намекал на суммы, выплаченные герцогом Бургундским Гийому де Флави, чтобы добиться от него сдачи Компьеня.

Очень серьезный аргумент выдвинул Ж.-Б. Мэтр. Он считал, что капитан Компьеня был человеком, который "спас" свой город от бургундцев. Таким образом, он полагает, что необходимость защиты города оправдывает де Флави. На самом деле Гийомом де Флави двигало не что иное, как личный интерес: избавившись от Девы, он начал защищать город, который избрал столицей своего жалкого княжества.

К тому же Жан Шартье считает, что вдохновителем героической защиты Компьеня от англо-бургундцев был Филипп де Гамаш. Очевидно, Ж.-Б. Мэтр плохо изучил вопросы обороны города. В действительности – и мы думаем, что это веский аргумент, – опасности не было; даже если бы первые ворота остались открытыми, Жанна сумела бы найти убежище. И даже, на худой конец, если бы эти ворота оказались взяты, защита города была бы все равно обеспечена.

VIII. Жанна д'Арк – побочная дочь короля

Каждый год выходят в свет одно-два издания, объявляющие при поддержке широкой рекламы, что наконец-то обнаружены новые документы, позволяющие утверждать, что Жанна д'Арк не была сожжена, что она внебрачная дочь Изабеллы Баварской и Людовика

Орлеанского, то есть сестра Карла VII. Безудержная фантазия толкает на инсинуации, согласно которым она совершила побег, а Кошон, Бедфорд, Варвик сделали все возможное, чтобы ее не сожгли и на костер возвели кого-то другого, и так далее и тому подобное...

"Я, Жанна-послушание", или "Жанна д'Арк и мандрагора", или же "Секрет Жанны д'Арк, Орлеанской Девы" – все эти книги не отличаются оригинальностью и повторяют друг друга. Одни воспроизводят псевдодоказательства XVII и XVIII веков, другие – утверждения некоего Пьера Каза, супрефекта Бержерака, который скуки ради выпустил в свет в 1805 году книгу, в которой Жанна д'Арк впервые была объявлена незаконнорожденной дочерью Изабеллы Баварской.

Но вернемся к теме побега. Известно, что Клод дез Армуаз выдавала себя за Жанну и что на некоторое время ей удалось ввести многих в заблуждение. В 1436 году орлеанцы, до которых дошли слухи об этой женщине, посылают в Арлон гонца Кёра де Ли. Он отправляется в путь 31 июля и возвращается 2 сентября. Между тем брат Жанны Жан Малыш, прибывший в Орлеан 5 августа, заявляет, что привез новости от своей сестры; ему устраивают обед, после чего он отправляется к королю в Лош. 21 августа он возвращается в Орлеан, жалуясь, что ему выдали не 100 франков, как приказал король, а всего лишь 20. Тогда орлеанцы выплачивают ему скромную сумму в 12 франков. В Орлеане принимают также другого гонца, посланного непосредственно "Жанной". Речь идет о посланнике Флёр де Лисе, который появляется в Орлеане 9-го, а затем и 25 августа. "Хроника настоятеля Сен-Тибо-де-Мец" рассказывает нам о необычайных приключениях этой Клод:

"В 1436 году господин Филиппен Марку был старшим эшевенем города Меца; в этом же году числа двадцатого мая Жанна Дева, которая была во Франции, прибыла в Гранж-оз-Орм, около Сен-Прива; она туда приехала, чтобы переговорить с несколькими знатными горожанами Меца, называла она себя Клод, и в этот же день туда прибыли два брата Девы, один из которых, Пьер, был рыцарем, а другой, Жан – оруженосцем. А они думали, что она была сожжена, но когда увидели ее, то узнали, и она тоже их узнала. (Затем) Клод дез Армуаз встретила господина Пьера Лува, советника герцога Бургундского, который дал ей коня, (и) ее воинская свита была дополнена сеньором де Буле и неким Николем Гронаром, который передал ей меч".

Хронист повествует, что эта "Жанна" говорила иносказательно, что она уехала из Меца в Арлон вместе с сеньорой Люксембургской, так как она жила в Меце, где вышла замуж за рыцаря Робера дез Армуаза.

Некоторые авторы не колеблясь отождествляют герцогиню Люксембургскую с той, которая находилась с Жанной во время ее пленения в Боревауре. Эта "сеньора Люксембургская" была Елизаветой, дочерью Жана Люксембургского, герцога Гёрлитского. Таким образом, она была племянницей герцога Бургундского; ее нельзя путать с Жанной Люксембургской, умершей незамужней, еще до казни Жанны д'Арк, в 1430 году. Следует также подчеркнуть, что "Хроника настоятеля Сен-Тибо-де-Мец" была переписана; и автор, переписавший хронике, дает такое толкование:

"В этом году появилась молодая девушка, которая называла себя Девой Франции и так играла свою роль, что многие были введены в заблуждение, главным образом все пожилые люди".

Так называемая Жанна, чья жизнь полна авантюрных приключений, вновь появляется в Трире и высказывает свое мнение о двух церковниках, оспаривающих друг у друга епископство. Затем по наущению графа Вюртембергского она отправляется в Кёльн – об этом мы узнаем от инквизитора Жана Нидера, наставника доминиканцев Нюрнберга, а затем Базеля, доктора Венского университета и автора учебника инквизиции "Formicarium". Нидер рассказывает, как двое его коллег оспаривали друг у друга архиепископский престол Трира. Лже-Дева "гордилась тем, что она может и хочет, как это сделала когда-то Жанна Дева для короля Франции, возвести одного из них на престол. Более того, эта самая Жанна говорила, что она послана Богом".

Но эта "Жанна" была не в ладах с инквизитором Кёльна, Генрихом Кальт Эйзенем, который вызвал ее в суд. Жан Нидер уточняет: представ перед восхищенной публикой, она сделала несколько манипуляций, как если бы разбивала стакан – и стакан остался цел, или же как будто разрывала материю – и материя осталась целой. Граф, который ей покровительствовал, не задерживал ее долго в Кёльне – инквизитору совсем не нравились ее выходки. По словам того же Нидера, лже-Дева вышла замуж за рыцаря Робера дез Армуаза. Он рассказывает и другую легенду, согласно которой она сожительствовала с одним священником, но эта история представляется совсем уж неправдоподобной. Достоверно то, что она вышла замуж за Робера дез Армуаза, сеньора де Тишемоно, после сентября 1436 года. Об этом человеке, чья семья была родом из Шампани, известно немного. Сам Робер дез Армуаз, несомненно, жил в Меце и Люксембурге, так как находился в изгнании. Он отдал свою вотчину Норруа в чужие руки без согласия на то Рене Анжуйского, поэтому имущество его конфисковали в 1435 году, и он больше не был сеньором де Тишемоно, хотя продолжал носить этот титул; его замок достался Жефферею д'Апремону.

Вполне вероятно, что Робер дез Армуаз искал убежища в двух районах, враждебных герцогу Рене. Свадьбу Робера и Клод датируют 7 ноября 1436 года. Теперь Клод называла себя Жанной. В течение двух лет о ней не было слышно, но затем в 1439 году она объявляется в Орлеане. Ее принимают там 18 июля, в ее честь дано пиршество с вином. 1 августа ей вручают денежную сумму за "благо, оказанное ею городу во время осады". Внезапно она исчезает, когда готовится обед в ее честь. Заставило ли ее покинуть город известие о прибытии короля, пришедшее в этот же день? Как бы то ни было, она бежит к Жилю де Лавалю, сеньору де Ре, который берет ее с собой на войну. В 1440 году Жиль де Ре плохо кончит: после ареста он будет повешен и сожжен.

В "Дневнике парижского горожанина" утверждается, что сеньора дез Армуаз отправляется после этого в Париж. Кое-кто начинает твердо верить, что она – Дева, но Клод признает свое самозванство перед собранием богословов Парижского университета. Кем она была разоблачена – Парижским университетом, королем или Парижским парламентом, – неизвестно. Несомненно одно: начиная с 1440 года о Клод-Жанне дез Армуаз больше не слышно.

Многие задаются вопросом, почему один из братьев Девы, Жан Малыш, сразу же "узнал" сестру и следовал за ней с 20 мая до начала сентября 1436 года – с этого момента около Клод дез Армуаз больше не видно никого из членов семьи Жанны. Можно предположить, что какое-то время Жан рассчитывал использовать эту авантюристку, чтобы выпросить у короля денег и попытаться обогатиться за ее счет.

Другой ее брат, Пьер, следовал за Девой в течение всего ее славного пути; он был схвачен при Компьене одновременно с ней и, оставаясь долгое время в плену у англичан, разорился, заплатив выкуп. Лишь в "Хронике настоятеля Сен-Тибо-де-Мец" упоминается о том, что он узнал так называемую свою сестру. Впоследствии он переехал в Орлеан, где герцог Орлеанский подарил ему Иль-о-Бёф, расположенный напротив Шеей, выше города, тем самым возмещая ущерб, понесенный им, когда, находясь в плену, он был вынужден продать приданое своей жены, чтобы заплатить выкуп. Пьер дю Лис живет в замке Бажено, в 1450 году он снова получает от герцога Орлеанского денежное вознаграждение и в 1452 году строит дом в Орлеане. Наконец, в 1454 году ему назначена ежегодная пенсия в 61 ливр, которая выплачивается регулярно; после его смерти ее получает его сын Жан. Пьер был вместе со своей матерью, когда начался процесс по отмене приговора.

Что касается Жана, который узнал так называемую свою сестру, то после попытки получить от короля денежную сумму он вскоре вернулся домой, в Домреми или в Сеффон; он женился на собственной племяннице, дочери своего старшего брата Жакемэна д'Арка, жившего в Вутоне. В 1452 году Жан дю Лис, как он себя называл, был назначен судьей Вермандуа и наместником Шартра, должность весьма важная. В 1457 году на его место назначают другого, но зато он получает наместничество в Вокулёре, недалеко от Домреми. Он занимал эту должность в течение десяти лет, и, когда наместничество перешло к Жану,

Каланскому Бастарду, сыну герцога Лотарингского, ему было уже за шестьдесят, и он отошел от дел, получив вознаграждение в 25 ливров. Жизненный путь этого человека – отнюдь не карьера бедного простофили. Да, в течение почти трех месяцев он был сообщником Клод дез Армуаз, но впоследствии, похоже, отдал много сил делу по отмене приговора, вынесенного его сестре, он также собирал доказательства ее невиновности как в Париже, так и в Руане. После отмены приговора он потребовал отдать его текст, точнее, его копию.

Были и другие авантюристки, которые не раз пытались выдать себя за Жанну д'Арк. Из грамоты о помиловании (опубликованной Лекуа де Ла Маршем), датированной февралем 1457 года и жалованной некоей Жанне де Сермез, жене некоего анжуйца по имени Жан Дуйе, известно, что она находилась в тюрьме Сомюра в течение трех месяцев, поскольку ее случайно приняли за Жанну Деву. Грамота о помиловании жалована королем Рене. Существует еще один документ, который подтверждает, что в эпоху Жанны люди были не глупее наших современников, умели отличать правду от фальши.

Но сторонников чудесного спасения Жанны не смущают противоречия. Некоторые, например Жан Гримо, пишут, что хронист Монстреле "просто замалчивает такие события, как пленение и смерть Жанны". Таким образом, он хочет доказать, что по крайней мере бургундцы не поддались на обман. Но ничуть не бывало; напротив, хронист описывает ее пленение: Жанна "была приведена, связанная по указанию вышеназванного суда, на площадь Старого рынка в Руане и была сожжена при всем честном народе... После казни вышеназванный король Англии известил в письмах, как сказано, вышеназванного герцога Бургундского, чтобы сие справедливое действие во имя его, равно как и других государей, было оглашено во многих местах и чтобы их подданные отныне были бы более уверены и лучше осведомлены и не доверяли этим и подобным ошибкам, которые случились из-за названной Девы".

Все знали о смерти Жанны; так, в "Дневнике парижского горожанина" отмечается:

"В день святого Мартина зимнего устроили общее шествие, посвященное святому Мартину, покровителю полей, и была проповедь, и читал ее брат ордена святого Доминика, который был инквизитором веры... и говорил он о всех деяниях Жанны Девы до ее казни на костре... к такой смерти она была приговорена светским судом".

Наконец, нельзя не учитывать официальный документ Кошона и помощника инквизитора Лемэтра, обвиняющий доминиканца Пьера Боскье, заявившего, что судьи поступили недостойно, обвинив Жанну в ереси и отдав ее в руки светского правосудия. Можно ли игнорировать официальный документ, исходящий из Парижского университета, адресованный папе и составляющий часть обвинения и приговора Жанны? С другой стороны, Генрих VI разослал письма через восемь дней после казни королям, герцогам и другим правителям христианских народов, в которых сообщил им об обвинении и казни Жанны. 28 июня 1431 года он оповещает об этом "прелатов, герцогов, графов и других вельмож, а также города его королевства во Франции". И разве не Кошон, желая оградить себя от пересудов, просит официальных грамот, подписанных в королевской канцелярии Англии, разрешающих взять "под свое покровительство всех тех, кто участвовал в процессе, обвиняющем Жанну и передавшем ее в руки светского правосудия"? Можно ли не принимать во внимание показания свидетелей процесса по отмене приговора, которые под присягой заявили, что присутствовали при казни: Пьера Кюскеля, Л. Гедона, Ж. Рикье, Гийома де Ла Шамбра, епископа Нуайона, Жана де Майи, а также нотариусов Гийома Маншона, Гийома Колля, Никола Такеля? Можно ли игнорировать свидетельства брата Мартена Ладвеню, брата Изамбара де ла Пьера или Жана Массье? Как можно видеть в процессе над Жанной только шумный маскарад, устроенный Изабель Роме, безутешной матерью Жанны, требующей отмены приговора своей дочери, сожженной англичанами? Могла ли церковь, оправдывая ее устами папы Каликста III, совершить клятвопреступление, заявив, что Жанна была сожжена?

Но авторы книг о спасении Жанны не обращают внимания на подобные факты. По их

мнению, Жанна спаслась бегством, а на площади Старого рынка в Руане утром 30 мая 1431 года была казнена другая женщина. Ведь, утверждают они, ее лицо было закрыто. Все это свидетельствует о полном незнании эпохи; в документах говорится, что на ней был колпак и что ее подняли достаточно высоко, дабы все удостоверились: это – женщина и она мертва. Тогда, настаивают они, Жанна, Бедфорд – и Варвик впридачу – спаслись бегством через подземный ход. К несчастью, при раскопках замка в Руане этот "таинственный" подземный ход не был обнаружен. Но этот факт не принимается ими во внимание, и они придумывают подземный ход, опираясь на одну из записей процесса: "Quod dux Bedfordiae erat in quodam loco secreto ubi videbat eamdem Johannam visitari". "Loco secreto" превращается в "подземный ход". А фраза, на самом деле означающая: "У герцога де Бедфорда было укромное место, где он мог принимать Жанну, которая наносила ему визиты", приобретает совсем другой смысл: "...подземный переход, ведущий из застенков в жилище регента".

Мысль о том, что Жанна была побочной дочерью Изабеллы Баварской, появляется, вероятно, в XIX веке, ее все время подхватывают и опровергают. Однако, как и лохнесское чудовище, она вновь и вновь возникает. По одной из версий Изабелла Баварская была якобы любовницей Людовика Орлеанского, своего деверя, от которого родила дочь, помещенную в Домреми, в семью д'Арк, с самого рождения. Но ведь на герцога Орлеанского было совершено покушение 7 ноября 1407 года. Сторонники этой версии не смущаясь относят рождение маленькой Жанны к этому времени; в момент процесса ей должно было быть двадцать четыре года, а не девятнадцать, как она сама утверждает. Следовало представить, будто ребенка зачали до 23 ноября 1407 года, дня смерти Людовика Орлеанского. А Изабелла родила 10 ноября 1407 года сына, названного Филиппом, который вскоре скончался. Летописец, священник из Сен-Дени, записывает: "Накануне дня святого Мартина зимнего, около двух часов пополуночи, августейшая королева Франции родила сына... Этот ребенок прожил совсем немного, и близкие короля успели лишь дать ему имя Филипп и окрестить его". Вот еще документ, который игнорируют сторонники этой версии.

Утверждая, что Жанна была побочной дочерью Изабеллы Баварской, Деву обвиняют прежде всего в клятвопреступлении. Во время обвинительного процесса она клянется на Евангелии, когда ее специально спрашивают, где она родилась, как зовут ее отца и мать, и она отвечает, "что ее отца зовут Жак д'Арк, а мать Изабелеттой". Она говорит также, что родилась в Домреми. Обвиняя Жанну в клятвопреступлении, они обвиняют и Изабель Роме, а весь процесс просто подвергают осмеянию. Принося торжественную клятву, Изабель Роме требует отмены решения руанского суда в отношении "своей дочери от законного брака".

Нельзя забывать и о свидетельствах кумовьев, соседей на этом же процессе: все показали, что Жанна родилась в Домреми, в семье Жака д'Арка и Изабель Роме. Эти же псевдоисторики утверждают, будто все были посвящены в тайну, не говоря уж о Карле VII, герцоге Алансонском, или Дюнуа, или же Бертроне де Пуленжи, который сопровождал Жанну из Вокулёра в Шинон.

Разве, пишут они, оружие, которое подарили Жанне, не свидетельствует о факте ее побочного рождения? Но ведь меч никогда не рассматривался как особый знак. Если это оружие дарят Жанне, почему тогда такое же вручают "псевдобратьям"? Может быть, они тоже королевской крови?

Все доводы псевдоисториков не заслуживают того, чтобы на них долго останавливаться. Пока не будут обнаружены документы, подкрепляющие подобные доводы, не следует придавать им значение.

IX. Освобождение от налогов жителей Домреми и Грё

Жанна д'Арк просит короля Карла VII освободить от налогов жителей ее родного прихода, то есть Домреми и Грё. Ее просьба удовлетворяется 31 июля 1429 года. Официальный документ об освобождении от налогов до нас не дошел, но, по словам Шарля дю Лиса, товарища прокурора при суде, решающего спорные дела о сборах и налогах эпохи

Людовика XIII, лотарингским крестьянам пришлось бороться за свою привилегию. Читаем запись от 6 февраля 1459 года:

"В реестре счетной палаты эти две деревни вызволены из такой зависимости с замечанием: "благодаря Деве", а в реестре податей Домреми и Грё читаем: "Свободны, Дева".

Копия подлинного документа, датированная 1769 годом, сохранилась в Национальном архиве. Он озаглавлен: "Жалованная грамота Карла VII, освобождающая от налогов жителей Домреми и Грё. 31 июля 1429 года". Вот текст этой грамоты:

"Карл, милостью Божьей король Франции. Бальи Шомона, выборщикам и чиновникам, ведающим сборами, податями, налогами и пошлинами в вышеназванном судебном округе, всем другим судьям и должностным лицам или же их наместникам привет и любовь. Знайте, что Мы по милости и по просьбе нашей любимой Жанны Девы и за великие, высокие, благородные и полезные услуги, которые она нам оказала и оказывает каждодневно для восстановления наших владений, оказали и оказываем особую милость настоящими грамотами вилланам и горожанам Грё и Домреми, вышеназванному округу Шомон-ан-Бассиньи, откуда родом вышеназванная Жанна, чтобы они отныне были свободными... и не облагались пошлинами, налогами и сборами, которыми облагался и которые должен был бы платить этот округ. Мы сообщаем и предписываем каждому из вас, что по Нашей милости вы освобождаете, избавляете и не облагаете податями вышеназванных вилланов и горожан и даете им полное право пользоваться дарованным, не прибегая сами и не позволяя прибегать другим ни к каким уверткам или злоупотреблениям ни сейчас, ни в будущем; и в случае если вышеназванные вилланы будут обложены вышеуказанными податями и налогами. Мы желаем, чтобы каждый из вас имел право освободить их от этого. Ибо Мы того хотим и желаем вопреки некоторым ордонасам, ограничениям или запретам и предписаниям.

Совершено в Шиноне, в последний день июля года 1429 от Рождества Христова и седьмого года Нашего царствования.

Именем короля с его согласия, Бюд".

Здесь упоминается Шинон, но, по всей вероятности, король в это время находился в Шато-Тьерри. В бумагах, хранящихся в Национальном архиве, приписка с подписью королевского нотариуса Вивеню была сделана после снятия копии с этого документа. В копии, датированной 8 ноября 1769 года, указывается, что запись, касающаяся жителей Грё и Домреми, сверена с подлинником. Жители Домреми заявили протест, так как если их соседи из Грё были освобождены от налогов, то они сами не пользовались этой привилегией в течение почти двух веков. Генеральному интенданту Лотарингии пришлось впоследствии давать объяснения, что "деревня Домреми отошла к герцогам Лотарингским, кои являлись также герцогами де Бар и, таким образом, была отделена от провинции Шампань". В 1771 году сослались на эдикты 1614 и 1634 годов:

"...Пусть потомки братьев Орлеанской Девы, имеющие дворянский титул, и в будущем будут пользоваться привилегиями дворянства, дворянский титул будет передаваться их потомкам по мужской линии, даже тем, кто получил Наши жалованные грамоты суверенных дворов; но те, кто до настоящего времени не получил дворянский титул, не будут пользоваться никакими привилегиями. Так же и дочери и жены от потомков братьев Орлеанской Девы не передадут дворянства своим мужьям".

Статья VII эдикта 1634 года гласила, что "потомки братьев Орлеанской Девы, возведенные в дворянство и имеющие в настоящее время дворянский титул, будут пользоваться привилегиями дворянства и их потомство по мужской линии будет носить дворянский титул. Но те, кто не получил в настоящее время дворянского титула, не будут пользоваться никакими привилегиями; так же как и дочери и жены потомков от братьев Орлеанской Девы не передадут дворянства своим мужьям".

Принимая во внимание эти два довода, в 1771 году выносится решение, согласно которому отмена освобождения от налогов эдиктами 1614 и 1634 годов правомерна... 18

февраля 1776 года, спустя два года после восшествия на престол Людовика XVI, принимается еще одно решение:

"Просьба жителей Домреми была уже отклонена в 1771 году, так как эдикты 1614 и 1634 годов ограничивали привилегии, данные семье Девы. Не представляется необходимым, чтобы жители деревни, в которой она родилась, пользовались большими милостями. Исходя из этих же соображений... совсем недавно совет отказался удовлетворить просьбу подтвердить привилегии, которые просили восстановить жители Грё при восшествии Его Величества на престол. Таким образом, жители Домреми больше не будут взирать с завистью на это различие, которое лишь увеличивало их тщетные претензии без всякого на то основания".

В то же самое время, что и жители Домреми, жители Грё требовали подтверждения своих привилегий. Интендант Шампани Буйе д'Орфёй пишет в Париж 15 сентября 1775 года, основываясь на тех же документах: привилегии были подтверждены при восшествии на престол Людовика XI, Карла VIII и Франциска I, затем жалованными грамотами Генриха II (9 апреля 1551 года), Франциска II (15 октября 1559 года), Генриха III (25 января 1584 года), Генриха IV (24 марта 1596 года), Людовика XIII (июнь 1610 года), Людовика XIV (март 1656 года), Людовика XV (19 августа 1723 года). Д'Орфёй отмечает, что эдикты 1614 и 1634 годов абсолютно не имеют ничего общего с этими привилегиями и совершенно не касаются жителей Грё, так как Карл IX отдал Домреми Карлу III, герцогу Лотарингскому, в 1571 году; с тех пор эта деревня входила в состав Лотарингии. В 1767 году, пишет он, деревня снова перешла во французские владения. Его требование: жителям Грё следует возвратить их привилегии.

Но это требование было отклонено.

Х. Жанна д'Арк после Жанны д'Арк

Жители Орлеана всегда будут помнить о том, что Жанна д'Арк сняла осаду с их города. Со второй половины XV века, около 1461 года, "Дневник осады", написанный на основе хроник и свидетельств, выражает желание орлеанцев донести рассказ об этом событии до потомков.

Через сто лет новая версия снятия осады, на этот раз написанная по-латыни, вышла из-под пера Ж.-Л. Микко, директора Орлеанского коллежа. В свою очередь советник Леон Трико публикует в 1583 году по-латыни и по-французски "Факты, описание и суд над Жанной д'Арк, прозванной Орлеанской Девой" (издано у Элуа Живье в Орлеане). Этот труд будет неоднократно переиздаваться на средства эшевенов города.

В XVII веке историки Орлеана уделяют много внимания эпопее Жанны, например Симфорьен Гийом в его "Истории церкви и епархии города и университета Орлеана" (1647).

Историографов Карла VII, Генриха VI Английского или герцога Бургундского также занимает история Жанны. Для одних Дева – орудие Бога или же дьявола; для других появление Жанны – плод фантазии ближайшего окружения короля. После на шумевшей отмены приговора в 1456 году документы процесса переписаны; среди них насчитывается около 30 экземпляров конца XV – середины XVI веков. Например, копия, хранящаяся в фонде королевы Христины Шведской в библиотеке Ватикана, и копия, сделанная для Дианы де Пуатье, так называемая "Рукопись Арманьяка", хранящаяся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне.

Жанна д'Арк также неперемнная героиня многочисленных произведений, посвященных добродетельным женщинам: например, у Алена Бушара в "Зерцале добродетельных женщин" (1546 год), или у Гийома Постеля в "Удивительной истории женщин нового мира" (1553 год), или же в книге Франсуа де Биллома "Неприступная сила чести женского пола".

В 1570 году Жирар дю Айан пишет работу "О состоянии дел Франции", которая является, по мнению историка Пьера Маро, первой национальной историей, опубликованной во Франции. Впрочем, дю Айан придерживается своего собственного мнения, подвергая

сомнению чудодейственный аспект миссии Жанны д'Арк, и повторяет слухи, пришедшие из-за Ла-Манша, по которым Жанна была любовницей либо Дюнуа, либо Бодрикура, либо Потона. Эти утверждения – или скорее инсинуации – вызывают протест Франсуа де Белльфора; в 1570-х годах он старается показать истинное лицо Девы, проанализировать два процесса над ней. Именно тогда, в разгар религиозных войн, Жанна д'Арк впервые становится провозвестником идеи: она – покровительница католиков в борьбе против протестантов.

Говоря о литературной истории XVI века, невозможно не упомянуть могучую фигуру Этьена Паскье, который в "Поисках Франции" (1580 год) берет под защиту Жанну и ставит ей в заслугу спасение Франции. На исходе века она станет очень популярной героиней театральных постановок.

В начале XVII века стало модным считать себя потомком Девы. Жан Ордадь и Шарль дю Лис устанавливают свою генеалогию и почитают своего славного предка. Произведение Ордаля "*Heroinae nobilissimaе Ioannae Darg*" интересно главным образом из-за иллюстраций – в книге помещена гравюра Л. Готье, воспроизводящая иконографическое изображение Жанны-воина. Среди авторов XVII века нужно еще упомянуть Жана-Батиста Массона и его книгу "Незабываемая история жизни Жанны д'Арк, прозванной Орлеанской Девой. Из допросов обвинительного процесса и показаний 112 свидетелей, заслушанных для ее оправдания на основании буллы папы Каликста III от года 1455". Опубликованная в 1610 году, она достаточно "научна" для своего времени. "Друг читатель, – пишет он, – я хочу предупредить тебя: это небольшое произведение не содержит того, что ты можешь найти в других книгах, описывающих то, что сделала Жанна, прозванная Орлеанской Девой". Знаменитый теолог Эдмон Рише, автор "Истории Орлеанской Девы", также использует подлинные документы, но эта книга в течение почти двух веков оставалась в рукописном состоянии. В предисловии автор требует опубликовать документы процесса над Жанной, которому грозит "забвение времени".

В том же XVII веке духовник короля Никола Коссэн и иезуиты Порре и Латрив в своих произведениях ставят Жанну д'Арк в пример придворным дамам. Ле Муан в "Галерее портретов отважных женщин" и Вюлсон де Ла Коломбьер в "Портретах выдающихся людей" показывают ее в выгодном свете. В 1656 году Шаплен создает историю Жанны в форме мифологической эпопеи из 12 песен: "Дева, или Освобожденная Франция". Особый интерес этому произведению придают иллюстрации Клода Виньона, создавшего серию эскизов для обюссонских гобеленов. Личность Жанны д'Арк занимала серьезных людей, а в епархиях Лангра и Орлеана ее считали святой; однако она не оставляла в покое и холодных вольнодумцев, которые выдвигали различные гипотезы о божественном характере ее миссии. В конце эпохи Людовика XIV – великого века – авторы, вероятно уставшие от назиданий Шаплена, уже почти не интересуются Жанной, хотя историческая литература уделяет ей внимание – выходят в свет фундаментальная работа Дени Гоффруа и книга Бодо де Жюлли "История Карла VII" (1697 год).

Век Просвещения дополнил историю Жанны весьма враждебно настроенным произведением Вольтера "Орлеанская Дева". Почти десять лет оно тайно будоражило лучшие умы, пока не вышло в свет в 1762 году его официальное издание. Впоследствии книга переиздавалась более шестидесяти раз, что свидетельствует о ее популярности. Вольтер изображает средние века как коррумпированную, варварскую, невежественную цивилизацию. Другие великие авторы писали о Жанне, не постигая ее натуры; они видели в ней лишь орудие политической игры. Даниэлю Поллюшу с великим трудом удалось возразить этим авторам. Дева, смешанная "философами" с грязью, тем не менее была частой героиней театральных пьес. Не следует, однако, делать вывод, что французы забыли ее: города, например Орлеан, продолжали прославлять ее, а в гравюрах художники изображают ее, окруженную особым почитанием; при Людовике XV она воплощает в себе оппозицию "англичанину". В 1754 году, когда встал вопрос, была ли сожжена Жанна, Гаспар де Тустэн-Ришебур поместил свой ответ в "Лез аффиш де От-Норманди".

Следует назвать имя аббата Никола Лангле Дюфренуа, который вновь ввел в обращение подлинные документы, позаимствовав их – об этом нельзя не сказать – из произведений Рише. Но настоящее знание проблемы показал Клеман де Л'Аверди, опубликовав в 1790 году "Заметки и отрывки рукописей из Королевской библиотеки", где он разбирает оба процесса над Жанной д'Арк. Кишера признает: "Тем не менее ему выпала честь написать первый точный справочник о Деве, первое произведение, достойное современной науки". Л'Аверди умер на эшафоте в 1793 году по приговору революционного трибунала. (Жанна д'Арк явно не устраивала идеологов Революции; в 1793 году праздники в ее честь были запрещены, а статуи переплавлены.)

В 1795 году Жанна д'Арк вновь в чести: англичанин Роберт Саути превратил ее в республиканскую героиню. Но истинный ответ "Деве" Вольтера пришел из Германии в 1801 году вместе с трагедией Шиллера "Орлеанская Дева". В это же время Бонапарт вновь разрешил празднования в честь Жанны д'Арк в Орлеане. "Знаменитая Жанна д'Арк, – возвестил он, – доказала, что французский гений может творить чудеса, когда независимость в опасности".

В начале XIX века предпринимаются попытки понять и объяснить удивительную жизнь Жанны д'Арк. Шоссар, отказываясь видеть в ней человека, действующего по наущению, воспекает ее как патриота. Именно в это время Пьер Каз выдвигает версию, пользующуюся невероятным успехом: Жанна д'Арк – побочная дочь Изабеллы Баварской. После оккупации союзниками Лотарингии в 1815 году одно имя Девы вызывает всплеск энтузиазма. Муниципальный совет Орлеана награждает золотой медалью тех, кто сохранил дом, где она родилась, Людовик XVIII выдает кредиты, необходимые для возведения памятника в Домреми. Со своей стороны Берриа Сен-При и Ле Брэн де Шарметт, будучи последователями Л'Аверди, писавшем в прошлом веке, излагают историю героини, основываясь на документах. Ле Врэн де Шарметт явно политизирует свое произведение. Образ Жанны д'Арк используется приверженцами монархии.

Последователи романтизма с его модой на средние века обращаются к документам, освещающим события прошлого. Так, Петито публикует в 1819 году "Мемуары об Орлеанской Деве", Бюшон в 1827 году издает "Хроники и процессы Орлеанской Девы", а Мишо и Пужула выпускают в свет в 1837 году "Мемуары о Жанне д'Арк и Карле VII". В этих изданиях не всегда точно излагаются факты, но по крайней мере они содержат в приложениях документы, которые до этого были доступны только специалистам или же тем, кто умел расшифровывать рукописи.

Патриотизм XIX века видит в Жанне д'Арк знаменосца, символ, на который отныне притязают все идейные направления и все партии. Казимир Делавинь, один из первых романтиков, пишет в 1819 году два стихотворения "Жизнь Жанны д'Арк" и "Смерть Жанны д'Арк". Оба они имели большой успех. Мишле, опубликовавший в 1833-1844 годах шесть первых томов "Истории Франции", превращает Деву в символ национального духа французского народа: "Она так любила Францию! И Франция, растроганная, сама полюбила себя". То же самое можно сказать и об "Истории Франции" Анри Мартэна (1833-1836). Главы, посвященные эпохе Жанны, имели такой успех, что обоим историкам пришлось их переиздать отдельно. Романтическое движение одобряет заново открытую Жанну, которая вдохновляет народные массы. "Тайная советница Нумы¹¹⁹, привычный гений Сократа служили лишь вдохновением, к которому тянулись всем своим сердцем, а не к богам. Как простая пастушка из деревни, где появлялись феи, слышавшая предания от своей матери и от подружек, могла сомневаться в том, во что соглашались верить Сократ и Платон?" – писал Ламартин, глубоко почитавший ее. Писатели и музыканты прямо или косвенно

119 Нума Помпилий – персонаж из древней римской истории. Второй царь Древнего Рима в период его самой ранней истории, в так называемую эпоху царей. Древние римские цари – полулегендарные личности, деятельности которых приписывается становление многих обычаев, законов и принципов организации римского общества. Традиционные даты правления Нумы – 715-673/672 гг. до н. э. Считается, что он учредил многие культы, создал жреческие коллегии и коллегии ремесленников.

интересовались Жанной. Так, Ференц Лист узнает о ней от своей метрессы Марии д'Агу, которая в 1857 году публикует историческую драму в пяти актах "Жанна д'Арк" под своим обычным псевдонимом Даниэль Штерн.

С установлением Третьей республики тема Жанны развивается по двум очень разным, если не противоположным, направлениям. Если республиканцев вдохновлял ее героический образ, то верующие католики добивались ее канонизации. Сколько авторов, столько и нюансов – как в плане идеала, так и в плане чувств. В произведении Мари-Эдме По "История нашей малютки сестры Жанны д'Арк" уже появляется дух реваншизма; что касается Анри Баллона (1812-1904), то им движет религиозное убеждение ("Жанна д'Арк", 1860 год, 2 тома). Он ничуть не сомневается в том, что откровения Девы исходили от Бога; произведение, переизданное пять раз в период между 1860 и 1882 годами, принесло его автору в 1875 году брeve¹²⁰ папы Пия IX. В 1868 году историк Мариус Сене также публикует свою "Жанну д'Арк", имевшую большой успех. Эта книга выдержала несколько новых переработанных изданий (всего двадцать пять). Со своей стороны чартист Симеон Люс (1833-1892), автор "Жанны д'Арк в Домреми", видит в эпопее Жанны плод исторического детерминизма. Что касается отца Ороля, то он пытается опровергнуть выводы свободомыслящих авторов, и именно "Жанна д'Арк на алтаре" (1885 год) положит начало работам, причисляющим ее к лику святых; другие церковники выпустят немало произведений о ней. Каноники Деву (в 1889 году) и Динан (в 1890 году) попытаются дать ответ оппонентам: "Да, церковь хочет вновь забрать Жанну д'Арк! После того как церковь заключила ее в тюрьму, обвинила, пытала, опорочила, вынесла ей приговор, заживо сожгла, она хочет ее канонизировать" ("Л'Эстафетт", 1 июня 1886 года). Борьба ужесточается, когда в нее вмешиваются политики. Консерваторы и монархисты поддерживают духовенство. Граф де Шамбор и монсеньор Дюпанлу (епископ Орлеана с 1849 по 1878 год) противятся Республиканскому комитету по организации гражданского праздника в честь Жанны д'Арк, один из членов которого, Жозеф Фабр, убежденный "жанноист", требует в 1844 году, чтобы Республика ежегодно отмечала праздник Жанны д'Арк, праздник французского патриотизма.

В то время как республиканец Фабр бьется за учреждение национального праздника в честь Жанны д'Арк, Рим изучает досье, представленное магистром Туше, епископом Орлеанским, для канонизации Жанны. Ее канонизируют в 1920 году, хотя о беатификации¹²¹ было объявлено в 1909 году. В 1908 году, в самый разгар страстей, выходит в свет "Жизнь Жанны д'Арк" Анатоля Франса. "Миряне" с энтузиазмом приветствуют это произведение писателя, ставшего на какое-то время историком. Любопытно отметить, что ему отвечает своей "Девой Франции" шотландец Эндрю Ланг. Объединит французов первая мировая война: возвращению утраченных территорий будет покровительствовать Дева из Лотарингии. В год начала войны выйдет в свет книга католического писателя Леона Блоя "Жанна д'Арк и Германия"...

Следует различать два периода в жанноистской историографии: до и после Жюль Кишера (1814-1882), директора Эколь де Шарт, школы, которая готовит историков и архивистов. Именно Кишера мы обязаны великолепной публикацией в пяти томах (1842-1849) почти *in extenso* документов обвинительного процесса, хроник, писем и счетов, относящихся к эпохе Жанны д'Арк. Этот труд оказал влияние на последующие исследования, и все серьезные ученые опираются на него.

В конце XIX века появляется большое количество памятников Жанне д'Арк; авторами скульптурных изображений Жанны были и Фремье, и Поль Дюбуа, и даже герцогиня д'Юзес (под именем Мануэллы). Каждый город хотел иметь у себя памятник Жанне: в 1875 году на площади Пирамид в Париже была установлена статуя работы Фремье; в 1882 году в Компьене – статуя скульптора Леру. В 1891 году Домреми делает заказ Мерсье. Художники

120 Брeve (лат. *brevis* – краткий) – грамота римского папы с лаконичным изложением распоряжений по второстепенным церковным вопросам.

121 Беатификация – обряд причисления к лику святых.

не остаются в стороне: в каждом салоне выставлена своя Жанна: "Жанна, слушающая свои голоса", "Жанна-мученица", "Жанна в святости", "Муки Жанны", "Жанна в бою", "Жанна на костре"...

Армия в свою очередь делает из Девы свою покровительницу. В 1914 году Морис Баррес, подхватывая инициативу Фабра, выдвигает предложение превратить праздник Жанны д'Арк в национальный праздник. Ход событий ускоряется с окончанием войны. 8 мая 1920 года маршал Фош лично присутствует на празднике Жанны д'Арк в Орлеане; 16 мая в Риме Бенедикт XV причисляет ее к лику святых. 24 июня этого же года по предложению Барреса было решено, что отныне 8 мая "Французская республика будет ежегодно отмечать праздник Жанны д'Арк, праздник патриотизма". В 1921 году Пьер Шампюан переводит для широкого круга читателей документы обвинительного процесса.

С тех пор растет число художественных и музыкальных произведений, скульптур. Историки со своей стороны стараются, исходя из жестких научных требований, лучше осмыслить историю Жанны д'Арк и ее времени.

XI. Жанна д'Арк в театре и в опере

Жанна д'Арк сделала, если можно так сказать, прекрасную театральную карьеру. Впервые она выходит на подмостки в 1435 году в "Мистерии об осаде Орлеана", в которой насчитывается 20 529 стихов. "Мистерия" появилась во время процесса по отмене приговора и, возможно, принадлежит перу Жака Милле. "Мистерия" неоднократно ставилась в Орлеане; в ней более ста действующих лиц. Жанне д'Арк, Богородице, Богу, святому Михаилу, а также святому Эверту и святому Эньяну, покровителям города – всем отведена своя роль.

В конце XVI века иезуит Фронтон де Дюк пишет пьесу "Трагическая история девственности из Домреми" и посвящает ее королеве Луизе Водемонской, супруге Генриха III, прибывшей в Лотарингию на воды Пломбьера лечиться от бесплодия. Была сыграна 7 сентября 1580 года для Карла III Великого, герцога Лотарингского. В 1584 году один из секретарей герцога, Жан Барне, опубликует трагедию, не упомянув имени автора; в 1859 году она будет переиздана в Понт-а-Муссоне.

Между 1592 и 1594 годами Деву увидят в Англии в первой части драмы Шекспира "Генрих VI". Жанна у Шекспира – ведьма и распутница, проклятая своим родным отцом и возведенная на костер англичанами.

Если в XVI веке было написано всего лишь две пьесы о Жанне д'Арк, то в XVII – три, однако их ставят более часто: "Трагедия Жанны д'Арк" Вирея де Гравье идет в Руане в 1600 году, затем в 1603 году в театре Марэ, в 1611 году в резиденции герцога Бургундского; ее текст переиздавали в Руаце и в Труа по крайней мере восемь раз. А ведь речь идет о трагедии в стихах в пяти актах, о произведении, в котором нет ни доли правды, отягощенном длинными монологами, и в котором героиня родом из деревни Эперне. В это же время Жанна появляется рядом с Хлодвигом и Гodefруа де Буйоном в произведениях Никола Кретьена "Пасторальные интермедии" и "Любовницы".

В 1629 году люксембуржец Никола Вернульц пополняет свой сборник трагедий пьесой, на создание которой его вдохновила история Девы, – "Joanna Darcia vulgo puella aurelianensis". Эта пьеса написана в стиле, который сегодня мы сочли бы помпезным. Несколькими годами позже, в 1642 году, в театре Марэ играют "Орлеанскую Деву", трагедию Ла Менардьера (личного врача брата короля Людовика XIII), – в 1655 году его избирают членом Французской академии; на самом деле эта пьеса является переложением александрийским стихом пьесы аббата д'Обиньяка "Орлеанская Дева". Ла Менардьер соблюдает правила трех единств; действие происходит в день смерти Жанны. Любовь, которую Жанна питает к Варвику, превращает его супругу в безжалостную соперницу; в то время как графиня пытается при пособничестве епископа Бове, названного здесь Каншоном, ускорить казнь пленницы, Варвик готовит побег, но Жанна отказывается. Она погибает,

Божий гнев поражает графиню, которая теряет рассудок; Каншон же умирает на сцене, воскликнув:

Ах! меня пронзила невидимая стрела,
Которая причинила моему сердцу чувствительную боль,
У меня нет сил больше сопротивляться,
И я умираю...

Пьеса не имела успеха, но зато вызвала скандал. Мадемуазель де Скюдери, автор "Звездчатого коралла", встала на защиту чести Девы, не оставив без ответа пересуды Андре Риве, кальвинистского пастыря, нашедшего убежище в Лейде; она организовала своего рода литературный турнир, на котором прославляли святую воительницу.

Век Просвещения был наиболее великодушен к памяти Жанны д'Арк, поскольку посвятил ей восемь драматических произведений. В XVII веке "Девственница, Освобожденная Франция" Шаплена была "так сурова по отношению к Жанне, словно вновь провели процесс над ней", писал Кишера. В XVIII веке "Дева" Вольтера вызвала возмущение многих писателей и подхлестнула воображение многих авторов. Это было время, когда Бернарден де Сен-Пьер писал: "Смерть Жанны д'Арк произвела бы еще большее впечатление, если бы гениальный человек решился устранить всю нелепицу об этой достойной и несчастной девушке, в честь которой в Греции возвели бы храмы" ("Исследования человеческой природы").

Жанна д'Арк становится также героиней пантомимы Роньяра де Пленшена "Как проходила знаменитая осада": она противостоит английскому генералу в поединке; раненная стрелой Дева возвращается вскоре с перевязанной рукой и одерживает победу в рукопашной схватке. И в Орлеане пишут и ставят пантомимы, например "Жанна д'Арк, или Орлеанская Дева", пьеса в трех актах, сыгранная 24 июня 1795 года, или мелодрама Планше-Валкура, поставленная в 1786 году. Упомянем также "Доротеею", пантомиму в трех актах. В 1790 году Руссэн пишет пьесу "Жанна д'Арк" для "Комеди Франсез", но была ли эта пьеса когда-либо поставлена? Так или иначе, автор погиб на гильотине.

В Англии Саути в 1795 году прославляет Деву, и в этом же году пантомима "Жанна д'Арк" сыграна на сцене "Ковент-Гарден". В первой редакции дьявол отправляет Деву в ад, но возмущенные крики зрителей заставили актеров заменить дьявола на ангелов, которые похищали героиню, чтобы вознести ее на Небеса; представление сопровождалось музыкой. В это же время ирландец Бёрк поставил в Нью-Йорке спектакль "Женский патриотизм, или Смерть Жанны д'Арк", встреченный зрителем с восторгом.

В 1801 году в Германии Шиллер пишет романтическую трагедию "Орлеанская дева". Шиллер хотел дать ответ Вольтеру: "О Дева... насмешка тебя втоптала в грязь... но не бойся. Есть еще прекрасные души, которых воспламеняет все великое..." Шиллер не заботится об исторической правде и заставляет Жанну влюбиться в английского солдата и покровительствовать любви Агнессы Сорель к королю (Агнессе было семь лет в 1429 году!). Жанна – девственница; непосредственно от всемогущего и воинственного Бога она получает власть над оружием и волшебный шлем при непременном условии никогда не грешить. Этот шлем потеряет свою силу, как только она влюбится! Дальше нет ни процесса, ни костра; Жанна, захваченная в плен, чудом освобождается от цепей и возвращается, чтобы умереть в торжественной обстановке в присутствии короля и всего двора.

Тридцать четыре пьесы о Жанне д'Арк появилось в период с начала XIX века и до 1870-х годов, и сорок восемь – в последнее тридцатилетие века. Многих авторов вдохновил Шиллер. Так, некий Авриль, воспользовавшись идеей Шиллера, написал "Триумф лилий – Жанна д'Арк, или Орлеанская Дева". Эта пьеса была опубликована в Париже в октябре 1814 года; ход событий пьесы весьма оригинален: Жанну возносят на облако после церемонии коронации в Реймсе, и все это происходит в сопровождении хора.

В 1805 году в Орлеане Дюмолар написал трагедию "Смерть Жанны д'Арк",

посвященную жителям этого города. Чтобы спасти Жанну д'Арк, Талбот и герцог Бургундский предлагают ей выйти замуж за англичанина и уехать в Англию, но Изабо Баварская выдает Жанну светскому суду. Драма Картье "Жанна д'Арк" посвящена Марии-Луизе. Пьеса Авриньи "Жанна д'Арк в Руане" впервые поставлена актерами королевской труппы в Париже 4 мая 1819 года. Действие происходит в Руане, и Бедфорд напрасно предлагает Жанне бежать в Англию; Дюнуа хочет сражаться за нее. Герцогиня Бедфорд и Талбот пытаются ее спасти, но не успевают, и Жанну сжигают. Мадемуазель Дюшенуа с большим успехом сыграла роль Жанны в "Комеди Франсез". Пантомиму "Кребийон из мелодрамы", сыгранную в 1813 году, будут неоднократно ставить, в том числе и в Театре де ла Гетэ.

Драма Жюля Барбье, положенная на музыку Гуно в 1873 году, пользовалась большой популярностью: в течение трех месяцев Театр де ла Гетэ был переполнен. Но Оффенбах, жаждущий поскорее увидеть на сцене своего "Орфея в аду", прервал постановку этой драмы. Затем в "Гранд-опера" ставили оперу Мерме, не имевшую успеха. Спустя несколько лет, в 1890 году, пьесу Барбье возобновил Театр де ла Порт-Сен-Мартен; роль Жанны получила Сара Бернар. Зрители видели в этой "нравственной" пьесе произведение, вполне отвечающее их патриотическим устремлениям. Эту пьесу ставили еще несколько раз вплоть до 1906 года.

Пьесы быстро сменяют друг друга, но не отстают и авторы популярных песенок: на каждую серьезную пьесу приходится в этом же году один пародийный спектакль. В ответ на трагедию Суме появляется "Тюльпан для Жанны д'Арк", попури в пяти актах Рикара. 11 июня 1819 года в театре "Водевиль" идет "Процесс Жанны д'Арк, или Литературный суд" Дюпэна д'Артуа, и 4 мая этого же года во Французском театре ставится "Кармуш", являющийся ответом на драму Авриньи. Впрочем, на протяжении всего XIX века культивируется пантомима.

Жанна д'Арк не оставляет равнодушным и простой народ. В 1895 году кюре из лотарингской деревни Месниль-ан-Ксентуа разыгрывает перед своими прихожанами мистерию, с энтузиазмом встреченную курортниками в Контрексевилле и Виттеле. В 1904 году Морис Поттеше, основатель Народного театра Бюссанга, ставит "Страсти Жанны д'Арк". В 1909 году кюре церкви святого Иосифа в Нанси также ставит "Жизнь Жанны д'Арк", сравнимую со страстями Христа. Театр извлекает свою выгоду из ученых публикаций середины XIX века. Так, было решено возобновить старинную "Мистерию об осаде Орлеана", а Эмиль Юд пишет "Новую мистерию осады Орлеана", сыгранную на празднике города в 1894 году.

Во время подготовки беатификации, а затем канонизации интерес драматургов и писателей к героине Домреми усиливается, в 1909 году насчитывается не менее семнадцати пьес. В период между первой и второй мировыми войнами, после канонизации, будут написаны двадцать девять пьес, а начиная с 1945 года – девятнадцать. Некоторые из них, в той или иной степени агиографические и принадлежащие перу церковников, предназначены для обитателей воспитательных домов – юношей и девушек – или же для благотворительных обществ. Но существует также направление, представители которого считают Жанну патриотом, и только патриотом. Для Жозефа Фабра, автора "Освобождения Орлеана" (мистерии в трех действиях), поставленного в Орлеане в Муниципальном театре в 1913 году, она прежде всего символ патриотизма.

Разве можно рассказывать о "театре Жанны", не упомянув о Пеги, родившемся в Орлеане, который в детстве только и слышал что об истории Девы? В 1894 году в возрасте двадцати одного года, порвав с католицизмом, он начинает писать о Жанне исследование, сверяясь с документами, собранными Кишера. Этот период совпадает, впрочем, с его увлечением театром. В 1895 году он едет в Домреми, а по возвращении в Орлеан, остановившись у своей матери, начинает писать драму, состоящую из трех частей. Первая часть, "Домреми", была закончена в июне 1896 года, а вся драма будет завершена в июне 1897 года и появится в этом же году, подписанная псевдонимом Марсель и Пьер Бодуэн. Эта публикация потерпела полный провал. Первое представление "Жанны д'Арк" с участием

Полетт Пакс состоялось лишь в 1924 году в "Комеди Франсез" для инвалидов и писателей-ветеранов.

В течение двенадцати лет после этой публикации Пеги ни разу не упомянет имя Жанны. Однако тайком он возвращается в христианство и остается верным героине. 8 мая 1909 года он принимает участие в шествии, состоявшемся в Орлеане. Именно в это время он переделывает свое произведение и дает ему новое название, "Мистерия Жанны д'Арк" становится "Мистерией предназначения Жанны д'Арк", а затем "Мистерией о милосердии Жанны д'Арк". Первое представление этой мистерии состоялось в "Комеди Орлеан" в постановке Оливье Катяна в ноябре 1965 года.

Жанной д'Арк интересуются драматурги многих стран. Джордж Бернард Шоу, ирландец-либерал, воспекает в "Святой Жанне" героиню, борющуюся против церкви и государства, осознающую свою миссию и обладающую своим собственным мнением. Пьеса была поставлена в Нью-Йорке в 1923 году, затем в 1925 году в Париже.

Другая Жанна д'Арк имела большой успех в Париже, "Жанна на костре", драматическая оратория, написанная Клоделем в соавторстве с Артуром Онеггером по просьбе Иды Рубинштейн; ее ставили на всех больших сценах: Базель (в 1938 году), затем Орлеан и Париж. Везде спектакль встречали с воодушевлением. Замысел Клоделя заключался в том, чтобы показать покорность, крестьянскую простоту и в то же время высокую духовность героини. Наивность и достоверность – вот характеристика этого произведения, сопровождаемого свежей и безмятежной музыкой Онеггера. Одним из достоинств этой оратории является реализм и доступность понимания широких эпических картин. "Saint Joan" Бернарда Шоу повлекла за собой создание других Жанн, которые, по словам госпожи Дюссан, все больше и больше призваны выражать личные переживания своих авторов. В "Жанне с нами" Вермореля (1942 год) подчеркивается "экзистенциалистский" характер миссии Жанны д'Арк впрочем, пьеса была запрещена во время немецкой оккупации. Одиберти ("Дева", 1950 год) и Тьерри Молньер также пишут о Жанне д'Арк. Нельзя не упомянуть Ануя ("Жаворонок", 1953 год), который наделяет Жанну чертами Антигоны.

В последние годы пьеса Пеги и великолепное "Окно" Андре Обея идут с большим успехом как в Париже, так и в провинции. Упомянем также пьесу "Жанна и Тереза" Женеьевы Байлак, которая открыла двери театра многим актерам и с триумфом шла в Компьене и Париже. Театр марионеток отца Брандикура в Нанси ставит с 1955 года "Хронику святой Жанны д'Арк", пользующуюся неизменным успехом у детей и подростков.

Музыкантов также вдохновляла Жанна д'Арк; у Онеггера и Жоливе были предшественники: уже Эмиль Уе в 1894 году собрал более 400 пьес, кантат и симфоний в сборнике "Жанна д'Арк и музыка". Вспомним также музыку Гуно "Жанна д'Арк" (1873 год), написанную для пьесы Барбье. Верди воспел освободительницу в "Giovanna d'Arco" (1845 год); и в 1879 году Чайковский посвятил ей свою первую оперу "Орлеанская Дева". Арии из нее исполняла на праздничных торжествах в Орлеане в 1979 году талантливая певица Вера Кузьмичева.

Хронология

1412 (?)

6 января (?). Домреми. Рождение Жанны. См. Письмо Персеваля де Буленвилье герцогу Миланскому (29 июня 1429 года). Но никто, ни свидетели, ни мать Жанны, не упоминали о празднике Богоявления. Ответ Жанны на обвинительном процессе: "Она ответила, что ей 19 лет или около того".

Январь (?). Крещение Жанны в церкви Домреми. Крестил ее приходский священник мессир Жан Ниве. Множество свидетелей подтвердили это, среди прочих некоторые крестные Жанны и она сама (Tisset. Procès de condamnation, t. II, p. 40).

1424 (?)

Домреми. В саду Жака д'Арка. "Ей было тринадцать лет: и был ей голос Божий, явившийся, чтобы помочь и направить ее. И в первый раз она сильно испугалась. А явился этот голос в полуденный час, летом, в саду ее отца" (Tisset, t. II, p. 46).

1428

Май. Бюре-ле-Пети. Жанна живет у Дюрана Лаксара (Quicherat. Jeanne d'Arc dite la Pucelle. Paris, 1841-1849, t. II, p. 443).

13 мая. Вокулёр. Первая встреча с Робером де Бодрикуром незадолго до праздника Вознесения.

Июль. Нёфшато. Из страха перед наемниками жители покидают Домреми. Жанна и ее семья поселились у женщины по прозвищу Русс (Рыжая), где оставались около двух недель.

(?) Туль. Жанна предстала перед церковным судом города Туля, ее обвиняют в невыполнении обещания выйти замуж. (?)

1429

Январь. Бюре-ле-Пети. Жанна во второй раз останавливается у Дюрана Лаксара. Вокулёр. Вторая встреча с Робером де Бодрикуром.

Февраль. Нанси. Встреча с герцогом Карлом Лотарингским. Возвращение в Вокулёр через Сен-Никола-дю-Пор. Вокулёр. У супругов Руайе.

Суббота, 12 февраля 1429 года. "Поражение селедок"; Жанна возвещает об этом (?) во время своей третьей встречи с Робером де Бодрикуром. Изгнание злых духов кюре Вокулёра мессиром Фурнье. Подготовка отряда, сопровождающего Жанну.

Вторник, 22 февраля. Отъезд из Вокулёра. В конце дня. До Сент-Урбена едут ночью. Жанну сопровождает Жан из Меца, его слуга Жан из Онкура, Бертран де Пуленжи и его слуга Жюльен, Колле де Вьенн, королевский гонец, и Ришар, лучник. "Одиннадцать дней, чтобы приехать к королю" (Dupare P. Proces de nullite de condamnation). Скорее эта дата является датой отъезда, чем приезда (Vachon Maurice M. Pour l'itineraire et les dates de la chevauchee, voir la these de doctoral d'Etat. Universite de Reims, octobre 1985).

Среда, 23 февраля. Сент-Урбен – Клэрво.

Четверг, 24 февраля. Клэрво – Потьер.

Пятница, 25 февраля. Потьер – Оксер.

Суббота, 26 февраля. Оксер – Мезий. В Оксере Жанна прослушала мессу в "большой церкви" (Tisset, t. II, p. 52).

Воскресенье, 27 февраля. Мезий – Виглен. Через Жьен.

Понедельник, 28 февраля. Виглен – Ла-Ферте.

Вторник, 1 марта. Ла-Ферте – Сент-Эньян.

Среда, 2 марта. Сент-Эньян – Сент-Катрин-де-Фьер-буа.

Четверг, 3 марта. Сент-Катрин – Л'Иль-Бушар. Жанна пишет королю из Сент-Катрин с просьбой принять ее (Tisset, t. II, p. 52).

Пятница, 4 марта. Л'Иль-Бушар – Шинон. Жанна приезжает в Шинон к полудню и останавливается на постоялом дворе.

Суббота, 5 марта. Шинон.

Воскресенье, 6 марта. Шинон. После полудня к вечеру король принял Жанну.

Понедельник, 7 марта. Первая встреча с Жаном Алансонским.

Вторник, 8 марта. Шинон.

Четверг, 10 марта. Шинон. Допрос.

Пятница, 11 марта. Пуатье. Допросы проходят в доме метра Жана Рабато, где поселилась Жанна.

Вторник, 22 марта. Пуатье. Жанна направляет ультиматум королю Англии.

Четверг, 24 марта. Отъезд из Шинона.

Суббота, 2 апреля. За мечом в Сент-Катрин-де-Фьербуа направляют гонца.

Вторник, 5 апреля. Жанна покидает Шинон и направляется в Тур. Изготовление доспехов, знамени и флажка на пику.

Четверг, 21 апреля. Отъезд из Тура в Блуа. Здесь Жанна присоединяется к королевской армии, здесь же находится обоз с продовольствием, предназначенный для Орлеана. Изготовление хоругви.

(?) Отъезд в Орлеан.

Пятница, 29 апреля. Жанна высаживается в Шеей и входит вечером в Орлеан через Бургундские ворота; она останавливается у казначея герцога Жака Буше.

Суббота, 30 апреля. Орлеан. Жанна "направилась к Ла-Бель-Круа", на мост и говорила с "Гласидасом" ("Дневник осады Орлеана").

Воскресенье, 1 мая. Орлеан. Бастард покидает Орлеан и направляется за оставшимися отрядами в Блуа (он отсутствует до 4 мая). Жанна разъезжает верхом по городу.

Понедельник, 2 мая. Орлеан. Жанна верхом осматривает английские бастиды.

Вторник, 3 мая. Орлеан. Праздник Обретения честного креста. В городе организовано шествие.

Среда, 4 мая. Орлеан. Жанна направляется навстречу Бастарду. Взята бастида Сен-Лу.

Четверг, 5 мая. Орлеан. Праздник Вознесения. Нет боев. Жанна обращается с предупреждением к англичанам.

Суббота, 7 мая. Орлеан. Взята бастида Турель.

Воскресенье, 8 мая. Орлеан. Англичане снимают осаду. Благодарственные процессии организованы в городе.

Понедельник, 9 мая. Жанна покидает Орлеан.

Пятница, 13 мая. Тур. Встреча Жанны с королем.

13 мая – 24 мая. Жанна направляется в Сен-Флоран-ле-Сомюр; здесь она встречается с Жаном Алансонским, его супругой и матерью.

Воскресенье, 22 мая. Король находится в Лоше.

Вторник, 24 мая. Жанна покидает Лош.

Воскресенье, 29 мая. Сель-ан-Берри.

Понедельник, 6 июня. Сель-ан-Берри. Встреча Жанны с Ги де Лавалем. Отъезд в Роморантен.

Вторник, 7 июня. Роморантен.

Четверг, 9 июня. Орлеан. Перегруппировка армии.

Пятница, 10 июня. Сандинон.

Суббота, 11 июня. Наступление на Жаржо.

Воскресенье, 12 июня. Жаржо. Взятие Жаржо.

Понедельник, 13 июня. Возвращение в Орлеан.

Вторник, 14 июня. Жанна покидает город.

Среда, 15 июня. Наступление при Мён-сюр-Луар.

Четверг, 16 июня. Наступление в Божанси.

Суббота, 18 июня. Сражение при Пате. "Милостивый король одержит сегодня самую большую победу, какую он когда-либо одерживал. И мои голоса сказали мне, что все они будут наши". (Показания Жана Алансонского на процессе по отмене обвинительного приговора.)

Воскресенье, 19 июня. Жанна и капитаны входят в Орлеан.

Среда, 22 июня. Шатонёф-сюр-Луар. Королевский совет.

Четверг, 23 июня. Король возвращается к Жьену. Жанна обращается к герцогу Алансонскому: "Прикажите трубить и садитесь на лошадь. Пора ехать к нашему милостивому дофину Карлу, дабы он отправился в путь на свое миропомазание в Реймс".

Суббота, 25 июня. Жьен. Жанна диктует письма жителям Турнэ и герцогу Бургундскому, приглашая их присутствовать на миропомазании.

Воскресенье, 26 июня. Жьен. Дорога на миропомазание

Понедельник, 27 июня. Жанна покидает Жьен.

Среда, 29 июня. Королевская армия направляется в Оксер.
Понедельник, 4 июля. Бриеннон – Сен-Флорантен – Сен-Фаль. Из Сен-Фалья Жанна пишет жителям Труа.
Вторник, 5 июля. Армия подошла к Труа.
Суббота, 9 июля. Труа. Город Труа соглашается принять короля.
Воскресенье, 10 июля. Труа. Въезд короля и Жанны в город.
Вторник, 12 июля. Труа – Арси-сюр-Обе.
Среда, 13 июля. Арси-сюр-Обе – Леттре.
Четверг, 14 июля. Леттре – Шалон-сюр-Марн. Жанна встречается с жителями Домреми.
Пятница, 15 июля. Шалон-сюр-Марн – Сэт-Со.
Суббота, 16 июля. Сэт-Со – Реймс.
Воскресенье, 17 июля 1429 года. Миропомазание Карла VII в Реймском соборе.
Четверг, 21 июля. Отъезд из Реймса в Корбени. Карл VII излечивает золотушных больных.
Суббота, 23 июля. Суассон.
Среда, 27 июля. Шато-Тьери.
Воскресенье, 31 июля. Письмо Карла VII, дарующее освобождение от налогов жителям Домреми и Грё.
Понедельник, 1 августа. Монмирай.
Суббота, 6 августа. Провэн. Письмо Жанны жителям Реймса.
Воскресенье, 7 августа. Куломмье.
Среда, 10 августа. Ла-Ферте – Милон.
Четверг, 11 августа. Крепи-ан-Валуа.
Пятница, 12 августа. Лани.
Суббота, 13 августа. Данмартен.
Понедельник, 15 августа. Монтепнйуа. Крупные столкновения с англичанами, которые отходят к Парижу.
Среда, 17 августа – суббота, 28 августа. Компьень, приезд короля.
Понедельник, 23 августа. Отъезд Жанны из Компьева.
Четверг, 26 августа. Сен-Дени.
Понедельник, 7 сентября. Сен-Дени. Король приезжает в город.
Вторник, 8 сентября. Наступление на Париж (у ворот Сент-Оноре).
Среда, 9 сентября. Возвращение в Сен-Дени.
Четверг, 10 сентября. Дан приказ прекратить наступление на Париж.
Суббота, 12 сентября. Армия возвращается к Луаре.
С понедельника, 14 сентября, по понедельник, 21 сентября. Провен – Куртенэ-Шаторенар – Монтаржи.
Понедельник, 21 сентября. Жьен. Армия распущена.
Конец сентября. Подготовка к кампании Ла-Шарите.
Октябрь. Отъезд к Сен-Пьер-ле-Мутье.
Среда, 4 ноября. Поражение у Сен-Пьер-ле-Мутье.
Конец ноября. Армия направляется к Ла-Шарите. Армия продвигается вдоль Аллье, затем вдоль Луары. По левому берегу или по правому? Вопрос не решен. Армия переправляется через Луару между Невером и Десизом, продвигается по долине Ньевра, затем поворачивает на запад к Ла-Шарите, чем лишает Перрине Грессара возможности получить помощь, которой он дожидается из Варзи.
Вторник, 24 ноября. По просьбе Шарля д'Альбрэ жители Буржа посылают 1300 эку золотом королевским войскам. Осада началась чуть раньше и длилась месяц.
Суббота, 25 декабря. Жанна возвращается в Жаржо.

1430

Январь. Мён-сюр-Йевр (?). Бурж.

Среда, 17 января. Орлеан.
Февраль. Сюлли-сюр-Луар.
Март. Сюлли-сюр-Луар.
Среда, 29 марта. Лани.
Понедельник, 24 апреля. Мелён. Жанна ждет подкрепления, которое она просила у Карла VII.
Со вторника, 25 апреля, по 6 мая. Крепи-ан-Валуа.
Четверг, 11 мая; пятница, 12 мая. Суассон. Гишар де Бурнель не разрешает войскам пройти через город.
Понедельник, 15 мая, и вторник, 16 мая. Компьень.
Со среды 17-го по пятницу 18 мая. Крепи-ан-Валуа.
С 19-го по 21 мая. Жанна ждет подкрепление.
Понедельник, 22 мая. Возвращение к Компьеню.
Вторник, 23 мая. Жанна д'Арк взята в плен у Компьеня. Филипп Добрый приезжает из Кудэна в Марни, чтобы увидеть Жанну.
Среда, 24 мая. Клэруа.
27 и 28 мая. Больё-лэ-Фонтен.
Понедельник, 10 июля. Отъезд из Больё. Когда у Жанны спросили, долго ли она оставалась в башне Бореуара, она ответила: "Около четырех месяцев".
Четверг, 9 ноября. Аррас.
С 21 ноября по 9 декабря. Ле-Кротуа.
Среда, 20 декабря. Переезд через эстуарий Соммы между Ле-Кротуа и Сен-Валери.
Суббота, 23 декабря. Жанна приезжает в Руан.

1431

Вторник, 9 января. Первый день процесса (расследование). Следствие проведено в Домреми и Вокулёре.
Суббота, 13 января. Чтение сведений, полученных о Деве.
Вторник, 13 февраля. Заседатели, назначенные епископом Бове, дают присягу.
Понедельник, 19 февраля. Помощнику инквизитора направлено письмо.
Вторник, 20 февраля. Помощник инквизитора оспаривает компетенцию суда. Новое письмо епископа Бове.
Среда, 21 февраля. Первое открытое заседание. Жанну привели на судебное заседание.
Четверг, 22 февраля; суббота, 24 февраля; вторник, 27 февраля; четверг, 1 марта; суббота, 3 марта. Судебные заседания.
С воскресенья, 4 марта, по пятницу, 9 марта. Собрания в доме епископа Бове, где Жанна не появляется.
Суббота, 10 марта. Судебное заседание в тюрьме.
Понедельник, 12 марта. Второе заседание в тюрьме.
Вторник, 13 марта. Впервые на процессе появляется помощник инквизитора.
Среда, 14 марта; четверг, 15 марта; суббота, 17 марта. Судебные заседания в тюрьме.
С воскресенья 18-го по четверг 22 марта. Собрания в доме епископа Бове.
Суббота, 24 марта. Жанне зачитывают запись вопросов и ответов.
Понедельник, 26 марта. Собственно процесс.
Вторник, 27 марта; среда, 28 марта; суббота, 31 марта. Жанне зачитывают 70 статей обвинения.
С понедельника 2-го по четверг 5 апреля. Обсуждение дела и составление 12 статей обвинения.
Понедельник, 16 апреля. Болезнь Жанны (она поела карпа, присланного епископом Бове).
Среда, 18 апреля. [Или: Вторник, 17 апреля; в книге – Вторник, 18 апреля. – Прим. ред.] Увещевание, сделанное Жанне в тюрьме.

Среда, 2 мая. Публичное осуждение.

Среда, 9 мая. В башне замка Жанне угрожают пыткой.

Воскресенье, 13 мая. Обед, данный Ричардом Бошаном, графом Варвиком, на который приглашены епископ Бове, епископ Нуайона, Луи Люксембургский, Хэмфри Стэффорд. Затем они посетили Жанну в ее темнице.

Суббота, 19 мая. Обсуждение дела богословами из Парижского университета, докторами и метрами, находящимися в Руане, в архиепископском дворце.

Среда, 23 мая. Замок Буврэй. Изложение пунктов обвинения и увещание Жанны Пьером Морисом, руанским каноником.

Четверг, 24 мая. Проповедь на кладбище Сент-Уэн, за которой последовало "отречение" Жанны. Ее отвели в английскую тюрьму, где она надела женское платье.

Понедельник, 28 мая. Поскольку в тюрьме Жанна вновь надела мужскую одежду, ее обвинили в ереси и вероотступничестве.

Вторник, 29 мая. Обсуждение дела докторами и заседателями.

Среда, 30 мая. Жанна сожжена заживо на площади Старого рынка в Руане.

Иконография Жанны д'Арк

"О Жанна, от тебя не осталось ни гробницы, ни портрета!" Черты Жанны, однако, пытались воспроизвести, и ее первое изображение было сделано через два дня после освобождения Орлеана – а точнее, 10 мая 1429 года – скромным пером нотариуса. (Нотариусы сыграли важную роль в историографии Жанны д'Арк. Что знали бы мы о Жанне, если бы не они?)

Итак, нотариус, а вернее, секретарь суда оставил нам первое изображение Жанны д'Арк (рисунок стал известен и был оценен лишь в наше время, когда обратились к подлинным документам). Нотариуса звали Клеман де Фокемберг: оплачиваемый Парижским парламентом – а значит, герцогом Бедфордом, он изо дня в день записывал в реестр дела, обсуждавшиеся в суде, приговоры верховной власти и упоминал о событиях, то есть вел нечто вроде официального дневника.

В тот день, вторник 10 мая, до Парижа дошла чрезвычайно важная весть: в прошлое воскресенье французы отвоевали "бастиды, удерживаемые Гийомом Гласдейлом и другими английскими солдатами и капитанами" на Орлеанском мосту. Фокемберг добавил, что "с врагами была некая Дева, и только она несла знамя". И поскольку нотариусам не возбраняется предаваться мечтаниям, он продолжил свои размышления, начертив на полях силуэт сей неожиданно появившейся Девы; он нарисовал ее в женском платье и с длинными волосами, ведь он не знал, что у Жанны функциональное отношение к одежде. Не забыл он и о двух деталях, упоминаемых всеми: мече, который она никогда не использовала, чтобы убивать, и знамени.

Известны и более поздние попытки сделать портрет героини. Так, например, шотландец, писавший ее в Реймсе (нотариус, видимо, услышал и записал "Рас", из-за чего первые издатели процесса подумали, что речь идет об Аррасе). На церемонии миропомазания Жанна, любившая красивое одеяние, вероятно, была одета столь роскошно, что архиепископ Реньо де Шартр раздраженно изрекает: "Она возгордилась и облачилась в роскошные одежды". Эта ремарка помогает нам представить себе Жанну: она была не мужеподобной бой-бабой, таким "неудавшимся мальчиком", напротив, женщиной, заботящейся о своем туалете – если обстоятельства позволяли. Когда она скачет на лошади, "ее платье хорошо подогнано и застегнуто", а на церемонии миропомазания ее наряд пышен. Когда Жанну взяли в плен, лучник, которому удалось сбросить ее "плашмя на землю", потянул ее "за накидку из золотого полотна". Дева всегда любила красивые одежды.

Ничего не сохранилось ни от накидки Жанны, ни от ее портрета, сделанного в Реймсе. Судьба Жанны обескураживающе коротка – год активной деятельности, год в тюрьме, затем всепожирающий костер, а то, что осталось от нее, бросили в Сену – этим и объясняется

отсутствие каких-либо принадлежавших ей вещей.

Несомненно, самая старинная миниатюра была выполнена через двадцать лет после смерти Жанны. Это иллюстрация к труду Мартина Лефрана "Поборник дам". И уже Жанна в плену у легенды: она изображена рядом с Юдифью и тетушкой Олоферна, у нее длинные волосы, а под доспехами – длинное женское платье.

Такой же она изображена в "Хронике времен Карла VII" Жана Шартье (XV век) на Королевском совете рядом с теми, кто освобождал королевство в различные периоды Столетней войны: Дюнуа, Ришмоном и братьями Бюро¹²². В манускрипте 4811 (на французском языке), являющемся сокращенным вариантом "Хроники" и хранящемся в Национальной библиотеке, Жанна также предстает перед нами в длинном платье и с длинными волосами. Подобным же образом Дева изображена лет через 50 после своей смерти (1484 год) в "Бдениях короля Карла VII", хронике в стихах, украшенной четырехстами миниатюрами.

Миниатюра, которая, возможно, была написана во времена Жанны д'Арк, достаточно хорошо передает дух легенды, но не отвечает правде Истории. Действительно, она не соответствует тексту, который должна иллюстрировать (манускрипт не удалось идентифицировать). Речь идет о миниатюре, называемой "Жанна со стягом", сохранившейся в архиве Музея истории Франции, даре двух просвещенных любителей истории, докторов Анри и Жанны Бон. Жанна изображена такой, какой ее хотели бы видеть: с ясным взглядом, в доспехах, со знаменем и мечом в руках. Это изображение напоминает Жанну, описанную совсем молодым человеком Ги де Лавалем в письме к матери, где он рассказал, как видел Деву "в полном боевом снаряжении, только голова оставалась непокрытой, а в руках она держала копьё... и кажутся божественными ее поступки, и радостно видеть и слышать ее".

Иконография Жанны д'Арк присутствует и в истории литературы, и в истории театра. Поскольку нет ее прижизненных изображений и не осталось подробных описаний ее внешности, художники дали свободу своему воображению в трех основных традиционных направлениях: Жанна-пастушка, коей являлись святые; Жанна – женщина-солдат в доспехах со знаменем и мечом; и, наконец, Жанна – святая на руанском костре. В основном именно эти три ипостаси находят отражение в различных изображениях Жанны: вдохновленная свыше, воин или мученица. Внутри каждого из этих трех жанров изображение Жанны соответствовало канонам женской красоты той или иной эпохи: на портретах Рубенса у нее пышные формы, а в 20-е годы нашего столетия – стройная мальчишеская фигура.

До самого последнего времени Жанна ничем не должна была "шокировать": хотя она и носила мужское платье, а еще чаще доспехи, на изображениях Жанны доспехи прикрывались платьем; что до прически, то, раз женщина должна была носить длинные волосы, Жанну так и изображали.

В 1502 году в Орлеане на мосту на месте креста был воздвигнут памятник, изображавший коленопреклоненную Деву, стоящую перед Христом; с другой стороны моста находился памятник Карлу VII.

Первый, собственно говоря, портрет, дошедший до нас, – это так называемый портрет эшевенов, заказанный ими в 1557 году для городской ратуши; затем портрет был помещен в отель "Гросло". На нем Жанна – простая горожанка, жена любого богатого купца могла бы позировать для этого портрета и носить подобное платье с прорезями на рукавах; только меч дает нам возможность говорить, что это Жанна д'Арк. Плюмаж – символ победы – подчеркивает двойственность женщины-воина: его всегда носили с мужским костюмом. Так была введена новая мода, и вплоть до XIX века женщин будут изображать с плюмажем. Портрет эшевенов воспринимался как портрет подлинный, именно его скопировал в гравюре Леонар Готье, иллюстрируя в 1606 году труд Леона Трипо "История и правдивое описание

¹²² Речь идет об упоминавшихся ранее братьях Гаспаре и Жане Бюро – специалистах в области военной техники XV в. При Карле VII многое сделали для успешного внедрения артиллерии во французское королевское войско. См. прим. 107.

осады города Орлеана". Этот же портрет дан в труде Ордала. Именно эти две гравюры постоянно воспроизводились в XVII и XVIII веках. Ришельё заказал Филиппу де Шампеню портрет Жанны д'Арк для "Галереи выдающихся людей". Картина пропала, но до нас дошла гравюра, выполненная Виньоном для произведения Вюлсона де Ла Коломбьера: Жанна похожа на крепко сбитую женщину из народа, переодетую в солдата, в длинной юбке и пластроне, сжимающем грудь; меч, который, как кажется, она тащит за собой, никак не улучшает малолестное впечатление от этого портрета. В XVII веке Жанну д'Арк изображают на обюссонских гобеленах, картоны выполнены иллюстратором книги Шаплена Клодом Виньоном. А Рубенсу так понравился нарисованный им самим портрет Девы, что до конца своих дней он хранил его в спальне.

Во второй половине XVIII века появились портреты-гравюры, например гравюра работы Лемира (1774 год), и многочисленные эстампы. Во время Революции традиционный плюмаж превратился во фригийский колпак, а при Наполеоне "Жанна стала удачно найденным символом силы и долголетия Империи". Именно в эту эпоху ее изобразил в Орлеане скульптор Гуа, придав ей черты героини мелодрамы. Во времена Реставрации увлечение Жанной возрастает. Подобно тому как портрет эшевенов служил моделью в предшествующие века, так отныне иконография возьмет за образец статую работы Марии Орлеанской. Мужеподобной женщине отныне противостояла смиренная служанка Господа Бога. "Голова Жанны д'Арк склонена скромно и нежно, Жанна полагается на силу своего меча и своей веры; хотя она и закована в латы, тем не менее ее облик выражает смирение", – заключает Пьер Маро в статье "От оправдания до прославления Жанны д'Арк".

Жанну д'Арк изображали многие художники и скульпторы времен Июльской монархии, чьи произведения выставлялись в парижском Салоне. Появилось большое количество иллюстрированных сочинений, среди которых назовем пользовавшийся успехом труд Александра Гийемина и Баранта о герцогах Бургундских. После войны 1870 года Жанна д'Арк воплощала реваншистский дух: на почтовых открытках и патриотических плакатах изображали Деву-воина, призывающую к восстановлению Франции в ее прежних границах.

Во время двух мировых войн пропаганда также использовала Жанну: она была то ангелом-утешителем, то военачальником, ведущим войска к победе.

В эпоху беатификации и канонизации Жанны появилось огромное количество статуй; каждый город, каждая деревня, каждая церковь стремились иметь свою Жанну д'Арк – одни хотели изображение святой, другие – патриотки. И даже реклама использовала этот образ. Портреты Жанны появились на упаковках сыра, фасоли, кур, пачках кофе.

И в наши дни Дева продолжает волновать сердца художников. Она более не является знаменосцем тех или иных идеологий, и нет более правого дела, которое она защищает. Жанна стала более простой и человеческой, одним словом, истинной. На гравюре Альбера Декариса Жанна д'Арк предстает перед нами молодой, неприукрашенной, погруженной в себя. Руо показывает воина в ореоле Божественной благодати, а Бернар Бюффе изображает женщину-воина во главе своих войск. В период между двумя войнами Максим Реаль дель Сарте сумел лучше, чем кто-либо, показать страдания Жанны-мученицы на костре. А Жорж Матьё в картине "Освобождение Орлеана" не воспроизвел ее лица, но вся ее фигура является воплощением надежды и силы, которые Жанна сумела пробудить в войсках.

Праздники Жанны д'Арк в Орлеане

Когда 8 мая 1429 года англичане сняли осаду и отошли от Орлеана, горожане устроили великолепные торжественные процессии, дабы возблагодарить Бога и святых Эньяна и Эверта, покровителей города. Такое стихийное проявление признательности вылилось впоследствии в шествия, устраиваемые и в наши дни 8 мая. Если исключить периоды войн, вот уже более 555 лет Орлеан остается верным той, которая сумела вернуть ему надежду. Мало-помалу создавался обряд, о чем подробнейшим образом рассказывают расходные книги города. С годами обряд приобретал новые черты, однако в основном все оставалось

неизменным.

В XV и XVI веках с вечера 7 мая звонили колокола, и герольды возвещали по всему городу о предстоящем торжественном шествии. На перекрестках основных улиц и в местах боев воздвигались подмости. Самое грандиозное празднество устроили в 1435 году: именно тогда была поставлена "Мистерия об осаде Орлеана", точно воспроизводившая главные события. В ней участвовал один из соратников Жанны д'Арк, Жиль де Ре, давший средства на постановку.

Расходы на церемонию брал на себя город. В процессии участвовали гражданские и религиозные власти Орлеана, двенадцать городских поверенных несли в руках трехфунтовые восковые свечи, украшенные гербом города. За ними шли каноники собора, духовные лица Орлеана и его окрестностей, певчие, мальчики из церковных хоров церковью Сент-Круа, Сент-Эньяна и Сен-Пьер-Аннон. Сержанты герцога Орлеанского наблюдали за порядком, чтобы во время процессии миряне не смешались с духовными лицами. Во время оправдательного процесса Жанны д'Арк кардинал д'Этутвиль предоставил индульгенцию на год и сто дней всем, кто присоединился к праздничному шествию. Муниципалитет Орлеана обязался также оплатить проповедника, которому надлежало выступать в тот день, звонарей, устанавливал величину даров к мессе и одевал во все новое мальчиков из церковного хора и человека, несшего хоругвь. Вечером на пышном ужине присутствовали проповедник и эшеваны. Хоругвь Жанны д'Арк – а вернее, ее точное воспроизведение – нес юноша. К концу XV века появилось, кроме того, и знамя, которое несли избранные горожане.

Во время религиозных войн празднества прекратились, но сразу же по их окончании возобновились процессии "значительные, благочестивые и торжественные". Порядок церемонии оставался практически неизменным; только лишь отменили пир в городской ратуше по причине "трудных времен".

В XVIII веке среди участников шествия появились два персонажа: в 1725 году мы видим в процессии мальчика, называвшегося Отроком ("Le Puceau" – мужской род от слова "Le Pucelle" – Дева. – Прим. перев.), на нем были одежды эпохи Генриха III: красно-золотистый костюм в соответствии с цветами города, на голове ярко-красная шапочка, украшенная двумя белыми перьями; мальчика выбирали мэр и эшеваны, он являлся обязательным участником всех процессий, устраиваемых до Революции. Также в XVIII веке, в 1771 году, на месте моста Турель был возведен мост Пон-Руайаль и на улице Руайаль открыт новый памятник во славу Жанны д'Арк. В 1792 году памятник был переплавлен в пушку, названную "Жанна д'Арк". В 1786 году к Отроку присоединилась на торжественных церемониях Скрамница (девушка, получившая награду за добродетель – "Розьер". – Прим. перев.). Это была выдумка герцога и герцогини Орлеанских, пожелавших отмечать праздник 8 мая "свадьбой бедной добродетельной девушки, родившейся внутри городских стен; она получала в приданое 1200 ливров, причем половину суммы предоставляли их высочества".

В 1792 году праздник, в котором участвовали Отрок и Скрамница, еще отмечали, но в последующие годы освобождение города больше не праздновалось. И лишь в эпоху Консульства, в 1803 году, праздник был восстановлен. В 1802 году мэр Орлеана Гриньон-Дезормо попросил восстановить памятник в честь Жанны д'Арк. Проект поступил на рассмотрение комиссии, поручившей его исполнение Гуа. Требовалось согласие правительства, написали Бонапарту, который восстановил праздник и ответил: "Прославленная Жанна д'Арк доказала, что нет чуда, которого не совершил бы французский гений, когда его национальная независимость находится под угрозой. Когда французский народ един, он непобедим, но наши соседи, более расчетливые и ловкие, злоупотребляя чистосердечием и доброжелательностью, свойственными нашему характеру, постоянно сеяли среди нас раздор, явившийся причиной бедствий той эпохи и всех несчастий, о которых напоминает история". (Париж, 16 пловиоза, год XI, документ хранится в Центре Жанны д'Арк.)

Епископ Орлеанский со своей стороны также просил о возобновлении религиозных церемоний, что Первый консул полностью одобрил.

В 1817 году мэр Орлеана граф де Рошплат решил восстановить праздник во всем его прежнем великолепии. По этому случаю был снова выбран Отрок, а на улице Круа-де-ла-Пюсель (Крест Девы) на месте бывшего укрепления Турель воздвигнут крест. Во времена правления Луи-Филиппа характер праздника изменился: 8 мая стало Национальным праздником, то есть праздником в основном светским. По местам прославленных воинских подвигов Жанны д'Арк торжественно проносили бюст Девы в сопровождении национальной гвардии, военных и гражданских властей. В 1848 году праздник вновь принял традиционную форму. Традиция передачи знамени мэром города епископу Орлеанскому 7 мая восходит к 1855 году, в этом же году его высокопреосвященство Дюпанлу произнес ставший знаменитым панегирик с просьбой причислить Деву к лику святых, на площади Мартруа был открыт памятник – статуя работы Фуайатье. В 1869 году его высокопреосвященство Дюпанлу публично заявил о своем намерении поставить в Риме вопрос о канонизации Девы.

В 1920 году устанавливается религиозный и национальный праздник Жанны д'Арк, объединивший рвение церкви и государства. Но жители Орлеана за несколько веков до этого единодушного признания заслуг Девы отдавали из года в год дань уважения той, кто освободил их город. С начала XX века празднество проходит по одному и тому же образцу. Заметим, что с 1912 года во время праздника Жанну д'Арк воплощает юная девушка.